

А. В. АНДРЕЕНКОВА

Сравнительные
межстрановые
исследования
в социальных
науках: теория
методология
практика

Институт сравнительных социальных исследований

А.В. АНДРЕЕНКОВА

Сравнительные
межстрановые
исследования
в социальных
науках

**теория
методология
практика**

УДК 303.446

ББК 60.506

A65

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект №14-03-16024*

- A65 Андрееенкова, А. В.
Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика / А. В. Андрееенкова. – Москва : Новый Хронограф, 2014. – 516 с. – ISBN 978-5-94881-285-4.

Книга представляет собой систематическое изложение и анализ методологии сравнительных межстрановых социальных исследований, основанных на опросах населения. Автор книги А.В. Андрееенкова, ведущий методолог сравнительных опросов в стране, руководитель Европейского социального исследования (ESS) в России, предлагает свой взгляд на определение сравнительных межстрановых социальных опросов, классификацию такого рода исследований, их роль, генезис и перспективы. В книге представлен целый ряд новых подходов к вопросам создания инструментов для сравнительных опросов, проблеме перевода анкет и их верификации, построения эквивалентных выборок для разных стран и других ключевых методологических проблем в сравнительных опросах.

Агентство СІР РГБ

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в памяти ЭВМ для частного или публичного использования без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Андрееенкова А.В., 2014

© Издательство «Новый хронограф», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

ЗАЧЕМ СРАВНИВАТЬ СТРАНЫ И КУЛЬТУРЫ?	7
--	---

Часть 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	19
1.1. Сравнение как метод познания, сравнительный метод в науке	19
1.2. Сравнительное социальное исследование на базе опросов – подходы к пониманию и определению	41
1.3. Типология сравнительных социальных исследований на базе опросов	52

Часть 2

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖСТРАНОВЫХ ОПРОСОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК	77
2.1. Этапы развития сравнительных межстрановых опросов	77
2.2. Многострановые сравнительные трендовые исследовательские проекты последних десятилетий	145

2.3. Сравнительные социальные опросы в СССР и в постсоветских странах	166
--	-----

Часть 3

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ОШИБКИ И СМЕЩЕНИЯ	174
---	------------

3.1. Сравнимость как главная задача и главная проблема сравнительных межстрановых опросов	176
3.2. Эквивалентность в сравнительных опросах	180
3.3. Ошибки и смещения в сравнительных межстрановых опросах ...	189

Часть 4

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ИЗМЕРЕНИЯ	192
4.1. Создание инструмента для опроса в разных странах и культурах	192
4.2. Перевод инструмента на разные языки опроса	225
4.3. Тестирование инструмента для использования в опросах в разных странах	271
4.4. Измерение социально-демографических и контекстуальных показателей	276
4.5. Влияние формы вопросов и «стилей ответов» на данные межстрановых опросов	357

Часть 5

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ВЫБОРОК	398
5.1. Определение генеральной совокупности – источник выборки и объект экстраполяции	402

5.2. Построение выборки в сравнительных межстрановых опросах	409
5.3. Реализация выборки, проблемы недостижимости единиц отбора	418
5.4. Оценка качества результата в реализации выборки и ее корректировка	429
<i>Часть 6</i>	
ОРГАНИЗАЦИЯ ОПРОСОВ, ОБРАБОТКА И АРХИВАЦИЯ ДАННЫХ	438
6.1. Метод проведения опросов и организации полевой стадии сравнительного исследования	438
6.2. Обработка, документация и представление данных сравнительных опросов	440
6.3. Этика межстрановых сравнительных опросов	444
6.4. Доступ к данным сравнительных межстрановых опросов. Архивы данных	450
<i>Заключение</i>	452
<i>Библиография</i>	456
<i>Synopsis</i>	503
<i>Contents</i>	505
ОБ АВТОРЕ	510

ВВЕДЕНИЕ

ЗАЧЕМ СРАВНИВАТЬ СТРАНЫ И КУЛЬТУРЫ?

Цели и задачи сравнительных исследований

Мы живем в мире сравнений. Понимание себя через сравнение заложено в самой природе познания. Однако провести сравнения совсем не просто – требуются и знания, и опыт, и информация об объектах сравнения. Сегодня, в эпоху глобализации, информационной и телекоммуникационной революций, возможности для проведения сравнений существенно расширились. Мы видим и слышим о том, как сравнивают страны, социальные группы и отдельных людей с экранов телевизоров и мониторов компьютеров, читаем длинные рейтинги, в которых страны выстраиваются по самым разным параметрам, критериям и основаниям. Но расширение количества сравнений еще не говорит о том, что делать это стало проще. Скорее наоборот, вопрос о возможностях и ограничениях сравнений, их достоверности стоит сегодня острее, чем когда-либо. Если сравнение используется не просто как риторический прием, а как метод научного доказательства, то перед нами открывается сложный мир увлекательных научных находок, но и методологических проблем.

Сегодня страны сравниваются по демографической структуре, экономическим показателям, достижениям в науке, культуре и спорте. Но одними из наиболее важных областей сравнения стран являются характеристики жизни обществ, населяющих эти страны, отдельных социальных групп и индивидов – то есть сравнения социальные. Информацию о социальных аспектах строения

и жизни обществ – социальной структуре, образе жизни, материальном положении людей, системе их ценностей, взглядов и верований, политических установках и участии граждан в политике и управлении – можно получить из разных источников. И одним из наиболее важных источников являются массовые опросы населения. Именно о межстрановых сравнениях на базе опросов и пойдет речь в этой книге.

Сравнительные межстрановые социальные исследования – один из наиболее сложных, но и наиболее увлекательных видов исследований в социальных науках. С их помощью можно решать важнейшие научные и практические задачи – от проверки социологических теорий на универсальность, получения эмпирической базы для создания новых объяснительных моделей и теорий до измерения эффективности государственных и международных социальных программ, изучения общественного мнения в разных странах по актуальным вопросам мировой политики и глобальных проблем. Подобные исследования имеют и большое общественное значение, так как позволяют каждому народу взглянуть на себя со стороны, понять свою схожесть и отличия по сравнению с другими странами и культурами, более глубоко проанализировать и спрогнозировать вектор и скорость своего развития в разных сферах общественной жизни. Кроме того, именно в рамках методологии сравнительных исследований сегодня предлагаются наиболее современные подходы к эмпирической проверке социологических теорий, операционализации понятий и подготовки инструментария для массовых опросов в разных языковых, культурных и политических средах, построению случайных вероятностных выборок.

Сегодня межстрановые социальные исследования – лаборатория для разработки новых методов, практик и стандартов в области проведения массовых опросов, стимул для совершенствования методов сбора информации и их анализа, область, где за последние годы было сделано много достижений, на примере которых мы видим насколько труден путь социального познания и через сколько ошибок нужно пройти, чтобы найти верное направление.

Эта область социальных наук развивается в последние годы столь быстро, что пока системного взгляда на методологию подобных исследований не сформировалось. Задача этой книги состоит в том, чтобы такой системный взгляд предложить. В книге будут рассмотрены ключевые составляющие методологии сравнительных межстрановых опросов: создание инструментария для опросов, в том числе проблемы перевода анкет из одной знаковой системы (языка) в другую; на примере стран бывшего СССР; современные методики оценки качества переводов, пути адаптации инструментария для опроса в разных социо-культурных средах с помощью предварительного тестирования; построение сравнимых выборок населения разных стран, организация самого опроса. Значительная часть идей, высказанных в этой книге, а также методик и подходов, были разработаны в ходе работы над крупнейшим Европейским исследовательским проектом в области сравнительных социальных исследований последнего десятилетия – Европейским Социальным Исследованием, финансовую поддержку которому все эти годы в России оказывал РГНФ. В книге использованы также данные и обобщен опыт, полученный на протяжении многих лет работы ЦЕССИ. Более 25 лет в ходе своих межстрановых опросов в странах бывшего Советского Союза в ЦЕССИ (Институте сравнительных социальных исследований) проводились различные методологические эксперименты по использованию разных языков для опросов, особенностям взаимодействия интервьюеров и респондентов в ходе интервью, работы с разными форматами вопросов, типами числовых и вербальных шкал. Многие из этих экспериментов были разработаны автором этой книги, многие явились продолжением работ и идей Отдела методики Института социологии РАН под руководством В.Г. Андрееенкова – моего отца и учителя, некоторые были частью глобальных международных методических проектов. Несмотря на то, что методология сравнительных опросов развивается в первую очередь как международная отрасль знаний, а не только в рамках национальных научных школ, региональные особенности и региональные исследования

служат важным источником и стимулом для разработки новых подходов и накопления знаний в этой области.

Мне и моим коллегам посчастливилось работать и изучать постсоветские страны – один из наиболее сложных, и вместе с тем наиболее притягательный регион с точки зрения сравнительных исследований. Востребованность социальных сравнений на базе опросов в этом регионе очень высока в связи с глубокими преобразованиями, которые переживает регион в последние два десятилетия. С точки зрения глобальных мировых процессов мы имеем дело с последней на сегодняшний день массовой волной демократизации и реформирования экономики, а также этапом формирования целого ряда новых государств и укрепления наций – период болезненный, но для социальных наук неоценимый. Необходимость искать решения многочисленных методологических трудностей, с которыми приходится сталкиваться, сравнивая страны, различающиеся лингвистически, климатически, экономически, демографически и культурно-исторически, стимулирует нас не только предлагать решения, которые, возможно, найдут применение и в других регионах, но и ставить ряд новых, еще не исследованных в мировой науке, задач. Я надеюсь, что данная работа расширит наши представления и знания о методологии изучения самих себя и своих географических и исторических соседей.

Чем интересны и зачем нужны межстрановые сравнения

Задача сравнения является одной из ключевых в социологии – в любом теоретическом или эмпирическом исследовании сравниваются различные группы людей. Объектом сравнения могут выступать отдельные люди, социальные классы, национальные группы, государства, целые регионы или континенты и т.п. Однако мы будем обсуждать лишь один вид сравнений – межстрановые.

Межстрановые сравнения позволяют не только лучше понять и больше узнать о других странах, но в первую очередь – о самих себе. Эта мысль не раз приходила в го-

лову ученым, философам, поэтам и писателям. Например, ее прекрасно выразил английский писатель и путешественник Р. Киплинг «*Что могут знать об Англии те, кто только Англию и знают?*»¹, а его мнение в этом вопросе можно считать вполне авторитетным. Если же от литературных доказательств и интуитивного понимания, что сравнение – вещь хорошая и полезная, перейти к тому, что может дать сравнительная методология науке, вариантов возникает немало. И моя задача сводится не к тому, чтобы убедить читателя, насколько хороши и важны сравнительные исследования, а понять, какие именно функции они могут выполнить, а также определить ограничения их использования.

Одна из ключевых возможностей, которая возникает благодаря сравнительным межстрановым или межкультурным исследованиям, – это возможность эмпирической проверки социологических теорий, определение их валидности в разных национальных, культурных, исторических условиях и обстоятельствах. В социальных науках таких возможностей не так уж много. Классический метод науки – эксперимент – для проверки социологических теорий практически недоступен. Сравнительная методология позволяет хотя бы частично реализовать элементы экспериментального метода, проверяя выдви-

---

¹ «And what should they know of England who only England know?» Киплинг Р. Стихотворение *Английский флаг*, 1891. На русском языке мы нашли это стихотворение в переводе Е. Витковского «*Поставится ли в вину Презрение к Англии – тем, кто видел ее одну?*». Однако, на наш взгляд, это прекрасный пример того, что перевод текста может и должен отличаться по назначению перевода. Цели, задачи и, соответственно, сам перевод литературный, поэтический отличается от перевода научного или перевода текста для формализованного интервью. Я предлагаю свой перевод, который, на мой взгляд, лучше отражает ту часть идеи поэта, которая созвучна теме этой работы. Поэтому я рискнула включить в книгу эту цитату, которая уже нередко была использована в работах по межстрановым опросам. Непосредственно к проблемам переводов мы обратимся к Главе 4, и увидим, что перевод текста – проблема не только литературная и филологическая, но и одна из наиболее острых для методологии сравнительных опросов.

нутые предположения, гипотезы, теории в разных социокультурных условиях. В таком качестве использовали сравнительный метод классики социологии, например, Э. Дюркгейм в своем анализе причин уровня самоубийств в разных странах, А. де Токвилль в работе «Демократия в Америке», где анализ развития политической системы США проводится на фоне сравнения с другими политическими системами – Францией и Англией. Сравнительные методы позволяют определить универсальность теорий и выводов, их масштаб. Проверять теорию на все новых странах и культурах, можно увидеть, является ли теория верной для всех известных или исследованных обществ, только для определенных типов обществ или только для отдельных стран или групп. А с точки зрения эмпирической социологии поиск обобщений сравнительных данных, проверка валидности выдвигаемых гипотез могут стать основной для выдвижения и развития новых социологических теорий².

В широком смысле сравнительные межстрановые и межкультурные исследования как на базе массовых опросов, так и на основе данных, собранных другими социологическими методами, являются инструментом для изучения макросоциальных процессов. Один из основателей сравнительной методологии в социальных науках Стейн Роккан считал, что такие ключевые для социологии и пока нерешенные вопросы, как причины и темпы индустриальных революций или развития демократии, лучше всего изучать именно с помощью сравнительных исследований³.

² *Kohn, M.L. (1989). Cross-national research as an analytic strategy. In M.L. Kohn (ed.), Cross-national research in sociology. Newbury Park, CA: Sage.*

³ Прекрасной лабораторией для таких исследований С. Роккан считал Европу – регион с развитой исследовательской инфраструктурой и достаточно гетерогенный по самым разным основаниям – уровню экономического развития, типам экономической системы, национальным, культурным и религиозным – что является необходимым условием для проверки различных гипотез (*Rokkan S. 1964. Introduction. The Use of Sample Surveys in Comparative Research'. International Social Science Journal, No.1*). История сравнительных межстрановых

Кроме научных, академических функций, сравнительные межстрановые исследования могут выполнять и целый ряд прикладных социально значимых задач. С помощью данных таких исследований политические деятели, государственные органы власти, международные группы могут проверять эффективность различных программ, решений, крупных социальных проектов на опыте других стран и выбирать наиболее эффективные из них, а также получать представление о трудностях и барьерах на пути их внедрения. А для международной политики надежные сравнительные данные о населении разных стран – общественном мнении по разным ключевым вопросам, ценностях и моделях поведения – являются не только полезным дополнением, но жизненно необходимы для принятия стратегических решений.

Данные сравнительных опросов о разных странах дают возможность широкой общественности понять природу различий между странами и влияние таких различий на экономические, социальные, культурные и структурные особенности развития этих стран. Распространение данных сравнительных исследований на базе опросов способствует лучшему пониманию между народами и культурами, выработке более реалистичных взглядов на свою страну и свое развитие.

Политикам межстрановые сравнения на основе опросов нужны для того, чтобы лучше понимать и управлять ситуацией в своей собственной стране. Бизнес постоянно сравнивает рынки разных стран, ищет пути расширения. Сегодня потребность в точных и надежных сравнениях становится частью политической и экономической

опросов показала, что он был в этом совершенно прав. Значительное количество самых известных и широко используемых в социальных науках межстрановых сравнительных опросов были проведены и проводятся до сих пор в Европе. Россия и ряд стран бывшего Советского Союза также входят в разные сравнительные межстрановые исследовательские проекты. Участие этих стран обогащает европейские сравнительные опросы (среди которых, в частности, Всемирное Исследование Ценностей и Европейское Социальное Исследование), привносит еще большее разнообразие в содержание изучаемых процессов и в многообразие научных подходов, традиций и школ.

реальности, и это увеличивает требования к методологии сравнительных исследований на базе массовых опросов.

В последние десятилетия количество сравнительной социологической информации постоянно растет. Важность прямых международных сравнений и необходимость централизованных международных усилий для получения информации, которая может быть использована для сравнений, все больше и больше осознается как академическим сообществом, так и государственными службами. Развиваются две методологические и организационные линии межстрановых сравнений социальной информации. С одной стороны, идет постоянный процесс гармонизации и стандартизации информации, полученной государственными статистическими службами, другими национальными государственными институтами (министерствами, ведомствами), а также международными организациями (например, в рамках Всемирной Организации Здравоохранения – ВОЗ, Всемирного Банка, Европейского Банка Реконструкции и Развития – ЕБРД). Активно развиваются такие отрасли знания как сравнительная статистика, сравнительная демография. С другой стороны, увеличивается количество сравнительных межстрановых исследований, проводимых разными опросными организациями и научно-исследовательскими институтами. В таких исследованиях предметом изучения являются не объективные, а субъективные показатели – мнения, взгляды, установки, ценности людей, их социальные связи, включенность в социальную жизнь и взаимоотношения с разными общественными институтами. Такую информацию можно получить либо на основе отдельных сравнительных опросов, либо на основе специальных сравнительных многолетних трендовых исследований.

Для постсоветского региона сравнительные межстрановые исследования имеют особое значение. После распада СССР ранее односторонние проекты и исследования естественным путем стали межстрановыми. Причин увеличения значимости сравнительных социальных исследовательских проектов несколько. Среди них:

1) общий недостаток информации о социальной сфере жизни обществ этого региона, информации о состоянии общественного мнения, установок, ценностей, социальных взаимосвязей;

2) начало сравнительных исследований методом опросов совпало в постсоветских странах со временем общего интенсивного развития и внедрения методологии массовых опросов и ее применения на практике. Сравнительные исследования стали не просто новым этапом в развитии методологии опросов, а ее естественной составляющей.

3) Так как развитие массовых опросов произошло в постсоветских странах значительно позже, чем в западных обществах, на ранних этапах большую роль в обогащении и ускорении развития этой отрасли знания в нашем регионе играл опыт зарубежных стран, зарубежные теории и методики. А в связи с этим исследователи в постсоветских странах смогли получить неоценимый опыт в работе с заимствованными вопросами и решении проблем перевода и культурной адаптации инструментов для опросов. В постсоветском регионе был накоплен большой объем знаний об относительно новой для западной методологии теме учета межкультурных различий при создании и адаптации инструментов для опросов.

4) Долгое время республики СССР воспринимались и исследовались как единое пространство в рамках одной единицы анализа – СССР. Однако после разделения СССР на отдельные государства и выбора каждой страной своего независимого пути, задача сравнения этих разных частей бывшей единой страны стала очень актуальной. В данном случае геополитика явилась стимулирующим фактором для развития новой отрасли знания. Расширились также возможности для межстранового анализа – вместо одной страны возникли пятнадцать.

До сих пор, несмотря на довольно большое количество собранных данных, надежной информации, которая мог-

ла бы послужить эмпирической основой для выводов о социальном прогрессе и социальных достижениях каждой из 15 постсоветских стран, сохранившихся или приобретенных сходств и различий между этими странами по разным социальным параметрам совсем немного.

Довольно велика роль сравнительных социальных исследований в постсоветском регионе для практической политики и социальной инженерии. Разные страны пробуют, и в этом смысле тестируют, разные пути решения возникающих проблем, разные пути развития. Анализ успехов и неудач в реализации этих путей дает остальным странам возможность избежать ошибок и проблем, на которые натолкнулись другие.

Есть и еще одна, общечеловеческая точка зрения, с которой можно посмотреть на сравнительные социальные исследования в нашем регионе. Когда находишься внутри изучаемой системы, каждый день шаг за шагом переживаешь и проходишь путь своего народа, являешься частью общества, социальные процессы в своей стране, будь ты писатель, политик или исследователь, раскрываются в своей уникальности. Каждая конкретная социальная ситуация столь многофакторна и многоаспектна, обусловлена стольким количеством ситуативных и ситуационных факторов, что кажется невозможным судить о ней без глубокого анализа этой конкретной ситуации. Однако сравнения с другими странами, которые также находятся в уникальной и многофакторной ситуации, дают возможность посмотреть на свое общество шире и увидеть то общее, что связывает нас с другими странами, народами, людьми. И зачастую оказывается, что общего гораздо больше, чем можно было предположить. Во многом именно это и дает возможность существовать социологии как науки о закономерностях явлений и событий в жизни больших социальных групп.

Хотя сравнительные межстрановые опросы на пространстве бывшего СССР очень актуальны, количество таких проектов в силу многих причин пока не очень велико. Но, несмотря на относительно небольшое их количество, собранная информация в рамках таких проектов стала неоценимым источником знаний о социальных

процессах в регионе, дала возможность ученым из этих стран сказать свое слово в международной науке. Восполнить пробелы и стимулировать дальнейший интерес ученых и широкой общественности к вопросам межстрановой социальной информации, я надеюсь, поможет и эта книга.

Эта книга появилась только потому, что мне посчастливилось работать в уникальном коллективе ЦЕССИ. Многие в этой книге основано на опыте, который мы приобрели вместе, более 25 лет работая над сравнительными и односторонними исследованиями в разных частях огромного постсоветского мира, на анализе наших находок, достижений и неудач. Значительная часть статистического анализа, работы с данными опросов, о которых говорится в книге, была сделана моими коллегами по ЦЕССИ Е.С. Поздняковой, М.А. Стуловой и А.А. Медведевой. Главы о создании инструментов для опроса и переводов – во многом рассказ о нашей совместной многолетней работе с А.В. Федотовым. Реализация уникальных исследовательских проектов, выполненных в самых разных условиях, требующих креативности, профессионализма и недюжинной интеллектуальной и физической смелости, стала возможной благодаря И.А. Чуслевой, О.Р. Каретниковой, Б.В. Ваниян, А.Е. Бронниковой и Е.В. Обиух. Часть примеров, использованных в книге, взяты из работы над крупнейшим в Европе сравнительным проектом последнего десятилетия – Европейским Социальным Исследованием (ESS). Этот проект создали выдающиеся ученые, мои учителя и коллеги, Роджер Джоуэл, Виллем Сарис, Жанет Харкнес, Питер Молер, Питер Линн, Жак Билье. С некоторыми из них меня связывают долгие годы совместной работы, с другими я впервые встретилась, только работая над ESS. У них я смогла почерпнуть не только профессиональные знания в области сравнительных опросов, но и увидеть, как человеческая и научная толерантность, умение слушать, понимать и постоянно учиться позволили объединить ученых из разных культур, научных школ и дисциплин, с разными традициями, убеждениями и предрассудками, для выполнения одной задачи. Я горжусь тем, что российские ученые такого вы-

сокого уровня как Н.И. Лапин, В.С. Магун, Л.А. Беляева, Л.М. Дробижева включились в эту работу и стали частью команды ESS в России. Их научная любознательность, решительность и бескорыстие помогли России не только присоединиться к ESS, но стать полноправным членом этого научного коллектива, занять в нем очень значимое место. Я заранее прошу прощения у тех, кто не назван в этой книге, это не значит, что я не ценю или не помню их вклада. Путь, который был пройден, чтобы появилась эта книга, оказался намного дольше и труднее, чем представлялось мне вначале. И если бы не возможность опереться на знания и опыт российской социологической школы Института социологии РАН, бывшего Института социологических исследований АН СССР, с которой меня связывают личные и профессиональные отношения, он мог вообще не иметь окончания. Этот путь был начат не мной. Он начался с работы в Институте социологии моих родителей, российских социологов В.Г. Андреенкова и Н.В. Андреенковой. Они создали и многие годы вдохновляли на работу весь коллектив ЦЕССИ. Они создали и меня – и как человека, и как исследователя. На обложке этой книги стоит мое имя, но их имена по праву должны были бы занять ее верхние строчки.

ЧАСТЬ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Сравнение как метод познания, сравнительный метод в науке

Сравнение как способ познания действительности присущ и научному, и обыденному мышлению. Это один из базовых способов, которым человек познает мир. Как познавательная логическая операция сравнение состоит в сопоставлении разных свойств – сходств, отличий, преимуществ и недостатков – двух или более объектов, их уподобление друг другу. Мы сравниваем разные объекты в своей повседневной жизни, чтобы понять и оценить их характеристики и качества. Например, чтобы определить дорого или дешево продают яблоки, мы сравниваем цены либо с соседними магазинами, либо с ценами прошлого года, либо со своим представлением о том, сколько в среднем стоят яблоки. Что как не сравнение помогает поэтам и писателям лишь несколькими штрихами раскрыть перед читателем свойства или характеристики описываемого объекта, создать его образ, раскрыть авторское отношение к нему. Ведь корнями эта фигура речи уходит в фольклор – народную поэзию, пословицы и поговорки («Мой дом – моя крепость»). Сравнение как художественный прием мы находим и в гекзаметрах Гомера, и в классической русской поэзии XIX века, и в литературных шедеврах «серебряного века». В любых языках и эпохах этот литературный троп остается одной из основ литературной выразительности и поэтического осмысления мира.

*Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе*

(В. Брюсов)⁴

В литературе и в бытовой речи сравнить или уподобить – значит найти среди всего многообразия объектов и процессов тот, что обладает единством с описываемым объектом в отношении какого-либо критерия, и через это сравнение прояснить и проиллюстрировать новое или нераскрытое ранее свойство объекта. Такое сравнение асимметрично. Его главная цель – раскрыть свойство описываемого объекта или явления, второй объект сравнения при этом является лишь вспомогательным. Такой подход характерен не только для литературы и каждодневной практики, но и для науки, хотя в науке применяются для сравнения более формализованные нормы и требования.

И в жизни, и в науке сравнение является одним из базовых способов узнавания, понимания объекта, выявления его новых свойств. Это способ удивиться и задать вопрос, поиск ответа на который может служить началом научного анализа. Таким образом, сравнение – часто отправная точка научного анализа. Наблюдение, что один объект отличается от другого, дает импульс становлению целой науки. Например, наблюдение, что *«другим народом управляют не так как нами»*, стало отправной точкой сравнительного изучения политических систем – одного из ключевых направлений современной политологии⁵.

⁴ В. Брюсов «Сонет к форме», Собрание сочинений в семи томах, том 1, М: Художественная литература, 1973.

⁵ М. Харроп и С. Брислин в своем сравнительном анализе систем политического управления утверждают, что «политическая наука берет свое начало с того момента, когда наблюдатель замечает, что другим народом управляют не так, как нами» (*Harrop M., Breslin S. Comparative Government and Politics: An Introduction, 4th ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press, 1998.*)

Когда сравнение приобретает систематический целенаправленный характер и подчиняется логическим законам анализа, включая обоснованный выбор объектов сравнения, предварительное определение критериев сравнения, систематический сбор информации для оценки этих критериев, анализ и выводы о сходствах, отличиях и следствиях таких сходств-отличий, – оно становится способом научного познания.

Сравнение как научный подход использовался учеными, начиная с самых ранних этапов развития науки. Им пользовался Аристотель, предлагая классификацию форм правления на основе сравнения Конституций разных политических систем Средиземноморья. Ш. Монтескье в XVIII веке сравнивал государства прошлого и настоящего и на основе этих данных выдвинул концепцию разделения властей. Сравнения лежат в основе исследований таких социальных мыслителей как А. де Токвиль и М. Вебер в XIX веке, Б. Моор, Г. Алмонд и С. Верба в XX веке. Уже в эпоху Просвещения общий сравнительный подход стал приобретать формальные программные черты, а впоследствии выделился в самостоятельный научный метод.

Сначала сравнительный метод стал использоваться в естественных науках как формализованный способ сбора эмпирической информации, систематизации наблюдений и основы для аналитических выводов. В этом качестве он успешно применялся в ботанике, геологии, химии, палеонтологии, анатомии, морфологии и др., и послужил важным этапом в становлении естественных наук. Результатом использования сравнительного метода явились теории о генезисе, причинных связях между сравниваемыми явлениями и процессами, создание типологий и классификаций. Сравнительный метод выступал и как эмпирический метод сбора научных материалов, и как аналитический метод разработки выводов на основе сравнений.

Прекрасным примером тому может служить исследование английского натуралиста и антрополога Эдварда Тайсона «Орангутан, или Homo silvestris, или анатомия пигмея в сравнении с анатомией обезьян и че-

ловека» (1699 г.)⁶. При подготовке этой работы Э. Тайсон скрупулезно изучил и сравнил около 100 признаков человекообразной обезьяны (шимпанзе – он называл ее «пигмеем» или орангутаном – как прямой перевод с малайского «человек леса») – от размера мозга до направления роста шерсти на разных частях тела. Он также сделал зарисовки различных анатомических частей «пигмея» так, чтобы сравнить со строением человека. Систематическое сравнительное исследование Тайсона привело его к выводу, что «пигмей» похож на человека (он нашел 48 сходных признаков), но там, где он от человека отличается, то похож на обезьяну больше, чем на любое другое животное. Впервые с полным научным обоснованием ученый показал анатомическую связь обезьяны и человека, сделал вывод о промежуточном положении человекообразной обезьяны между человеком и остальным животным миром, определил их как звенья одной «цепи» (выражение самого Тайсона). Сегодня Э. Тайсона называют основателем сравнительной анатомии. Его сравнительное исследование использовалось Т. Гэсли и Ч. Дарвиным в построении эволюционной теории происхождения человека.

Применение сравнительного метода дало очень продуктивные результаты и привело к развитию многих новых отраслей знания, например, сравнительной анатомии и сравнительной палеонтологии (работы Жоржа Кювье). Д.И. Менделеев применил сравнительный метод в теоретической неорганической химии («чтобы все объять, нужен метод сравнительный»⁷). А. Гумбольдт развивал принципы сравнительного метода и его применение как формальной схемы сравнения в климатологии и географии. Вместо словесного описания пространств, он на основе эмпирических сравнений поперечных разрезов Анд и Мексиканского нагорья обосновал идею вертикальных

⁶ E. Tyson. Orang-Outang, sive Homo Sylvestris or, the Anatomy of a Pygmie Compared with that of a Monkey, an Ape, and a Man. Об этом более подробно можно прочитать в книге Фридман Э.П. Приматы. М.: Наука, 1979.

⁷ Д.И. Менделеев, запись в Дневнике ученого, сделанная после открытия периодического закона (начало 1871 г.).

климатических зон и предложил объяснение зональности растительной жизни. И это только часть возможных примеров успешного применения сравнительного метода.

В социальных науках сравнительный метод начал активно использоваться в XIX веке. Основатель современной социологии Огюст Конт выделил три основных метода для изучения и систематизации фактов социальной жизни в социологии (он называл ее также «социальной физикой») – наблюдение, эксперимент, сравнение и исторический анализ. Основным методом социологии Конт считал наблюдение, которое должно направляться теорией, чтобы не получить просто коллекцию случайных, не связанных между собой фактов. Под экспериментом Конт понимал изучение изменений, которые происходят в социальных объектах в специально созданных для эксперимента условиях. Сравнительный метод по Конту заключается в сопоставлении обычаев, нравов и образа жизни разных народов, живущих в один и тот же исторический период, а также различных групп внутри одного общества⁸. По мнению Конта, продуктивным также может быть сравнение не только народов друг с другом, но и сравнение человеческих обществ с обществами животных. Предвидел О. Конт сложности и ограничения с использованием сравнительного метода в социологии – с его помощью трудно выделить этапы, последовательность, направление развития общественных явлений и процессов, так как все они рассматриваются как сосуществующие в одно время. Именно поэтому он призывал пользоваться сравнительным методом только в пределах определенной теории развития человеческого общества. В некоторых случаях проблема решается с помощью использования особого вида сравнительного метода – исторического анализа как сравнения этапов развития человечества, когда социальные явления изучаются в их временной последовательности. Таким образом, сравнительный метод, по мнению О. Конта, может применяться для выявления закономерностей социальной динамики и построении общих законов общественного развития.

⁸ История социологии в Западной Европе и США, под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма, 2001.

В XIX и значительную часть XX века сравнительный метод выступал в форме сравнительно-исторического, сравнительно-генетического, а затем сравнительно-типологического метода. Гипотезы и теории о закономерностях культурной и социальной жизни народов строились на основе анализа сходств между ними. Такие сходства могли возникнуть либо в результате заимствования тех или иных продуктов культурного и социального творчества одних народов у других, либо явиться следствием общности происхождения, либо – общности социальных законов, когда сходные условия жизни порождают сходные модели поведения, типы взаимоотношений. Исходным пунктом таких исследований служило восстановление и сравнение древнейших элементов, общих для различных областей материальной культуры и знания (В. Гумбольдт, О. Конт).

Большие достижения с использованием сравнительно-генетического метода были сделаны в области сравнительно-исторического языкознания (Я. Гримм, А. Потт, А. Шлейхер, Ф. де Соссюр, И.А. Бодуэн де Куртене, А. Веселовский, А. Востоков, Ф. Фортунатов и др.). На базе использования сравнительно-исторического метода выделились в самостоятельные дисциплины целый ряд социальных наук – сравнительное языкознание, сравнительное религиоведение, сравнительное правоведение, а также сравнительная политология и сравнительная социология⁹. Однако кроме эйфории от успехов применения сравнительно-исторического метода стали видны и

⁹ *Ананьин О.И., Гайдар Е.Т.* Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов. М.: ВНИИСИ, 1984, № 15; *Малько А.В., Саломатин А.Ю.* Сравнительное правоведение. М., 2010; *Ковалевский М.М.* Исторически-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории русского права. М.: 1880; *Meiє A.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М.: 1954; *Якобсон Р.О.* Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике, вып. III. М.: 1963; *Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976; *Артановский С.Н.* О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии // Методологические вопросы общественных наук. Л.: 1963.

его ограничения. Отнюдь не всегда удавалось привести доказательства того, что даже внешне сходные объекты имели общее происхождение или подчинялись общим законам развития. Нередко путь от описания сходств до раскрытия причинно-следственных механизмов оказывался гораздо более далеким и не столь прямолинейным, как казалось вначале¹⁰. Макс Вебер в его анализе мировых религий начал использовать сравнительно-типологический метод.

Использование сравнительно-исторического и сравнительно-типологического методов привело к дальнейшему развитию методологии сравнительного метода в социальных науках в целом. Сравнительный метод стал пониматься не только как общенаучный методологический подход, но и как конкретный вид социального исследования – исследование сравнительное. Под такими исследованиями стали понимать изучение больших социальных объектов или макропроцессов по отношению друг к другу.

Сосуществование двух определений и подходов к сравнению и сравнительному методу в социальных науках – широкого (как общенаучного аналитического подхода) и узкого (сравнительного исследования больших социальных объектов) было и остается причиной многих споров и взаимного непонимания среди ученых, особенно социологов. Если рассматривать сравнительное исследование как общенаучный метод, практически любое исследование в области социальных наук хотя бы отчасти является сравнительным – в нем неизбежно сравниваются люди, социальные группы или социальные процессы. И, на мой взгляд, именно в этом смысле Э. Дюркгейм утверждал, что *«сравнительная социология не является особой отраслью социологии – это*

---

¹⁰ *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании, М.: 1954; *Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.* М.: 1956; *Климов Г.А.* Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л.: 1971; *Макаев Э.А.* Общая теория сравнительного языкознания. М.: 1977; *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. М.: 1980.

сама социология»¹¹. В XX веке эту линию рассуждений продолжил Нил Смелсер – «все научные методы в социологии являются сравнительными»¹². В качестве общенаучного метода сравнение, бесспорно, есть сущность социологического исследования, а сравнительный подход – самый естественный и по природе своей присущий социологии. Многие знания об общих принципах и законах социальной жизни были получены на основе изучения сходств, а также различий и отклонений, которые нужно было объяснить¹³. В последние сто лет сравнительный метод столь часто использовался в социальных науках, стал столь тесно ассоциироваться с методами социальных наук, что многие стали считать его единственным методом изучения социальных явлений. В широком смысле любое социальное исследование можно назвать сравнительным – «с того времени, как социология начала выделяться как самостоятельная дисциплина, она была посвящена сравнительному изучению обществ, культур и институтов»¹⁴. Немаловажен и тот факт, что долгое время социология наряду с социальной философией оставалась наукой теоретической – макросоциологией. В качестве основного ее объекта выступали макросоциальные процессы и явления, а ее представители лелеяли честолюбивую надежду открыть законы и нарисовать единую картину эволюции человеческого общества. Классики социологии XIX века К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, В. Парето занимались в первую очередь исследованиями макросоциальных процессов и очень широко пользовались сравнительным методом в разных его формах.

¹¹ *Durkheim E.* The Division of Labor in Society. II.: The Free Press. Original publication of 1891, книга 1, глава 2, стр. 39.

¹² *Smelser N.* Comparative methods in the social sciences. Princeton, NJ: Prentice-Hall, 1976.

¹³ Об этом писал в 1843 Дж.С. Миль – один из ведущих авторитетов в области методологии научных исследований.

¹⁴ *Merton R.* Предисловие к книге Роберта Марша «Сравнительная социология» (*Marsh R.M.* Comparative Sociology. A codification for cross-societal analysis. New York: Narcourt, Brace and World, 1967).

Однако на новом этапе развития социальных наук – переходом от этапа теоретического к эмпирическому – возник и новый взгляд на сравнительный метод как особый вид эмпирических исследований. Место сравнительных исследований в эмпирических социальных науках пока до конца не определено. Если в естественных науках на смену периоду накопления знаний методом формализованных наблюдений и их систематизации с применением сравнительного метода, пришел и стал доминирующим эксперимент, то в социальных науках такой переход проходил не только гораздо медленней (отчасти он не произошел до сих пор), но и с другим результатом. В социальных науках в эмпирическом плане сравнение служит промежуточным звеном между наблюдением и экспериментом. Его также можно считать видом естественного в противоположность искусственному эксперименту. Сравнительный метод в его современном понимании – аналог экспериментального метода. По словам Э. Дюркгейма, *«когда... создание фактов от нас не зависит, и мы можем сравнивать лишь факты, возникшие самопроизвольно, тогда употребляемый метод является косвенно экспериментальным или сравнительным»*¹⁵. Такое место сравнительных исследований в социальных науках определяет и большое количество методологических требований, которые к нему предъявляют. Методологические основы социальных сравнительных исследований мы и обсудим более подробно в дальнейшем.

*Все ли и всегда возможно сравнивать?
Ограничения сравнительного метода*

Для начала нам нужно ответить на ключевой вопрос в методологии сравнительных исследований – все ли и всегда возможно сравнивать? Что поддается, а что не поддается научному сравнению, то есть что может служить **предметом** сравнительного исследования.

¹⁵ Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

В отличие от сравнения как художественного приема, где сравнению подлежат любые объекты даже отдаленно напоминающие друг друга, объекты с разными свойствами и зачастую из разных областей природного и духовного мира (так Н.С. Гумилев, например, сравнивает жирафа с кораблем и с птицей «*вдали он подобен цветным парусам корабля//И бег его плавлен, как радостный птичий полёт*»¹⁶), в научном сравнительном исследовании требований к объектам и предмету сравнения гораздо больше.

Обвинения в «несравнимости» – одно из наиболее распространенных в отношении сравнительных исследований. Это один из наиболее важных контр-аргументов в отношении любых выводов и доказательств на основе данных сравнительных исследований.

Так все ли возможно сравнивать? Сравнивать можно все. Сравнимость не является неотъемлемой характеристикой каких-либо объектов – пар или комбинаций. Сравнимость возникает (или не возникает) в тот момент, когда определяется **цель сравнения**, и, как следствие, параметры сравнения. Можно сравнить ворона и письменный стол?¹⁷ Можно, необходимо только определить,

¹⁶ Н.С. Гумилев, стихотворение «Жираф», Полное собрание сочинений. М.: Институт русской литературы РАН, 1998.

¹⁷ Вопрос Шляпника из «Алисы в стране чудес» – «*что общего у ворона и письменного стола?*». Поиск ответа на этот риторический вопрос занимал умы многих – писателей, ученых и просто любителей творчества Льюиса Кэрролла. Сам Кэрролл ответил на него очередной задачей для переводчика – *'Because it can produce a few notes, though they are very flat; and it is never (neVar – как анограмма raven – ворон) put with the wrong end in front!*. Возможный перевод примерно такой: «*Notes – карканье, которое издает первый, и вирши, которые пишут на втором, часто фальшивы или плоски – поэтому их не поставишь не той стороной!*». Один из любителей Кэрролла Сэм Ллойд нашел основания для сравнения в использовании этих объектов в литературе – «*потому что Эдгар По писал об обоих*», а О. Хаксли – в лингвистической структуре («*потому что буква «b» есть и там, и там, а буквы «n» нет ни в одном*»). Читатели при обсуждении в Интернете обнаружили и другие критерии для сравнения – основанные на омонимах (и ворон, и письменный стол используют «перья»), а также на структурном сходстве (и у того, и другого есть «ноги»).

на какой исследовательский вопрос мы стараемся ответить и какие новые знания получить. Сравнение вполне уместно, если задача состоит в демонстрации особых свойств объекта, решается задача художественная, или если сравнение выступает как способ постановки проблемы, исходный пункт для дальнейшего изучения при выявлении особенности объекта. Как часто бывает в массовых опросах и в социологии в целом, правильный вопрос задать труднее, чем получить ответ. Правильным в данном случае является не вопрос о том, что возможно сравнивать, а с какой целью, какова задача сравнения. Не зная задачи, определить, обладают ли объекты свойством сравнимости или нет, – нельзя. **Сравнимость – свойство контекстуальное и определяется задачами научного исследования.**

Например, являются ли сравнимыми цвет и звук? Сравнение возможно, если у них есть общие аналитические характеристики, например, воздействие на людей при использовании в рекламе. В этом случае общим является способность с помощью этих средств привлечь внимание, создать настроение, передать эмоцию и, возможно, провести сравнение степени воздействия каждой из этих форм передачи информации на восприятие рекламы.

Для проведения сравнительного исследования необходимо иметь **объекты** сравнения и **предмет** сравнения. Объектами сравнения являются единицы, которые сравниваются между собой по каким-либо критериям или основаниям – предмету сравнения. В качестве объектов сравнения в сравнительных исследованиях могут выступать страны, нации, культуры, религиозные конфессии и другие большие группы. Предметом сравнения могут стать характеристики, свойства, институты, процессы в этих объектах. Примером предмета сравнения может служить политическое поведение, качество жизни, жизненные ценности, социальная мобильность, распределение бюджетов времени населения разных стран.

Сравнимость в социальном исследовании – это наличие у объектов общих оснований для сравнения. Такими

основаниями могут быть общие характеристики, свойства и внутренние процессы. Характеристикой сравнимости могут обладать или не обладать как объекты сравнения, так и предмет сравнения (явления, институты или процессы должны иметь сходное содержание). В идеальной ситуации сравнимость возникает в том случае, если объекты сравнения сходны во всем, кроме изучаемой характеристики (именно такую ситуацию исследователи стараются создать при проведении эксперимента). Чтобы иметь возможность для научного сравнения, два объекта не должны быть сходны во всем – иначе они идентичны и сравнение на этом кончается; но и не должны быть различными во всем – тогда нет основания для сравнения. Научное сравнение возможно, если часть характеристик объектов разная, а часть – общая. Однако в какой мере объект и предмет сравнения могут быть разными, зависит от целей или уровня проводимого сравнения.

Схема 1.1. Сравнимость и Сравнения

**УРОВЕНЬ (ЦЕЛЬ)
СРАВНЕНИЯ**

**ТРЕБОВАНИЯ
К СРАВНИМОСТИ**

ИЛЛЮСТРАТИВНАЯ
*(выделение, определение свойств
и качеств изучаемого объекта)*

Наличие общих свойств

ОПИСАТЕЛЬНАЯ

Сравнимость объектов сравнения

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ

Сравнимость объектов сравнения
Сравнимость предмета сравнения

Если перед исследованием стоит цель продемонстрировать или обнаружить качества, характеристики, особенности объекта, дать определение чему-то новому, найти сходства с уже известным, то и объекты, и предметы сравнения могут быть совершенно разными, но и выводы при этом будут довольно ограниченными. **Иллюстративное сравнение**, выделение характеристик или

свойств объекта через уподобление, аналогию («быстр как молния» в фольклоре или уподобление общественных институтов у процессов частям биологического организма Г. Спенсера). Такое сравнение не является само по себе научным доказательством, но может служить полезным способом генерации гипотез о возможных причинно-следственных связях.

Сравнение может проводиться в **дескриптивной форме**, тогда оно сходно с описанием по формальным правилам и критериям. Как мы видели на примере работы Э.Тейлора, окончательный результат такого анализа, если он проведен на основе строгих систематических сравнений по ясно выделенным критериям, может быть очень продуктивным. Такого типа сравнения часто служат основой для создания классификаций, типологий. Но внутренние причинно-следственные связи в данном типе сравнения выявить не представляется возможным. В случае дескриптивного сравнения сравнимостью должны обладать в первую очередь объекты сравнения – страны, культуры, а предмет сравнения может обладать этой характеристикой не в полной мере. Например, чтобы получить представление о том, как страны распределяются по критерию «уровень счастья» (больше-меньше) независимо от причин и последствий, достаточно, чтобы сравнимыми являлись объекты – «население» (оно определялось одинаковым образом). Содержание предмета «сравнения» – счастье, может и, скорее всего, будет различным в разных странах и культурах. При таких сравнениях всегда остается вопрос о причинах обнаруженных различий (сходства в данном случае обсуждаются реже). Они могут явиться либо результатом различий в методологии – артефактом метода, либо лингвистических различий – в семантической нагрузке термина «счастье» в разных языках и культурах, или могут говорить о содержательных различиях – черте национального характера или результате воздействия социально-экономических, политических и других контекстуальных условий.

В качестве примера требований к объекту сравнения можно привести очень часто используемый в социаль-

ных опросах объект «население страны» и его определения в опросах. Первой задачей является определить, что будет считаться сравниваемым «населением» – граждане страны, люди определенного возраста (нужно определить верхнюю и нижнюю границу); люди, проживающие на территории страны определенное время, или население будет определено как-то иначе. Объектами сравнения могут выступить как отличные друг от друга единицы, так и одна и та же единица в разные моменты времени – тогда мы говорим о временном сравнении. Но и в этом случае требования к объекту остаются теми же – объект должен оставаться сравнимым. Поэтому изменения границ, включение или исключение определенных групп из него, должны быть учтены одинаковым образом.

Еще одной целью научного сравнения может быть **доказательство причинно-следственных связей**. В этом случае перед исследованием стоят цели не описательные, как в первых двух случаях, а объяснительные, а сравнение выступает как квазиэксперимент или естественный социальный эксперимент. Для использования сравнений с такой целью требования к сравнимости и объекта, и предмета сравнения очень высоки. Иногда они просто невыполнимы. Поэтому до сегодняшнего дня использование сравнительных исследований для выявления и доказательства причинно-следственных связей довольно редко.

Сравнимость предмета или критериев сравнения говорит о том, что в сравниваемых объектах предмет сравнения, его основание имеет сходное (хотя редко идентичное) содержание. Например, сравнивая избирательную активность в разных странах, надежное с научной точки зрения сравнение можно сделать только между странами, где участие в выборах является добровольным (а не обязательным) и свободным (не предусмотрено особых наказаний или поощрений за участие или неучастие людей в избирательном процессе). Сравнимость предмета в социальных науках зачастую является самостоятельным научным вопросом, а не исходным методологическим условием. Именно поэтому сравнительные исследования пока чаще используются в качестве

описательных, где требования к сравнимости предмета не столь велики, чем в качестве объяснительных.

Помимо сравнимости

Кроме проблемы сравнимости, известны еще целый ряд теоретических проблем, связанных с использованием сравнительных исследований для построения социологических теорий.

Первая из них – уникальность объектов сравнения (стран, наций, культур) и их очень сложная структура и многофакторность. Для того, чтобы проводить научное сравнение характеристик объектов с помощью статистического анализа, необходимо разложить эти объекты на отдельные компоненты – использовать методологию, основанную на анализе переменных/ показателей. При таком подходе страны (нации, культуры) выступают в качестве независимых объясняющих переменных лишь условно. На самом деле название страны обозначает набор конкретных показателей (например, ВВП на душу населения, тип системы социального обеспечения, размер затрат на образование, доля мигрантов среди населения и т.п.), и в принципе вместо «стран» можно использовать эти переменные («население территории, где ВВП на душу населения составляет X»).

Противники этого подхода довольно обоснованно возражают, что выделение отдельных компонентов в таких уникальных по своей природе социальных объектах как страны, нации, культуры, редко возможно или малопродуктивно, так как уникально содержание этих компонентов – их генезис, особый исторический путь формирования, исторические обстоятельства и т.п. Например, одинаковый ВВП на душу имеют Россия и Уругвай. Но исторические пути и экономические механизмы достижения такого уровня ВВП – структура экономики, предыдущие этапы развития, качество жизни населения, а тем более его ожидания и требования – совсем различны. Сторонники «холистического» подхода не видят возможности расчленить социальный объект на компоненты, а

считают необходимым и обоснованным только целостный взгляд на объект. Тогда возможности для научного изучения ограничены описанием и анализом **отдельных «случаев»**, а не их эмпирическим статистическим сравнением. Такой подход чаще всего характеризуется в методологической литературе как **качественный** или «исторический» в противоположность **количественному** или статистическому подходу¹⁸.

На основе изучения «отдельных случаев» в сравнении с другими «случаями» в последние десятилетия были созданы многие теории в макросоциологии и политической науке – наследники и продолжатели традиции «больших» теорий классической социологии Э. Дюркгейма и М. Вебера. Например, теория и анализ социальных основ происхождения диктатур Б. Моора¹⁹, теория социально-экономического развития мировых систем И. Валлерштайна и др. Однако если каждое общество рассматривать как уникальное и неразделимое на компоненты социальное целое, то нужно признать, что характеристикой сравнимости не обладают никакие объекты и предметы изучения в социальных науках. Тогда сравнимых социальных объектов в истории вообще нет. Как отмечал американский специалист по сравнительной социологии М. Зейдич, характеризуя ситуацию со сравнительными исследованиями в социологии – *«на Земле нет ничего подобного США (или Навахо, или эскимосов...), если посмотреть на них в целом. Поэтому если выполнять правило холизма, то сравнивается только несравнимое»*²⁰.

¹⁸ Przeworski A., H. Teune. The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: Wiley, 1970; Ragin C. The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987; Janoski T., A.M. Hicks. The comparative political economy of the welfare state. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.

¹⁹ Moore B. Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth: Peregrine Books, 1969.

²⁰ Zeiditch M. Intelligible comparisons / in Comparative methods in sociology, ed. by I. Valler. Berkley: University of California Press, 1971.

Схожая проблема поднималась еще в 1960-х годах в рамках другой науки, где сравнительные подходы занимают одно из ключевых мест, – сравнительной лингвистике. Психолингвист К. Пайк предложил различать изучение фонем в рамках одного языка (фонемик) и в сравнении с другими языками (фонетик). С тех пор это разделение вышло за пределы лингвистического анализа и широко используется для классификации подходов к изучению культур в разных социальных науках. Сторонники подхода «эмик» (такое сокращение возникло от термина «фонемик», чтобы уйти от конкретных проблем фонетических сравнений и поставить его более широко) считают, что восприятие, мысли, мировоззрение и поведение человека заключены в уникальные (с точки зрения лингвистики – культурно-независимые лингвистические) структуры, которые нужно изучать отдельно, а не в сравнении. Если восприятие людей и их поведение полностью уникальны, то нет основ для сравнения субъективных феноменов между культурами через язык, нет возможности достичь лингвистической эквивалентности. Задача же «этик» (от «фонетик») подхода – проверить гипотезы и сформулировать теории, которые представляли бы собой универсальные законы или сходства, а не различия в поведении людей. Некоторые исследователи считают, что вообще различия в грамматике и семантике языка являются искусственными, а если посмотреть более глубоко, то можно обнаружить универсальные фонемы, основанные на базовых когнитивных структурах, на которых люди и строят свои представления о мире. Поэтому субъективные культурные феномены, такие как установки и чувства, можно и должно изучать и сравнивать. Научный метод ученых в рамках «эмик» пути – исследования отдельных случаев (изучение кейсов), научный метод «этик» подхода – опросы и социальные эксперименты. В ходе дальнейшей работы довольно быстро стало понятно и на практическом, и на теоретическом уровне, что оба подхода имеют свои сильные стороны, но и свои слабости. Например, маркетологи и исследователи рынка, работая с перемещением продуктов, услуг и коммуни-

кационных и рекламных стратегий за пределы одной страны, проводя международный маркетинг, увидели, что, несмотря на многочисленные культурные различия между странами и народами, общего между ними гораздо больше, чем различного. Люди сходным образом реагируют на многие (хотя не на все) рекламные стимулы, имеют сходные потребности и требования к продуктам, особенно если живут и находятся в сходных условиях, во многом сходны их вкусовые, цветовые и звуковые предпочтения или они довольно быстро становятся сходными при приобретении определенного опыта и привычки. Сторонники «этик» подхода, в том числе исследователи, работающие в области сравнительных межстрановых опросов, столкнулись с другой проблемой – многие базовые понятия, категории и особенно социальные нормы, которые ранее считались универсальными, оказались совсем не такими. Например, понятие «хорошие отношения» в европейских культурах и в Японии понимаются людьми совсем по-разному, хотя первоначально кажется, что это понятие универсально²¹.

В результате многолетних дебатов о преимуществах и недостатках качественного и количественного подхода к сравнению макрообъектов немецкий социолог Э. Шойх выделил четыре основных типа сравнительных социальных исследований в зависимости от цели сравнения (обнаружение сходств или отличий) и двух основных подходов к рассмотрению социальных макроединиц – «холистического» и «компонентного» (см. *Схему 1.2*).

Обозначив эти подходы и пройдя некоторый путь и по тому, и по другому направлению, сегодня исследователи в области социальных наук видят свою задачу в том, чтобы соединить их – то есть сохранить целостный взгляд на культуру, но и иметь возможность выделять сходства и различия – сравнивать²².

²¹ *Brislin R.W., W.J. Lonner and R.M. Thorndike. Cross-cultural research methods. N.Y.: Wiley, 1973.*

²² *Douglas S.P., Craig C.S. International Marketing Research. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1983; Mintu A.T, R.J. Calantone, and J.B. Gassenheimer. Towards Improving Cross-Cultural Research: Extending Churchill's Research Paradigm // Journal*

**Схема 1.2. Классификация
сравнительным исследованиям по их целям
Э. Шойха²³**

ЦЕЛЬ СРАВНЕНИЯ	ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВО	
	Общество как неделимая уникальная целостность	Общество как набор компонентов, переменных
ПОКАЗАТЬ СХОДСТВА	Цель исследования – определить универсальные закономерности	Доказать общие теории
ПОКАЗАТЬ РАЗЛИЧИЯ	Цель исследования – описать, почему общества разные	Определить временно-пространственные координаты гипотезы о социальных закономерностях

Придерживаясь лишь «холистического подхода», изучая общества и траектории их движения как уникальные, нельзя понять и увидеть общие направления и закономерности развития обществ, что является основной целью и задачей социологии. Многообразие факторов, обстоятельств, сочетания разных компонентов при анализе страны, культуры, нации, зачастую не позволяет выделить из хаоса многообразия главное, повторяющееся и сходное в происходящих процессах и событиях («многознание уму не научает» по Гераклиту), как ан-

---

of International Consumer Marketing, 1994, vol. 7 (2); Sperber, D. Intuitive and reflective beliefs // Mind and Language, 1997, 12(1); Triandis H.C. Approaches toward minimizing translation / in Translation: Application and Research, ed. by R.W. Brislin. New York: Gardness Press, 1976.

²³ Scheuch E.K. The development of comparative research: towards causal explanations / in Comparative Methodology. Theory and practice in international social research, ed. by E. Oyen. London: Sage, 1990.

тропологу трудно изучать свою собственную культуру, а современнику видеть историческую линию в текущих событиях. Но изучение истории требует временной дистанции, а социология себе этого позволить не может. Тем не менее оба подхода используются в социальных науках уже на протяжении многих десятилетий, и диспут между ними обогащает общую методологию сравнительных социальных исследований.

Как остроумно показал в своей статье, ставшей стимулом для новой волны споров, предложений и опровержений, один из крупнейших современных социологов и один из моих учителей Джон Голдторп, и перед качественным, и перед количественным направлением в современных сравнительных исследованиях стоят одни и те же пока не разрешенные теоретические и методологические проблемы. Однако думать, что, работая в рамках какого-либо из этих направлений, проблем можно избежать или доказать преимущество какого-либо из этих направлений перед другим, пока более чем преждевременно²⁴. А проблем, о которых идет речь, три.

Первая связана с количеством объектов для сравнения, вторая – с природой этих объектов, а третья касается эмпирических возможностей сравнительного исследования для построения объяснительных моделей. Все эти проблемы связаны, на мой взгляд, с одной главной задачей современной социологии в целом и сравнительных социальных исследований, в частности – переходом от науки описательной к науке объяснительной. Необходимость такого перехода назрела в социальных науках давно, но реализовать его в полной мере не удалось до сих пор.

Рассмотрим эти три ключевые методологические проблемы сравнительных социальных исследований более подробно.

Первая из них – **проблема малого количества объектов сравнения по отношению к количеству**

---

²⁴ Goldthorpe J.H. Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // Comparative Social Research, vol. 16, 1997.

изучаемых переменных (показателей). Долгое время, по крайней мере до середины 1990-х годов, в сравнительные исследования включались довольно небольшое количество стран. Но даже с существенным расширением географии сравнительных исследований, возникновением глобальных мировых исследований, проблема не исчезла. В мире на сегодняшний день чуть более 200 стран. Несколько больше культур и наций, но их количество на Земле также ограничено. В этом случае при анализе сложных социальных явлений (например, миграции или социальной мобильности) количество факторов, рассматриваемых для создания общей объяснительной модели, или показателей, характеризующих изучаемый процесс, зачастую оказывается больше, чем количество объектов анализа. То есть в ходе статистического анализа количество степеней свободы в модели невелико, оцениваемые модели избыточно определены, независимые переменные взаимно коррелированы, поэтому часто оценка моделей, выражающих объяснительные гипотезы, не является статистически надежной, принять или отвергнуть ту или иную гипотезу с высокой степенью вероятности становится маловозможным.

Окончательного решения этой проблемы нет, но при этом полный отказ от статистического анализа сравнительных данных и концентрация только на анализе отдельных уникальных случаев (странах, культурах) «в целом» тоже не представляется достойным выходом. Одной из возможностей решить эту проблему является увеличение количества объектов исследования. Для этого в анализ включаются данные об одних и тех же странах в разные исторические периоды времени. Вместо рассмотрения отдельных стран как единиц анализа, страны объединяются в группы по определенным изучаемым признакам. С развитием социологических теорий и более глубокой проработки гипотез использование переменных становится более «экономным», их количество сокращается.

Вторая методологическая трудность получила название **«проблемы Галтона»** по имени британского математика Ф. Галтона. Он поставил под сомнение вы-

воды Эдварда Тейлора – одного из родоначальников сравнительного анализа в антропологии – действительно ли связь между типом экономики и формами семьи, которую обнаружил Тейлор, обусловлена внутренними функциональными связями в этих обществах, а не является результатом их «культурной диффузии». А сегодня мы еще добавили бы – или целенаправленных действий со стороны других государств и международных организаций, то есть процессом глобализации в разных его проявлениях. Ф. Галтон сформулировал важный вопрос перед сравнительными исследованиями – можно ли считать объекты таких исследований – страны, нации, культуры – независимыми, а изучаемые процессы – внутрисистемными. Если условие независимости объектов не выполняется, то и сравнительный анализ становится проблематичным.

Третья проблема получила в методологической литературе завораживающее название **«проблемы черного ящика»**. Эта проблема указывает на ограниченность возможностей для эмпирических доказательств в социальных науках. С помощью данных опроса или других исследовательских методов мы можем получить эмпирические данные о начале или составляющих процесса, а также о его «результате». Однако информации о том, что находится посередине, то есть о природе связи и опосредующих ее переменных, «черном ящике», можно только строить догадки.

Таким образом, на сегодняшний день и сторонники «качественных», и сторонники «количественных» методов в сравнительных социальных исследованиях сталкиваются с одними и теми же методологическими проблемами. Несмотря на стремление приблизиться к методу эксперимента, используемому в естественных науках, сравнительным социальным исследованиям на базе опросов пока не удастся достичь такого же уровня точности и надежности измерений, в полной мере применить правила научного эксперимента и каноны научного анализа Джона Стюарта Милля к изучению социальных объектов. Однако и качественные методы не позволяют сделать выводы ни доказательными, ни надеж-

ными, ни воспроизводимыми. Поэтому на сегодняшний день наиболее продуктивным было бы объединение этих подходов в единую исследовательскую программу. Хорошо бы только при этом объединять не недостатки, а достоинства этих двух подходов. Качественные методы, долгое время применяемые как первый этап исследовательской программы, за которым следуют количественные измерения, могли бы играть не менее важную роль на заключительной стадии исследовательского проекта – на стадии анализа. Это обогатило бы интерпретацию количественных данных, позволило бы шире понимать «контекст» – уникальный исторический опыт и особенности разных стран и культур.

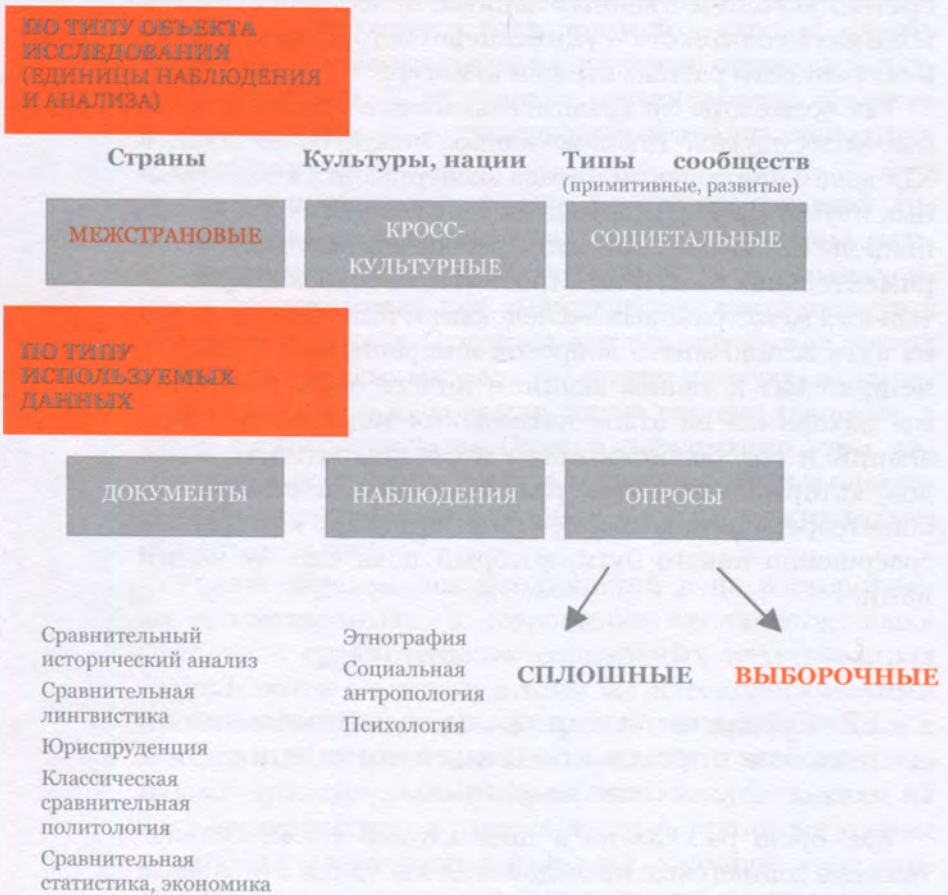
Так возможны ли сравнительные исследования в социальных науках? Такой же вопрос можно было задать в XIX веке о применении метода эксперимента в естественных науках при ограниченных теоретических знаниях о природе изучаемых объектов, слабости приборов, экспериментальной базы и т.п. Простой путь отказа от сравнительных межстрановых исследований только потому, что на пути встало много вопросов и нерешенных проблем, не прибавит к нашим знаниям ничего нового. Сегодня мы находимся на этапе накопления методологических знаний и совершенствования исследовательских методов, которые, возможно, разрешат часть поставленных общетеоретических проблем, или приведут к открытию совершенно нового пути, который пока еще не видим нами.

1.2. Сравнительное социальное исследование на базе опросов – подходы к пониманию и определению

Как было рассказано в предыдущей главе, сравнительные социальные исследования являются отдельным видом социальных исследований, в котором сравнительный метод выступает способом научного анализа, а объектами являются большие социальные группы – нации, культуры, страны, языки, религиозные группы и т.п.

В зависимости от того, какие именно единицы (объекты наблюдения) используются при сборе эмпирической информации и анализе данных, а также от того, какие именно эмпирические данные лежат в основе сравнений, мы можем разделить сравнительные исследования на несколько видов (см. *Схему 1.3*).

Схема 1.3. Классификация сравнительных исследований в социальных науках

В зависимости от **объекта сравнения** сравнительные исследования по Классификации, предложенной Стейном Рокканом, делят на три больших группы:

- а) Межстрановые сравнительные исследования – где объектом сравнения выступают страны, а точнее население внутри юридически и политически закрепленных границ, чаще всего образующих суверенное государство.
- б) Кросс-культурные сравнительные исследования – где единицей анализа или объектом являются различные культуры вне зависимости от государственных границ. Такие исследования появились раньше других эмпирических видов сравнительных социальных исследований – еще в середине 30-х годов прошлого века термин «кросс-культурные» исследования использовался Йельской группой антропологов и относился к сбору, кодификации и статистическому анализу информации о ряде примитивных культур. Чаще всего объектами таких исследований выступают «национальные культуры» как в рамках одной страны, так и за пределами национальных границ. К данному типу относятся межнациональные или межэтнические исследования, где объектом выступают различные этнические или национальные группы как виды «культур».
- в) Социетальные сравнительные исследования. К таким исследованиям относятся те, где проводится изучение большой группы территориальных или культурных общностей от «примитивных» до «переходных» или «развитых».

Эмпирической основой сравнений могут выступать разные данные, среди которых:

данные, произведенные в процессе жизнедеятельности людей, общества, нации, страны – документы, картины, литература, мифы, юридические акты и т.п. Такую информацию можно найти в этнографических музеях и исторических архивах. Однако у таких данных есть целый ряд особенностей. Очень часто объекты, предметы и информация в исторических и этнографических музеях не

собирается по единым для всех этих институтов принципам, не всегда она бывает собрана систематически. Более того, многие из собранных предметов появились и сохранились в музеях и архивах совсем не за счет своей типичности и частоте использования, но, напротив, из-за своей уникальности. Особенность этого вида данных состоит в том, что они созданы самой жизнью, а не в ходе научного исследования и для целей исследования. А это значит, что задача сравнимости при производстве этих данных не ставилась и ставиться не могла. Сравнимость может быть достигнута лишь в результате работы исследователя уже после сбора данных. Зачастую именно разработка подходов к стандартизации таких данных и является задачей сравнительного исследования. В современной этнографии, археологии, истории, исторической лингвистике разработан целый ряд подходов и методов стандартизации и систематического сравнительного анализа Конституций, законодательных актов, мифов и сказок, детских учебников, новостных сообщений, содержания обсуждений на форумах и в социальных сетях.

данные наблюдений и описаний. На протяжении многих веков люди пытались описать и систематизировать информацию, которую они получили, наблюдая жизнь новой для них группы людей, сообществ. Чаще всего такая информация собиралась не с целью сравнения, а, наоборот, с целью выявления и понимания индивидуальных черт и особенностей каждого общества. Такие наблюдения и описания составлялись как учеными – лингвистами, этнографами, историками, юристами, так и людьми, которые непосредственно цель систематического сравнительного изучения объектов перед собой не ставили, – путешественниками, миссионерами, дипломатами и т.п. Однако сравнение в таких описаниях с необходимостью использовалось, так как без него выявить уникальность и особенность довольно трудно. Сравнение чаще всего проводилось с некой «идеальной» точкой отсчета – страной или культурой, с которой люди проводившие наблюдение были больше всего знакомы или к которой они принадлежали. Такие данные в принципе поддаются систематизации. И в XX веке попытки такой систематизации были

предприняты, например, в Йельском кросс-культурном исследовании Питера Мердока 1937 года. Долгое время страноведение и социальные науки о зарубежных странах основывались на рассказах, мемуарах и биографиях очевидцев или эмигрантов, а также на прямых наблюдениях ученых, журналистов и других интересующихся социальными проблемами людей, например, такими источниками широко пользовались советологи в США и американисты в СССР. Одной из наиболее известных работ в социологии, где использовался метод анализа биографий (самоописания), а также материалов, произведенных в процессе жизнедеятельности людей – относящихся к первому типу эмпирических данных, описанному выше (личные письма, документы), – явилась работа У. Томаса и Ф. Знанецкого *“Польский крестьянин в Европе и в Америке”* (1918–1920). Значительная часть собранных таким образом данных изначально производилась без определенного заранее заданного плана, не были формализованы или стандартизированы и, как в случае с данными произведенными в ходе жизнедеятельности, аналитически объединялись уже после их создания. Однако существуют и стандартизированные подходы к сбору данных методом наблюдений и описаний (стандартизированные наблюдения). Многие данные современных этнографических и социально-психологических исследований строятся по этому принципу.

«смешанные данные» – от данных экономической и демографической статистики до данных наблюдений, рассказов, мемуаров – использовались в работах социологов и социальных философов Ш. Монтестье, А. де Токвилля, К. Маркса, М. Острогорского, М. Вебера и др. Например, Макс Вебер, разрабатывая теорию роста бюрократий на примере различий и сходств стран Европы и Америки, в качестве эмпирической базы использовал целый ряд самых разнообразных источников – исторические и юридические документы, базовые данные официальной статистики, рассказы очевидцев о работе отдельных учреждений и «психологии» населения разных стран. Этот путь довольно часто используется и сейчас сторонниками «холистических», качественных

методов сравнительных социальных исследований. На таких данных можно проводить анализ духовной и материальной культуры обществ, внутренней работы этих культур. Такие данные позволяют работать на высоком уровне обобщений, строить теории и выдвигать гипотезы очень высокого порядка. Однако доказательная база в этом случае довольно слабая и легко подвергается методологической критике. Найти сравнимые и надежные данные, созданные внутри объектов изучения для подтверждения научных гипотез, чрезвычайно сложно.

данные статистики, массовых опросов или социально-психологических тестов. Особенностью таких данных является целенаправленный характер их сбора – такие данные производятся специально с целью их анализа, а иногда (хотя отнюдь не всегда) сравнения, поэтому часто обладают высокой степенью стандартизации, формализации и поэтому значительно легче поддаются сравнению. Однако появились такие данные в исторической перспективе относительно недавно. Хотя некоторые экономические и социальные показатели измерялись в налоговых целях, в целях государственного управления с давних времен, однако широкое использование сбора такой информации относят к XIX веку, а массовых опросов – лишь к 40-м годам XX века.

Когда мы имеем дело с исследованием, эмпирической основой которого являются данные массовых опросов, а единицей или объектом служит страна, мы говорим о **сравнительном социальном межстрановом исследовании на базе опросов**. Именно о таких исследованиях мы и будем говорить в дальнейшем. **Межстрановые** исследования являются наиболее распространенным видом сравнительных социальных исследований на основе массовых опросов в настоящее время, хотя сейчас постепенно делаются попытки выйти за пределы государственных границ и определить объект сравнения по-другому. Страна чаще всего является объектом для межстрановых сравнений на базе опросов потому, что такую единицу анализа в отличие от «культур» или других подобных социальных категорий относительно легко определить. Информация о генеральной совокупности

(населении) собирается именно на уровне стран, поэтому существуют возможности для построения случайных выборок для массовых опросов. Организации, которые занимаются проведением опросов, также созданы по страновому принципу.

На сегодняшний день сравнительные социальные исследования на данных массовых опросов являются отдельным направлением в социальных науках. Мы говорим о социальных исследованиях или исследованиях в области социальных наук, чтобы подчеркнуть, что данный вид исследований используется в разных научных дисциплинах. И хотя в социологии он используется чаще, чем где-либо еще, сравнительные исследования также являются важным методом в политических науках (особенно в части изучения политического поведения и политических ценностей), демографии, этнографии, социальной психологии и др.

Современные подходы к определению

С самого начала разработки методологии сравнительных исследований на базе опросов в 1960-х годах прошлого века возникли два подхода к определению сравнительного социального исследования. В первом из них сравнительное социальное исследование определяется **через количество объектов сравнения** – изучаемых единиц. Под сравнительным понимается любое исследование, выходящее за рамки изучения отдельных стран, культур, наций, в котором используются систематически собранные данные двух и более таких единиц²⁵. При этом часть исследователей считает, что количество таких единиц должно быть невелико, и что сравнительное исследование – это «*систематический анализ небольшого количества случаев*», так как обычно изучается фено-

---

²⁵ Kohn M.L. Cross-national research as an analytic strategy. Presidential Address to American sociological Association, 1987; van de Vijver F.J.R., N.K. Tanzer. Bias and Equivalence in cross-cultural assessment: an overview // European Review of Applied Psychology, 1997, №41.

мен, который происходит либо нечасто, либо столь сложен, что лучше анализировать его на небольшом количестве наблюдений. Например, Аренд Лейпхарт считает сравнительным социальным исследованием анализ небольшого количества «случаев» – минимум двух, но не более двадцати²⁶.

Кроме определения сравнительных социальных исследований через количество и типы объектов сравнения, существует и другой подход, основанный на определении количества **уровней, на которых измеряются единицы анализа данных**²⁷. Основанием для выделения сравнительных социальных исследований из всего круга исследований является многоуровневый характер использованных для анализа данных²⁸ – одновременно и макросоциальный, и внутрисистемный. Этот подход является развитием идей Пола Лазарсфельда и его коллектива о логике анализа данных опросов. В работе Лазарсфельда выделяются несколько уровней, на которых может быть проведен анализ данных любых опросов – уровень базовых (демографических) характеристик, уровень взаимоотношений людей и групп и контекстуальный уровень (страны, нации). А. Пжеворский и Г. Тьюни, развивая идеи Лазарсфельда, считают, что межкультурные или межстрановые сравнительные исследования включают все эти уровни анализа сразу и именно это определяет специфику и сложность сравнительного исследования. В частности, уровнями анализа в сравнительном социальном исследовании являются:

Уровень 1. Индивид

Уровень 2. «Малая группа», к которой принадлежат респонденты в опросе, – жители определенного дома, района (соседское сообщество) или работники определенной организации или типов организации

²⁶ Lijphart A. Comparative Politics and the Comparative Method // American Political Science Review, 1971, № 65.

²⁷ Этот путь был предложен в классической работе А. Пжеворского и Г. Тьюни (1970).

²⁸ Rokkan S. Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism /in Political Oppositions in Western Democracies, ed. by R. Dahl. New Haven: Yale University Press, 1966.

(определенные и сгруппированные по размеру, форме собственности, отрасли и т.п.)

Уровень 3. Группа «среднего уровня» – город, деревня, регион

Уровень 4. Страна, которая может определяться через ее характеристики. Например, А. Пжеворский и Г. Тьюни анализировали страны как нейтральные или активные стороны в «холодной войне».

Любой анализ, который проводится только на последнем, макросистемном уровне, и при этом не включает внутрисистемные характеристики объектов сравнения, в рамках определения А. Пжеворского и Г. Тьюни, сравнительным не является. Например, если проводится анализ по поиску взаимосвязи ВВП на душу населения и уровня распространенности инфекционных заболеваний, то есть анализ ведется на уровне характеристик, агрегированных на уровне стран, то такие исследования не относятся к исследованиям сравнительным. А. Пжеворский и Г. Тьюни понимали под сравнительными социальными исследованиями те, где **системные переменные используются для объяснения внутрисистемных различий**. В качестве примера такого сравнительного исследования авторы определения приводят Исследование международных различий в голосовании между социальными классами Р. Алфорда (1963 год)²⁹. В этом исследовании межстрановые различия во взаимосвязи между социальным классом и партийной поддержкой, то есть внутрисистемными переменными, объяснялись межсистемными факторами – уровнем индустриализации и урбанизации.

Этот подход к определению сравнительных социальных исследований говорит о том как проводится анализ данных, но ничего не говорит о типе эмпирической информации, которая лежит в его основе. Такое определение включает и сравнительные исследования, где данные исследования собираются не в рамках сравнительной программы, а независимо друг от друга и лишь на уровне

²⁹ Alford R. The Role of Social Class in American Voting Behavior. University of California, Survey Research Center, 1963.

анализа рассматриваются как сравнительные (например, проект CASMIN или пост-гармонизация данных независимых опросов по бюджетам времени MTUS). В последние годы активное накопление эмпирических данных различных опросов – и сравнительных, и односторонних, «репликирующих» привело к тому, что пользуясь лишь «аналитическим» определением, отнести исследование к сравнительным или нет становится все сложнее. Зачастую для многоуровневого анализа используются данные, которые не были собраны специально для целей сравнения, а являются данными односторонних исследований (например, различные электоральные исследования). Или наоборот, данные сравнительных опросов, специально собранные по сравнительной методологии, используются для анализа данных только одного уровня. Уровней анализа также становится больше – страны как единицы анализа раскладываются на компоненты или, наоборот, агрегируются в группы и в этом виде используются в анализе.

Определение ни через количество объектов сравнения, ни через количество уровней анализа не является, на мой взгляд, на сегодняшний день достаточным и исчерпывающим, чтобы очертить границы, особенности и задачи сравнительных социальных исследований на базе опросов. Поэтому я предлагаю дать определение, которое в рабочем порядке назову «синтетическим» или «сравнительным по цели». В этом определении учтены и особенности подхода к сбору эмпирических данных, и представления о типе анализа таких данных.

Сравнительным социальным исследованием на данных опросов мы будем называть то, в котором целью сбора эмпирических данных и анализа является сравнение двух и более больших социальных единиц – наций, стран, культур – в один момент времени по заранее определенным основаниям (критериям), при этом анализ данных носит многоуровневый характер.

Это определение содержит несколько ключевых положений:

объектом исследования являются две или более (неограниченное число) социальных единиц;

эти социальные единицы являются большими образованиями, относительно стабильными во времени. Чаще всего такие единицы являются гетерогенными на внутрисистемном уровне и гомогенными на макроуровне. На макроуровне такие социальные объекты представляют собой систему институтов, юридически и/или социально закрепленных норм, правил, традиций, законов, определенный экономический уклад;

пространственное сравнение является приоритетным по сравнению с временным сравнением. Временное сравнение в таких исследованиях проводится лишь вместе с пространственным, если вообще проводится;

в таком исследовании сбор и анализ сравнительных данных являются первоначальной целью исследования, сравнительный характер исследования заложен в его Программе;

анализ данных такого исследования является многоуровневым, то есть кроме внутрисистемных переменных используются также макропеременные – страна, культура, нация – или отдельные компоненты или характеристики макропеременных.

Такое определение характеризует современное сравнительное социальное исследование сразу на двух уровнях – на уровне эмпирическом как целенаправленный сбор данных для сравнения, и на уровне аналитическом – его многоуровневый характер.

Одним из ключевых характеристик современного сравнительного исследования в социальных науках является его целенаправленно сравнительный характер. В таких исследованиях **сравнение является первоначальной и выраженной в явном виде целью исследования**. Дизайн исследования – его идея, методы измерения и анализа, все этапы исследования – создаются именно с целью проведения сравнений. Исследование, в котором используются сравнения, но данные для которого были собраны без учета цели сравнения в первоначальном

чальном дизайне, мы предлагаем считать **исследованием с применением сравнительного метода**, но по своему типу сравнительным исследованием такая работа не является. Под такое определение не будут подходить и **сравнительно-ориентированные исследования одного объекта**, где сравнение является необходимой частью аналитического этапа исследования, но лишь одна единица (страна, нация, культура) является объектом исследования.

Сравнительное социальное исследование как особый вид исследований представляет собой сравнение больших социальных единиц между собой (пространственное сравнение) и лишь во вторую очередь времени (временное) и поэтому может называться в зависимости от типа объектов сравнения межрегиональным, межкультурным, межстрановым или межнациональным.

1.3. Типология сравнительных социальных исследований на базе опросов

За последние полвека сравнительные социальные исследования на базе опросов выделились в самостоятельное научное направление. Возникло более глубокое понимание функций и целей сравнительных исследований, а сами они стали очень разнообразными. На сегодняшний день сравнительные межстрановые исследования на базе опросов можно разделить по крайней мере по пяти основаниям:

по количеству объектов исследования

по количеству временных точек сбора данных

по целям, тематике и типу собираемой информации

по способу управления проектом

по использованию сравнительных процедур на разных этапах исследования.

Схема 1.4. Классификация сравнительных социальных опросов

ПО КОЛИЧЕСТВУ ОБЪЕКТОВ СРАВНЕНИЯ			ПО КОЛИЧЕСТВУ ВРЕМЕННЫХ ТОЧЕК	ТИП ИССЛЕДОВАНИЯ	ПО СПОСОБУ УПРАВЛЕНИЯ	ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР
Несколько стран	Региональные	Всемирные (глобальные)	Одноразовые	Академические	Полностью централизованные	Только базовые процедуры
			Повторные (2-3 временные точки)	Опросы общественного мнения	до децентрализованных (международно-управляемых)	до Сравнительные процедуры на всех этапах
			Трендовые	Маркетинговые – изучение рынка товаров и услуг		
МЕТОД ОТБОРА СТРАН				Изучение эффективности социальной политики или глобальных программ (коммуникационных, образовательных, рекламных)	ЭТАПЫ, НА КОТОРЫХ МОГУТ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ	
Без какого-либо принципа	Выборочные (случайный отбор или типологический отбор)	Сплошные		Исследования для сбора статистических данных по разным странам по социально-значимым вопросам, являющимся объектом гос. политики	Формулировка задачи, целей, операционализация понятий	
«максимально-схожие»					Определение основных методологических подходов и процедур к сбору и анализу данных	
«максимально различные»					Подготовка инструмента для опроса, тестирование	
					Перевод, адаптация на разные языки	
					Построение выборок	
					Сбор данных	
					Обработка данных	
					Анализ данных	

Рассмотрим более подробно каждое из оснований этой Классификации.

По количеству объектов исследования (часто они же выступают и единицей анализа или могут объединяться на уровне анализа в более широкие группы) – стран, культур, наций, народностей и т.п. – сравнительные социальные исследования на базе опросов можно разделить на три категории³⁰.

- а) **Сравнительные исследования**, в которые включено **небольшое количество объектов**. Обычно такие исследования включают не более 10-15 стран. Такой тип сравнительного исследования чаще всего используется либо для проверки научных гипотез (тип социального эксперимента), либо при рассмотрении каждого объекта как «целого» уникального социального объекта и сравнения его особенностей с другими (качественный подход к сравнительным исследованиям).
- б) **Региональные исследования** – где в выборку включаются все, почти все или отобранные каким-либо образом объекты, расположенные в рамках одной географической территории. Определена такая территория может быть по-разному а) как континент, например, Европа, Африка; б) часть континента, включающего страны, которые имеют тесные связи, другие общие параметры, представляют собой более гомогенную группу, чем другие объекты – например, Юго-Восточная Азия или страны Балтии, Скандинавские страны; в) территории, имеющие общую культуру, традиции, объединенные экономически или по другим признакам – страны бывшего СССР, страны Европейского Союза, страны ОПЭК и т.п. К региональным исследованиям можно отнести ESS, Евробарометр, Латинobarометр, Афробарометр, Азиатский Барометр, Евразийский Монитор, Закавказский Мониторинг ЦЕССИ.
- в) **Всемирные сравнительные исследования** – тип сравнительного исследования, куда в качестве объ-

³⁰ Подобная классификация по количеству стран сравнения была предложена Стейном Рокканом 30 лет назад

ектов включаются все (таких исследований пока нет, но мы вполне может увидеть их появление в ближайшем будущем) или почти все страны мира или выборка из всех стран. Целью такого исследования является представить, изучить мнение населения всего Земного шара по каким-либо важным для всего мира вопросам (например, состояния экологии, глобального потепления, энергетической безопасности, всемирной миграции, межстранового неравенства, бедности и т.п.) или вопросам о взаимоотношении между странами, нациями, культурами, а также проверить научные гипотезы на универсальность. Примерами таких исследований могут служить Gallup World Poll – ежегодное исследование общественного мнения, включающее 150 стран мира (по дизайну исследование старается приблизиться к «сплошному» методу, то есть включить все страны, в которых исследования подобного типа возможны). Другой пример – Мониторинг Экологической и Социальной ответственности Globescan – ежегодное исследование в 25 странах мира («типологический» метод отбора стран), посвященное изучению мирового общественного мнения по вопросам ответственного потребления, общественных требований к большим компаниям в отношении социально-ответственного поведения, восприятия глобальных и международных проблем. К таким исследованиям относятся два крупнейших академических исследовательских проекта – Всемирное Исследование Ценностей – WVS (4 волна исследования была проведена в 65 странах мира) и ISSP (в настоящее время в Программу входят 47 стран, в том числе и Россия).

Если сравнительное исследование не является сплошным, то есть не включает все объекты, составляющие генеральную совокупность, то возникает вопрос о способах и критериях отбора объектов. Возможными путями являются сравнение «наиболее близких» объектов по изучаемым в исследовании характеристикам или «наиболее далеких» или «статистический отбор». Способ выбора объектов для включения в исследование чаще всего связан с целью исследования.

Если задача исследования состоит в том, чтобы определить как сходный контекст приводит к различным результатам, анализ нацелен на поиск различий, то выбирают сравнение **«наиболее близких стран»**. Примером таких исследований является региональное Исследование систем социального обеспечения в Скандинавских странах³¹. Эти страны реализуют сходную модель социального государства, однако отличаются по многим методам и по результатам применения социальной политики. Примером такого исследования было бы исследование отдельных стран о результатах социальной и политической трансформации России, Украины и Беларуси.

Когда исследование направлено на выявление общих механизмов, закономерностей в развитии какого-либо процесса независимо от различий в социальном контексте, применяется сравнение **«наиболее далеких»** по изучаемым критериям объектов. При этом подходе один и тот же предмет (процесс, институт, явление) изучается на примере максимально далеких условий (стран). Такой путь был выбран, например, в исследовании Кантрила-Буханана 1953 года «Как нации воспринимают друг друга», в 1960-1970-х годах в сравнительных исследованиях социальной мобильности в капиталистических и социалистических странах, в 1990-х годах в исследованиях о понимании и оценке демократических механизмов в «развитых» и «развивающихся» демократиях. В исследованиях по измерению эффективности коммуникационных или рекламных кампаний выбирают страны, подвергавшиеся воздействию, и «референтные» страны, которые такому воздействию не подвергались. При сравнении стран и оценивается эффективность коммуникационного воздействия.

Оба подхода основаны на логике эксперимента. Либо исследуются сходные объекты, но в которых предмет исследования проявляется по-разному, либо различные объекты, где предмет проявляется сходным образом и на основе анализа этих случаев строятся гипотезы и теории о причинно-следственных связях в отношении изучаемого предмета.

³¹ Comparative Scandinavian Welfare Study проводилось в середине 1970-х.

В настоящее время все большую популярность среди исследователей приобретает «количественное» или **«статистическое»** направление в отборе стран. В исследование включаются либо все объекты, составляющие генеральную совокупность, либо строится случайная выборка из нее. В генеральную совокупность при этом могут войти, например, все страны мира; или все страны, объединенные по критерию, являющемуся предметом изучения. Если изучаются проблемы отношения населения к атомной энергетике, то объектами исследования могут стать все страны, где есть атомные электростанции. Второй путь – построение случайной выборки для всемирного или регионального исследования при имеющихся технических и организационных возможностях и методологических знаниях и опыте – пока возможно реализовать только в исключительных случаях. Обычно в такие опросы включают максимально возможное количество стран, которые имеют технические, финансовые и организационные возможности осуществить такой проект. При выборочном подходе к объектам исследования можно использовать либо метод случайного отбора объектов (пока это делается очень редко), либо «типологический» подход.

При «типологическом» отборе в исследование включаются страны, которые представляют собой разные «типы» в отношении определенных параметров. Иногда такие параметры, определяющие «тип» страны, независимы от предмета исследования и представляют весь возможный спектр стран. В этом случае отбор направлен на то, чтобы приблизиться к «случайному» отбору объектов. Например, страны отбираются по географическому признаку (страны из разных континентов) или страны из разных экономических систем. Иногда параметры отбора связаны с предметом исследования. Например, в исследовании Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» каждая из включенных стран представляла собой заранее определенный тип политической системы и взаимоотношений людей с этой политической системой («культура участия», «культура подчинения», «патриархальная политическая культура»). С методологической точки зрения

такой подход довольно рискован, так как строится на изначальных предположениях о характеристиках объектов, которые в то же время являются и предметом исследования³². Однако при ограниченных возможностях выбора стран, ограниченности ресурсов, приходится прибегать к отбору по типологическому принципу как более эффективному, чем случайный отбор в случае, если количество выбираемых единиц мало.

На практике отбор объектов, включаемых в опрос, часто осуществляется вообще не по теоретически обоснованному принципу, а по различным организационным и техническим причинам. Исследователей, которые интересуются сравнительными исследованиями в отдельных странах, не очень много, технические и методологические возможности для осуществления сравнительного социального проекта на базе национального опроса, возможности для получения финансирования тоже весьма ограничены. Поэтому долгое время сравнения на базе опросов проводились там и тогда, где это оказывалось возможным. Несмотря на методологические слабости такого подхода, именно на основе таких исследований было сделано немало важных и продуктивных выводов и научных заключений.

Региональные сравнительные исследования часто определяются как пример «статистического» направления в сравнительных исследованиях. На мой взгляд, в региональных сравнительных исследованиях объединены два принципа отбора объектов – принцип «наиболее близких» случаев, и статистический принцип. С одной стороны, в региональное исследование обычно включаются все или почти все страны региона, то есть применяется принцип «сплошного» исследования. С другой стороны, страны, объединяемые в «регион», часто характеризуются определенным сходством помимо сугубо географического, – сходством социально-экономических систем, культуры и исторического прошлого, исторической судьбы, а также сходством в методологических подходах к сравнениям на базе опросов.

³² Именно за это чаще всего критиковали с методологической точки зрения исследование Г. Алмонда и С. Вербы.

В последние десятилетия направление развития сравнительных социальных исследований на базе опросов идет по принципу увеличения количества объектов исследования (стран) и одновременно увеличения количества временных точек сравнения – от простого сравнения стран в один момент времени, к повторным, а потом и регулярным трендовым исследованиям.

Важной характеристикой сравнительного исследования становится временной аспект³³ – **количество временных точек**, когда собираются эмпирические данные³⁴. По этому параметру сравнительные исследования можно разделить на **лонгитюдные** – когда показатели, характеризующие предмет исследования, измеряются в нескольких временных точках чаще всего на протяжении длительного периода времени, и **отдельные** сравнительные исследования, проведенные лишь в одном временном интервале. Среди лонгитюдных исследований выделяются трендовые и панельные исследования. В российской методологии первый тип также называется «повторными исследованиями». Мы предлагаем называть повторными исследованиями те, которые проводятся через значительный интервал времени небольшое количество раз, а трендовыми – исследования с регулярным интервалом времени (иногда их еще называют мониторинговыми). И в **повторном**, и в **трендовом** исследовании в разные точки времени измеряются одни и те же характеристики (параметры) предмета исследования, но составляющие объекта исследования – разные. В таком типе исследования выборка каждый раз строится заново – опрашиваются новые люди, новые домохозяй-

---

³³ *Андреенков В.Г.* Проблемы сравнительного анализа в современных социологических исследованиях / в кн. *Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях*, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.

³⁴ В типологии, предложенной Г.И. Саганенко, они называются синхронные и диахронные. *Саганенко Г.И.* Компоненты надежности социологического исследования и проблема сравнимости / в кн. *Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных*, под ред. В.Г. Андреенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

ства и т.п., а измеряемые с помощью вопросов анкеты показатели, включенные в исследования, остаются неизменными. Если не только измеряемые показатели, но и объединенные в группы объекты изучения остаются неизменными (сами респонденты разные, но принадлежат к одной и той же когорте), то мы говорим о **когортном исследовании**. Если неизменны и измеряемые показатели и сами объекты (респонденты, домохозяйства) – о **панельных** исследованиях. К трендовым сравнительным опросам относятся такие исследования как ISSP, ESS, WVS/ EVS³⁵. Когортных и панельных сравнительных межстрановых исследований в настоящее время проводится немного. Большинство исследований такого типа можно отнести скорее к «репликирующим», чем сравнительным – они с разной степенью точности повторяют исследование, которое было задумано и проведено в одной стране как однострановое. Подобный тип представляют панельные исследования социально-экономического положения домохозяйств. На основе американского проекта «Панельное исследования динамики доходов» PSID (Panel Study of Income Dynamics) были разработаны крупнейшие исследования домохозяйств во многих европейских странах как G-SOEP (German Socio-Economic Panel) в Германии, Шведская Панель Домохозяйств (SHP), SEP в Нидерландах, BHPS в Великобритании, а также исследования в Корее, Японии, Тайване, Австралии, Израиле и других странах. К этому направлению можно отнести и большое панельное исследование в России RLMS-HSE (The Russia Longitudinal Monitoring Survey-Higher School of Economics (RLMS-HSE))³⁶. Эти исследования построены на сходной (хотя не изначально сравнительной) методологии, поэтому данные нескольких стран для проведения межстранового анализа объединены в общую базу дан-

³⁵ Более подробно они описаны в главе 2 этой книги или в статье *Андреенковой А.В.* Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России, № 3, 2011 <http://www.ecsocman.edu.ru/mirros>.

³⁶ Подробную информацию об этом проекте можно получить на веб-сайте проекта <http://www.hse.ru/rlms/>

ных – The Cross-National Equivalent File за 1970-2009³⁷. Панельным сравнительным исследованием является Исследование Здоровья, Старения и Пенсионного возраста в Европе – SHARE (см. Главу 2 этой книги).

Сравнительные исследования отличаются не только по количеству объектов исследования и времени (точкам) наблюдения, но и по **целям/функциям, предмету исследования**, которые в свою очередь влияют на методологический, организационный и технический дизайн проекта. На сегодняшний день можно выделить несколько крупных тематических направлений сравнительных межстрановых исследований:

академические сравнительные исследования – направлены на изучение социальных процессов, социальной структуры, системы установок и ценностей и т.п.

Опросы общественного мнения, значительную часть которых составляют опросы по проблемам международной интеграции, международных отношений, восприятия стран, их руководителей, отдельных политических событий, а также отношения к общим для населения мира проблемам, таким как состояние окружающей среды, проблемы прав человека, международной миграции и т.п. Часто такие исследования посвящены изучению мнения населения о конкретных исторических событиях, повлиявших на мир – например, извержение вулкана в Японии, последствия взрывов 11 сентября в Нью-Йорке или конфликта 2014 года на Украине. Многие сравнительные опросы общественного мнения хотя и проводятся регулярно, но по дизайну являются одноразовыми – и показатели, изучаемые в исследовании (и предмет), и единицы объекта исследования (респонденты, домохозяйства) являются разными. Дизайн трендового исследования используется лишь в не-

³⁷ Frick J.R., S.P. Jenkins, D.R. Lillard, O. Lipps and M. Woode. The Cross-National Equivalent File (CNEF) and its Member Country Household Panel Studies / Schmollers Jahrbuch 127 (2007). Доступ к данным можно получить на платной основе в CNEF Office at Cornell University (USA)

большом количестве сравнительных опросов общественного мнения, таких как Gallup World Poll, Pew Attitude Survey или Евразийский Монитор³⁸. Кроме практической цели информирования мировой общественности о взглядах людей на Земле или отдельных регионах по важным вопросам мировой повестки дня, такие исследования могут использоваться и в методологических целях для разработки и тестирования новых вопросов и новых методик опросов. В академических трендовых исследованиях такие задачи решать трудно.

Сравнительные исследования, связанные с разработкой или оценкой эффективности социальной политики или программ, отдельных важных социальных тем или проблем (образования, здравоохранения, развития бизнеса и предпринимательства и т.п.). Такие исследования часто проводятся по инициативе крупных международных организаций (ВОЗ, ЮНЕСКО, МОТ, ЕБРР и т.п.) или международных неправительственных общественных или профессиональных организаций³⁹.

Сравнительные межстрановые маркетинговые исследования – как одноразовые, так и трендовые. Сравнительные исследования этого типа могут проводиться один раз, например, для разработки крупных международных рекламных кампаний, тестирования нового продукта или акции по продвиже-

---

³⁸ Евразийский Мониторинг – проект посвященный изучению общественного мнения населения стран бывшего СССР по вопросам внешней политики, взаимодействия государств, проблемам интеграции, социальных настроений, актуальных текущих политических и социальных проблем. См.: *Задорин И.В. Интеграция в Евразии: социологическое измерение*. М.: Издательство Института экономических стратегий, 2008.

³⁹ Например, Глобальный мониторинг предпринимательства, посвященный изучению уровня предпринимательской активности населения, основан на базе опросов взрослого трудоспособного населения, см.: *Чепуренко А.Ю. Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики, 2008. № 8.*

нию в разных национальных и культурных средах. Трендовые исследования могут использоваться для оценки динамики покупательских предпочтений, изменений в образе жизни и установках, влияющих на потребительское поведение. Хотя количество таких исследований очень велико. И Россия очень часто включена в такие проекты как страна-участница. В рамках этого направления накоплен большой опыт в организации и проведении сравнительных исследований. Но развернутого теоретического и методического осмысления исследований этого типа, обобщения накопленных знаний пока не произошло, и это дело будущего.

Исследования для сбора статистических данных по разным странам по социально значимым вопросам, которые являются объектом государственной политики.

Приведем несколько примеров разного типа сравнительных социальных исследований на базе опросов. Это именно примеры, а не перечисление всех сделанных в этой области исследований (см. *Схему 1.5*).

Мы не приводим в пример маркетинговые исследования, хотя они бывают каждого из описываемых типов. Почти вся информация об этих исследованиях принадлежит коммерческим компаниям, и возможность для их внешнего анализа появляется редко. Хотя это отнюдь не умаляет ценность маркетинговых исследований для развития методологии сравнительных опросов, которая, правда, концентрируется больше внутри опросных организаций и реже обогащает знания академического мира, кроме некоторого личного обмена информацией, лекций и конференций.

Помимо характеристик программы исследования – количества объектов исследования, временных точек измерений и содержания, тематических характеристик, сравнительные социальные исследования различаются по способу их организации – типу управления проектом и использованию сравнительной методологии на разных этапах исследовательского проекта.

По типу управления проектом сравнительные опросы можно разделить на **централизованно-управ-**

Таблица 1.5. Примеры сравнительных социальных исследований разного типа

ЦЕЛЬ/ Время	Академические, фундаментальные исследования в социальных науках	Опросы общественного мнения по другим вопросам	Опросы, связанные с оценкой эффективности социальных программ ИЛИ сбора стат. информации по вопросам социальной политики
ОДНА ВРЕМЕННАЯ ТОЧКА	Civic Culture (G.Almond, S.Verba) «Социальная стратификация в Восточной Европе после 1989 года» Проект по Бюджетам времени 1965-1966 гг. А.Салаи и Ф.Стоуна	Опрос жителей России и Украины о событиях на Украине (Левада-КМИС 2014)	Международное исследование Стигмы Душевного Здоровья (MHSS) Исследование потребления Табака (GATS) 2009 Европейское панельное исследование домохозяйств (ECHP)
ПОВТОРНЫЕ ИЛИ ТРЕНДОВЫЕ	Политическое участие и Равенство в 7 странах 1966 Политическое действие I и II 8 стран 1973 и 1981	New Europe (R.Rose) Трансатлантические Тренды	Международный проект по социальной справедливости

ОДНА ВРЕМЕННАЯ ТОЧКА	«Молодежь и будущее» в странах бывшего СССР (В.Г.Андреенков, Д.Робинсон)		Скандинавское исследование систем социального обеспечения 1972г
ПОВТОРНЫЕ ИЛИ ТРЕНДОВЫЕ	ESS, SHARE (панельное) Сравнительные Постсоветские Тренды ЦЕССИ	Евробарометр Афробарометр Латинобарометр Евразийский Монитор	Жизнь в переходный период EBRD Международное исследование жертв преступлений EU Labor Force Survey, EU SILS
ОДНА ВРЕМЕННАЯ ТОЧКА			Всемирное исследование душевного здоровья, Всемирное Исследование Здоровья ВОЗ Всемирное исследование фертильности
ПОВТОРНЫЕ ИЛИ ТРЕНДОВЫЕ	WVS, ISSP	Gallup World Poll Всемирный опрос экологической ответственности Globescan Глобальное исследование Установок Pew Poll	Глобальный мониторинг предпринимательства МП качества математического образования TIMSS Международная программа по оценке достижений учащихся PISA

ляемые и децентрализованные (организованные по принципу свободной ассоциации заинтересованных групп и ученых). На первый взгляд кажется, что управление проектом является характеристикой технической и вводить ее особым основанием для классификации исследований не стоит. Но на самом деле тип управления исследовательским проектом влияет на весь процесс его проведения – от формирования гипотез и определения теоретических оснований исследовательского проекта, подхода к операционализации понятий и показателей, до организации процесса перевода и других этапов.

Первые сравнительные опросы были полностью централизованными. Их также называли «империалистическими» из-за того, что при планировании и организации исследования доминировал один научный коллектив или одна школа, чаще всего американская. При этом подходе одна ведущая сторона устанавливала правила и стандарты, а все остальные лишь копировали созданную методологию. Но если этот тип организации исследования критиковали за американо- или европоцентризм, игнорирование национальных и культурных особенностей, перенесение чуждых понятий на новую почву и т.п., то децентрализованные проекты страдали от слишком слабой стандартизации всех исследовательских процессов, доминирования взглядов о «национальной специфике» над принципом сопоставимости, а иногда предрассудков, укоренившихся в конкретном научном сообществе, над здравым смыслом. Как трудно, например, внедрялась практика телефонных опросов в России⁴⁰, преодолевались сомнения и возражения, связанные с низким доверием населения к телефонам и, как следствие, низкому уровню кооперации («никто не будет отвечать на вопросы по телефону»). В странах Кавказа и Средней Азии среди исследователей долго обсуждалось нужно ли включать в политические и электоральные опросы женщин, исходя из убеждения, что электоральный выбор женщины определяется и полностью зависит от главы семьи – мужчины.

⁴⁰ Андреенков В.Г., Сотникова Г.Н. Телефонные опросы населения. Методические рекомендации по проведению массовых выборочных опросов. М.: ИСИ РАН СССР, 1985.

Два описанных подхода – централизованный и децентрализованный – представляют собой две крайности, между которыми находится большое количество промежуточных звеньев. На разных этапах и для разных задач в рамках исследования может использоваться и централизованный, и децентрализованный подход. Поэтому лучше говорить о степени централизации в управлении проектом, а не об отнесении проекта к одному или другому типу⁴¹.

Полностью централизованными можно считать исследования, в которых все этапы проекта от формулировки целей, создания инструмента для опроса до анализа данных выполняются из одного центра, и лишь непосредственно сбор эмпирической информации происходит в разных странах. **Максимально децентрализованными** или международными по организации исследовательскими проектами являются те, в которых работа на всех или большинстве этапов – от создания анкеты до анализа данных – ведется всем международным коллективом. Примером такого проекта может служить ISSP.

Большинство крупных современных сравнительных межстрановых опросов основано на принципах **умеренной централизации**. Часть этапов проекта реализуется совместно всем международным коллективом (например, разработка целей, программы, инструмента для опроса, его тестирование, а также окончательная обработка данных и их анализ), а часть координируется и контролируется одним Координационным центром (все

---

⁴¹ С. Роккан разделял исследования на шесть типов в зависимости от того, на каких этапах используются международные усилия: 1. Исследование, которое и разрабатывается, и анализируется в одном центре (Роккан считал, что таких нет); 2. Международное только на уровне сбора данных; 3. Международные на уровне сбора и анализа данных («репликирующее»); 4. Международное на уровне разработки и сбора данных; 5. Полностью международное кроме анализа данных (Роккан считал, что за этим типом будущее); 6. Все ступени исследования – международные. *Rokkan S. Cross-cultural, cross-societal, cross-national research // Historical Social Research, 1993, vol.18.*

этапы перевода, его верификации, тестирования, полевых процедур, сроков и т.п.). Примером такого типа организации исследования является ESS.

Способ управления исследовательским проектом в значительной степени зависит от способа финансирования проекта. Если проект финансируется из одного источника и его получает один исследовательский центр, то и организация проекта, и использование данных осуществляется этим центром – исследование проводится максимально централизовано. Если же финансирование осуществляется из многих источников или его получают разные участники исследовательского проекта, то и управление чаще всего оказывается децентрализованным или международным по организации. Маркетинговые исследования, многие сравнительные опросы общественного мнения, исследования по оценке эффективности коммуникационных программ и исследования по сбору статистической информации о странах чаще всего представляют собой исследования с довольно высоким уровнем централизации. Такие исследования обычно финансируются централизованно, а результат используется в интересах или по поручению финансирующей стороны – государства, коммерческой компании, международной организации, СМИ или самой исследовательской организации. В академических сравнительных исследованиях формы управления более разнообразны – от полностью централизованных до полностью децентрализованных (международных).

В настоящее время происходит «возрождение» высокоцентрализованных сравнительных опросов, и, одновременно, увеличение распространенности других, самых разнообразных форм управления исследовательскими проектами. Появляется больше потребностей и предложений по коммерческому использованию данных сравнительных исследований – маркетинговых со стороны коммерческих компаний, по изучению эффективности программных усилий со стороны международных организаций и НКО, потребностей в информации об общественном мнении населения разных стран со стороны разных государств и международных средств массо-

вой информации. Чаще всего такие задачи решаются в рамках централизованно-финансированного и, соответственно, централизованно управляемого сравнительного исследования. Развитие технических возможностей (например, возможности для централизованного перевода или проведения он-лайн или телефонных опросов из единого центра) также способствуют увеличению количества централизованных исследовательских проектов.

Вместе с тем только в последние два десятилетия появились и возможности для действительно децентрализованных исследований, интернационального подхода. Все большее количество стран и организаций подключаются к финансированию сравнительных проектов – источников финансирования становится больше. Такая децентрализация фондов ведет к большей децентрализации управления. Расширению возможностей для создания и работы международных научных коллективов на всех этапах реализации исследовательских проектов способствует интернационализация науки, расширение технических возможностей, средств связи и коммуникаций, интернационализация научного образования и распространение английского языка как языка международного научного общения. Такой подход обогащает науку в целом и национальные научные школы, российскую науку, в частности. Академические сравнительные исследования становятся столь дорогими, что отдельные научные фонды не могут справиться с их финансированием, вместе с тем научные школы и научные фонды все большего количества стран укрепляются, появляется возможность децентрализованной, международной организации исследовательских проектов. Тем не менее полностью интернациональное управление и проведение сравнительного исследования пока применяется лишь в небольшом количестве больших академических исследовательских проектов. Этот подход очень ресурсозатратен и с точки зрения финансов, и точки зрения времени, и, как иронично заметил Стейн Роккан, «для нервов всех участников проекта»⁴².

⁴² *Rokkan S. Cross-cultural, cross-societal, cross-national research// Historical Social Research, 1993, vol. 18.*

Разнообразие управленческих форм, содержательных задач и методов организации сравнительных опросов привело и к тому, что само понятие «сравнительности» обретает все более специфические формы. Просто разделить исследования на сравнительные или несравнительные становится трудно. Более правильно и продуктивно с точки зрения описания всего поля сравнительных исследований, которые реализуются сегодня в мире, невзирая на то попадают ли они в научные классификации или нет, различать их по тому, насколько и на каких этапах **сравнительные процедуры используются в ходе исследовательского проекта**. А использоваться они могут либо на всех этапах, либо лишь на каких-то определенных.

Условно все этапы исследовательского проекта, на которых могут применяться сравнительные процедуры, можно разделить на следующие:

Формулировка задачи, целей, операционализация понятий;

Определение основных методологических подходов и процедур к сбору и анализу данных;

Подготовка инструмента для опроса, тестирование;

Перевод, адаптация инструмента на разные языки;

Построение выборок;

Сбор данных (в том числе подбор и тренировка интервьюеров, метод сбора данных, отдельных его процедур);

Обработка данных;

Анализ данных.

Совсем не использовать в сравнительном опросе сравнительные процедуры не получится, так как в этом случае исследование перестанет быть сравнительным. Применение минимального количества сравнительных процедур возможно в том случае, если речь идет не о сравнительном исследовании в полном смысле, а о сравнительном анализе данных, собранных в разных

странах независимо друг от друга, например, данных государственной статистики. В этом случае общими являются только базовые методологические принципы и подходы к сбору информации, сама процедура сбора данных осуществляется независимо, а затем данные проходят этап пост-гармонизации. Довольно небольшое количество сравнительных процедур используется в «репликирующих» или «заимствованных» исследованиях – когда сама программа исследования задумывалась и была реализована как однострановое исследование в одной стране, а затем было перенесено в другую страну. Например, исследования авторитаризма были первоначально разработаны в Калифорнии и протестированы и использованы на примере США, а затем проведены в большом количестве других стран уже как независимые исследовательские проекты. Выше мы уже упоминали Панельные исследования социально-экономического положения домохозяйств. Американское исследование GSS (General Social Survey), разработанное для мониторинга изменений в установках, поведении и характеристиках американского общества, проводится в США с конца 1960-х годов. С 1980 года в Германии начало проводиться исследование ALLBUS по программе, очень сходной, хотя и не идентичной⁴³. На протяжении последних лет подобные Общие Социальные Исследования стали проводиться во многих других странах. Хотя все они объединены общим источником, сравнительными по дизайну они не являются⁴⁴.

Во многих сравнительных социальных исследованиях сравнительные процедуры используются лишь на нескольких этапах проекта – на этапе подготовки инструмента для опроса, определения основных методологических процедур, иногда определения основных параметров выборки и формата для обработки данных. На остальных этапах сравнительные процедуры не используются, а все этапы проекта проводятся как однострановые.

⁴³ <http://www.gesis.org/en/allbus>

⁴⁴ The Korean General Social Survey (KGSS), The Polish General Social Survey (PGSS), New Zealand Social Survey, Canada General Social Survey и другие.

С первого взгляда может показаться, что чем на большем количестве этапов исследования используются сравнительные процедуры, тем более надежным становится сравнительное исследование, более «сравнительным». На самом деле ситуация сложнее.

На сегодняшний день сравнительное межстрановое исследование, где сравнительные процедуры использовались бы на всех этапах проекта, возможно реализовать только при применении особых методов опроса и лишь в некоторых географических единицах. Во-первых, такая возможность появляется в том случае, если опрос проводится методом телефонных интервью из единого центра разноязычными интервьюерами или только в странах, использующих один язык (например, арабский в странах Ближнего Востока, или немецкий для опросов в Германии, Люксембурге, части Швейцарии и в Австрии). Еще один случай – если опрос проводится почтовым методом или методом самозаполнения в Интернете. В таких исследованиях есть возможность проводить всю подготовительную часть исследования централизованно, сбор данных может проводиться дистанционно из одного центра, данные поступают в центральную базу данных и там агрегируются. Чаще всего такой способ организации опросов используется в маркетинговых исследованиях. Такие опросы имеют существенные ограничения по полноте географического покрытия и по полноте покрытия представляемых групп населения (только Интернет-пользователи, включенные в базы, из которых строится выборка, или только люди с доступом к телефону). В разных странах уровень телефонизации и уровень «интернетизации» населения разный, более того, доступ к телефону и Интернету неравномерно распределен между населением с разными социально-демографическими параметрами (возраст, социально-экономическое положение, местожительство и др.), и эта неравномерность не одинакова в разных странах. Эту проблему зачастую пытаются решить введением квот на те группы населения, которые не получили достаточного представительства в выборке. Но в таком случае говорить о случайной вероятностной выборке, а, значит, и о возможности статистиче-

ской оценки эквивалентности выборок и оценке надежности полученных результатов сравнений между странами не приходится. Подобные исследования становятся все более и более популярными в последние годы в связи с развитием коммуникационных технологий и общего процесса глобализации. Если исследование проводится на основе личных интервью, то процесс сбора данных с необходимостью децентрализован и связан с национальными особенностями построения выборки.

Во-вторых, использование сравнительных процедур на каждом этапе может привести к потере надежности и точности данных на уровне отдельного объекта (единицы) исследования. Например, централизованный перевод и его верификация хороши тем, что используются одинаковые подходы, временные интервалы, возможна горизонтальная проверка сравнимости перевода между всеми языками опроса, а не только с языком-источником, все процедуры возможно провести быстрее. С другой стороны, практика показывает, что перевод, осуществляемый на уровне стран и при соблюдении всех основных требований к переводам, обладает более высоким качеством, чем переводы, которые делаются централизованно. Отчасти это происходит потому, что на уровне отдельных стран, особенно в академических проектах, есть возможность использовать «командный» способ организации перевода, привлекать лучших специалистов по переводам именно для целей опросов, учитывать не только лингвистическую составляющую перевода, но и специфику языка опроса. При централизованном переводе обычно прибегают к услугам переводческих агентств, при этом качество переводов на разные языки очень разное в зависимости от опыта и личности переводчика, учета специфики опросов при переводе и других факторов.

При технических и организационных возможностях сегодняшнего дня большая часть сравнительных межстрановых опросов включает использование сравнительных процедур на большей части этапов исследования, но не на всех.

Два основания классификации сравнительных социальных исследований на базе опросов – тип управления

и степень использования сравнительных процедур в ходе исследовательского проекта – кажутся очень схожими или тесно взаимосвязанными. Можно было бы предположить, что в полностью централизованном проекте сравнительные процедуры используются на максимальном количестве этапов исследования. Однако на практике происходит совсем не так. Среди исследовательских проектов, которые реализуются в мире сегодня, есть как высокоцентрализованные проекты с максимально большим количеством этапов, на которых используются сравнительные процедуры, так и высокоцентрализованные проекты с довольно небольшим или даже минимальным количеством этапов, на которых используются сравнительные процедуры. То же самое можно сказать о децентрализованных проектах – в них может использоваться и максимальное, и минимальное количество сравнительных процедур на разных этапах. Например, ISS, WVS или ESS являются проектами скорее децентрализованными или умеренно централизованными, с высокой степенью интернационализации в управлении проектом, однако сравнительные процедуры в этих проектах используются почти на всех этапах. А во многих опросах общественного мнения, напротив, управление проектом полностью централизовано, а сравнительные процедуры используются лишь базовые.

В качестве примера организации проекта и использования сравнительных процедур, реализуемого в современной сравнительном межстрановом исследовании академического типа, рассмотрим организацию исследовательского процесса в ESS⁴⁵.

ESS представляет собой проект с умеренной степенью централизации управления проектом и вы-

⁴⁵ Подробное описание методологии ESS и анализ данных первой волны исследования в России представлены в статье В.Г. Андреевкова «Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях». Глава 1. / в кн. Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование», под ред. А.В. Андреевковой и Л.А. Беляевой, М.: Academia, 2009.

сокой степенью использования сравнительных процедур. Сам проект был задуман международной группой ученых из разных стран – Максом Каазе из Германии, Роджером Джоулом из Великобритании, Шаломом Шварцем из Израиля и другими. Разработка теоретических основ проекта осуществлялась международными коллективами ученых по отдельным направлениям (специалистами по социальной структуре, по политическому участию, по проблемам этничности и т.п.). Операционализация теоретических понятий в виде вопросов анкеты была проведена международными коллективами и группой методологов-специалистов по измерениям в опросах – Виллемом Сарисом из Испании, Жаком Бильетом из Бельгии и другими. Были созданы международные группы экспертов по отдельным направлениям организации исследования – группа экспертов по выборке, по переводам, по предварительному тестированию анкеты и т.п., которые совместно разрабатывали каждый шаг проекта, используя знания именно в своей области. В качестве законодательного органа был создан Научный Совет, куда входили представители всех стран-участниц, именно этот Совет рассматривал, обсуждал и принимал рекомендации экспертных групп (от России в Совете работал В.С. Магун). При этом дискуссия по каждому вопросу, все аргументы за и против каждого выбора документировались и находятся в открытом доступе, что позволяет на любом этапе проанализировать основания каждого шага и каждого выбора. В стране-участнице работал руководитель проекта, который отвечал за практическую реализацию исследования в своей стране (в России это А.В. Андрееenkova). В России также был создан свой Научный Совет, состоящий из специалистов в разных областях социологии и представителей разных научных учреждений (руководитель Н.И. Лапин). Этот Совет занимается разработкой всех тем и проблем ESS применительно к России. По данным

проекта ведут работу ведущие российские ученые в самых разных областях социологии. Общую координацию работы всех групп и национальных Советов проводил Центральный координационный комитет ESS. Финансирование всей организационной деятельности проекта на международном уровне осуществлялось из долгосрочного гранта Европейской Комиссии. Финансирование исследования в каждой стране – из разных национальных источников (национальных научных фондов, финансирование от Министерств Науки и Образования, отдельных частных научных фондов). В России финансовую поддержку ESS на протяжении всех лет существования проекта оказывал РГНФ, большую помощь оказала также ВШЭ и другие фонды. В последние годы система управления и финансирования проекта изменилась.

Многообразие сравнительных социальных исследований на базе опросов сложилось не в один день. И теперь самое время обратиться к истории этого направления.

ЧАСТЬ 2

ИСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖСТРАНОВЫХ ОПРОСОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

2.1. Этапы развития сравнительных межстрановых опросов

Факторы, повлиявшие на развитие сравнительных межстрановых опросов

Сравнительные межстрановые исследования на базе опросов – направление в социальных науках довольно молодое. По-настоящему интенсивное развитие этого направления началось лишь после окончания Второй Мировой войны. К этому моменту возникли политические, социальные и внутринаучные предпосылки для проведения подобных исследований. Во-первых, встала задача выстраивания мирного сосуществования наций и восстановления международного сотрудничества после разрушительной войны. Во-вторых, появилось большое количество новых государств, стали развиваться международные и политические организации. В-третьих, начался процесс глобализации общественных проблем, управляющих институтов и экономических структур. В это время существенно расширились знания и опыт исследователей в проведении национальных массовых опросов в целом ряде стран, возникли технические и методические возможности для проведения сравнительных межстрановых исследований на базе опросов и обработки больших массивов данных. Интенсивное

развитие сравнительных исследований на базе опросов диктовалось и стимулировалось как самой логикой развития социальных наук и сравнительной методологии, так и целым рядом внешних для науки факторов.

Остановимся более подробно на некоторых из этих внешних факторов. Один из них – фактор количественный, тем не менее оказавший качественное влияние на развитие сравнительных опросов и их методологии – это рост количества государств. Первая волна образования новых государств в «новое время» пришлась на конец 1950-х – начало 1970-х годов как заключительный этап разрушения колониальной системы. В этот период на карте мира появились 50 новых государств. Вторая волна – на начало 1990-х: после распада Советского Союза вместо одной страны в мире появилось 15, политическая карта Восточной Европы также стала более дробной. Для сравнительных социальных исследований на базе опросов этот процесс означает увеличение единиц, входящих в исследование, и расширение возможностей статистического анализа данных. Появляется также возможность изучения обществ, где многие социальные процессы происходят с гораздо большей скоростью, чем в стабильных общественных системах, и, таким образом, представляют собой естественные лаборатории для проверки различных гипотез и теорий.

Среди других социетальных факторов, которые способствовали развитию межстрановых социальных сравнений, можно назвать:

Рост международных организаций в послевоенные годы и рост потребностей в международных сравнениях со стороны таких организаций, увеличение финансовых и организационных возможностей для осуществления подобных научных проектов;

Рост трудовой, политической и других видов миграции между странами;

Интернационализация социальных, культурных и экономических знаний;

Увеличение региональных связей («мир регионов» вместо мира отдельных стран);

Расширение информационных и коммуникационных возможностей; а также сопутствующий общей глобализации процесс глобализации общественных проблем. Экономический и финансовый кризис конца первого десятилетия XXI века, влияние которого мы чувствуем и сейчас, показал, что кризисы в нашем веке имеют глобальный характер и редко ограничиваются национальными границами. Межнациональными стали и такие проблемы как состояние окружающей среды, проблемы бедности (которые невозможно понять или решать без анализа всей системы распределения и перераспределения ресурсов между странами, находящимися на разных этапах экономического и политического развития), проблемы массовых заболеваний и многие другие.

Парадоксально, но в истории развития социальных межстрановых опросов важную роль сыграли не только интеграционные, но и дезинтеграционные процессы. В частности, на раннем послевоенном этапе развития этой отрасли знаний «холодная война», разделение мира на два противоборствующих лагеря стимулировали развитие системных сравнений, изучение «конкурентных преимуществ» двух систем. Разрушение колониальной системы, а также процесс модернизации традиционных экономик, в который вступили в послевоенные годы многие страны Южной и Латинской Америки, послужили важным стимулом развития межстрановых сравнений, измерений темпов прогресса в разных странах в 50-е годы прошлого века. Изучать такие макропроцессы можно только столь же масштабными методами – международные сравнения стали занимать важное место наряду с историческим методом, который был до этого периода доминирующим в изучении подобных социальных событий и явлений. Распад СССР также явился толчком для развития межкультурных и межстрановых сравнений в Европе.

Кроме внешних причин развитие сравнительных социальных исследований стимулировалось и внутринаучными факторами и логикой развития этой отрасли знания. Такие «внутренние причины» выделил в конце 60-х годов прошлого века Г. Алмонд. Хотя эти причины явились в основном движущей силой развития для американской науки, именно она в те годы была лидером направления сравнительных исследований, поэтому обойти их вниманием было бы неправильно¹. «Внутренними причинами» Г. Алмонд назвал:

Рост количества информации, данных о разных политических системах (Алмонд особенно подчеркивал со своей американской точки зрения, что речь идет о незападных политических системах).

Создание общей теоретико-методологической базы для межстрановых социальных сравнений.

Развитие антропологических, психологических и психоаналитических теорий культуры и личности.

Достижения исторической социологии и развитие социологических теорий, потребность в их верификации в разных странах/ культурных средах.

Несмотря на большое количество работ, посвященных сравнительным межстрановым опросам, их систематической истории пока не написано. Мы попытаемся хотя бы частично восполнить этот пробел, предложив очерк истории развития и периодизацию развития этого направления. Однако хотелось бы подчеркнуть, что перед нами не стоит задача, да и нет возможности, описать и собрать информацию обо всех проведенных за десятилетия сравнительных социальных исследованиях на базе опросов. Хотя, на основе собственного опыта могу утверждать, что каждое такое исследование – очень ценный, трудный и обогащающий процесс, пройденный учеными. Поэтому работа по дальнейшему сбору информации о таких опросах будет продолжена.

---

¹ *Almond G. Comparative Politics, in The International Encyclopedia of Social Sciences, ed. by D. Sills. New York: Free Press, 1968.*

Я предлагаю выделить восемь хронологических этапов в развитии сравнительных межстрановых социальных исследований на базе опросов, каждый из которых имеет свои особенности и внес свой вклад в разработку общей методологии сравнительных опросов, достижениями которой мы пользуемся сейчас².

1. Подготовительный теоретический историко-философский этап. Развитие сравнительного метода как одного из основных методов научного познания в трудах философов и историков с древних времен до XIX века.
2. Подготовительный эмпирический этап. Довоенные годы прошлого века. Возникновение эмпирических опросных центров (в основном, коммерческих и в основном – в США) – как организационных структур для систематического сбора опросных данных. Меж-

---

² Американский исследователь Том Смит, руководитель проекта GSS в США, предлагает выделять три основных этапа в развитии сравнительных социальных опросов 1. Этап – от зарождения массовых опросов в 1930-х годах до 1972 года (начало Евробарометра), Этап 2 – с 1973 по 2002 год, и Этап 3 – после 2002 года (начало ESS). *Smith T.W., Yang-Chih Fu The Globalization of Surveys. GSS Cross-national Report No. 34. Chicago: NORC, September, 2014.* Такая периодизация построена на идее постепенной глобализации (расширения в пространстве) и расширение сравнительных проектов во времени (трендовость), а также постепенной институционализации сравнительных исследований (от малых исследовательских групп к большим инфраструктурным проектам). Мне кажется, более детальная периодизация более плодотворна и раскрывает не только это линейное развитие сравнительных исследований по трем параметрам, но и способствует пониманию сложности и многообразия путей, которым пришлось пройти исследователям при организации сравнительных проектов. На наш взгляд, общее направление развития таких исследований состоит не только в общем расширении каждого проекта, но в более глубоком понимании значения эквивалентности международных сравнений и методологии достижения такой эквивалентности, а эти знания были накоплены как на основе крупных сравнительных проектов, так и в отдельных сравнительных исследованиях с малым количеством стран и временных точек.

страновые и межкультурные сравнения с использованием эмпирических данных в социальной антропологии.

3. Послевоенные годы XX века. Бурное развитие сравнительных межстрановых проектов на основе опросов. Создание академических прикладных исследовательских центров, периодических изданий, международных ассоциаций исследователей. Использование данных сравнительных межстрановых опросов в разных научных социальных дисциплинах – социологии, психологии, социальной антропологии, политических науках. Доминирование американской школы.
4. Конец 50-х – начало 60-х годов XX века. Снижение интереса академической науки к сравнительным межстрановым проектам. Развитие этого направления коммерческими опросными организациями; исследовательские проекты под эгидой международных организаций (ЮНЕСКО), правительств отдельных стран.
5. Конец 60-х и 70-е годы XX века. Центр развития сравнительной методологии и сравнительных исследований перемещается из США в Европу. Расширение тематики сравнительных межстрановых опросов (социальная структура, бюджеты времени, политическое участие и т.д.). Расширение географии опросов, включение новых стран, в том числе Восточной Европы. Участие СССР и стран Восточной Европы в нескольких сравнительных проектах.
6. 80-е годы XX века. Переход от одноразовых сравнительных проектов (одна временная точка) к созданию временных рядов.
7. 90-е годы XX века. Развитие крупных межстрановых региональных сравнительных проектов на базе опросов, зарождение методологии сравнительных опросов как отрасли знаний.

8. Начало XXI века до нашего времени. Разработка международных стандартов качества сравнительных межстрановых опросов. Изучение надежности социальных измерений стало столь же важной научной задачей, как и содержательные вопросы сравнений. Введено требование научной и методологической обоснованности межстрановых сравнений.

Рассмотрим каждый из этих этапов более подробно.

Теоретико-методологические основания сравнительного метода

Если в организационном плане сравнительные межстрановые социальные опросы появились в своем нынешнем виде относительно недавно – в послевоенные годы прошлого века, то своими теоретико-методологическими корнями они обязаны гораздо более древней историко-философской научной традиции. Сравнительному методу (подходу) к социальным явлениям и процессам уже почти две тысячи лет. Этот подход использовался в трудах великих историков Греции – в частности, Геродотом³. Платон, разрабатывая понятия монархии, аристо-

³ Именно к Геродоту возводят начало «сравнительного народоведения». На основе личных впечатлений и поездок во многие страны от Персии до Италии, от Египта до стран Северного Причерноморья, Геродот сравнивал методы государственного управления (деспотизм у азиатских стран и свобода для всех граждан у эллинов). Исходной точкой сравнения была для него своя греческая культура, она же являлась моделью для сравнения. Примерно такого же подхода придерживался Полибий, сравнивая разные народы с римлянами. Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях» предлагал объяснять различия народов влиянием климата и прочих природных условий (а они разные в разных местностях) на человека и его психику. *«Все в Азии рождается более красивым и более великим, и сама страна мягче другой, и нравы людей приветливее и спокойнее. И причиной всего этого служит умеренность времен года... Но мужественный дух, выносливость к труду и смелость не могут рождаться в такой природе... По необходимости берет верх наслаждение».*

кратии, тимократии, демократии и тирании, примеряет и проверяет эти понятия на примере разных греческих городов и их истории. Тацит сравнивает Афины и Спарту⁴. Аристотель соединил платоновский метод абстракции с изучением конкретных случаев – его помощники собрали по его просьбе Конституции 153 городов-государств по всему Средиземноморью. Аристотелевская «Политика» служит примером использования сравнительного метода для ученых уже на протяжении многих веков⁵. Плу- тарх разработал метод сравнительных биографий, описы- вая и сравнивая жизненный путь выдающихся людей. Средневековые мыслители, например Фома Аквинский, искали общие принципы и законы развития челове- чества, на основе анализа различий между христианами и нехристианами. Аристотелевская традиция через разли- чия идти к пониманию общих принципов была продол- жена Ш. Монтескье в XVIII веке и Арнольдом Тойнби в XX веке.

Общепризнанным и широко используемым как науч- ный метод сравнительный анализ стал в XIX веке в самых разных отраслях знания: в социологии, юриспруденции, литературоведении, языкознании, этнографии, культу- рологии. О. Конт и Г. Спенсер считали сравнительный метод одним из основных методов социологического ис-

⁴ В своем сочинении «О происхождении германцев и место- положении Германии» Тацит дал очень подробное описание германских племен и их общественного устройства. Он сопоставляет варварские племена между собой по разным пока- зателям, сравнивает их и с римлянами. Принадлежность на- родов он устанавливал не по языковому родству, а по образу жизни.

⁵ Аристотель первым стал употреблять термин «этнос» не для обозначения «толпы», а для всякого «негреческого народа». Однако свой собственный народ, греков, он называл «генос» (буквально: род, народ). *«Эллинская народность (γένος), зани- мающая в географическом отношении как бы срединное место между жителями севера Европы и Азии, объединяет в себе при- родные свойства тех и других: она обладает и мужественным ха- рактером, и развитым умом; поэтому она сохраняет свою свобо- ду, пользуется наилучшей государственной организацией и была бы способна властвовать над всеми, если бы только была объеди- нена одним государственным строем».*

следования. М.М. Ковалевский и Э. Дюркгейм видели в сравнительной социологии сущность социологии вообще. В это время стали создаваться социальные теории, в основе которых лежали межстрановые и межкультурные сравнения (Э. Дюркгейм, М. Вебер), некоторые из них стали опираться на эмпирические данные: статистику, систематический анализ документов, хотя в целом доказательства чаще всего носили логико-теоретический или исторический характер. Однако последователей у этого направления в социальных науках было немного. Например, работа П. Сорокина о сравнении разных систем социальной стратификации после ее первого выхода в свет в 1927 году была почти не замечена современниками, а настоящую известность в академических кругах получила лишь в начале 50-х годов прошлого века.

В 20–30 годы XX века в рамках социальных наук стали активно развиваться эмпирические исследования, изменился сам подход к системе научного доказательства. В это время в социальных науках большую популярность приобрели научные методы, которые в то время уже активно применялись в естественных науках – эксперимент, систематическое наблюдение, массовые обследования. В это время у ученых появились возможности получения систематической информации о населении на основе государственной статистики. Изменилась и система аргументации, и логика выдвижения и доказательства социальных теорий. Как некий «ответ» на доминирование макротеоретической социологии, лидером в развитии методологии социальных наук становится «Чикагская школа», которая ставила перед собой задачи изучения социальных «болезней» и проблем, которые, по мнению исследователей этой школы, возникают только в конкретном времени и конкретном месте, и только таким образом и должны изучаться. Однако выводы, которые можно сделать на примере одной территории (Чикаго и прилегающих районов), могут быть верными и для любого другого места и времени. Задача межстрановых или межкультурных сравнений в это время для исследователей ключевой не являлась, так как страны, районы и города были заняты изучением своих собственных про-

блем. Исключение составляли лишь некоторые исследования общественного мнения и исследования рынка, которые коммерческие исследовательские организации стали проводить в 30-х годах прошлого века.

Из всех социальных наук наибольшее внимание межкультурным и отчасти межстрановым сравнениям в этот период уделяли социальная антропология и этнография, а также социальная психология. В социологии и политических науках межстрановые сравнения в это время использовались значительно реже.

Настоящим прорывом в развитии систематических сравнений различных культур можно считать создание в 30-х годах прошлого века Картотеки Человеческих Отношений (The Human Relations Area Files). За этот масштабный проект, целью которого было сравнение различных культур по самому широкому количеству показателей, взялась группа ученых под руководством Джорджа Мёрдока в Йельском Университете⁶. Идея проекта заключалась в том, чтобы собрать в единую базу данных этнографические отчеты по разным культурам за все годы исследований и расположить собранные данные согласно определенной классификации и принципам. Такая база данных стала эмпирической основой для многих дальнейших исследований, а также одним из первых систематических архивов этнографических данных. На основе этой Картотеки Мёрдок выпустил «обзор мировых культур», в котором постарался привести перечень и классификацию всех известных на тот момент культур мира. Для классификации культур была разработана довольно сложная система кодирования компонентов культур и их характеристик. Весь мир был разделен на 8 географических регионов (Азия, Европа, Африка, Ближний Восток, Северная Америка, Океания, Россия и Южная Америка), регионы в свою очередь подразделялись на суб-регионы, затем на более мелкие единицы – «культуры», «общества», «племена». Об этих единицах были собраны дан-

⁶ Мёрдок Дж. П. Социальная структура. М.: О.Г.И., 2003; Коротаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм, 2003.

ные по 700 параметрам и сгруппированы в 79 тематических разделов. В базе была собрана информация о 320 современных и «исторических» культурах. Эта база данных продолжает пополняться и по сей день⁷. С 1949 года этой базой занимается независимая исследовательская организация при Йельском университете – The Human Relations Area Files, Inc. (HRAF). В настоящее время эта организация поддерживает две основных базы данных – eHRAF World Cultures и eHRAF Archaeology, которые широко используются в культурной антропологии.

40-е годы XX века – начало пути

В послевоенные годы сравнительные межстрановые исследования на базе опросов стали приобретать настоящую популярность, и постепенно выделились в самостоятельное научное направление. Началось это движение в США с изучения влияния последствий Второй Мировой войны на разные страны, причин и источников возникновения фашистских политических режимов, изучения мнения населения разных стран об участниках внешнеполитических отношений, сложившихся «образах» разных стран. Для мира, расколотого на противоборствующие лагеря, встала задача выстраивания системы мирного сосуществования и восстановления международного сотрудничества. А для создания такой системы жизненно важными были сбор и анализ информации о восприятии наций друг другом, поиск общих для разных народов тем и проблем, попытка смягчить национальные стереотипы, двигаться вперед по пути понимания друг друга.

На послевоенное время второй половины 40-х годов приходится настоящий расцвет эмпирических исследований в социальных науках. Совершенствуется методология опросов – методы построения выборки, организации опросов, начинается изучение проблемы надежности социальных измерений и качества социологических данных. Развитие методологии опросов происходило в двух

⁷ Информацию о базе можно получить на сайте <http://www.yale.edu/hraf/>

направлениях, которые долгое время мало пересекались (да и сегодня пересекаются не столь часто): государственные переписи и обследования, проводимые национальными статистическими службами, опросы общественного мнения и маркетинговые исследования. В довоенные годы второе направление развивалось в США более динамично, чем первое – большие коммерческие опросные организации (Gallup, Harris и другие) были созданы уже в 1930-е годы. В странах Европы это движение началось в середине 1940-х годов. В 1944 году была создана опросная организация Service de Sondage во Франции. В последующие два года подобные организации были открыты в Норвегии, Венгрии, Нидерландах и Чехии, Италии и Германии.

После войны стали активно создаваться исследовательские центры для изучения общественного мнения и социальных измерений при университетах. В 1941 году в США был открыт Национальный Центр изучения мнений населения (NORC) при Чикагском университете, в 1944 году – Бюро Прикладных социальных исследований П. Лазарсфельда в Колумбийском университете, в 1946 году – Центр массовых опросов в Университете Мичигана (SRC). В нескольких странах были открыты государственные исследовательские опросные институты и проекты – в частности, INSEE во Франции (Национальный Институт статистики и экономических исследований), The Social Survey в Великобритании.

Примерно в это же время началось активное сотрудничество между исследовательскими организациями в разных странах, в результате которых в 1948 году была образована Всемирная Ассоциация исследователей общественного мнения (WAPOR), а в 1949 году – Европейское Общество исследователей общественного мнения и маркетинговых исследований (ESOMAR). Эти организации объединяют исследователей из разных стран и по сей день.

К раннему послевоенному времени относится и учреждение регулярных изданий о международных исследованиях общественного мнения. Впервые такое издание появилось в Мексике в 1947 – «*Международный Журнал по изучению общественного мнения и установок*»

(«*International Journal of Opinion and Attitude Research*»). До смерти его создателя Ласло Радвания (Laszlo Radvanyi) в 1951 году, это издание оставалось ведущим в мире журналом по методологии сравнительных массовых опросов.

Первыми сравнительными межстрановыми исследованиями на базе опросов принято считать два исследования, посвященных изучению влияния результатов войны на общественное мнение. Один из этих исследовательских проектов был инициирован правительством США – «*Исследование результатов Стратегических бомбардировок*». Он проводился в Германии и Японии сразу после окончания войны. Целью исследования являлось изучение влияния бомбардировок на гражданское население этих стран⁸. Идея и реализация второго исследования принадлежит академическим ученым. Целью проекта «*Какими нации видят друг друга*» (1948/49) было изучение представлений о странах, нациях, отношениях между странами среди населения бывших стран-союзников и противников в войне – Австралии, Великобритании, Франции, Германии (Западный Берлин и «британская зона»), Италии, Нидерландов, Норвегии, Мексики и США. Россия в этом исследовании участия не принимала. Результаты его описаны в книге Х. Кантрила и У. Буханана «*Как нации воспринимают друг друга*» (1953)⁹. Методологическая работа над проектом состояла из следующих частей: подготовка предварительной версии анкеты, ее тестирование, подготовка окончательной версии анкеты на английском и французском языках (две анкеты-источника), подготовка инструкции по переводу, а также инструкции по выборке (1000 респондентов, квотная выборка) и инструкции по кодированию и обработке. Обработка данных проводилась внутри каждой страны отдельно, а анализ результатов и подготовка от-

⁸ *MacIsaac, D. Strategic Bombing in World War Two: The Story of the United States Strategic Bombing Survey.* New York: Garland, 1976.

⁹ Исследование проводилось один раз в 9 странах в 1948-1949 году. Метод проведения опроса неизвестен, выборка в каждой стране составила около 1000 человек, население 21 года и старше (в Мексике – только городское население, в Германии только Берлин и Британская зона).

чета – централизовано. Содержание исследования включало самооценку своего положения в классовой структуре, оценку личной безопасности, удовлетворенности жизнью в стране, социальные связи и сети, стереотипы по отношению к разным нациям, мнение о человеческой природе, мире, правительстве и национальном характере. В этой работе американские социальные психологи из Принстонского университета предложили метод изучения восприятия наций и групп, который получил название «Список прилагательных Буханана-Кантрила». Список состоит из 12 прилагательных (трудолюбивый, умный, практичный, щедрый, смелый, прогрессивный, самоконтроль, миролюбивый, самоуверенный; жестокий, властный, отсталый), выделенных на основе анализа описаний, которые люди давали своей группе и группе «других». С помощью этих прилагательных люди оценивают разные нации и группы. Вывод исследования состоял в том, что образ «своей» группы у большинства людей положительный, а восприятие «других» зависит от того, насколько похожими на себя/близкими эти «другие» воспринимаются.

Уже в самых ранних эмпирических межстрановых сравнительных проектах возникла проблема построения универсальных шкал ответов (числовых или вербальных/словесных шкал или обозначений числовых шкал как категорий ответов), использование которых не зависело бы от культурных норм и традиций. Над этой проблемой нам приходится работать в межстрановых проектах до сих пор, и до конца она все еще не решена. Тем не менее уже в 1950-х годах были разработаны несколько стандартных наборов шкал (тестов) специально для сравнительных межстрановых исследований: шкала с самоопределяемыми концами Кантрила (self-anchoring scale), тест на интеллектуальность, не зависящий от культурных норм (culture-free intelligence tests); специальные варианты ММПИ и тест на достижения (n-achievement test) для кросс-культурных исследований¹⁰.

¹⁰ Более полное описание проблемы создания шкал, использование которых не зависит от культурных норм и традиций см. в *Cantril H. The Pattern of Human Concern. Source, New Jersey, USA: Rutgers University Press, 1965.*

*50-е годы XX века – расцвет,
важные международные проекты, «американский этап»*

В следующее десятилетие перед миром встало еще больше задач, для решения которых помощь могли оказать сравнительные межстрановые социальные исследования на базе опросов. Продолжался начатый в послевоенные годы постепенный процесс экономической и политической интеграции на европейском и американском континентах, получили развитие международные программы помощи развивающимся и бедным странам – по борьбе с неграмотностью, повышению эффективности сельского хозяйства, развитию базовых профессиональных навыков для работы в промышленности и др. Надежные межстрановые социальные сравнения стали насущной необходимостью.

Этот период можно назвать временем американского доминирования и лидерства в области межстрановых сравнительных исследований. Инициаторами и руководителями исследовательских проектов в этой области чаще всего являлись американские ученые (среди них Ruth Benedict, Daniel Lerner, Alex Inkeles, Hadley Cantril, Maurice L. Farber, Natalie Rogoff Ramsoy, Frederick W. Frey, Kurt W. Back, Mayone Stycos и другие). Финансирование таких проектов чаще всего осуществлялось из американских фондов. Научные идеи, методы и анализ тоже были в большинстве случаев американскими.

Параллельно шел процесс развития международного сотрудничества стран в области государственной статистики. Международный Статистический конгресс впервые был созван в Бельгии еще в 1853 году. В 1885 году для работы по гармонизации международных сравнений и стандартизации государственной статистики разных стран был образован Международный Статистический Институт. Эта инициатива была подхвачена и продолжена международными организациями – Лигой Наций, Международной Организацией Труда, ООН и его отделениями.

Несмотря на то, что научная и практическая польза сравнительных межстрановых исследований была ярко

показана на примере сравнительных проектов послевоенных лет, в Европе развитие сравнительных исследований шло довольно медленно. И в первую очередь это было связано с недостаточно развитой инфраструктурой для проведения массовых вопросов высокого качества – необходимое требование для сравнительных опросов (этот же фактор явился одним из сдерживающих, а в начале 1990-х при изменении ситуации, наоборот, стимулирующим для развития сравнительных исследований в постсоветских странах).

В 1949-1951 гг. было проведено исследование в пяти ближневосточных странах, выполненное Бюро Прикладных социальных исследований Колумбийского университета (Columbia University Bureau of Applied Social Research) под руководством П. Лазарсфелда, которое считается первым сравнительным исследованием с полнотой центральной координацией¹¹.

В последующие годы предмет больших сравнительных международных проектов расширился и включал такие темы как сравнительная социальная стратификация (проект «Международная стратификация, мобильность и политика»), политическая культура и политическое участие («Гражданская культура» Г. Алмонда и С. Вербы, 1959; «Политическое участие и равенство в семи странах» С. Вербы, Н. Найя и Д. Кима, 1966), образ жизни и бюджеты времени («Исследование бюджетов времени» А. Салаи и Ф. Стоун, 1965, куда входил и СССР).

Многие сравнительные проекты того времени были посвящены изучению процесса модернизации в развивающихся странах. К таким исследованиям относится исследовательский проект Д. Макклелланда, который проверил созданный им «тест на потребности в достижении» (n-Achievement тест) на примере Бразилии, Германии, Индии, Италии, Японии, Польши и Турции и на основе этих данных развил теорию личностных качеств, способствующих развитию духа предпринимательства в развивающихся странах. Алекс Инкелес разработал тест на

---

¹¹ Сначала данные были представлены в нескольких внутренних отчетах, а уже позже проанализированы более детально и концептуально Даниэлом Лернером (Daniel Lerner).

«современность в установках» и проверил его на сравнительных данных из Аргентины, Чили, Индии, Израиля и Нигерии. Сидней Верба провел исследование установок по отношению к социальным и политическим изменениям в Индии и Нигерии в сравнении с Японией и США.

Эмпирические межстрановые сравнительные исследования завоевывали в это время популярность не только в социологии, но развивались и использовались также в других социальных науках – антропологии, социальной психологии, политической социологии, взаимно обогащая друг друга.

Пионером в области проверки психологических тестов в разных культурных средах стал Чарльз Осгуд. Он убедил коллег в 20 странах протестировать его технику семантического дифференциала и получил убедительные доказательства эффективности работы своих тестов. Психологи Андерсоны использовали метод «незаконченных историй» для изучения взаимоотношений студент-учитель в авторитарном и демократическом окружении, протестировав этот метод в 10 странах. О. Ламберт и У. Клайнберг изучали проблему возникновения и укрепления стереотипов по отношению к иностранцам, сравнивая реакцию и поведение детей в 9 странах. Джон Уайтинг разработал стандартную форму описания методов воспитания детей в разных культурах и организовал сбор подобной информации в 6 странах, чем способствовал развитию использования систематических количественных методов анализа в социальной антропологии.

Особенно много новых возможностей сравнительные исследования дали политическим наукам – политической социологии и политической науке в области изучения политического поведения граждан. Исследование политических культур в пяти странах Г. Алмонда и С. Вербы стало классикой в политической науке. Д. Лернер и Ф. Дойч провели исследование установок элит в Западной Европе и работали над выявлением взаимосвязей между установками элит и установками населения. Ученые в Survey Research Center США начали работать над сравнительным анализом предвыборных опросов в разных странах. Политологи Филип и Бетти Джейкоб ор-

ганизовали исследование органов местного самоуправления в 4 странах, две из которых были странами Восточной Европы – Польша, Югославия, а также Индия и США.

На пятидесятые годы прошлого века приходится начало движения по созданию **архивов данных социальных исследований**. Растущий объем эмпирической сравнительной информации требовал особого подхода к документированию и архивации данных, собранных в разных уголках мира разными организациями на разных языках.

Неоценимый вклад в развитие сравнительных исследований внес американский ученый Хэдли Кантрил. Он организовал Институт Международных Социальных Исследований (Institute for International Social Research) в Принстоне, который занимался изучением установок и мнений населения и элит в разных странах мира. Одно из наиболее известных исследований этого института – Тестирование Self-Anchoring Striving Scale¹² в разных странах на 5 континентах (среди этих стран были и две страны

¹² Шкала Кантрила выглядит таким образом: представьте себе лестницу с несколькими ступенями, которые пронумерованы снизу вверх от нуля и выше. Верх лестницы является наилучшей жизнью для Вас, а нижняя ступень – самую худшую. На какой ступени этой лестницы Вы стоите сейчас? А на какой ступени Вы ожидаете оказаться через пять лет? Эта шкала – один из наиболее известных способов оценки субъективного благополучия и является многомерной, так как включает в себя и когнитивные суждения об оценке своей жизни, и чувства. Позднее было показано, что Шкала Кантрила дает результат ближе к когнитивному суждению о жизни (Diener E., D. Kahneman, W. Tov and R. Arora. Income's association with judgments of life versus feelings/ in International differences in well-being, ed. by E. Diener, D. Kahneman and J.F. Helliwell. Oxford: Oxford University Press, 2010). Исследования в разных странах (Deaton A. Income, Aging, Health and Well-being Around the World: Evidence from the Gallup World Poll // Journal of Economic Perspectives, 2008, № 22.) выявили значимую связь шкалы Кантрила и материальным положением. Использование и изучение этой шкалы продолжается и сегодня, например, во всемирном опросе World Gallup Poll (Gallup. World Poll Methodology. Technical Report. Washington, DC, 2009).

Восточной Европы – Польша и Югославия). **Х. Кантрил** собрал и систематизировал информацию обо всех сравнительных проектах, проведенных в мире за десятилетие с 1936 до 1946 года, и опубликовал монументальный труд на эту тему, который должен был стать первым томом «Принстонского Индекса» сравнительных социальных исследований и впоследствии регулярно обновлялся WAPOR. Однако этот том остался последним – работа не была продолжена. Следующим проектом Х. Кантрила было исследование Типов Человеческих страхов и проблем 1957-1963 гг.¹³ Опросы на основе национальных выборов населения методом личных интервью были проведены в 14 странах на нескольких континентах – в Бразилии, Кубе (только городское население), Доминиканской Республике, Индии, Израиле (выборка кибуцев), Нигерии, Панаме, США, ФРГ, Югославии, Египте, Японии, Филиппинах и Польше¹⁴.

К середине 1950-х годов был накоплен уже довольно значительный опыт в проведении сравнительных социальных межстрановых проектов и анализе подобных данных¹⁵. Однако к концу десятилетия интерес к сравнительным исследованиям в академической среде начал падать. Из-за недостатка финансирования закрылся *Международный Журнал по изучению общественного мнения и установок* («*International Journal of opinion and Attitude Research*»). Был закрыт раздел международных исследований общественного мнения в журнале *Public Opinion Quarterly*. Работу Кантрила по сбору материалов опросов общественного мнения в мире 1935-1946 гг. никто не

¹³ *Cantril H. The Pattern of Human Concern. Source. New Jersey, USA: Rutgers University Press, 1965.*

¹⁴ Однако в социальных архивах содержатся данные не обо всех странах.

¹⁵ В 50-х годах Отдел Прикладных социальных исследований ЮНЕСКО поручил WAPOR провести изучение журнальных статей по проблеме кросс-культурных исследований за период 1925 до 1955 гг. Stuart C. Dodd и Jiri Nehnevajsa составили библиографию из 1103 публикаций и включили в нее не только англоязычные статьи, хотя таких, конечно, было большинство.

продолжил¹⁶. Монокультурные исследования остались основным инструментом социального анализа¹⁷.

Более последовательным был интерес к международным исследованиям у **коммерческих исследовательских организаций**. К началу 60-х годов прошлого века число организаций по изучению общественного мнения и маркетинговых исследований в разных странах мира достигло почти 200. В США, Европе и Южной Америке начали складываться международные сети коммерческих опросных организаций, в частности, международные исследовательские сети Гэллага и Роупера (INRA – International Research Associates).

Важными потребителями и инициаторами сбора информации о межстрановых сравнениях стали **международные организации**. По инициативе и под эгидой ЮНЕСКО было проведено Исследование напряженности (руководитель Отто Клайнберг). При работе над этим проектом разработаны многие методологические концепции и методы сравнительных межстрановых исследований, в частности, тестировались шкалы с неопределенными концами (self-anchoring scales)¹⁸, было введено понятие функциональной эквивалентности вместо понятия идентичности стимулов и др. Проектом ЮНЕСКО стало исследование Политического участия (под руководством

---

¹⁶ Отчасти продолжателем этой работы можно назвать Курта Башвитца (Kurt Baschwitz), который работал над составлением списка опросов общественного мнения 1947-1955 гг. Poll Index project для WAPOR, но эта работа так и осталась неопубликованной.

¹⁷ Например, среди всех диссертаций по социологии в 50-х годах прошлого века в США лишь 12% включали данные других стран (по сведениям Robert M.Marsh).

¹⁸ Такая шкала впервые была предложена Киркпатриком и Кантрилом в 1960 г. как измерительный инструмент для опроса, в котором крайние значения шкалы определяются исходя из представлений, ценностей и целей самого респондента. Количество таких шкал на сегодняшний день огромно. По мнению ряда исследователей, при использовании такой шкалы в кросс-культурных исследованиях ошибка измерения уменьшается. Хотя, на мой взгляд, такое уменьшение может произойти, но эквивалентность измерения (возможности для сравнения) при этом вряд ли увеличится.

Стейна Роккана), Исследование привлекательности коммунизма (Габриэль Алмонд), Исследование экстремизма (Хэдли Кантрил). В ЮНЕСКО был образован специальный Отдел Социальных Наук (Social Science Division), а в 1952 году в Париже создан Совет по Международным Социальным Наукам (ISSC) как административная и интеллектуальная база для междисциплинарных и международных сравнительных работ.

Интерес к исследованиям по вопросам международной политики в разных странах, а также сравнительным исследованиям проявляли не только международные организации, но и **правительства отдельных государств**. Одним из самых активных потребителей и инициаторов такого рода исследований был и остается до сих пор информационный отдел Госдепартамента США. Именно исследования USIA по вопросам внешней политики в странах Европы явились одними из первых сравнительных опросов в социальной науке в Европе (а в 90-е годы и в Восточной Европе). Хотя в чистом виде сравнительными их считать нельзя – как таковая цель сравнения не являлась главной для создания дизайна этих исследований, однако использовались сходные инструменты и сходные методики проведения опроса (хотя и с большими вариациями в разных странах), а основная часть сравнения приходилась на этап анализа. Тем не менее эти исследования позволили выделить особенности проведения массовых опросов в разных европейских странах, выявить проблемы и трудности, которые стоят на пути межстрановых исследований.¹⁹ Довольно большую роль в качестве инициатора сравнительных исследований сыграл Офис премьер-министра

¹⁹ В 1980-х годах по инициативе Ханса Раттингера была опубликована документация по большому количеству исследований USIA. Теперь эти данные могут использоваться для анализа широкой научной общественностью. Данные сравнительных исследований были переведены в читаемые сегодня компьютерные форматы, хотя эта работа еще не полностью закончена. *Rattinger H. The development and structure of West German public opinion on security issues since the late 1970s/ in Debating National Security: The Public Dimension*, ed. by H. Rattinger, D. Munton. Frankfurt: Peter Lang Verlag, 1991.

Японии. Высшее руководство Объединенного Рынка начало проводить сравнительные исследования во всех странах-участницах два раза в год.

В это послевоенное десятилетие наиболее часто используемым методом сравнительных исследований в социальных науках являлся массовый опрос населения. Целью таких исследований чаще всего являлось показать уникальность исследуемых стран. При таком подходе страны рассматривались как объекты, которым с необходимостью присущ ряд особенностей. Примером такого исследования может служить ставшее классическим **Исследование «Гражданской культуры» Г. Алмонда и С. Вербы**. Выбор стран для исследования определялся заранее предположением, что США присущи черты демократической политической культуры и поэтому эта страна будет служить примером политической культуры этого типа, Мексика – примером неполностью интегрированной демократической системы, а Германия – недемократической политической культуры. Примерно такой же логики «типологических примеров» при выборе стран для сравнительных исследований придерживались разработчики Исследования молодежи Shell International и сравнительных исследований молодежи, выполненных по заказу Офиса Премьер-министра Японии.

*60-е и 70-е годы XX века –
глобализация сравнительных исследований,
страны Восточной Европы
в международных исследованиях*

60-70-е годы прошлого века стали временем постепенной глобализации сравнительных исследований, подключения к ним новых стран, в том числе стран Восточной Европы. Во многом инициатива и управление подобными проектами перешла от США к Западной Европе.

В 1960-х годах активную работу в области сравнительных эмпирических исследований начал в Йельском Университете (США) ученый из Венгрии **Шандор Салаи** (Sandor Szalai). До Салаи Йельский университет считался

оплотом макроисследований сравнительного типа. Там развивалось философское направление сравнительных исследований, велась работа над созданием баз данных этнографических исследований World Handbook, Yale Political data program и Human Relations Area File. С приходом Ш. Салаи этот университет стал также центром эмпирических сравнительных исследований. Среди крупнейших сравнительных проектов на основе опросов населения того времени стал **Проект по Бюджетам времени** 1965-1966 гг. под руководством Шандора Салаи и Филиппа Стоуна²⁰. Наряду с западными странами (ФРГ, Бельгия, Франция и США), исследование включало целый ряд стран социалистического лагеря – ГДР, Болгарию, Чехословакию, Венгрию, Югославию, Польшу и СССР. В большинстве стран были проведены опросы городского населения 18-65 лет на основе случайной двухступенчатой выборки методом личных интервью с респондентом и самозаполняемого дневника. Размеры выборок составили от 800 до 2000 человек в каждой стране. В ходе исследования была собрана информация о бюджетах времени населения – рабочем времени, времени на домашнюю работу, свободном времени, временем на покупки, на образование, на участие в общественной жизни, развлечения, социальную жизнь и пассивный отдых. Данные опросов, проведенных в рамках этого проекта, сейчас размещены в Архиве социальных Данных GESIS.

Еще одним проектом, в который были включены страны Восточной Европы, стало исследование о представлениях людей разных стран о будущем **«Образ Мира в 2000 года»** 1967-1970 гг. (Images of the World in the Year 2000, руководитель Йоган Галтунг). Исследование представляло собой опрос населения 15-40 лет на основе квотных выборок методом личных интервью на дому у респондентов. Опрос проходил в Великобритании, Нидерландах, Норвегии, Финляндии, Индии, Японии, Германии, а также Польше, Чехословакии, Эстонии и

²⁰ Szalai A. (ed.). The Use of Time. Daily Activities of Urban and Suburban Populations in Twelve Countries. Mouton, The Hague, Paris, 1972

Югославии. Размер выборки колебался от 500 до 1800 человек. В исследовании были затронуты такие темы как установки людей по отношению к будущему, ожидаемое политическое, социальное и техническое развитие мира, социальная мобильность. Финансовую поддержку проекту оказал Международный институт по исследованию проблем мира в Осло (International Peace Research Institute), Европейский координационный центр Исследований и Документации в социальных науках в Вене и отдельные страны. На сегодняшний день данные этого исследования можно найти в Архивах социальных данных UK-DA и GESIS.

В целом в этот период тематика сравнительных эмпирических исследований существенно расширилась. Кроме внешнеполитических проблем и изучения взаимоотношения наций и культур, сравнительные исследования на базе опросов охватили практически весь спектр социальной тематики – от политики до здравоохранения, от социальной структуры до базовых жизненных ценностей. Кроме академических и коммерческих исследований, продолжали активно развиваться сравнительные проекты, инициированные крупными международными организациями. Например, в 1968-1969 году Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ) инициировала сравнительный исследовательский проект по пользованию услугами здравоохранения в 12 странах²¹. Впоследствии это исследование было продолжено и расширено.

В 60-х годах прошлого века был проведен целый ряд сравнительных исследований о модернизации и отдельных составляющих модернизации: увеличение грамотности среди населения, рост урбанизации и индустриализации и их последствия, а также изменение ценностей – рост ценности достижений, активной деятельности, равенства, управления своей судьбой и т.п.²² В этом

²¹ Kohn R., K.L. White (eds.). Health care: An international study. Report of the World Health Organization/International Collaborating Study of Medical Care Utilization. London and New York: Oxford University Press, 1976.

²² Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Second Printing. Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.

направлении работали такие исследователи как Х. Кантрил (сравнение ожиданий населения), С. Верба (изучал способы участия в политике и управлении) и другие.

Некоторые из этих исследований подверглись серьезной критике за упрощенное, слишком бихевиористское понимание социальных процессов – модернизации и формирования наций, упрощенно-линейные представления о связи экономической рыночной модернизации, развития демократии, социального капитала, ценностей людей и стабильности политической и экономической системы. История показала сколько исключений из таких прямолинейных объяснений дают примеры отдельных стран: медленное экономическое, но быстрое политическое развитие Индии; быстрые экономические, но не политические, успехи Китая; долгое время существования авторитарного режима в высокоурбанизированной и довольно высокообразованной стране как Чили; в последние десятилетия – далеко не прямолинейное развитие стран бывшего СССР. В последующие годы исследования показали, что экономический рост и успехи в установлении демократической системы во многих странах приводят к росту ожиданий населения, которые не могут быть удовлетворены с той же скоростью как проводятся реформы, а это, в свою очередь, увеличивает, а не уменьшает нестабильность политической и экономической системы.

Процесс включения все большего количества стран в разные сравнительные проекты шел в 1960-е годы очень быстро. Однако именно в это время был поднят вопрос о том, что для получения надежных сравнений включение стран в сравнительные проекты должно быть теоретически оправданным, а не случайным²³. Дальнейшую разработку получила методология анализа данных сравнительных опросов. В это же время как одна из ключевых методологических проблем была поднята проблема сравнимости. Анализ эмпирических данных, собранных к этому времени, показал, что страны далеко не всегда

²³ *Eckstein H. Case Study and Theory in Political Science / in Handbook of Political Science, ed. by F.I. Greenstein, N.W. Polsby. Reading Mass.: Addison-Wesley, 1975.*

сравнимы по всем параметрам, которые заложены в сравнительных исследованиях, по ряду из них страны столь сильно отличаются, что сравнивать их бесполезно. Поэтому встала проблема содержательной эквивалентности измеряемых параметров. В это время решение проблемы начали искать в том, чтобы отойти от сравнения конкретных стран, а создавать типологии и группировки стран по теоретически значимым основаниям: экономической мощи, уровню развития демократии, географическим параметрам (размеру, географическому положению, климату), культуре, типу системы социальной поддержки. Этот этап можно охарактеризовать как постепенный переход от идеи сравнения стран как уникальных объектов к идее стран как совокупности отдельных значимых для анализа компонентов (страна – набор переменных).

К концу 1960-х годов относится начало сравнительного исследования **Политическое участие и политическая стратификация в разных странах**. В 1963 году исследование было проведено в 8 странах при финансовой поддержке International Social Science Council (ведущими исследователями выступили Г. Ашер, Б. Ричардсон и Г. Вайсберг). В 1967 были собраны данные в рамках Исследования политической стратификации М. Липсета и С. Роккана. В этом исследовании была сделана попытка объяснить, почему в Европе политическая конфигурация политических сил в основном определяется традиционным делением на центр и периферию, несмотря на то, что правительства предпринимают большие усилия по сокращению неравенства регионов. Несколькими годами позже Сидней Верба, Норман Най и Джае-Он Ким расширили проект дополнительным исследованием *«Политическое участие и Равенство»* (Political Participation and Equality) в 7 странах – Австрия, Индия, Япония, Нидерланды, Нигерия, США и Югославия. Опрос по многоступенчатой вероятностной выборке разного дизайна был проведен в каждой стране методом личных интервью на дому у респондента в 1966-1967 гг. Размер выборки составил от 1800 до 3000 человек в каждой стране. Предметом изучения являлось политическое участие в местных или общегосударственных делах,

установки по отношению к политическим и социальным изменениям, интерес граждан к политическому процессу. Финансирование проекта было осуществлено из нескольких американских фондов (NSF, Фонд Форда, Карнеги Корпорация). В настоящее время данные находятся в социальном архиве ICPSR. Как и ряд других проектов, о которых будет сказано ниже, проект по Политическому участию был продолжен в 1970-х-1980-х годах и стал основой для проекта «Политическое действие» в 8 странах 1973-1981 гг. (руководители Клаус Аллербек, Макс Каазе, Ханс-Дитер Клингеманн, Самуэль Барнс, Алан Марш и Рональд Инглхарт).

Важной вехой в истории сравнительных межстрановых опросов стало исследование 1962 года **«Установки населения по отношению к объединенной Европе»**. Предметом его было изучение отношения европейцев (Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии и Люксембурга) к идее европейской интеграции и оценка общеевропейских политических институтов. Инициатором этого исследования явился Жак-Рене Рабьер, который тогда занимал должность Генерального директора по вопросам прессы и информации Европейского Сообщества. Это исследование переросло в один из наиболее значимых и по сей день межстрановых сравнительных проектов – **Евробарометр**. Евробарометр, первая волна которого была проведена в 1970 году, ознаменовал собой переход от сравнительных исследований небольшого количества объектов, изучаемых в одной или на небольшом количестве временных точек, к многолетним трендовым многострановым сравнительным проектам. Расширение сравнительных исследований во времени и в пространстве показало, что методологические и организационные задачи, которые стоят перед этим видом исследований, отнюдь не тождественны проблемам и задачам при организации опроса в одной стране. Примерно с этого момента можно говорить о выделении методологии сравнительных исследований в самостоятельную проблемную область, научную дисциплину.

70-е годы XX века –
институционализация сравнительных исследований,
координирующие центры для сбора данных,
архивы социальных данных

К 1970-м годам накопленная работа по сбору сравнительной межстрановой опросной информации была уже столь велика, что потребовались инфраструктурные изменения и координация работы разных центров, обмен опытом и обучение исследователей. В рамках ISSC Стейн Роккан начал работу по организации координирующих научных центров Standing Committee on Data (1966-77 гг.) и Standing Committee for Comparative Research (1967-78 гг.). В это же время создавались Архивы социальных данных в Норвегии, Нидерландах, ФРГ. Идея Роуперовского Центра сконцентрировать весь архив данных социальных наук в США не была поддержана. В эти годы ведущую роль в координации сравнительных исследований на базе опросов стал играть Венский Центр информации и документации в области социальных наук (Vienna centre for social sciences information) и Международная Социологическая Ассоциация (International Sociological Association).

Работа по каталогизации опыта. К началу 70-х годов количество литературы по методологии возросло настолько, что международные организации заказали составление библиографий. По поручению Международной социологической ассоциации глобальный обзор подобной литературы с 1950 по 1966 гг. подготовил Р. Марш. Большую работу по составлению библиографии эмпирических сравнительных исследований по поручению Совета Международных социальных исследований проделала Элина Алмасы. Впоследствии Венский Центр ЮНЕСКО продолжил составление такой библиографии²⁴. Фредерик Фрей (Frederick W. Frey, MITs Center of

²⁴ Rokkan S. Cross-national survey research: historical, analytical and substantive contexts / in Comparative Survey Analysis, eds. by S. Rokkan, S. Verba, J. Viet and E. Almasy. The Hague: Mouton, 1969.

International Studies) создал свою библиографию сравнительных исследований, описав около 1600 публикаций. Все эти библиографии составлялись только на основе анализа публикаций в англоязычных журналах, существенно недооценивая таким образом весь масштаб сделанной в мире работы²⁵.

1970-е годы стали **временем проведения много-
страновых проектов**, которые имели по-настоящему международный характер. От исследований с центральным управлением начался постепенный переход к децентрализованным исследованиям. Такие исследования финансировались из разных источников – национальных, международных или и тех, и других. Коллектив авторов часто был по-настоящему международным, включал ученых из разных стран и научных школ. Вместе с тем децентрализация привела к тому, что состав стран в исследованиях оставался отчасти случайным, нестабильным в разных волнах исследования (участвовал тот, кто смог получить финансирование и организовать все исследовательские процедуры в нужный момент времени). Методологическая эквивалентность опросов также оставалась под вопросом, так как страны использовали ту методологию опроса, которая была наиболее распространена в их стране, размер выборки и подходы к построению выборки также не отвечали критериям эквивалентности. Вместе с тем расширилась тематика сравнительных проектов. Они стали проводиться по самым разным общественно и научно значимым темам, таким как здоровье и здравоохранение, социальное обеспечение, виктимизация и преступность, социальная справедливость, социальное неравенство и многое другое. Еще одной особенностью сравнительных исследований 1970-х явилось усложнение общего дизайна опросов. Кроме простых опросов населения по случайной выборке в сравнительных исследованиях стал применяться панельный дизайн, многоуровне-

²⁵ Frey F.W., P. Stephenson and K.A. Smith. Survey Research on Comparative Social Change: a Bibliography. Cambridge, Ma.: MIT Press, 1969.

вый отбор внутри семьи, семья иногда стала выступать либо единицей отбора вместо респондента, либо стала восприниматься как особая система социальной сети с разными звеньями, требующими изучения. Рассмотрим несколько примеров крупных сравнительных исследований 1970-х, которые имеют продолжение или оказывают влияние и на сегодняшнюю науку.

В региональном сравнительном исследовании северных стран Европы – Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании – **Скандинавском исследовании систем социального обеспечения** (Scandinavian Welfare Survey), начиная с 1972 году изучались вопросы влияния государственных программ социальной поддержки на разные стороны жизни людей: уровень жизни, возможности для самореализации, проблема социального отчуждения, субъективное благополучие; а также социальное положение и уровень образования людей разных поколений. Исследование выполнено методом опроса по случайной выборке людей, родившихся между 1907-1956 гг., методом личных интервью. Данные исследования находятся в Датском Архиве социальных данных (DDA)²⁶.

Классическим в истории сравнительных социальных исследований стал проект середины 1970-х **Political Action I and II**. Этот проект не многострановый, в него вошли лишь 8 стран (Великобритания, Западная Германия, Нидерланды, Австрия, США, Италия, Швейцария и Финляндия). Однако его достоинство в глубине разработки темы – вопросов конвенциональных и не конвенциональных форм политического участия, а также инновационных методологических подходов к получению межстрановых эквивалентных данных, а также организации международного научного сотрудничества. Исследование представляло собой опросы населения по случайным национальным выборкам населения от 16 лет и старше методом личных интервью на дому, а также дополнительно к случайной выборке – интервью с парами – родитель-ребенок – в семье, если в отобранном до-

---

²⁶ Allardt E. The Scandinavian welfare survey 1972 DDA-0081, 2. ed. Odense: Dansk Data Arkiv, 1984.

мохозяйстве жили люди 16-20 лет. Исследование было осуществлено при финансовой поддержке научных фондов стран-участниц. Инструмент для опроса создавался совместно международной группой, однако каждая страна впоследствии работала независимо. Анкеты довольно сильно отличаются (расположение вопросов в анкете, коды ответов, дополнительные вопросы).

Сам опрос было проведен дважды. Первая волна была проведена в 1973-1976 годах. Вторая волна этого исследования проводилась лишь в трех странах (США, Германия, Нидерланды), но была дополнена панельным модулем (часть выборки – респонденты первой волны) для проведения анализа изменений во времени на двух уровнях – индивидуальном и страновом. Каждая страна проводила исследование и осуществляла финансирование самостоятельно. Это одно из немногих исследований того времени, где коллектив авторов был полностью международным. Ведущими исследователями в проекте выступили Клаус Аллербек (Франкфуртский Университет), Макс Казе (Университет Маннгейма), Ганс-Дитер Клингеманн (Свободный Университет Берлина), Феликс Хонкс и Филип Стоунхард (Университет Тильбурга), Жак Томассен и Ян ван Дет (Университет Твенте), Самуэль Барнс, Барбара Фарах, Рональд Инглхарт и Кент Дженнигс (Мичиганский Университет, США). Опрос строился на случайной вероятностной выборке населения от 16 лет и старше, и проводился методом личных интервью на дому. В 1974 году в Германии было опрошено 2307 человек, во второй волне 2095, в Нидерландах 1201 в первой и 806 человек во второй волне, в США 1719 в первой и 633 во второй, но они были дополнены 523 респондентами из панельной части. В панельной части проекта в выборку были включены все участники первой волны, в результате удалось получить 912 интервью в Германии, 780 интервью в Нидерландах и 933 в США. На основе этих исследований было сделано огромное количество публикаций, и влияние его в изучении политического поведения было просто огромным – до сих пор данное исследование является одним из наиболее цитируемых.

Практически все проводимые в этот период сравнительные межстрановые исследования были либо региональными, либо исследованиями среди небольшого количества стран. Исключение составляет **Всемирное исследование фертильности** (World Fertility Study). С самого начала это исследование разрабатывалось как источник фактологической и поведенческой информации о фертильности и ее составляющих в разных странах мира и особенно в развивающихся странах. Во многих из этих стран данный исследовательский проект стал первым, где применялись принципы массового опроса населения по случайным выборкам. Само исследование представляет собой многострановое исследование женщин фертильного возраста (15-59 лет) методом личных интервью на дому у респондентов по случайной выборке населения (сначала отбирались домохозяйства и собирались базовые сведения о домохозяйстве, а потом производился отбор респондента для основного опроса). Всего было опрошено от 2500 до 11000 женщин в каждой стране. В анкету были включены вопросы о репродуктивной истории женщины, знаниях и использовании средств контрацепции, история браков женщины, ее трудовая история и базовая информация о супруге.

Это исследование не трендовое, но заняло больше 10 лет, так как отдельные страны проводили его в разное время. Всего с 1974 года, когда были проведены первые опросы (пилотный проект на Фиджи), по 1983 год в исследовании приняли участие 61 страна, из них 41 – развивающиеся страны Африки, Азии и Южной Америки. Страны для участия в исследовании не проходили никакого отбора, идея состояла в проведении «сплошного» исследования – включения в опрос максимально возможного количества стран – всех, кто мог принять участие. Среди восточноевропейских стран в исследовании приняли участие Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния и Югославия. Слабостью исследования является то, что в него не вошли по разным причинам крупнейшие страны мира – Индия, Китай и СССР.

Исследовательский проект финансировался из разных источников, но в основном из фондов ООН и USAID. Каждая страна проводила исследование самостоятельно, но координировалось исследование Лондонским офисом Международного статистического института. Исследователи старались использовать сравнительные процедуры на максимальном количестве этапов проекта, но по стандартам сегодняшнего дня исследование можно считать сравнительным только на базовом уровне. Вместе с тем опыт, приобретенный в ходе реализации этого проекта, ошибки и проблемы, с которыми пришлось столкнуться, оказался очень важным вкладом в развитие методологии сравнительных опросов. Для опроса использовалась стандартная анкета, но она подвергалась адаптации в каждой стране, в некоторых странах – довольно серьезной. Возникли и большие проблемы с достижением эквивалентности выборок – и на этапе определения генеральной совокупности, и на этапе построения и реализации выборки в разных странах. В ходе проведения исследования была выявлена и сформулирована проблема влияния культурных и юридических особенностей разных стран на возможность эквивалентно определить генеральную совокупность и правильно отобрать респондентов – проблемы, с которой при проведении сравнительных опросов в Европе и США сталкиваться исследователями приходилось редко. В некоторых странах трудной задачей оказалось определить точный возраст женщин (из-за отсутствия практики документального подтверждения возраста). Первоначально предполагалось включать в опрос только женщин, состоящих в браке, но на практике выяснилось, что дать эквивалентное определение «брака» в разных странах не только трудно, но вряд ли возможно, поэтому в ряде стран исследование проводилось среди замужних женщин, а в некоторых – опрашивались все женщины определенного возраста²⁷.

²⁷ Grebenik E. The World Fertility Survey and its 1980 Conference/ International Statistical Institution, 1981; Cleland J, C. Scott, (eds.). The World Fertility Survey: An Assessment. New York: Oxford University Press, 1987.

80-е годы –

*сравнительные международные трендовые исследования
(сравнения в пространстве и во времени)*

В 1980-е годы происходит дальнейшее укрупнение сравнительных проектов по количеству включаемых в них стран, развитие лонгитюдных сравнительных многострановых проектов и активные попытки постгармонизации данных опросов, собранных независимо друг от друга в разных странах.

К этой последней категории можно отнести **Сравнительное Исследование Электоральных Систем (Comparative Study of Electoral systems)** и **База Данных Европейский Избиратель**.

С конца 1940-х годов прошлого века во многих западных странах начали проводиться академические Национальные Электоральные исследования – опросы избирателей после каждых выборов о политических взглядах, предпочтениях, поведении, электоральной обстановке, электоральной стратегии и выборе избирателей на конкретных выборах. В США такое исследование было впервые проведено в 1948 году и получило название «Американское национальное электоральное исследование» (American National Election Study), центр которого уже на протяжении многих десятилетий располагается в Мичиганском университете. В 1950-70-х годах подобные исследования были начаты в других странах – в 1956 году в Швеции, в 1961 г. в Германии, в 1963 г. в Великобритании, в 1965 г. в Норвегии, в 1967 г. в Австралии, в 1971 г. в Нидерландах. Цели электоральных исследований в разных странах и их основная идея очень сходны между собой, иногда прямо заимствованы друг у друга или из одного источника. Но, несмотря на внешнее сходство, все они выступают как независимые односторонние исследовательские проекты, где цель межстрановых сравнений занимает второстепенное место или не занимает никакого. Сравнимость данных от такой постановки задачи, конечно, не выиграла. Достоинствами исследований этого типа является то, что с самого начала они задуманы и по-

строены как трендовые, и идея сравнения во времени методологически является для них ключевой. Базовые вопросы повторяются в исследованиях о каждых выборах, сами вопросы созданы во многом на одних теоретических принципах и сходной методологии – социологического подхода к политическому поведению (С. Роккан), электоральных исследованиях «Мичиганской школы». Однако идея межстрановых сравнений в методологию таких опросов изначально не заложена. Совместный сравнительный анализ этих данных до определенного времени также проводился редко. Документация создавалась и хранилась на разных языках и в разном формате. Первые попытки гармонизировать данные этих исследований с целью межстрановых сравнений были сделаны в Европе в 1970-х годах. В 1989 году был создан Международный комитет по исследованию выборов и представительной демократии (ICORE). Основателями Комитета стали директора национальных электоральных исследовательских программ из Западной Европы – Норвегии, Швеции, Великобритании, Нидерландов, Дании и Германии. Одной из идей создания ICORE была задача изучения электорального выбора в разных социально-экономических и институциональных условиях (в связи с такой постановкой задачи количество стран и типов избирательных систем, включенных в анализ, должно быть максимально велико). Сначала Комитет занимался пост-гармонизацией данных, приведением данных, уже собранных в разных странах, к эквивалентной форме. Результатом этой работы явилась База Данных Европейских Выборов с документацией всех национальных исследований на английском языке (База данных сейчас находится в Архиве GESIS)²⁸. На этой основе создана База данных «Европейский Избиратель», куда были включены только сравнимые индикаторы поведения и мнений избирателей в 6 странах Северной Европы – Дании, Германии, Великобритании, Нидерландов, Норвегии и Швеции за

²⁸ Mochmann E., I.C. Oedegard, R. Mauer. Inventory of national election studies in Europe 1945-1995. Edwin Ferger Verlag, Bergisch Gladbach, 1998.

1956-1998 годы²⁹. Для стран Восточной Европы был основан отдельный проект по созданию базы данных электоральных опросов, в которую включены различные исследования, проведенные в этих странах, а также исследования в рамках проекта «Свободные выборы, Политические партии и Создание конкурентной партийной системы в Восточной Европе» (“Free Elections, Political Parties and the Emergence of Competitive Party Systems in Eastern Europe”) за 1989-2005 гг. В проект «Свободные выборы» вошли такие страны как Албания, Болгария, Хорватия, Чехия, Венгрия, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения и страны бывшего СССР – Россия, Эстония, Латвия, Литва и Беларусь³⁰.

Другой крупный проект по созданию возможностей межстрановых сравнений на базе электоральных исследований, который начал работать позже, с 1996 года – Сравнительное исследование Электоральных Систем (The Comparative Study of Electoral Systems – CSES). Это совместная программа исследовательских групп из разных стран мира. Страны-участницы договариваются о включении ряда одинаковых вопросов в свои электоральные исследования. Сбор и интеграцию данных осуществляет Центр Политических Исследований Университета Мичиган в США (Center for Political Studies, ISR, University of Michigan). В CSES входят Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Германия, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Испания, Швеция и Швейцария, Чехия, Венгрия и Словения.

Два других проекта по гармонизации данных межстрановых опросов были осуществлены в других областях социологии – в области изучения бюджетов времени и социологии профессий и социальной стратификации. Оба проекта оказали огромное влияние на развитие этих областей социологии. На основе полученных данных были сформулированы целый ряд теорий и аналитических выводов, на которых исследователи работают до сих пор.

²⁹ Thomassen J. (ed.). *The European Voter*. Oxford: Oxford University Press, 2005; Доступ к данным: GESIS-ZA Nr. 3911.

³⁰ Access: ZACAT data portal.

Авторами проекта **Сравнительный анализ социальной мобильности в индустриальных странах CASMIN** стали британский социолог Джон Голдторп и немецкий социолог Walter Mueller³¹. Они провели огромную работу по пост-гармонизации большого количества исследований социальной мобильности и социально-профессиональной структуры на базе опросов. В частности, были собраны данные из Австралии, Великобритании (отдельно Англии и Шотландии), Ирландии и Северной Ирландии, Франции, Германии, Японии, Швеции, США, Венгрии и Польши. В ходе этого проекта были разработаны методологические подходы к гармонизации измерения профессий и уровня образования между странами, разработана стандартная классификация образовательного уровня CASMIN. Результатом проекта стала также доработка классовой схемы Голдторпа (он разработал ее для Великобритании³²) для применения в межстрановых сравнениях, получившей название Классовой схемы Эриксона-Голдторпа-Пуэртокалера (EGP). Она включала 10 классовых категорий на основе переменной «профессия», «положение на рынке труда» и «управленческий статус» (затем количество категорий было расширено до 12). В дальнейшем детальный алгоритм преобразования данных о профессиях в опросах в Схеме EGP был разработан Г. Гейнзбомом и Д. Тройманом³³ для работы в разных статистических программах. В содержательном плане сравнительный межстрановой анализ социальной мобильности показал «базовое сходство» моде-

³¹ Erikson R., J.H. Goldthorpe. The CASMIN Project and the American Dream // *European Sociological Review*, 1992, vol. 8, No. 3.

³² Goldthorpe J.H. *Social Mobility and the Class Structure in Modern Britain*. Oxford: Clarendon, 1980.

³³ Ganzeboom, H.B.G., D.J. Treiman. Internationally comparable measures of occupation status for the 1988 International standard classification of occupations // *Social Science Research*, 1996, № 25; Ganzeboom, H.B.G. and D.J. Treiman. Three Internationally standardized measures for comparative research on occupation status / in *Advances in Cross-National Comparison: A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C. Wolf. New York: Kluwer Academic, 2003.

лей социальной мобильности в индустриальных странах и послужил началом многих дальнейших исследований в этой области. Уже в 1990-е годы Г. Гейнзбом и Д. Тройман провели огромную работу по стандартизации целого ряда социально-демографических переменных в опросах, содержащих информацию о межпоколенной профессиональной мобильности и построенных на основе вероятностных выборок. Они объединили 250 исследований из 40 стран и создали общую базу данных the International Social Mobility and Politics File³⁴. На основе гармонизированных межстрановых данных авторы проекта смогли сделать ряд важных содержательных выводов. Например, вывод о снижении в исторической перспективе зависимости достижений в образовании от социального происхождения в результате расширения общих возможностей для получения образования, а также о снижении на протяжении XX века профессионального воспроизводства между поколениями. Они обнаружили, что профессиональное продвижение в последние десятилетия XX века в большей степени зависит от личных достижений, чем от социального происхождения, и этот эффект усиливается с ростом уровня индустриализации, а также в странах с социалистическим укладом.

Вторым из этой серии глобальной пост-гармонизации явилось **Многонациональное исследование Исползования времени** (Multinational Time Use Study – MTUS). Этот проект была начат в 1980-е годы с гармонизации Международного исследования Бюджетов Времени Салаи 1965 года и Британского исследования использования времени, подобных исследований из Канады и Дании. За эти годы в базу были добавлены данные исследований бюджетов времени многих других стран. На сегодняшний день в базу включены 50 исследований

³⁴ Проект Достижение статуса в социальной перспективе (Ganzeboom and Treiman). *Ganzeboom, H.B.G., P. Nieuwbeerta*. Access to education in five Eastern European nations between 1940 and 1985. Results from a cross-national survey / in Proceedings Workshop transformation Processes in Eastern Europe, ed. by H.B.G. Ganzeboom. The Hague: NWO/ESR, 1996. Доступ к этим данным можно получить в Архиве социальных данных Нидерландов the Steinmetz Archive.

из 24 стран. По 12 странам включены также данные от разных временных точек. Проект продолжается до сих пор на базе Института Социальных и экономических исследований Великобритании под руководством Джонатана Гершуни и Кимберли Фишера. Он содержит информацию о том, сколько времени затрачивается людьми на 40 разных видов деятельности, а также базовые демографические параметры. База данных позволяет проводить сравнение распределения жизненного времени людей в разных странах. В ходе этой работы были разработаны подходы к гармонизации определений разных видов деятельности, гармонизации социально-демографических переменных, предложены варианты решения проблем взвешивания национальных данных для достижения эквивалентности выборов³⁵.

Особое место среди сравнительных исследований в области изучения социальной стратификации разных обществ занимает **Сравнительное исследование классовой структуры и классового сознания Эрика Райта**. Целью исследования являлось сравнение научной эффективности различных определений социального класса, также сравнение социальной структуры отдельных обществ согласно разным определениям, открытости и закрытости социальных классов, гендерных особенностей идентификации с социальными классами. С самого начала работы над исследованием в 1980 году оно разрабатывалось как сравнительное межстрановое исследование, но лишь с небольшим количеством стран – США и Швеции. В последующие годы исследование было реализовано еще в 14 странах, но уже как «реприкирующее». На третьем этапе исследование приобрело сравнительный повторный характер – опрос был проведен второй раз, чтобы получить данные в динамике, в США, Австралии и Швеции. В каждой стране исследование финансировалось независимо из разных источников, управление проектом было скорее децентрализованное, кроме разработки первоначальной идеи

³⁵ Fisher K., J. Gershuny, A. Gauthier and C. Victorino. Exploring New Ground for Using the Multinational Time Use Study / Paper N 2000-28, ESRC Research Centre on Micro-Social Change.

и теоретического подхода, выполнение сравнительных процедур было проведено лишь на базовом уровне. Российские исследователи также работали над разработкой этого проекта и вели подготовительную работу по включению России в этот очень важный для социальных наук проект, но, к сожалению, в результате в то время он так и не был реализован.

*1990-е годы –
активная работа по разработке
методологии сравнительных опросов,
рост региональных сравнительных опросов,
включение стран Восточной Европы
и постсоветских стран в сравнительные опросы*

Эти годы стали переломными для сравнительных межстрановых опросов. Если не по качеству, то по количеству этот период можно считать расцветом такого рода исследований. Причиной этого роста внимания и интереса к сравнительным проектам в первую очередь является распад социалистической системы и Советского Союза. Для исследователей открылась огромная новая область для изучения, дверь в новый мир, который западные ученые до этого плохо знали, а отечественные ученые редко применяли методологию сбора эмпирических данных методом массового опроса со случайным отбором респондента по месту жительства. Потребности в сравнительных данных о населении разных стран росли не только у академического сообщества. Существенно расширился круг пользователей сравнительных данных – международные организации, коммерческие компании, средства массовой информации. Процесс взаимного обогащения знаниями и опытом привел сначала к появлению, а потом и резкому росту академических и коммерческих опросных организаций во всех странах и регионах.

В эти годы межстрановые сравнительные данные стали необходимой эмпирической базой для анализа наиболее серьезных социальных проблем мира и отдельных регионов.

Одной из таких проблем – сравнительному изучению уровня преступности в разных странах и его влияния на оценку социального самочувствия и другие социальные последствия преступности был посвящен сравнительный исследовательский проект **Международное исследование жертв преступлений** (International Crime Victim Survey). История этого проекта довольно драматична и показывает, что несмотря на увеличение количества сравнительных межстрановых проектов, судьба подобных проектов отнюдь не прямолинейна, и для поддержания проекта требуется постоянная борьба и усилия со стороны организаторов.

Инициаторами этого сравнительного проекта в 1989 году стали европейские криминологи – Ян ван Дейк (Голландское Министерство Юстиции), Пат Мэхью (Британский Офис Внутренних Дел) и Мартин Киллиас (Университет Лозанны). Хотя сам предмет исследования традиционно связан с данными официальной статистики и долгое время изучался именно на этой основе, оказалось, что возможности межстрановых сравнений на таких данных чрезвычайно ограничены (проблемами были их неполнота, существенные различия в содержании показателей между странами, различия в методах сбора официальной статистики – юридических определениях преступлений, правилах их регистрации, классификации и подсчета)³⁶. В разных странах проводился ряд независимых исследовательских проектов о преступности и «виктимизации» на основе опросов населения, однако и здесь возможности для межстрановых сравнений оказались невелики.

Первое сравнительное исследование было задумано в 1987 и проведено в 1989 году в 14 странах на основе национальных опросов населения (еще в трех странах –

³⁶ В ответ на отказ Европейского Парламента продолжать работу по Европейскому сравнительному проекту виктимизации профессор Ян ван Дейк эмоционально заявил «Информация об абсолютном числе зарегистрированных преступлений на страну, которая ежегодно публикуется Евростатом, является ничем иным как источником дезинформации о распространённости преступности в Европейском Союзе» (*Jan van Dijk, Tilburg University/ Newsletter of European Society of Criminologists/ March 2012*).

Японии, Польше и Индонезии – опросы были проведены в отдельных городах). Для проведения второй волны в 1992 году к работе над проектом подключился Межрегиональный научно-исследовательский институт ООН по вопросам преступности и правосудия (ЮНИКРИ). При его поддержке к проекту присоединился целый ряд новых стран, в том числе «развивающихся» стран и стран Восточной Европы. В результате во второй волне в исследовании приняли участие 11 «индустриальных стран», 13 «развивающихся» и 6 стран Восточной Европы. В том числе были включены Эстония (выборка городов и небольшая дополнительная выборка сельских населенных пунктов – это ограничение очень важно для межстрановых сравнений преступности, так как уровень преступности связан с уровнем урбанизации практически во всех странах), Грузия (несколько городов) и Россия. В третьей волне 1996/97 гг. приняли участие 12 индустриальных стран, практически все страны Восточной Европы и 15 «развивающихся стран». Из стран бывшего СССР к исследованию подключились Беларусь, Латвия, Литва, Киргизия и Украина. В 2000/01 годах в исследование вошел Азербайджан.

Для четвертой волны 2005 года исследование разделилось на две части. Отдельно проводилось Европейское Исследование Преступности и Безопасности (EU ICS) в 18 странах ЕС при финансовой поддержке Европейской Комиссии (координировал проект Gallup Europe). Исследованием в других странах в 2004/05 гг. занималось UNICRI³⁷. Опросы проводились на основе случайных выборок населения от 16 лет и старше, но разными методами. В большинстве «индустриальных стран» – методом телефонных компьютеризированных интервью (КАТИ), в странах Восточной Европы (кроме Словении) и «развивающихся странах» – методом личных интервью на дому. Выборка в каждой стране составила около 1000 респондентов в случае личных интервью и 2000 – телефонных. Данные исследования

³⁷ *van Kesteren J.N. Integrated Database from the International Crime Victims Survey (ICVS) 1989-2005, codebook and data. Tilburg, INTERVICT, 2007.*

находятся в свободном доступе, они публикуются как по отдельным проектам EU ICS, так и совместно с ICVC.

Подготовка следующей волны была начата в 2008-2009 гг. под названием «Европейское исследование виктимизации» под эгидой Евростата. Полевые работы планировались на 2013 год, однако были отложены (Европейский Парламент отверг предложения по проведению этого проекта, аргументы сводились к тому, что во многих странах ЕС проводятся свои национальные исследования виктимизации). За это время проводились эксперименты с использованием Интернет-интервью, но результаты были не очень обнадеживающие. Во-первых, уровень кооперации респондентов оказался очень низким – например, в Канаде он составил 3%. Во-вторых, оценки уровня виктимизации, полученные на основе этих данных, оказались сильно завышенными по сравнению с результатами, полученными с помощью телефонных интервью. Исследование по методологии ICVS было проведено в ряде постсоветских стран – в Эстонии (2009 год, выборка составила 4000 человек, метод опроса – компьютеризированные личные интервью на дому у респондентов), Грузии (2010-2011 гг., размер выборки составил 3000, опрос проведен методом личных интервью), Азербайджане, Молдавии и Таджикистане (2011 г., в этих странах опрос был проведен как часть национального Омнибуса по короткой версии анкеты методом личных интервью на дому у респондентов, было опрошено 1000 чел. в каждой стране). Таким образом, были получены результаты 2010/2011 гг. по 12 странам, но при разнообразии методов опроса сравнимость этих данных находится под вопросом. Национальные опросы на основе ICVS были проведены в 2005 г. в Аргентине (город Буэнос-Айрес), Бразилии и Японии. Однако дальнейшая судьба этого проекта пока не ясна.

С начала 1990-х годов после разрушения полярной системы мира, разделявшей страны на социалистические и капиталистические, открытым остался вопрос о природе, понимании и отношении людей в разных странах к социальной справедливости. **Международный проект по социальной справедливости** (International social

Justice project) задумывался как академический проект, целью которого являлся сбор информации о представлениях, мнениях и установках людей о социальной, экономической и политической справедливости. В 1991 году в исследовании участвовали 12 стран, в том числе страны Восточной Европы (Россия, Эстония, Польша, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Словения, а также объединенная Германия, США, Великобритания, Нидерланды и Япония)³⁸. Второй раз подобное исследование было проведено в шести странах в 1996 году (Россия, Эстония, Венгрия, Чехия, Болгария и Германия)³⁹. Первые две волны проекта координировались Дэвидом Мейсоном в Университете Батлер, Индианаполис США. Финансовую поддержку исследование получило из самых разных источников (the National Council for Soviet and East European Research, Институт социологии АН Чехии, Deutsche Forschungsgemeinschaft, Центр Изучения демократии в Болгарии, Фонд Открытое общество в Болгарии и другие). Опрос основан на случайной выборке населения 18 лет и старше (в России 1991 год – 16 лет и старше), размер выборки в каждой стране около 1500 человек, в большинстве стран опрос проводился методом личных интервью, в США – телефонный опрос, в Нидерландах – самозаполнение анкеты на компьютере. Интервью состояло из 100 вопросов (около 60 минут) и включало социально-демографические показатели (характеристика семьи, домохозяйства, материальное положение, работа, социальный статус, религиозность) и вопросы об установках (мнении о бедности и его причинах, личный опыт соприкосновения с несправедливостью, причины и уровень толерантности к неравенству, взгляды на роль государства в эко-

---

³⁸ Результаты первой волны опубликованы в книге *Cluegel J.R., D.S. Mason and B. Wegener. Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States*, ed. A. de Gruyter, 1995.

³⁹ Результаты второй волны и сравнения опубликованы в книге *Mason D.S., J.R. Cluegel (eds.). Marketing democracy: changing opinion about inequality and politics in East Central Europe*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000. и в *Wegener B. (ed.). Social Justice Beliefs in Transition: Eastern and Central Europe 1991-1996 / Special Issue of Social Justice Research*, vol. 13, 2000.

номике, уровень политической активности, отношение к социализму, приватизации и рыночной экономике). В 2000 году еще одна волна исследования была проведена в Германии (частично исследование было проведено в панельном дизайне – часть респондентов были проинтервьюированы еще 3 раза с интервалом в 12 месяцев, чтобы проверить стабильность их установок). В это время секретариат проекта переместился в Университет Гумбольта в Берлине. В 2006 году была проведена четвертая волна исследования в Германии (ISJP4). В этот период подобные исследования на базе ISJP провели еще несколько стран (Израиль, Чили 2007 г., Чехия, Венгрия 2008 г.). Данные первых волн находятся в архиве ICPSR Университета Мичиган и GESIS.

В академическом мире Восточная Европа и страны бывшего Советского Союза в 1990-е годы заняли одно из ключевых мест в сравнительных межстрановых опросах. Эти страны включились во все крупнейшие международные сравнительные трендовые проекты – Всемирное исследование Ценностей, ISSP, различные Барометры. Одной из наиболее популярных тем сравнительных опросов 1990-х являются проблемы демократизации и перехода стран от социалистической системы к новой (в 1990-х ее уверенно называли демократической). Большинство из этих исследований были полностью централизованными по типу управления, но при этом в них лишь на нескольких этапах использовались сравнительными процедуры. Сравнимость была лишь на базовом уровне. Многие из этих исследований нельзя было назвать сравнительными в рамках того определения, которое было дано в Главе 1 этой книги, а скорее нужно было бы считать независимыми исследованиями по сходной методологии в разных странах (синхронными репликирующими исследованиями). Но так как они сыграли значительную роль в развитии именно сравнительной методологии опросов в этом регионе, о них нельзя не упомянуть.

Среди важных исследовательских проектов 1990-х годов – **исследования «новых демократий»** – политической культуры, политических и экономических ориентаций. Всего было проведено две волны. Первая

волна прошла в 1990-1992 годах в 11 странах Восточной Европы (Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения, Восточная Германия, Эстония, Литва, Украина, Россия – г. Красноярск). Проект координировался Ласло Бруджом (László Bruszt, Central European University, Budapest) и Яношем Симоном (János Simon, Institute for Political Science of the Hungarian Academy of Sciences, Budapest) и носил название «Посткоммунистическая общественность» (“Post-Communist Publics”)⁴⁰. Вторая волна исследования была проведена в 14 странах Восточной Европы в 1998-2001 гг. Проект координировался такими исследователями как Эдельтраут Роллер, Дитер Фухс, Ганс-Дитер Клингеманн, Бернارد Вессельс (Social Science Research Center Berlin, WZB) и Янош Симон (Hungarian Academy of Sciences, Budapest). Выборка в каждой стране строилась по разным процедурам, опрашивалось население 18 лет и старше, в первой волне размер выборки в разных странах колебался от 300 до 1700, во второй волне – от 1000 до 1500 человек.

Страны бывшего социалистического лагеря стали настоящей находкой для исследователей, работающих не только в области политических наук и исследований демократии, но и в других отраслях социального знания. Открылась уникальная возможность получить данные о социальной структуре, социальной мобильности и возможностях для социального продвижения людей из некапиталистических систем. Это возможностью воспользовались в 1993-1994 годах организаторы исследования **«Социальная стратификация в Восточной Европе после 1989 года»**. Оно было проведено под руководством Ивана Селени и Дональда Троймана из Калифорнийского Университета.

Это исследование было разработано как сравнительное в одной точке времени для того, чтобы изучить последствия трансформации политической и экономической системы в странах Восточной Европы на систему

---

⁴⁰ Результаты первой волны опубликованы в книге Barnes S.H., J. Simon (eds.). *The Postcommunist Citizen*, Budapest: Erasmus Foundation and the Institute for Political Science of the Hungarian Academy of Sciences, 1998.

социальной стратификации этих обществ. Сначала в трех странах – Чехословакия, Венгрия и Польша. Потом присоединились Россия и Болгария (а Чехословакия разделилась на две страны). Таким образом, в исследовании приняли участие шесть стран – Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Россия, Словакия. В каждой стране было опрошено 5000 человек, в Польше из-за финансовых проблем меньше – 3500 человек. Опрос проводился среди населения 20-69 лет (в России 20-79 лет, в Венгрии – старше 18 лет) методом личных интервью на дому у респондентов. В исследовании использовался уникальный междисциплинарный подход к разработке социального сравнительного исследования – участвовали социологи, политологи и урбанисты-географы. В связи со специфическими задачами урбанистики в исследование были включены довыборки в столицах изучаемых стран – Праге и Варшаве (а в Будапеште и Софии изначально было проведено довольно большое количество интервью). В этом исследовании особое внимание было уделено процессу перевода инструмента на разные языки. Процедура перевода включала первоначальный перевод, выполненный в каждой стране, верификация методом «обратного перевода», результаты верификации служили основанием для «командной» работы международной группы над утверждением перевода.

В ходе исследования была получена уникальная для этого региона и этого исторического периода информация об образовательной, профессиональной и жилищной истории респондентов, характеристиках родителей и второго поколения предков (бабушек и дедушек), профессиональной позиции респондентов в переломные даты в истории этих стран, а также информация о владении собственностью в разные периоды жизни респондентов. Это одно из первых исследований в этом регионе, где разрабатывались и применялись международные стандарты эквивалентных измерений образовательного и профессионального статуса. Образование измерялось с помощью вопроса с категориями, разработанными отдельно для каждой страны, а затем перекодированы в международную систему CASMIN. Профессиональный статус изме-

рялся с помощью открытого вопроса, а затем кодировался по трем разным международным системам классификации профессий. Исследование координировалось централизованно, но было задумано и реализовано как «кооперативный» международный проект со значительным участием международных участников, сравнительные процедуры применялись на многих этапах проекта⁴¹.

В 1990-х годах были задуманы и начаты большие сравнительные исследовательские проекты по изучению качества образования в мире.

Одно из них – **Международное мониторинговое исследование качества школьного математического и естественнонаучного образования TIMSS** (TIMSS – Trends in Mathematics and Science Study). Это исследование было инициировано Международной ассоциацией по оценке учебных достижений IEA. Оно проводится с 1995 года 1 раз в 4 года (к настоящему времени получены данные пяти волн – 1995, 1999, 2003, 2007, 2011 годов). В последние годы в исследовании принимают участие 59 стран. В ходе этого исследования оцениваются образовательные успехи учащихся 4 и 8 классов средних школ методом тестов, а также собирается информация об интересах, мотивации и подходах к обучению методом опроса учащихся. Дизайн исследования построен таким образом, чтобы иметь возможность отслеживать тенденции в математическом и естественнонаучном образовании разных стран каждые 4 года, когда учащиеся 4 классов становятся учащимися 8 класса. В России исследование проводится Центром оценки качества образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования (ИСМО РАО). В России исследование проводится среди школ с русским языком обучения, всего в исследование включено более 400 школ – опрашивается около 8000 человек (половина – выпускники начальной школы, а половина – учащихся 8 классов)⁴².

⁴¹ <http://www.sscnet.ucla.edu/issr/da/SSEE/SSEE.toc.html>

⁴² Ковалева Г.С., Кошеленко Н.Г., Краснянская К.А., Смирнова Е.С. Концептуальные подходы к оценке учебных достижений по математике и естествознанию в международном сравнительном исследовании TIMSS. Москва, 2008.

Исследование управляется централизованно Международным координационным центром в Бостонском колледже США (ISC – International Study Center, Boston College, США). Финансирование и полевая стадия проекта осуществляется в каждой стране независимо. В исследовании используются большое количество сравнительных процедур на разных этапах проекта от дизайна до анализа, поэтому уровень эквивалентности данных довольно высок.

Другим исследованием такого же типа является **Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся** (Programme for International Student Assessment, PISA). Это также исследование по оценке качества образования, но оценивается грамотность школьников и умение применять свои знания на практике. PISA – трендовое сравнительное исследование, оно проводится 1 раз в 3 года среди подростков в возрасте 15 лет. Опрашивается от 4500 до 10000 учащихся в каждой стране. Выборка строится по принципу случайной вероятностной выборки школьников 15 лет и старше, обучающихся в образовательных учреждениях. Принципы построения выборки утверждены централизованно – стратификация всех образовательных учреждений страны, где обучаются 15 летние школьники, по регионам и типам школ, затем производится случайный отбор учреждений внутри каждой страты, внутри отобранных школ отбираются учащиеся 15 лет и старше случайным образом.

Сама Программа проекта была разработана по инициативе ОЭСР в 1997 году, но первое полевое исследование проведено в 2000 году и с тех пор осуществлено 5 замеров (2012, 2009, 2006, 2003, 2000 гг.). Руководит работой Австралийский Совет педагогических исследований (ACER). Мониторинг качества образования в школе PISA проводится по трем основным направлениям: грамотность чтения, математическая грамотность, естественно-научная грамотность.

Количество таких стран каждый раз существенно увеличивается. Среди стран бывшего СССР в исследовании принимают участие Латвия и Россия (рук. Г. Королева, От-

дел оценки качества образования Института содержания и методов обучения Российской академии образования⁴³). В 2009 году в России исследование проводилось в более чем 200 образовательных учреждениях по всей стране⁴⁴. Как и TIMSS, этот проект координируется централизованно, но сами работы по проекту проводятся каждой страной независимо, сравнительные процедуры используются на большом количестве этапов проекта, поэтому данные обладают высоким уровнем эквивалентности.

В 1990-х годах начали активно развиваться **сравнительные межстрановые маркетинговые исследования**. Постепенная глобализация рынков и рост международных компаний, интенсификация международной торговли привели к необходимости проводить международный маркетинг, выводить товары и услуги на новые для производителей рынки, проводить рекламные и коммуникационные кампании в разных странах.

Одной из первых задач, с которыми столкнулись компании при расширении рынков сбыта, выходе на новые рынки, это необходимость учета культурных особенностей потребителей при разработке маркетингового подхода к размещению продукта на рынке. Для решения этой задачи наиболее подходили исследования сравнительного характера, где главным объектом исследования выступала одна страна (новый рынок, например, Россия), а другие страны (чаще всего «старые рынки», хорошо известные производителю) выступали в качестве эталона для сравнения. При таком подходе сравнительным исследование становилось на уровне анализа, а на остальных стадиях оно разрабатывалось как однострановое, даже если для его проведения использовался инструментарий (анкета, тесты, методики), разработанные для других стран.

Теоретической основой для исследований влияния культуры на восприятие товаров, покупательское пове-

⁴³ http://www.centeroko.ru/pisa09/pisa09_res.htm

⁴⁴ Баранова В.Ю., Ковалева Г.С., Кошелев Н.Г. Особенности проведения исследования PISA-2009 в России. http://sch1361.3dn.ru/Novosti/PISA_2012/01_razdel_1_pisa-2009_osobennosti_provedeniya.pdf.

дение послужили теории развития материальной культуры разных обществ и роли потребления в обществе⁴⁵. К сожалению, большая часть таких исследований остались конфиденциальными и поэтому не доступны для анализа.

На основе информации в открытых источниках можно сделать лишь приблизительные выводы обо всем многообразии содержания и методологических подходов, использованных в таких исследованиях⁴⁶. Тематически сравнительные маркетинговые исследования можно разделить на:

- a) Измерение положения марок, категорий товаров во времени и относительно других рынков, оценка эффективности общих маркетинговых усилий, оценка эффективности маркетинговой стратегии, изучение возможностей для построения «глобальных» марок, влияние марок и международной репутации марки на потребительское поведение, тестирование «приемлемости» маркетинговых стратегий, разработанных в одной стране или на глобальном уровне, для других стран.
- b) Тестирование новых товаров – на основе выборки рынков разного типа или ключевых рынков, анализ общих для всех рынков слабостей и достоинств нового продукта.
- c) Построение глобальной сегментации для рынка определенного товаров – общих для всех стран перспективных сегментов, на которые будет нацелена мар-

---

⁴⁵ *Miller D.* Material culture and mass consumption. London: Basil Blackwell, 1987; *McCarty J.A.* Current theory and research on cross-cultural factors in consumer behaviors // *Advances in consumer research*, 1989, vol. 16; *Shaw D.S., I. Clarke.* Culture, Consumption and Choice: Towards a Conceptual Relationship // *Journal of Consumer Studies and Home Economics*, 1998, 22, 3.

⁴⁶ Например, такая попытка систематизации маркетинговых сравнительных исследований, информация о которых публиковалась, была сделана в статье *Salciuvieniė L., V. Auruskeviciene, Z. Lydeka.* An Assessment of various approaches for cross-cultural consumer research / *Problems and Perspectives in Management*, 2005, 3.

кетинговая политика, либо включение культуры как элемента сегментации⁴⁷.

- d) Оценка эффективности определенных маркетинговых программ в разных странах.
- e) Выявление особенностей, предпочтений (вкусовых, цветовых, визуальных) отдельных рынков по сравнению с другими.
- f) Общие сравнительные исследования жизненных ценностей, стиля жизни, социальных ценностей и поведения, социальных ролей, семейных ролей в разных странах для разработки концептуальных рекламных и коммуникационных программ, идей для новых характеристик продуктов и услуг, выявления новых потребностей.
- g) Измерение удовлетворенности, качества товаров и услуг в разных странах и относительно друг друга.
- h) Изучение положения и репутации международных компаний на глобальном рынке.
- i) Исследования влияния культуры на потребительское поведение, потребление информации, особенности обмена и циркуляции информации, покупательского выбора и распределения семейных ролей при решении и выборе покупки.
- j) Изучение общего и особенного в ценностной системе разных стран, процессы конвергенции и расхождения ценностей в глобальном мире, возможностей для проведения глобальных рекламных кампаний и особенностей их восприятия по сравнению с национальными рекламными кампаниями; включение этнической и национальной составляющей при прогнозировании и анализе потребительского поведения.

Многие международные компании подходят к представлению о своем потребителе как «глобальном» потребителе, а не наборе составляющих из разных стран. Если

---

⁴⁷ Lindridge A., S. Dibb. Is "culture" a justifiable variable for market segmentation? A cross-cultural example// Journal of consumer behavior, 2003, vol. 2.

в изучении общественного мнения споры о существовании «глобального или всемирного общественного мнения» только разгораются, то в маркетинге такой подход развивается и вполне успешно применяется уже некоторое время. И хотя до сих пор чаще всего исследования и анализ данных строятся по страновому принципу, недалеко то время, когда в маркетинговых исследованиях будет использоваться прямая выборка из населения мира в целом и страна будет использоваться лишь как одна из объясняющих контекстуальных переменных. Понятие «глобальный потребитель» приобретает смысл гораздо быстрее, чем понятие «глобальный гражданин». А это значит, что в будущем можно ожидать роста межкультурных вместо межстрановых исследований, а также замену исследований сравнительных исследованиями глобальными.

2000-е годы – новые требования и стандарты качества, глобальные исследовательские проекты

Начало нового века стало временем, когда опыт, полученный при проведении разных исследовательских проектов, стал аккумулироваться в систему методологических требований и стандартов в сравнительных межстрановых опросах. Методология сравнительных опросов стала выделяться в отдельную отрасль знания, появилась такая специализация в системе образования и науки. В это время были начаты несколько ведущих на сегодняшний день региональных и глобальных сравнительных межстрановых исследований на базе опросов (ESS как академический опрос, несколько глобальных всемирных опросов общественного мнения), в которых используется и развивается методология современных межстрановых опросов.

В первое десятилетие нового века существенно расширились границы ЕС – в Союз вступили многие восточноевропейские страны. Постепенно от региональных исследований особенностей перехода к демократии в Восточной Европе страны этого региона стали интегрироваться

в общие европейские проекты (например, общий Евробарометр, совместный проекты Евростата). Если в 1990-е годы к сравнительным межстрановым исследованиям активно подключились страны Восточной Европы и бывшего СССР, то в 2000-х годах настало время для дальнейшего расширения географии сравнительных опросов – в первую очередь, за счет стран Азии, затем Южной и Латинской Америки и Африки, а с середины 2000-х годов – стран Ближнего Востока. Глобализация мира и глобализация проблем, которую столь остро высветил экономический кризис конца нулевых годов, а также обострение международной обстановки, рост числа международных конфликтов стимулировали интерес широкой общественности, средств массовой информации и других заинтересованных сторон в данных сравнительных опросах. Они стали служить не только эмпирической базой академической науки или инструментом маркетинговой политики компаний, но и важной частью международной общественной жизни. Глобализация опросов, которые проводятся на сегодня с разной степенью регулярности в большинстве стран мира, стали основой для организации Всемирных регулярных опросов – таких как опросы общественного мнения Фонда Рев, Глас Народа Гэллапа, Исследования экологического сознания и восприятия международных проблем Globescan и некоторые другие. Этому способствует и развитие современных средств коммуникации, позволяющих координировать и синхронизировать работу над международными проектами в разных странах.

Остановимся более подробно на новом типе сравнительных социальных опросов – глобальных или всемирных исследований. Пока такие опросы не включают все страны мира, но называются так потому, что включают страны всех континентов.

Одно из наиболее методологически надежных и обоснованных всемирных исследований общественного мнения на сегодняшний день – **Глобальное Исследование Установок Фонда Рев (Pew Global Attitudes Survey)**. Этот проект представляет собой регулярные всемирные опросы общественного мнения по глобаль-

ным проблемам современности, оценкам различных аспектов жизни, взглядов людей на сегодняшний мир и его проблемы. В опрос включается ряд базовых вопросов для построения временных сравнений (имидж США, вопросы мировой экономики и проблемы глобализации, качество жизни, исламский экстремизм, мнения об отдельных странах), но в каждую волну включается и ряд новых, актуальных на какой-то момент тем.

Опросы проводятся ежегодно, начиная с 2002 года, хотя состав стран меняется. Источником этого проекта послужило разовое сравнительное исследование «Пульс Европы», проведенное Центром Таймс Миррор для Народа и Прессы, США (Times Mirror Center for The People & The Press, Washington, DC). В исследовании изучалось общественное мнение разных стран по вопросам отношения к экономическому и политическому развитию страны. В 2009 году Фонд Пью повторил вопросы 1991 года в своем новом глобальном опросе и представил временные сравнения. В 1991 году к исследованию подключились целый ряд европейских стран (Великобритания, Болгария, Чехословакия, Франция, Германия, Венгрия, Италия, Польша, Испания), а также три страны бывшего СССР – Литва, Россия и Украина.

Сегодня в Исследование Пью входят США, Канада, 10 стран Латинской Америки, 16 стран в Европе (в том числе Венгрия, Болгария, Чехия, Польша, Словакия, Россия – все волны, Литва – 2011 г., Украина – 2002, 2007, 2011 гг.), 11 стран Африки, 9 стран Ближнего Востока и Северной Африки, 12 стран Азии (в том числе Узбекистан 2002 г.). В основе проекта – национальные опросы населения разных стран по случайной выборке населения, размер выборки составляет от 500 до 2000 человек в каждой стране. Это исследование полностью централизованное по типу управления, где довольно большое количество этапов исследования проводится на основе сравнительных процедур.

Уже более двадцати лет в ряде стран проводится сравнительное исследование общественного мнения о проблемах внешней политики **Трансатлантические Тренды (Transatlantic Trends)**. Это исследование

включает 13 стран Америки и Европы (США, Турция, Россия и 12 стран ЕС) по вопросам внешней политики. Среди таких вопросов – имидж разных стран, восприятие глобальных угроз, целей внешней политики, отношение населения к мировым лидерам, оценка работы международных организаций.

Исследование осуществляется с 2002 года по настоящее время ежегодно при финансовой поддержке двух независимых фондов – German Marshall Fund CIF и Compagnia di San Paolo (Италия). Каждое исследование представляет собой опрос населения от 18 лет и старше, размер выборки в каждой стране составляет 1000 человек (в России – 1500). В ряде стран опрос проводится методом телефонных компьютеризированных интервью (выборка и стационарных, и мобильных телефонов), в некоторых – на основе личных интервью на дому у респондентов (Польша, Словакия, Болгария, Турция, Румыния, Россия). Данные исследования размещены в Архивах социальных данных ICPSR, Roper Center, GESIS.

Еще один глобальный опрос, который служит источником информации о мировом общественном мнении по вопросам внешней и внутренней политики разных стран – **Глас Народа Гэллуп (Voice of People Gallup International)**. В опрос включены вопросы об отношении населения разных стран к ключевым проблемам современности – загрязнение окружающей среды, терроризм, вопросы политики и управления, демократии и т.п. Это коммерческое исследование, однако некоторые результаты его публикуются в прессе и доступны для анализа. Опросы проводятся ежегодно с 2002 года, в среднем в каждом опросе принимают участие около 60 стран (в том числе Россия, Украина, Молдавия). Размер выборки составляет 500-2000 человек в каждой стране, в большинстве стран опросы построены на основе национальной выборки населения от 18 лет и старше, в некоторых странах - от 15 или 16 лет и старше, в нескольких странах опрашивается только городское население. В ряде стран опрос проводится методом телефонных интервью, в некоторых – методом личных интервью на дому у респон-

дента⁴⁸. В этом исследовании сравнительные процедуры используются лишь на нескольких этапах.

Сравнительное исследование мирового общественно-го мнения с самым широким, наверное, на сегодняшний день охватом стран – **Gallup World Polls**. Это исследование проводится организацией Gallup в более чем 150 странах мира ежегодно, начиная с 2005 года. На основе этого опроса строится несколько глобальных социальных «индексов» – индекс законности и порядка, индекс обеспеченностью питанием и кровом, индекс качества институтов и инфраструктуры, индекс качества работы, индекс социального самочувствия. Исследование строится на национальных опросах населения старше 15 лет, в каждой стране опрашивается примерно 1000 человек (в больших по количеству населения странах, например в России, размер выборки больше – 2000 человек). В некоторых странах исследование проводится методом телефонного опроса, в некоторых – личные интервью на дому (в странах бывшего СССР исследование проводится именно таким образом)⁴⁹.

Всемирные опросы проводят сейчас и многие **другие международные опросные организации** – GfK, Harris Interactive, ICF International, IPSOS, TNS. Эти исследования осуществляются разными методами и по разным выборкам. Например, IPSOS проводит опрос жителей 24 стран “Ipsos Global @dvisory” ежемесячно

---

⁴⁸ Параметры исследования в постсоветских странах: Исследование 2002 года в России – размер выборки составил 500 чел, метод опроса – телефонные интервью в г.Москве. В 2005 году опрос методом личных интервью на дому у респондентов, размер выборки – 1000 человек. Опросы 2008 и 2009 года – личные интервью на дому у респондентов, размер выборки составил 1500 человек. Опрос в Украине 2003 год личные интервью по национальной выборке, всего было опрошено 1200 человек. Опрос в Молдавии 2008, 2009 года – личные интервью на дому у респондентов, размер выборки составил 1000 человек.

⁴⁹ Tortora R.D., R. Srinivasan, N. Esipova. The Gallup World Poll / in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, M. Braun, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B.-E. Pennell, and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.

методом он-лайн панели (всего опрашивается около 18 тысяч человек 18-64 лет в США и Канаде и 16-64 – в других странах). В исследование входят Австралия, Бразилия, Канада, Китай, Франция, Германия, Великобритания, Италия, Япония, Испания и США (опрашивается около 1000 человек в каждой стране), Аргентина, Бельгия, Египет, Венгрия, Индия, Мексика, Польша, Румыния, Россия, ЮАР, Южная Корея, Швеция, Турция и Саудовская Аравия (примерно 500 человек в каждой стране). Выборка по России не определяется как репрезентативная для всей страны, а представляет людей, которые имеют доступ к Интернету⁵⁰.

Глобальные сравнительные исследования на базе опросов развиваются не только в рамках опросов общественного мнения, но и в рамках академических исследований. Примером такого исследования является **Глобальный Мониторинг Предпринимательства** (Global Entrepreneurship Monitor – GEM). Это сравнительное трендовое исследование предпринимательской активности, ожиданий и установок людей по отношению к предпринимательской деятельности. Проект был начат в 1999 году как результат сотрудничества между Лондонской Школой Бизнеса и Бабсон Колледжем (Babson College). В первый год были собраны данные по 10 странам, теперь каждый год в нем принимает участие более 50 стран. Исследование включает ежегодные опросы населения и опрос экспертов. Опрос населения строится на основе национальных выборок взрослого населения, минимальный размер выборки составляет 2000 человек. Проект является средне-централизованным – в управление и планирование исследования включены ученые из всех стран-участниц, детальные стандарты и процедуры сбора эмпирической информации и ее агрегирование осуществляется централизованно, при этом сравнительные процедуры используются на довольно большом количестве этапов исследования. В проекте принимают участие несколько стран бывшего СССР. Среди них Россия, которая участвует в исследовании с 2006 года (ВШМ Санкт-Петербургского университета и Лаборатория со-

⁵⁰ <http://www.ipsos-na.com/news-polls/pressrelease.aspx?id=6636>

циологических исследований ЦФИ ГУ-ВШЭ). С 2005 года в исследовании участвует Латвия, недавно к нему присоединились Литва, Эстония, Казахстан и Грузия. Данные исследования не находятся в свободном доступе, но публикуются ежегодные сводные и тематические отчеты⁵¹.

Хотя на территории постсоветских стран проводится немало сравнительных опросов, исследований, куда были бы включены все страны бывшего СССР, а также бывшие социалистические страны Восточной Европы и Монголия, совсем немного. Одно из этих немногих – сравнительный опрос Европейского Банка Реконструкции и Развития (EBRD) и Всемирного Банка «**Жизнь в Переходный Период**» (LIT). Исследование посвящено изучению общественных настроений, оценке личного и общественного благополучия, влияния экономических и политических изменений на жизнь людей. Опрос был проведен три раза (2006, 2010 и 2014 годах) в более чем 30 странах – во всех странах Европы и Азии, которые переживают «переходный период», и в нескольких странах Западной Европы (Франции, Германии, Великобритании, Италии и Швеции). В исследование включены все страны бывшего СССР кроме Туркмении. Исследование основано на национальных опросах населения по случайной вероятностной выборке, размер выборки в ряде стран 1000 человек, в ряде – 1500 человек, метод опроса – личные интервью на дому. Исследование состоит из интервью с главой домохозяйства, а затем интервью со случайно отобранным респондентом в семье 18 лет и старше⁵².

Еще одно сравнительное исследование стран бывшего СССР – «**Сравнительные Постсоветские Тренды**

⁵¹ www.gemconsortium.org; Образцова О., Чепуренко А. Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики, 2008, № 8; Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России, 2008, № 2; Теория предпринимательства в России. По материалам «Глобального мониторинга предпринимательства», под ред. Т.А. Алимова, А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцова. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.

⁵² <http://www.ebrd.com/russian/pages/research/publications/special/transitionII.shtml>

ЦЕССИ». Идея этого исследования довольно необычна для межстрановых сравнительных опросов. Целью его является не только сбор эмпирической сравнительной информации об установках и поведении населения разных стран, но и проведение методологических экспериментов для разработки более эффективных подходов к международным сравнениям. Исследование состоит из трех частей – «Тренды Закавказья» (в Грузии, Армении, Азербайджане, а также несколько исследований в Абхазии, Южной Осетии и Нагорном Карабахе), «Тренды Средней Азии» (Киргизия, Таджикистан, Казахстан) и Исследование в странах европейской части региона (Россия, Украина, Белоруссия и Молдавия). Опросы во всех странах проводятся на основе случайных вероятностных выборок населения 18 лет и старше методом личных интервью на дому у респондентов. Размер выборки составляет 1000 эффективных интервью в каждой стране в «Трендах Закавказья» и 1500 человек в каждой стране в «Трендах Средней Азии» и Исследовании в странах европейской части региона. Исследование проводится ежегодно иногда как независимые опросы, иногда как части Омнибуса ЦЕССИ. В каждый опрос включаются как трендовые содержательные вопросы (оценка уровня и качества жизни, политические ценности, установки и поведение, отношение к политическим и социальным институтам, трудовые отношения и положение на рынке труда и другие показатели), а также для каждой волны разрабатываются и включаются различные методологические эксперименты. В частности, в последние годы в рамках методологической программы Трендов ЦЕССИ была собрана информация о проблеме «щепетильных вопросов» в межстрановых опросах, влиянии эффекта «социального одобрения» на межстрановые сравнения, особенности условий проведения опроса на качество данных, влияние интервьюера и его характеристик на «стили ответов», выбираемые респондентами в разных культурах и на общую эффективность опроса (уровень достижимости).

Многострановые сравнительные трендовые исследовательские проекты

С 80-х годов прошлого века начинается переход от сравнительных исследований небольшого количества объектов, изучаемых в одной или на небольшом количестве временных точек, к многолетним трендовым многострановым сравнительным проектам.

Остановимся на крупнейших современных трендовых многострановых сравнительных проектах, которые представляют собой примеры наиболее сложных и поэтому интересных с методологической точки зрения сравнительных исследований – в них включено большое количество объектов сравнения – стран (региональные как Евробарометр и ESS, или всемирные как ISSP и WVS), а также большое количество временных точек измерения (Евробарометр). Во всех этих исследованиях методологические задачи представляют собой существенную часть работы над проектом и приносят не менее важные знания в социологическую науку, чем так называемая «содержательная» часть.

Евробарометр

Старейшим исследованием такого типа является Евробарометр – сравнительное трендовое исследование общественного мнения жителей Европы. Этот проект был инициирован Европейской Комиссией, поэтому цели исследования во многом определяются целями, стоящими перед руководством Европейского Союза, – изучение взглядов и отношения населения к европейской интеграции, общеевропейским политическим и общественным институтам и европейской политике. Начиная с 70-х годов прошлого века, когда в исследовании принимали участие лишь несколько европейских стран (6 стран в первой волне 1970 года, 9 – в 1973 году), география исследования постоянно расширялась, и в настоящее время охватывает все страны ЕС, а с 2004 года и многие страны Восточной Европы.

Исследование представляет собой опросы населения европейских стран от 15 лет и старше методом личных интервью на дому, которые проводятся в настоящее время два раза в год. Размер выборки составляет около 1000 человек в каждой стране. Евробарометр – трендовое исследование, в котором изучается динамика или стабильность базовых показателей общественного мнения в Европе.

Как пионеру в сфере многострановых многолетних опросов Евробарометру досталась и значительная доля критики, особенно относительно методологической части исследования. В последние годы методология опроса постоянно совершенствуется. Например, с 1989 года в исследовании больше не допускается использование квотных выборок и сделан шаг к переходу на единый стандарт – вероятностные выборки (что декларировалось с самого начала исследования, но очень часто не выполнялось). Исследование имеет уже 30-летний тренд данных для целого ряда стран, и это огромная ценность для изучения социальных процессов в Европе. Но в этом и существенное ограничение данного исследования – возможностей для включения новых вопросов остается немного. Решение на сегодняшний день состоит в том, чтобы все вопросы Евробарометра оставались в каждой волне без изменений, а дополнительно проводятся так называемый Flash Eurobarometer (методом телефонных интервью) для изучения оперативных вопросов, не требующих информации о многолетних трендах.

В России результаты Евробарометра не столь часто используются в аналитической академической литературе, так как проблемы европейской интеграции затрагивают Россию лишь косвенно, однако публицистической информации по данным этого исследования в прессе очень много.

В 1990-1997 годах как отдельный проект Евробарометр проводился в странах Центральной и Восточной Европы. В 1997 году был проведен так называемый Переходный Барометр в Восточной Европе (Transition Barometer Eastern Europe 1997). В него были включены Польша (1000 человек), Чехия (1056), Венгрия (1000),

Россия (2400). Основным предметом изучения в исследовании были проблемы перехода от плановой к рыночной экономике, а также социальные последствия, связанные с таким переходом. Опрос проводился на основе национальных случайных выборок населения от 16 лет и старше методом личных интервью на дому. В последующие годы страны Восточной Европы, вступившие в ЕС, были включены в основную часть Евробарометра наряду со старыми членами ЕС, а страны за пределами ЕС в исследование не включались.

Региональные «Барометры» (трендовые исследования)

Под влиянием Евробарометра в 1990-е годы появились целый ряд региональных «барометров» для изучения общественного мнения населения других, не европейских регионов по ключевым вопросам современной повестки дня – отношению к демократии, системе управления страной в целом, оценке состояния и будущего национальных экономик, участию граждан в политике и управлении, проблемам национальной идентичности и т.п. К таким региональным Барометрам относятся – Латинобарометр, Афробарометр, Арабский Барометр Демократий и барометр «Новых демократий». Все эти барометры представляют собой региональные сравнительные трендовые исследования общественного мнения на базе опросов. Они организованы на принципах умеренной централизации – основная программа исследования разрабатывается централизованно (либо в одном исследовательском центре, либо международным научным коллективом), а полевая часть исследования проводится независимо в каждой стране по методологии, принятой в каждой стране. Затем данные объединяются в единую базу данных централизованным образом.

Первый последователь Евробарометра в других частях мира – **Латинобарометр**. Начало этого проекта относится к 1995 году. С этого времени в рамках этого исследования опросы населения в латиноамериканских странах проводятся ежегодно. Руководителем проекта является Марта Лагос, центральную координацию про-

екта осуществляет НКО *Latinobarómetro Corporation* в Сантьяго, Чили. Это исследование, как и многие другие подобные проекты, расширялось постепенно. В 1995 году в нем приняли участие 8 стран, начиная с 1996 года участников стало 17, а с 2004 года – 18. Таким образом, в это исследование включены все страны Латинской и Южной Америки кроме Кубы. За время существования проекта сами опросы проводились разными исследовательскими организациями. Опрос построен на национальных выборках населения этих стран, размер выборки в каждой стране составляет 1000-1200 человек. Этот исследовательский проект не имеет постоянного источника финансирования. Финансовую помощь проекту оказывают различные международные организации в разных странах (в том числе ЕС, ООН, Агентства международного сотрудничества разных стран – Испании, Канады, США, международные финансовые институты). Данные опросов размещаются в свободном доступе через 2 года после опроса за небольшую плату на сайте НКО, данные за 1995-2010 гг. можно получить бесплатно.

С 1999 года начал свою работу *Афробарометр*. Первая волна опроса была проведена в 1999-2001 гг. в 12 странах Африки, в последующие годы количество стран-участниц постоянно росло, пятая волна 2011-2013 года проводилась уже в 35 странах. Одна волна занимает 2-3 года, поэтому условно можно считать, что исследование проводится раз в 2 года. За это время было проведено 5 волн. Как и в других «барометрах», основными темами опросов являются ключевые проблемы, стоящие перед странами региона или континента, – отношение к демократии (понимание, поддержка, удовлетворенность), вопросы государственного управления (эффективность, прозрачность работы органов управления), экономическое положение, отношение к рыночным реформам, социальный капитал и доверие, вопросы безопасности, участия в политике и управлении, национальная идентичность. Исследование строится на основе национальных опросов по случайным выборкам населения 18 лет и старше. Размер выборки в каждой стране составляет

1200–2400 человек. Исследование финансируется из различных общественных источников: международными агентствами развития разных стран (США, Швеции, Великобритании), Всемирным Банком, международными банками, посольствами, научными фондами и др. Данные опросов размещаются в свободном доступе через 1 год после проведения на сайте Афробарометра.

Проект **Восточноазиатский Барометр** (он также известен под названием проекта «Сравнительное Изучение демократизации и изменений ценностей в Восточной Азии») начал свою работу в 2001–2003 гг. в 13 странах Восточной Азии (Япония, Монголия, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Китай, Филиппины, Таиланд, Вьетнам, Камбоджа, Сингапур, Индонезия и Малайзия). В 2004–2008 гг. к проекту подключились новые страны, а также **Южно-Азиатский Барометр**. Третья волна проекта **Азиатский Барометр** была проведена в 2010–2011 гг.⁵³ в 13 странах Восточной Азии и 5 странах Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка и Непал). Координируется проект Институтом Политических Наук и Национальным Университетом Тайваня. Как и в других регионах, проект представляет собой опросы общественного мнения населения разных стран, проводимые методом личных интервью на дому у респондента по случайным национальным выборкам.

Последний по времени основания на сегодняшний день в череде Барометров – **Арабский Барометр Демократии**⁵⁴ – начат в 2005 году как совместный арабско-американский проект. Руководство его первоначально осуществлялось из Университета Мичиган и Принстонского университета, а также научными центрами в Иордании, Палестине, Марокко, Алжире и Кувейте. В 2010 году это партнерство преобразовалось в Инициативу Арабской Реформы. Первая волна 2006–2008 гг. была проведена в 7 арабских странах – Марокко, Алжире, Кувейте, Палестине, Иордании, Ливане и Йемене. Вторая

⁵³ <http://www.asianbarometer.org/>

⁵⁴ <http://www.arabbarometer.org/>

волна 2010-2011 гг. – в 13 странах, кроме первоначальных стран-участниц к проекту присоединились: Египет, Судан, Саудовская Аравия, Мавритания, Сирия и Ирак. На первом этапе разработки проекта основным центром проведения исследования был Центр Стратегических разработок в Иордании (CSS). Затем проект получил финансирование от различных международных организаций – Канадского центра международных исследований и развития (IDRC), Программы Развития ООН (UNDP) и Института Мира США (USIP). До настоящего момента было проведено две волны этого исследования.

В качестве отдельного вида сравнительных межстрановых опросов можно выделить «барометры», которые проводились и проводятся в странах Восточной Европы и на территории бывшего СССР. Основным предметом этих исследований, сходных по дизайну с другими региональными Барометрами, являются не только общие вопросы состояния общественного мнения по ключевым вопросам повестки дня, но также восприятию демократии, измерению поддержки демократических институтов и уровня политического участия граждан. По дизайну эти исследования также являются трендовыми сравнительными исследованиями общественного мнения и установок на базе национальных опросов, проводимых с разными временными интервалами и с разной системой управления проектом.

Один из таких «барометров» – **«Барометр Новых Демократий»** (NDB). Проект посвящен изучению отношения населения стран, находящихся в «переходном периоде», к изменению политической и экономической системы, общественных отношений и государственных границ. Научными руководителями проекта являются Кристиан Харпфер и Ричард Роз, а сам проект координируется Центром Изучения Общественных проблем и Обществом Пола Лазарсфельда в Вене (The Centre for the Study of Public Policy, the Paul Lazarsfeld Society, Vienna). Исследование представляет собой смешанный тип сравнительного межстранового исследования. С одной стороны, его можно считать региональным сравнительным исследованием – включены почти все страны описыва-

емого региона (кроме Албании, некоторых стран бывшей Югославии и России). Основанием для включения в опрос является также содержательный критерий – «переходный период» от «социалистической» к «демократической» модели управления и организации общественных отношений, хотя фактически этот критерий совпадает с региональным. Но с другой стороны, этот проект можно отнести и к сравнительным исследованиям «различных случаев». В исследование включены как постсоциалистические страны, так и страны, относящиеся к развитым демократическим и рыночным системам – Австрия и Германия. По типу управления исследование полностью централизовано, по методологии – сравнительное на базовом уровне (в некоторых случаях даже скорее «репликирующее», чем сравнительное). Всего было проведено 5 волн опроса в 1991, 1992, 1993, 1995, 1998, 2001 и 2004/5 гг. В первую волну вошли 6 пост-социалистических стран (Болгария, Чехословакия, Венгрия, Польша, Румыния и Словения) и Австрия, в последующие волны – гораздо большее число стран. Кроме разделившейся на две страны Чехословакии и первых стран-участниц, к проекту присоединились Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Хорватия, Сербия, Босния, Беларусь, в 2000 г. – Молдова. В числе показателей, измеряемых в Барометре, – доверие к государственным институтам управления, оценка эффективности политической и экономической системы (по сравнению с прошлым и ожиданиями на будущее), оценка личного здоровья и другие вопросы. Каждая волна исследования представляет собой национальный опрос населения стран-участниц на основе случайной выборки населения 18 лет и старше методом личных интервью на дому у респондентов; размер выборки в среднем составляет 1000 человек на страну⁵⁵.

Россия в рамках этого проекта рассматривается как отдельный объект. С 1992 года в стране проводится опрос **«Новый Российский Барометр»** (New Russia Barometer), который является сопоставимым с опросами

---

⁵⁵ В Прибалтийских странах использовались две отдельные выборки – одна для русского населения, другая для населения титульной нации.

в других странах. Это трендовое исследование, проводимое с относительно регулярными интервалами времени, где кроме трендовой части (базовые вопросы, одинаковые для каждой волны), включаются ряд новых тем. В основе исследования – опрос населения России (1600-2000 человек в каждом опросе)⁵⁶ методом личных интервью на дому у респондентов.

Еще один проект из серии «барометров» – **Новый Балтийский Барометр** (New Baltic Barometer), проводился в трех прибалтийских странах с 1993 года с нерегулярными интервалами (1993, 1995, 1996, 2000, 2001, 2004). Проект финансировался Европейской комиссией и отдельными фондами в Австрии, Великобритании, Венгрии и Швеции. Выборка строилась на стратификации населения по национальности и построении независимых выборок для каждой национальной группы (7 выборок, с 1994 года – 6). В исследование были включены вопросы об использовании языков, национальной и групповой идентичности, политических интересах, экономическом положении, оценках и ожиданиях в отношении национальной экономики, а также отношении к советской системе. В 1995 году помимо вышеперечисленных также были включены вопросы о правах и обязанностях гражданина, влиянии России на население Прибалтики. Многие вопросы в этом исследовании схожи с Барометром Новых Демократий и Новым Россией-

---

⁵⁶ В разные волны определение генеральной совокупности менялось. В 1991 году генеральная совокупность определялась как население 34 городов от 15 лет и старше, в 1993 году – национальный опрос населения от 16 лет и старше, стратификация на 15 регионов и размер города, список домохозяйств, отбор респондента по последнему дню рождения, 1994 год – население от 18 лет и старше, квотная выборка. 1995 г. – население от 16 лет и старше, маршрутный отбор домохозяйств, отбор респондента по последнему дню рождения. 1996 г. – население от 18 лет и старше, 22 региона РФ, маршрутный опрос с квотой, 1998 – национальный опрос по 11 регионам. В 2000: население 16 лет и старше, национальный опрос по 10 регионам, 2001- 2008 гг. – население от 18 лет и старше. Опрос проводился в разные годы разными опросными организациями и финансировался из разных источников.

ским Барометром, но сравнительная методология в дизайне исследования использована не была.

2.2. Многострановые сравнительные трендовые исследовательские проекты последних десятилетий

Европейское и Всемирное Исследование Ценностей

Европейское исследование ценностей было задумано социологами, преп. отцом Яном Керкхофс и Рутом де Моор, которых волновала проблема постепенной секуляризации Западной Европы. То, что проект был осуществлен, во многом также заслуга поддержавшего идею Ж. Рабьера. Он же убедил авторов расширить цели исследования и изучать не только религиозные ценности, но смотреть более широко – изучать разные аспекты жизненных ценностей людей, отношение к религии и мировоззрение людей в целом. **Европейское исследование ценностей** (European Value Survey) было проведено в 1981-84 гг., а уже со второй волны стало Всемирным, в нем приняли участие 41 страна и проект получил название Всемирного Исследования Ценностей (World Value Survey, WVS) – известного на сегодняшний день любому исследователю, работающему с данными сравнительных опросов. С тех пор было проведено 6 волн: третья – в 1995-1998 гг. (55 стран), четвертая – в 1999-2004 гг., пятая 2005-2009 гг. (54 страны) и шестая 2010-2014 (52 страны). В настоящее время **Всемирное Исследование Ценностей** управляется World Value Survey Association во главе с проф. Рональдом Инглхартом.

Основные задачи проекта состоят в изучении изменений в моральных и социальных ценностях людей в современном мире, особенно религиозных ценностей, представлений о смысле и предназначении жизни. Для многих стран это исследование остается единственным источником сравнительных данных о социальных и политических ценностях.

Исследование построено на национальных опросах населения разных стран 18 лет и старше по случайным выборкам методом личных интервью на дому. Данные исследования очень широко используются в академических публикациях, на этих данных основано много работ и современных социологических теорий. В методологическом плане исследование неоднократно критиковалось. Но и эта критика послужила важным этапом в развитии методологии сравнительных межстрановых опросов, доказательством необходимости разработки подходов к построению максимально эквивалентных выборок, большего внимания проблеме эквивалентного определения объекта исследования, генеральной совокупности, а также созданию более тонких процедур перевода инструмента опроса на национальные языки⁵⁷.

Россия была страной-участницей этого Исследования на протяжении всех волн почти с самого начала этого проекта, и эти данные являются неоценимым источником для анализа процессов, происходивших в общественном сознании россиян на протяжении важных этапов жизни страны – 1990-х и 2000-х. Пилотный этап проекта в 1986 г. был проведен в одном российском регионе – Тамбовской области, а полномасштабный опрос на основе общероссийской выборки населения – в 1990 г. (руководитель проекта с российской стороны В.Г. Андреенков, Институт социологии АН СССР). Россия приняла участие и в двух последующих волнах исследования 1995 и 1999 гг. (компанией РОМИР под руководством Е.И. Башкировой), в 2006 г (компанией GfK-Rus) и в 2011 г. (компанией Левада Центр, руководитель проекта Э.Д. Панарин)⁵⁸.

---

⁵⁷ В первых волнах Исследования эквивалентность выборок в разных странах вызывала большие вопросы. Например, в первой волне в США размер выборки составил 2325 человек с дополнительной выборкой национальных меньшинств, тип выборки не описан, в Швеции и Норвегии использовалась случайная территориальная выборка размером около 1000 человек, в Испании – квотная выборка около 1000 человек, в Италии – квотная выборка 1348 человек.

⁵⁸ Подробнее о WVS можно прочитать *Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // West European Politics, 2008, 31 (1-2).*

Таблица 2.1. Участие стран бывшего СССР во Всемирном Исследовании Ценностей

	Волна 1 1981- 1984	Волна 2 1989- 1993	Волна 3 1995- 1998	Волна 4 1999- 2004	Волна 5 2005- 2009	Волна 6 2010- 2014
РОССИЯ	Тамбовская область	+	+	+	+	+
УКРАИНА			+	+	+	+
БЕЛАРУСЬ		+	+	+		+
МОЛДОВА			+	+	+	
ЛАТВИЯ		+ **	+	+		
ЛИТВА		+ **	+	+		
ЭСТОНИЯ		+ **	+	+		+
ГРУЗИЯ			+		+	
АРМЕНИЯ			+			+
АЗЕРБАЙДЖАН			+			+
КАЗАХСТАН						+
КИРГИЗИЯ				+		+
УЗБЕКИСТАН						+
ТАДЖИКИСТАН						
ТУРКМЕНИЯ						

** не все вопросы основной анкеты были включены в это исследование

По материалам EVS и WVS написано очень много научных работ как в западной, так и в российской социологии⁵⁹. В Высшей Школе Экономики работает Лаборатория сравнительных социальных исследований под рук. Рональда Инглхарта, в рамках которой в последние годы было выполнено много великолепных аналитических работ с использованием данных WVS, а также других сравнительных межстрановых опросов⁶⁰.

⁵⁹ Например, сравнение данных исследования WVS в России и данных EVS в книге: *Рукавишников В.О., Л. Халман и П. Эстер. Политические культуры и социальные изменения. М.: Совпадение, 1998.*

⁶⁰ Например, *Inglehart R. Measuring culture and cultural change / in Culture Matters II: Focus on Russia, ed. by L. Harrison and E. Yasin. Lexington Books, 2014; Inglehart R.F., E.D. Ponarin. Happiness and Democracy, 1972-2008 // The Siberian Federal University Journal, 2013, t. 8. № 6; Magun V., M. Rudnev. The Value Heterogeneity of the European Countries Population: Typology Based on R. Inglehart Indicators // The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. 2012.*

*ISSP (Международная программа
социальных исследований)*

Третий сравнительный многострановый многолетний трендовый проект, который имеет глобальный характер (его можно отнести к категории всемирных, хотя он не покрывает всех стран мира) и проводится уже больше двух десятилетий. Это коллективная работа представителей исследовательского сообщества разных стран, которые каждый год совместно выбирают тему исследования и работают над созданием инструмента. Каждый модуль (тема) повторяется через разные временные интервалы⁶¹. Таким образом, хотя по организации это исследование ежегодное, но для сравнительного изучения определенных тем временной интервал в этом исследовании нерегулярен и количество временных точек для разных модулей (тем) разное.

История проекта связана с сотрудничеством Центра Опросов, Методов и Анализа (Allgemeinen Bevölkerungsumfragen der Socialwissenschaften (ALLBUS) of the Zentrum für Umfragen, Methoden, und Analysen – ZUMA) Германии и Общего Социального Исследования (GSS) Национального Центра Изучения мнений (NORC) в США. Организаторы двух очень значимых в социальных науках одностранных социальных исследований GSS в США (начало проекта 1972 г) и ALLBUS в Германии (1980 г), в 1982 году договорились выделить часть анкеты для совместных вопросов о трудовых ценностях, значимости разных аспектов жизни людей, абортах и феминизме. В 1984 году это сотрудничество продолжилось, на этот раз совместно изучались вопросы классовых различий, равенства и системы социальной поддержки. В 1984 году к сотрудничеству были привлечены и другие исследовательские организации (ZUMA, NORC, SCPR, Исследовательский отдел соци-

⁶¹ *Braun M.* The International Social Survey Programme (ISSP) / in Europe in Comparison, vol. 1. Social Statistic and Social Reporting in and for Europe, ed. by P. Flora, F. Kraus, H.-H. Noll, and F. Rothenbacher, 1994; *Scheuch E.K.* The Use of ISSP for Comparative Research / ZUMA Nachrichten, 47, Nov., 2000.

альных наук Национального Университета Австралии) и была разработана совместная Программа по проведению сравнительных исследований по ключевым темам социальных наук на основе включения в регулярные национальные опросы общего блока вопросов примерно на 15 минут и большого количества общих социально-демографических переменных. Данные объединялись в общую базу данных в Центральном Архиве Эмпирических исследований Университета Кельн.

Каждая страна сама отвечает за финансирование и организацию исследования. Опросы проводятся как часть Национальных Омнибусов (блок вопросов вставляется в текущее исследование) по случайным национальным выборкам населения от 18 лет и старше методом личных интервью на дому, размер выборки около 1000 человек в каждой стране. С 1985 года эта Исследовательская Программа стала ежегодной. Всего в нее включены на сегодняшний день 53 страны мира. Из стран Восточной Европы первой присоединилась к ISSP Венгрия (1986), затем Польша (1987, однако потом Польша приняла участие только с 1991 года), Восточная Германия (1990), Россия (1991), Словения (1991), Болгария (1992), Чехословакия (1992, затем Чехия с 1993), Словакия (1996), Латвия (1996), Хорватия (2006). Данные проекта находятся в свободном доступе на сайте Архива данных опросов GESIS и в различных национальных архивах социальных данных (Великобритании, Испании, США).

Из стран бывшего СССР участие в ISSP принимает Россия (с 1991 года ежегодно, руководитель проекта – Л.А. Хахулина, Левада-Центр), Латвия (с 1995 года ежегодно), Украина (2008 и 2009 гг.), Эстония (2009).

За два десятилетия в рамках ISSP были собраны сравнительные эмпирические данные по 11 темам, образованы временные ряды (разной длины и с разными интервалами) по девяти из них.

Роль Государства и Правительства в обществе (1985, 1990, 1996, 2006 гг.)

Социальные связи (1986, 2001 гг.)

Социальное неравенство (1987, 1992, 1999, 2009 гг.)

Семья и Изменяющиеся Гендерные Роли (1988, 1994, 2002, 2012 гг.)

Трудовые ориентации (1989, 1997, 2005 гг.)

Религия (1991, 1998, 2008 гг.)

Окружающая среда (1993, 2000, 2010 гг.)

Национальная идентичность (1995, 2003, 2013 гг.)

Гражданство (2004, 2014 гг.)

Отдых и спорт (2007 г.)

Здоровье (2011 г.)

Такой подход к ротации тем опросов по годам позволяет хотя бы отчасти решить проблему нового (новых тенденций, идей, социальных изменений) в трендовых опросах, а также проблемы асинхронности и разного временного масштаба социальных процессов в разных странах. В регулярных трендовых исследованиях информацию обо всех изучаемых явлениях и процессах приходится получать через одинаковые промежутки времени, что не всегда является эффективным. Так как для одних процессов такой временной интервал может быть сопоставим со скоростью происходящих изменений, для других может быть слишком коротким (например, для изучения жизненных ценностей, моральных норм, социальной стратификации и мобильности требуются довольно большие временные интервалы и обычный для трендовых исследований интервал в 1-3 года слишком мал, чтобы заметить какие-то сдвиги, изменения, тенденции), для других – длинным (например, электоральный выбор, отношение к партиям, оценка работы правительства, где процессы происходят довольно быстро и редкие замеры не позволяют понять суть происходящего, «усредняют», а не описывают процесс). В ISSP есть возможность изменять длину временного интервала в зависимости от типа изучаемого социального процесса и даже конкретных обстоятельств, которые могут ускорять или замедлять этот процесс (например, экономический кризис и его влияние на профессиональную мобильность, трудовые ценности, жизненные стратегии).

Хотя ISSP представляет собой децентрализованный, по-настоящему интернациональный способ организации и управления проектом, но сравнительные процедуры используются лишь на некоторых этапах исследования. Большинство процедур и техник сбора информации и ее обработки проводятся каждой страной независимо друг от друга на основе национального опыта и принятых практик, общими являются лишь базовые принципы и требования к сбору информации⁶².

Европейское социальное исследование – ESS

Если все предыдущие исследовательские сравнительные проекты, о которых мы говорили, берут свое начало в конце 1980-х – начале 1990-х годов, то Европейское Социальное Исследование – проект довольно «молодой», проект двухтысячных. Время начала во многом определило и его характер. Идея ESS родилась из опыта международного сотрудничества европейских ученых в проекте «Доверие правительству» («Beliefs in Government»). Уже тогда многим стало ясно, что, несмотря на большое количество опросов в мире, сравнительных эмпирических данных, которые отвечали бы стандартам эквивалентности между странами, очень мало. Вместе с тем к этому времени в национальных исследовательских школах, отдельных организациях, а также в уже реализованных сравнительных проектах был накоплен немалый опыт, пройден путь проб и ошибок, проделана большая работа по разработке методологии опросов. И если многие ответы еще не были найдены, то по крайней мере вопросы поставлены. По инициативе Европейского научного

⁶² Подробнее об ISSP можно прочитать в книге *Haller M., R. Jowell, and T.W. Smith, (eds.). Charting the Globe: The International Social Survey Programme, 1984-2009. London: Routledge, 2009*, или *Jowell R., L. Brook, and L. Dowds, (eds.). International Social Attitudes: The 10th BSA Report. Aldershot: Dartmouth Publishing, 1993* или *Tos N., P.Ph. Mohler and B. Malnar, (eds.). Modern Society and Values. A Comparative Analysis Based on ISSP Project. Ljubljana: FSS, University of Ljubljana; Mannheim: ZUMA, 1999.*

фонда (ESF), была образована группа экспертов во главе с проф. Максом Каазе для разработки принципов и критериев нового международного сравнительного исследования, создан Координационный совет, состоящий из национальных представителей, выдвинутых организациями-членами ESF, и Методологический комитет. Новое сравнительное исследование было призвано решить целый ряд задач, стоящих перед научным сообществом. Во-первых, восполнить пробел в эмпирических сравнительных данных. Информации о краткосрочных изменениях в европейском общественном мнении по острым вопросам повестки дня к началу 2000-х уже было собрано немало. Эту задачу выполнял, например, Евробарометр. Данные о долговременных изменениях в жизненных ценностях, приоритетах, нормах и мировоззрении людей можно было получить из Европейского и Всемирного Исследования Ценностей. Однако данных «среднего уровня» в «среднесрочной перспективе» было немного, и получить такие данные стало одной из задач ESS. Другая задача была – организационная. Европейские социальные науки и методология массовых опросов достигли во многих европейских странах довольно высокого уровня и стали методологией международной, а не достижением отдельных стран или ученых. Пришло время для работы в по-настоящему международной среде и международной команде. Долгие годы ученые в социальных науках работали в основном в рамках своих научных школ, своего языка, изучая уникальные социальные структуры и процессы своих стран и обмениваясь своими достижениями и находками лишь на международных конференциях и на страницах научных журналов. Потребность не только в обмене информацией и уже накопленным опытом, но в реальной совместной международной работе была реализована в рамках ESS. Привлечь для реализации проекта лучшие европейские исследовательские и опросные организации стало одной из задач исследования. Появилась возможность использовать новые организационные формы международного сотрудничества – международный коллектив из ученых разных стран, который создавал бы и реализовывал современный научный проект, а это ра-

бота трудная, кропотливая, время- и ресурсозатратная, зато вызывающая большой энтузиазм у всех участников процесса. Предметом научного поиска при создании ESS был не только научный результат, но и научный процесс. Третьей задачей была задача методологическая – разработать стандарты и подходы по достижению максимальной эквивалентности эмпирических данных на разных уровнях, привлечь методологов, работающих в разных областях – специалистов по выборкам, по переводам, организации массовых опросов, кодированию сложной демографической информации и др. к работе над созданием сравнительного исследовательского проекта.

После нескольких лет подготовительной работы в 2002 году была проведена первая волна сбора данных ESS. С тех пор данные собираются каждые два года. Во время второй волны в 2004 году к ESS присоединилась Украина (руководители – Е.И. Головаха и В.С. Магун⁶³). Россия вошла в ESS в 2006 году (руководитель проекта А.В. Андреев, председатель Научного Совета Н.И. Лапин, представитель России в Международном научном совете – В.С. Магун), когда к международному коллективу ESS присоединился Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ). Для России и российской социологии включение в этот исследовательский проект является особенно важным. Во-первых, ESS был новым сравнительным исследованием, что позволило российским ученым (как организаторам проекта в России, так и самому широкому кругу российских ученых, что заложено в самой структуре ESS) приобщиться к работе международного научного коллектива на этапе становления проекта и принимать равноправное участие в организационном планировании и создании программы исследования. Во-вторых, цель Европейского социального исследования – распространение знаний о современной методологии сравнительных опросов и массовых опросов в целом, применение этих знаний на практике – полно-

⁶³ Головаха Е., А. Горбачик, Н. Паніна. Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження. Київ: Інститут соціології НАН України, 2006 (на украинском языке).

стью отвечала интересам российской науки на этом этапе. В-третьих, ESS стало одним из немногих надежных источников эмпирических данных о населении разных стран, в том числе и России, который находится в открытом доступе и может свободно использоваться всеми учеными, журналистами, политиками любых стран. Такой способ распространения информации позволил расширить возможности эмпирического анализа для российских ученых, а также повысил интерес международного научного сообщества к анализу социально-политических процессов в России на основе надежных эмпирических данных. На протяжении всего времени проведения ESS в России этот проект поддерживался Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ).

Задача ESS – систематическое изучение изменяющихся ценностей, установок, моделей поведения на территории Европы. В нее входят как академические, научные цели (получение нового знания о современном обществе и направлениях его развития), так и практические (направление и скорость развития отдельных стран в европейском контексте, социальный климат в отдельных странах, выявление закономерностей на примере стран с разными политическими системами, уровнем экономического развития). Так как задачей является измерение и изучение долговременных трендов в общественном сознании, а не кратковременной реакции общества на сиюминутные проблемы или решения, а также включение в исследование многих стран сразу задает довольно высокий уровень фундаментальности. Исходя из таких целей, легко увидеть, что не является предметом исследования ESS – особенности и специфические проблемы отдельных стран. В широком плане ESS ставит перед собой задачу изучения:

ценностей людей и их идеологической ориентации (различные аспекты их мировоззрения, в том числе этические, религиозные взгляды, социально-политические и моральные ценности);

культурных и национальных особенностей в мнениях, ценностях и ориентациях людей;

конфигурации социальной структуры европейских обществ (социальные статусы, включая социальный класс, образование, уровень социальной включенности и т.п.).

Задача собрать трендовую информацию для временных сравнений, а также включать новые темы и вопросы в исследование, в ESS решается совмещением двух частей информации – стабильного «ядра» (показатели, которые включены в каждую волну ESS) и двух ротационных модулей (набора показателей по двум научным темам, которые отбираются на открытом конкурсе). «Ядро» ESS – показатели, которые включены во все волны ESS и повторяются каждые два года. В него входят вопросы о ценностях и идеологических ориентациях людей, культурные и национальные ориентации, показатели национальной идентичности и социальной структуры и др. Остановимся на вопросах, которые входят в «ядро» ESS более подробно.

Ценности и идеологические ориентации людей. Понимание концепции ценностей и идеологических ориентаций в ESS базируется на определении, предложенном в начале 1970-х М. Рокечем, согласно которому под ценностями «понимаются глубоко усвоенные, абстрактные ориентации, которые направляют, оправдывают или объясняют мнения, установки и действия людей»⁶⁴. Надежное измерение различий в структуре ценностей населения разных стран, изменениях их характера и распределения среди населения является одной из основных задач ESS. Однако теоретических и методологических проблем на пути решения этой задачи немало. И в первую очередь они связаны с отсутствием стройной и эмпирически проверенной теории и инструмента для измерения общественных ценностей. Хотя многое в этом направлении было сделано в рамках Евробарометра, Европейского (и Мирового) Исследования Ценностей и ISSP, однако удовлетворительным результатом пока считать нельзя. Большой вклад в разработку

⁶⁴ *Rokeach M. The nature of human values, London: Collier-Macmillan, 1973.*

этого раздела ESS внесли такие ученые как Жак Биллье (Jaak Billiet), Джон Кертис (John Curtice), Шалом Шварц (Shalom Schwartz) и Жак Томассен (Jacques Thomassen).

В ESS включены три вида ценностных ориентаций:

- а) Базовые ценностные ориентации людей. Наиболее часто используемыми шкалами для измерения базовых ценностей в сравнительных межстрановых исследованиях являются шкала Хофстеда, шкала Рокеча, шкала Инглхарта и шкала Шварца. Шкала Инглхарта использовалась во всех волнах Всемирного исследования ценностей, международные данные по этой шкале доступны академическому сообществу. Шкалы М. Рокеча и Г. Хофстеда редко используются в сравнительных межстрановых эмпирических исследованиях из-за большого количества методологических проблем. В ESS было решено использовать шкалу ценностей Ш. Шварца, которая позволяет классифицировать население разных стран по 10 ценностным категориям на основе их базовой социально-психологической мотивации, такой как мотивация на «достижение», «конформность», «традиции» и т.п.
- б) Политические ценности и политическое поведение – партийная идентификация, электоральное поведение, идеологические взгляды; а также отношение к функционированию политической системы (удовлетворенность тем, как работает демократия, экономика, доверие политическим и общественным институтам), интерес к политике, политическое и гражданское участие, восприятие личной политической и социальной эффективности.
- в) Социальные и социально-политические ценности – ценности экономического либерализма-консерватизма или «левые-правые» ценности; либертарные-авторитарные ценности и ценности инвайронментализма.

Проблема сосуществования традиционной национальной и новой наднациональной идентичности становится

все более актуальной в Европе с развитием процесса объединения. Наряду с этим в Европе происходит и процесс национальной диверсификации, расширение этнического и национального разнообразия, соприкосновения и конвергенции различных культур, изменяется концепция гражданства. Население разных стран испытывает самые разные чувства по этим вопросам – от высокого патриотизма до национализма и этноцентризма. Эти процессы и являются одним из предметов изучения в ESS наряду с национальной или этнической идентичностью. Этническая идентичность понимается в исследовании как один из главных типов социальной идентичности, возникающий в результате контактов с другими, и характеризующийся реальной или субъективно воспринимаемой привязанностью к наиболее значимой (ценимой) группе среди всех национальных и этнических групп. Измерение национальной идентичности довольно сложная задача для сравнительных исследований, так как «этническая идентификация есть саморасположение человека в определенную социальную категорию»⁶⁵, а природа такого расположения может быть самая разнообразная. В ESS национальная принадлежность измеряется с помощью целого ряда показателей, разработанных в разных научных школах, что позволяет рассматривать идентичность с точки зрения разных теорий. В ESS изучается религиозная идентификация, родной язык, страна происхождения и гражданство, страна происхождения отца и матери, этническая идентификация. В российскую часть исследования по предложению Л.М. Дробижевой был дополнительно включен набор показателей о субъективной оценке близости к различным национальным группам, так что проблема может быть проанализирована как с точки зрения западных научных теорий, так и в рамках теорий, разрабатываемых в отечественной науке.

Важное место в ESS занимает вопрос социальной уязвимости (отверженности), который хотя и вызывает очень большой интерес в современной социологии, эм-

---

⁶⁵ Erikson R. and J.O. Johnsson. How to ascertain the socio-structural position of the individual in the society. Suggestions for the core ESS questions, 1999.

пирически до сих пор мало исследован. Чаще всего исследования по теме социальной уязвимости базируются на докладе о 33 компонентах социальной включенности А. Аткинсона⁶⁶. К этой линии примыкают и все направления изучения «социальных показателей» и социального благополучия или «качества жизни». В ESS сделана попытка эмпирически операционализировать некоторые компоненты, которые не включены пока в стандартный набор статистических показателей национальных служб государственной статистики. Среди них такие показатели как социальная уязвимость в нескольких основных сферах жизни – в области трудовых отношений (опыт безработицы, стабильность рабочего места, тип трудовых контрактов), в финансах, в области здоровья, в жилищных условиях, в сфере социальных связей и физической безопасности (виктимизация).

Важной частью ESS является изучение роли средств массовой информации в формировании взглядов и ценностей населения европейских стран, политической и социальной информированности, компетентности. Разработкой этого раздела занимался в ESS Кен Ньютон. В исследование включены как старые традиционные средства массовой информации (телевидение, радио, газеты), так и новые (Интернет). Изучение последних и их роли в современных европейских обществах особенно интересно и важно. Такие замеры не были сделаны в свое время в сравнительных исследованиях в отношении телевидения, о чем ученые, анализирующие вопрос влияния средств массовой информации на ценности и представления населения, сожалеют до сих пор. В ESS включены вопросы об использовании разных СМИ, роли отдельных СМИ в качестве средства коммуникации и как средства политической коммуникации.

В современной социологии существует согласие по поводу того, что невозможно адекватно понять и проинтерпретировать существование определенных ценностей и их изменений без учета социально-экономи-

⁶⁶ Atkinson A., B. Cantillon, E. Marlier, B. Nolan. Social Indicators, EU and Social Inclusion. Oxford: Oxford University Press, 2002.

ческих и социально-демографических факторов. Перед ESS стоит задача изучить и попытаться объяснить связь социально-экономической структуры разных стран и их социально-политического и этического климата. Показатели социальной структуры, включенные в ESS, были предложены или разработаны такими видными специалистами в вопросах социальной структуры как Роберт Эриксон (Robert Erikson) и Ян Йонсон (Jan Jonsson). В ESS включены самые разные показатели положения индивидов в социальной структуре, которые дают возможность анализировать данные исходя из разных теоретических представлений о социальной структуре, а не ограничивают исследователей предпочтениями и взглядами на теорию социальной структуры самих авторов исследования. Одновременно в ESS решается задача достижения максимальной сопоставимости данных между странами в измерении социальной структуры. Так как в современных западных обществах принадлежность субъектов социальной структуры – индивидов, к определенным социально-структурным позициям в наибольшей степени обусловлена их трудовыми отношениями или профессией, в ESS включены большое количество показателей в этой сфере. В частности, трудовое положение, трудовые отношения (работодатель, наемный работник, работающий на себя), профессия и информация о рабочем месте (размер организации, отрасль, степень автономности в работе и управленческие функции). Профессия респондента кодируется по Международному классификатору социально-профессионального статуса ISCO, который позволяет создать переменную социального класса и профессионального престижа, и отнести респондентов в категории классовой схемы Эриксона-Голдторпа. В России дополнительно к этому так называемому «объективному подходу» отнесения индивида к определенным социально-структурным позициям, используется метод субъективного отнесения себя респондентами к различным социально-классовым группам, предложенный Л.А. Беляевой.

Изучая социальную структуру общества и связанные с ней характеристики общественной жизни в качестве

единицы анализа можно использовать как отдельных индивидов, так и нуклеарные семьи или домохозяйства, например, в случае, если предметом анализа является распределение ресурсов и благ в обществе или межпоколенная передача культурного капитала или экономических ресурсов. Чтобы решить эти исследовательские задачи, в ESS включена информация о положении и самого респондента, и его супруга/партнера в социально-экономической структуре, а также информация о составе семьи (всех членах семьи – их пол, возраст и кем приходится респонденту). Кроме того, по данным ESS можно определить, на каком этапе жизненного или семейного цикла находится каждый респондент. В ESS включены также данные о социальном происхождении семьи – профессия и образование родителей, включая данные о трудовых отношениях и управленческих функциях родителей во время подросткового возраста респондента. Эти данные позволяют изучать жизненные шансы людей различного социального происхождения, межпоколенную мобильность и многие другие ключевые для сравнительной социологии социальной структуры вопросы.

Кроме вопросов, которые являются основной частью анкеты и повторяются каждую волну, в ESS существуют «ротационные модули» – две темы, раскрываемые примерно 35-50 вопросами, которые разрабатываются и включаются в ESS лишь один раз (или могут быть повторены через более длительный промежуток времени, если этому будет теоретическое обоснование).

В качестве примера рассмотрим ротационные модули третьей волны ESS (которая стала первой для России).

Модуль 1. Личное и социальное благополучие. Модуль был разработан международным коллективом ученых под руководством профессора Кембриджского университета Филиции Хьюперт (Felicia Huppert). Достижение благополучия граждан является ключевой концепцией как для современной социологии, так и для современной практической политики. В этом модуле сделана попытка совместить две основных конкурирующих гипотезы о природе социального благополучия – гедонистическую и

гипотезу достижений. Социальное благополучие измерялось такими показателями как эмоциональное восприятие себя и своей жизни, когнитивная оценка качества разных аспектов своей жизни, оценка самореализации, чувство контроля над своей жизнью и событиями, интерес к жизни и ее различным сторонам, оценка достижения целей своей жизни, оценка качества своей социальной жизни, жизни в обществе.

Модуль 2. Время и события в жизни людей, календарь жизни. Авторами этой части проекта стали Франческо Биллари (Francesco Billari), Гунхильд Хажештад (Gunhild Hagestad), Аарт Лифброер (Aart Liefbroer) и Жолт Шпедер (Zsolt Spéder). Тема «календаря событий в жизни» – относительно новая, начало ее изучения относят к середине 1970-х годов. Особенностью этой темы является междисциплинарный подход – демографический, социологический, психологический, экономический. Задача ESS состоит в проверке двух базовых гипотез об изменении выбора жизненного пути современным человеком – теории «институционализации» жизни (эта теория говорит о том, что время жизни все больше зависит от возможностей и ограничений, накладываемых на человека государством, и от обстоятельств в сферах, связанных с деятельностью государства, таких как рынок труда, рынок жилья и т.д.), и теории «индивидуализации» жизни (говорит о том, что жизнь человека в меньшей степени строится сегодня на основе норм и ожиданий, поддерживаемых разными социальными институтами такими как семья, церковь, и оказывающих нормативное давление на человека, а в большей степени становится результатом индивидуального выбора). В ESS включены показатели структурного анализа жизненных этапов, социальных норм (время, последовательность, частота событий в жизни закреплены нормами), оценки возможностей для планирования своей жизни.

Всего в ESS были включены такие ротационные модули:

Волна 1. Проблемы иммиграции и участие граждан в демократическом процессе.

Волна 2.

- 1) Проблемы семьи, работы и благосостояния.
- 2) Экономическая мораль, здоровье и помощь нетрудоспособным.

Волна 3.

- 1) Показатели качества жизни.
- 2) Субъективное восприятие жизненного цикла, ощущение времени.

Волна 4.

- 1) Проблемы возраста, взросления и старения.
- 2) Проблемы социального обеспечения и социальной поддержки граждан.

Волна 5.

- 1) Отношение населения к закону, основным юридическим институтам (судам, милиции) и юридической практике, восприятие справедливости.
- 2) Работа, семья и благосостояние (повторение модуля Волны 2).

Волна 6.

- 1) Субъективное благополучие (повторение модуля Волны 3).
- 2) Понимание и установки по отношению к демократии.

В России ESS проводится с 2006 года каждые два года. Все волны проекта были поддержаны РГНФ. В разные годы софинансирование проекта осуществлялось с помощью Фонда МакАртуров, РИА-Новости, в последние годы большую поддержку проекту оказала Высшая Школа Экономики. По результатам ESS написано много научных статей (список можно увидеть на сайте ess-ru.ru), при поддержке РГНФ опубликована монография «Россия в Европе» (под ред. А.В. Андреевской, Л.А. Беляевой), читаются учебные курсы, проводятся семинары и конференции⁶⁷.

⁶⁷ Более подробно об ESS на русском языке можно прочесть на сайте www.ess-ru.ru или на английском www.europeansocialsurvey.org.

Другие Европейские сравнительные исследования на базе опросов

Одно из крупнейших европейских сравнительных исследований последних десятилетий по изучению вопросов экономической активности населения – **Исследование трудовых ресурсов в странах ЕС (EU Labour Force Survey)**. В исследование входят 27 стран Европейского союза, 3 страны-кандидата в ЕС и 3 страны-участницы Европейской Ассоциации Свободной Торговли (EFTA). Начало LFS относится к 1960 году, когда силами Евростата было проведено первое исследование в 6 европейских странах. С 1968-1971 оно стало ежегодным, а с 1973 года – проводилось два раза в год. В 1980-х годах в рамках исследования активно разрабатывались подходы и методы увеличения сравнимости данных между странами. В 1990-е годы к исследованию подключилось еще больше стран, с 1995 года их стало уже 15, с 2000 года – 27.

Исследование представляет собой опрос домохозяйств (участвуют респонденты от 15 лет и старше). Сбор данных осуществляют Национальные Статистические службы каждой страны. Сбор эмпирической информации (опросы) проводится с 1983 года проводился на протяжении одного квартала в год, а с 1998 года – непрерывно, в течение всего года с ежеквартальной аккумуляцией данных.

Несмотря на то, что было предпринято много усилий по стандартизации данных в рамках этого исследования, различия в методах сбора данных между странами продолжают оставаться довольно большими. Данные собираются за разные интервалы времени, интервью проводятся разными методами (личные интервью, телефонные интервью). Дизайн выборки представляет собой набор нескольких ротируемых случайных выборок домохозяйств. Однако принципы ротации респондентов в выборках не полностью гармонизированы (в ряде стран один респондент участвует в выборке на протяжении 2 кварталов и затем выбывает, участвует в 2 кварталах, потом пропускает два, потом участвует еще в

двух). В некоторых странах участие в этом исследовании для населения обязательно на законодательном уровне, хотя в большинстве стран – нет, соответственно уровень кооперации и тип неучтенных групп разный.

Примером сравнительного панельного исследования является **Исследование Здоровья, Старения и Пенсионного возраста в Европе – SHARE** (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe). Это междисциплинарное межстрановое исследование о здоровье, социально-экономическом положении, социальных и семейных связях в Европейских странах и Израиле среди людей 50 лет и старше. Проект координируется Мюнхенским Центром Экономики Старения (MEA) и Институтом Социальных законов и социальной политики им.М. Планка в Германии⁶⁸. Опрос гармонизирован (но не организован как непосредственно сравнительный) с подобными исследованиями в США – Исследованием Здоровья и Старения (HRS) и Великобритании – Английским Лонгитюдным Исследованием Старения (English Longitudinal Study of Ageing-ELSA). Финансовую поддержку проекту оказывают Европейская Комиссия, Национальный Институт Старения США и национальные государственные фонды (Федеральное Министерство образования и исследований Германии, в частности). Первая волна исследования была проведена в 2004 году в 11 странах. Цель исследования – изучение того, как живут люди после 50 лет в европейских странах. Анкета состоит из 20 модулей о здоровье (в том числе субъективная оценка состояния здоровья, условий для поддержания здоровья, физическое и когнитивное функционирование, поведение в области поддержания здоровья, пользование услугами системы здравоохранения, биологические показатели, психологические переменные здоровья), данные о соци-

⁶⁸ Börsch-Supan A., H. Karsten, H. Jürges and M. Schröder. Longitudinal Data Collection in Continental Europe: Experiences from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe / in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith T.W. New York: Wiley, 2010.

ально-экономическом положении и социальных связях. Сбор данных осуществляется методом личных интервью (КАПИ), часть вопросов – методом самозаполнения. Начиная со второй волны, исследование приобрело панельный характер – опрашивались те же люди, что и в первой волне, а также дополнительная новая выборка⁶⁹. Во второй волне 2006 года к исследованию подключились Чехия, Польша и Ирландия, в 2009 г. – Израиль. Третья волна (2008-2009 гг.) исследования посвящена историям жизни людей (13 стран), микроданные о жизни респондентов были соединены с макроданными о положении в стране. В 2010 году к исследованию подключились новые страны – Эстония, Венгрия, Португалия и Словения. В четвертой волне была собрана подробная сравнительная информация о социальных связях людей.

Если в 1990-х годах получило начало сравнительное изучение качества школьного образования TIMSS (качество школьного математического и естественнонаучного образования) и PISA (качество грамотности и других образовательных достижений школьников), то в 2000-х это направление получило дальнейшее развитие – сравнительное измерение качества образования взрослых. **Программа Международной Оценки Знаний и Навыков Взрослых** (Programme for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC) была организована по инициативе ОЭСР (OECD) для сбора информации о навыках и компетенциях взрослых жителей 27 европейских стран. Этот проект вырос на основе двух других международных исследований грамотности – the International Adult Literacy Survey (IALS), которое проводилось в 1994-1998 гг и Adult Literacy and Lifeskills Survey (ALL) 2002-2006 гг. В исследовании оцениваются основные когнитивные и трудовые навыки, которые требуются для успешного участия в жизни страны и экономике в XXI веке. Пилотная часть проекта была проведена в 2010 году, а первый сбор эмпирической информации – в 2011 году.

⁶⁹ *Blom A.G., M. Schröder. Sample Composition 4 Years on: retention in SHARE Wave 3 / in Retrospective Data Collection in the survey of Health, Ageing and Retirement in Europe. SHARELIFE Methodology, ed. by M. Schröder. Mannheim: MEA, 2011.*

Исследование представляет собой опрос населения разных стран 16-65 лет на основе случайных выборок населения с помощью компьютеризированных личных интервью (CAPI), и проводится Национальными Статистическими службами. В исследовании принимают участие практически все страны OECD, среди них страны Восточной Европы – Чехия, Польша, Словакия, Эстония, Словения.

2.3. Сравнительные социальные опросы в СССР и в постсоветских странах

Долгое время Россия оставалась выключенной из активного исследовательского процесса в области сравнительных межстрановых опросов, хотя и принимала участие в отдельных международных сравнительных проектах⁷⁰. Количество научных публикаций, посвященных сравнению состояния и динамики социальных процессов в России с аналогичными процессами в других странах (в частности, европейских), основанных на эмпирических данных, до сих пор относительно невелико, хотя в последние годы стремительно растет. В последние годы в связи с изменением политической карты мира, появлением новых независимых государств и интеграционными процессами в Европе, а также в связи с поиском Россией своего нового места в Европе и в мире, задача сравнительных социологических проектов стала как никогда актуальной.

Уже с середины 60-х годов прошлого века социологи Советского Союза стали принимать участие в различных международных сравнительных проектах. Так как количество таких проектов невелико, а значение их для российской социологии огромно, остановимся на них под-

⁷⁰ Андреенков В.Г. Проблемы сравнительного анализа в современных социологических исследованиях / в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.

робнее. Конечно, этот список не может претендовать на полный охват всех исследований и включает лишь ряд крупных проектов, представляющих различные типы использования сравнительной методологии⁷¹.

В 60-е годы прошлого века Советский Союз принял участие в двух международных сравнительных проектах, которые координировались Венским Центром (Европейский центр по координации исследований в области общественных наук), созданным в 1963 году по решению ЮНЕСКО с целью укрепления сотрудничества между научно-исследовательскими институтами и учеными Восточной и Западной Европы. Одно из них – **«Международное сравнительное исследование бюджетов времени»** (рук. советской части Г.А. Пруденский и В.Д. Патрушев), инициатором которого в 1964 году выступил Александр Салаи, а всего исследование включало 12 стран-участниц. Второй проект – **«Автоматизация и промышленные рабочие»** (руководитель советской части В.И. Усенин) 1968 года. Исследование было проведено в 15 странах (6 социалистических и 9 капиталистических) и было посвящено проблемам влияния автоматизации на жизнь рабочих в промышленности, влияния социально-экономической системы на функционирование и развитие автоматизации в отдельных странах⁷².

В 1970-х годах советские социологи выступали уже не только как участники, но и как организаторы и авторы сравнительных межстрановых исследований. В 1976-1978 гг. в шести социалистических странах было проведено исследование **«Влияние высшего образования на воспроизводство и развитие социальных структур социалистического общества»** (рук. со-

⁷¹ Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г. Андрееенкова и О.М. Масловой, 1988.

⁷² Кривневич В.В. Социальные последствия автоматизации. М. Наука, 1985; Forslin J., A.Sarapeta and W.Whitehill (eds). Automation and Industrial workers. A fifteen nation study. Oxford: Pergamon Press, 1979, vol. 1, part 1; Рабочий класс в условиях научно-технической революции: По итогам исследований на предприятиях СССР по международной программе / Автоматизация и промышленные рабочие, под ред. В.И. Усенина, В.В. Кривневича. М., 1979.

ветской части Ф.Р. Филиппов)⁷³ по изучению объективных изменений в социальной структуре социалистического общества и функций высшей школы, в том числе типичных жизненных путей и ценностных ориентаций, жизненных планов молодежи, поступающей в высшую школу, анализ социального происхождения студентов. С 1976 по 1982 год в шести социалистических странах был осуществлен проект **«Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран»** (рук. с советской стороны Г.В. Осипов)⁷⁴. В четырех соцстранах было проведено исследование **«Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе»** (рук. от советской стороны В.Н. Шубкин), посвященное изучению общего и специфического в сознании и поведении различных групп молодежи в период завершения образования и начала трудовой деятельности, новых пополнений рабочего класса социалистических стран⁷⁵.

В 80-е годы прошлого века по мере накопления опыта участия в больших международных академических проектах, включающих несколько стран, и организации сравнительных исследований в странах социалистического лагеря стали развиваться многие другие типы сравни-

⁷³ Молодежь и высшее образование в социалистических странах, под ред. Ф.Р. Филиппова, П.Э. Митева, М. 1984

⁷⁴ Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран. (По результатам международного сравнительного исследования проведенного третьей проблемной комиссией многостороннего сотрудничества Академий Наук социалистических стран, под ред. М. Леча, Г. Осипова, Ф. Харвата. Прага: Институт философии и социологии ЧСАИ, 1985. Том 1-4.

⁷⁵ Опыт сравнительного международного социологического исследования, под ред. Ф. Гажо, В. Шубкина. Будапешт, 1980; Youth and Labour & Results of any International Comparative Sociological Study, ed. by V. Shubkin, K. Gospodinov, F. Gazho, P.-E. Mitev. Sofia, 1983; Трудовата младеж. София, 1983; Трудящата молодеж: образование, професия, мобилност. М., 1984; Шубкин В.Н. Образование и жизненные пути молодежи (по материалам сравнительного международного социологического исследования) // Советская социология. М.: Наука, 1982, том 2.

тельных исследований. С одной стороны вырос интерес к сравнительным исследованиям небольшого количества стран для изучения внешнеполитических взглядов, глобальных и международных проблем, исследований общественного мнения. С другой стороны развитие методологии массовых выборочных опросов, внедрение методики телефонных опросов и личных интервью на дому у респондента позволило России включиться в крупные межстрановые сравнительные проекты.

В конце 1980-х годов Отдел методических исследований (руководитель В.Г. Андреенков) Института социологии АН СССР стал центром методической разработки и внедрения нового для того времени в России и очень перспективного направления опросов, которые придали дальнейший импульс развитию всей области эмпирических социологических исследований в России, в частности, метода телефонных опросов населения. В разработке содержательной части этих опросов принимали участие ведущие советские и иностранные специалисты в конкретных областях знаний (В.А. Ядов, В.А. Мансуров, В.И. Чупров, В.С. Коробейников и др.). Некоторые из этих исследований проводились в рамках международных академических программ. Другие – в рамках сотрудничества российских специалистов с коммерческими опросными западными организациями, а также средствами массовой информации, что послужило развитию **сравнительных международных исследований общественного мнения** и исследований, связанных с установками и восприятием вопросов внешней политики и международных отношений. Одним из наиболее ранних примеров подобного сотрудничеств является российско-французское исследование 1987 года *«Мир глазами современных людей»*, где впервые в России был применен метод телефонных опросов (по крайней мере, мы не имеем сведений о более ранних проектах такого рода, основанных на случайных выборках всего населения). К этому же периоду относятся исследования *«Образ Франции и французов»* (1988) при поддержке газеты *«Фигаро»* в сотрудничестве с компанией SOFRES (был проведен опрос населения Москвы от 18 лет и старше и

национальные опросы в других странах); «Отношение населения к Олимпийским играм в Сеуле» 1988 г. при сотрудничестве с компанией Гэллап Интернейшнл (опрос проведен в СССР – телефонный опрос взрослых жителей Москвы, США, Китая и Японии); «Советско-западногерманские отношения» 1988 г. (национальный телефонный опрос в ФРГ и телефонный опрос взрослых жителей Москвы в СССР); советско-американское исследование «Понимание» – о советско-американских отношениях, образе врага, международных глобальных проблемах (телефонный опрос жителей Вашингтона и Бостона в США и телефонный опрос жителей Москвы).

В эти же годы с развитием организационной структуры и методических знаний в области национальных опросов методом личного интервью на дому у респондентов, было проведено несколько важных сравнительных проектов, также связанных с вопросами внешней политики и двухсторонних международных отношений СССР с разными странами. Среди них можно назвать проект 1987 года «Советско-американские отношения» (Е.И. Башкирова от ИСИ АН СССР и компания «Гэллап» в США), опрос был проведен по национальной выборке в США и среди занятого населения в трех городах РСФСР. В 1988 году было проведено исследование «Советско-японские отношения» по инициативе японской газеты «Йомиури» и советско-финское исследование «Образ страны-соседа» (оба исследования были проведены в России методом личных интервью на дому у респондентов, объем выборки составил 1000 человек).

Другим направлением являлось развитие **академических сравнительных проектов**, где кроме сравнения стран ключевой задачей стало сравнение динамики различий между странами во времени. Примером такого проекта может служить сравнительное исследование **«Использование времени и его показатели»** (рук. проекта В.Г. Андреенков, В.Д. Патрушев в России и Дж. Робинсон в США), целью которого явилось собрать данные, сопоставимые с базовым исследованием 1965 года «Бюджеты времени», и провести сравнительное изучение структур затрат времени на различные виды де-

тельности населения наших стран, мотивов поведения, мнений и предпочтений при выборе тех или иных форм проведения вне рабочего времени на примере двух городов – Пскова в СССР и Джексона в США, а также изучение динамики социальных изменений во времени⁷⁶. В 1986 году в России Институтом социологии АН СССР был проведен пилотный этап проекта «Всемирное исследование ценностей» (рук. проекта с российской стороны В.Г. Андреенков) в одном российском регионе – Тамбовской области. Началась активная подготовка к полномасштабному включению России в это, на тот момент крупнейшее академическое межстрановое исследование на основе опроса населения. Подобные проекты стимулировали развитие всего направления сравнительных исследований в России и методологии сравнительных опросов в частности. В это время был опубликован целый ряд основополагающих в данном направлении научных работ⁷⁷.

⁷⁶ Андреенков В.Г., Патрушев В.Д. Использование времени жителями города. М.: ИСИ АН СССР, 1987. Вып.1-4; *Robinson J., V. Andreyenkov, V. Patrushev. The Rhythm of Everyday Life: How Soviet and American Citizens Use Time.* Westview Press, 1988; Патрушев В.Д. О методах сравнения данных об использовании бюджетов времени / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел I.

⁷⁷ Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных, под ред. В.Г. Андреенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984; Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1, 2; *Гайдис В.А. Сравнительный анализ различных вариантов вопросов для получения информации об образовании респондента* / в кн. Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой, 1988; *Ермолаева Е.М. Язык респондента, язык анкеты* // Социологические исследования, 1987, № 1; *Пацюрковский В.В. Сопоставимость результатов сравнительных исследований* / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В. Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел I; *Рукавишников В.О. Проблемы использования математических моделей в сравнительных исследованиях* / в кн. Проблемы сравнительных исследо-

1990-е годы стали временем активного включения России в крупные межстрановые сравнительные проекты. В этот период на карте мира появилось большое количество новых независимых государств, в Европе начали проходить серьезные интеграционные процессы. Для России остро встал вопрос поиска своего нового места на пространстве бывшего СССР, в Европе и в мире.

Среди особенностей развития сравнительных исследований в России на этом этапе можно назвать:

Острый интерес внутри страны и за рубежом (как в академическом сообществе, так и в международных средствах массовой информации, крупных международных компаниях, международных организациях) к ранее мало изученным сторонам жизни российского общества. В частности, к таким темам относятся политическое поведение и политические предпочтения, потребительские предпочтения, гендерные роли и т.п. При этом изучение упомянутых вопросов часто проводилось в сравнительном контексте (либо в сравнении с западными странами, либо с другими восточноевропейскими странами).

Начало сравнительных исследований совпало со временем интенсивного развития и внедрения новой для России методологии массовых опросов вообще – личных интервью на дому по случайным вероятностным выборкам населения и телефонных опросов.

В это время активно перенимался опыт других стран, много было заимствовано как в области теории и методологии опросов, так и в конкретных инструментах для опросов, поэтому одной из главных методологических проблем стала проблема адаптации инстру-

---

ваний, под. ред. Т.В. Рябушкина, В.Г. Андрееenkova и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982; *Саганенко Г.И.* Компоненты надежности социологического исследования и проблема сравнимости / в кн. Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных, под ред. В.Г. Андрееenkova, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984; *Ядов В.А.* Методологическое обоснование повторных и сравнительных исследований // Социологические исследования, 1985, № 1.

мента для различных социокультурных и лингвистических условий.

Некогда единый Советский Союз, который в сравнительных исследованиях выступал как целостная единица, стал рассматриваться как сложное социокультурное пространство с разными проблемами и особенностями в области проведения массовых опросов, стали развиваться сравнительные исследования в постсоветских странах.

Россия получила возможность не только использовать международный опыт сравнительных межстрановых исследований, но и внести свой вклад в развитие методологии сравнительных опросов.

ЧАСТЬ 3

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ОШИБКИ И СМЕЩЕНИЯ

Признание того, что любое социальное исследование основано на сравнении, не ведет к однозначному решению вопроса о том, нужны ли нам какие-то особые методы для сравнительного социального исследования и чем сравнительное исследование отличается от монокультурного или одностранового.

Один из наиболее уважаемых методологов социальных исследований Элс Оуэн в 1980-е годы выделил несколько взглядов на особенности сравнительных, распространенных в научной среде¹. Один из них состоит в том, что сравнительные исследования теоретически и методологически ничем не отличаются от любого другого типа социального исследования. Например, Нил Смелсер утверждал, что сравнительное социологическое исследование не является «*чем-то особенным независимым от остальных социальных научных исследований*» и что «*анализ феномена в очевидно различных единицах (особенно в различных обществах или культурах) не должен представлять никаких уникальных методологических проблем*»². Так как цели у сравнительных и несравнительных исследований одинаковы – объяснить социальные феномены путем установления контроля над

¹ Oyen E. Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research. Sage Studies in International Sociology, vol. 40. London: Sage, 1990.

² Smelser N. Comparative Methods in the social sciences, Princeton, NJ: Prentice-Hall, 1976.

условиями и причинами различий, – соответственно, и методологические подходы ничем не отличаются.

Сторонники другой точки зрения, работая со сравнительными данными и проводя сравнительные исследования, либо вообще стараются избегать обсуждения их особенностей, либо прекрасно осозная проблемы и ограничения таких исследований, считают, что время для методологических дискуссий еще не пришло, так как нужно сначала собрать достаточно эмпирического материала и накопить методологический опыт, а уже потом приступать к обсуждению этого вопроса в целом. И, наконец, есть те, кто говорят о необходимости изучения особенностей сравнительных исследований и поиске методологических решений этих проблем. Хотя подобная картина разнообразных мнений о специфике сравнительных исследований была представлена Смелсером уже четверть века назад, актуальна она до сих пор, и споры идут примерно в этих же направлениях.

Однако ситуация с опытом проведения сравнительных опросов существенным образом изменилась. Количество таких опросов многократно возросло и продолжает расти. В некоторых областях социологии данные сравнительных опросов стали основным источником анализируемой информации. Во многом путем проб и ошибок накоплен большой опыт применения разнообразных методов и подходов к сравнительным исследованиям. И сегодня говорить о том, что время для методологических обобщений еще не пришло, кажется уже мало убедительным.

Между сравнительными и однострановыми опросами действительно много общего. Точнее, все особенности, проблемы и подходы, используемые в однострановом исследовании, применимы и к сравнительным многострановым. Однако базируясь только на методологических требованиях к однострановым опросам, точные и надежные сравнительные данные получить не удастся. Опыт последних десятилетий показал, что помимо общей методологии проведения опросов, у сравнительных исследований есть и свои методологические особенности. Необходимость поиска решений этих специфических для сравнительных исследований методологических про-

блем приводит к тому, что методология сравнительных исследований в области социальных наук постепенно выделяется в отдельное направление в рамках методологии массовых опросов. Более того, именно на базе сравнительных социальных исследований сегодня разрабатываются многие наиболее современные подходы, решения, задаются стандарты в области методологии массовых опросов.

Проблемы, с которыми приходится сталкиваться в ходе проведения и анализа данных сравнительных межстрановых исследований на базе опросов, во многом схожи с теми, которые возникают при проведении сравнений во времени – лонгитюдных исследований, в частности трендовых. Это и необходимость эквивалентной операционализации понятий (либо между странами и культурами как в межстрановых исследованиях, либо во времени как в лонгитюдных исследованиях), проблемы эквивалентных выборок и многие другие. Хотя каждый из этих типов исследований долгое время развивался относительно самостоятельно, со времени организации крупномасштабных межстрановых трендовых исследований (как ISSP, ESS, WVS) эти две линии сошлись, и теперь требуется комплексный взгляд и подход к проведению сравнительных трендовых опросов.

3.1. Сравнимость как главная задача и главная проблема сравнительных межстрановых опросов

Основной специфической для сравнительных исследований задачей и одновременно проблемой, которая не стоит столь явно в моно-страновых исследованиях, является проблема сравнимости.

Сходства и различия между странами, обществами, культурами на основе данных, полученных в ходе массовых опросов, обычно определяются либо исходя из различий/сходства доли респондентов, которые ответили на какой-то вопрос определенным образом (распреде-

лении ответов на вопрос), либо из различий/сходств в том, как отвечают на вопросы разные подгруппы внутри обществ – структуры социально-демографических факторов, которые связаны с изучаемой переменной; или из различий/сходств направления и силы корреляционных связей между переменными. Однако при анализе данных сравнительных опросов всегда возникает один и тот же вопрос – насколько обнаруженные различия или сходства «реальны», а не являются результатом различий в методах измерения. Представим себе, что для показателя, который был измерен на основе «одинаковой» выборки населения двух стран, получены разные распределения или разное среднее значение ответов респондентов. Значит ли это, что страны отличаются по этому показателю? Сразу возникает вопрос, насколько «сравнимыми» являются сами явления, предмет изучения в разных культурах и насколько схожими, эквивалентными были способы измерения этого показателя в разных странах. Данные опросов населения не являются данными экспериментальными. Поэтому всегда возможно предположить, что полученный результат является артефактом дизайна исследования.

Такие сомнения можно высказать и относительно результатов любого одностранового массового опроса. Однако, если при проведении опроса в рамках одной страны различия в способах измерения чаще всего принято считать незначительными, то в сравнительных межстрановых исследованиях делать это чрезвычайно рискованно. В однострановых исследованиях, например, часто не обращают внимание на языковые различия между респондентами – редко обсуждаются проблемы диалектов, языков разных национальных групп внутри страны, различий в использовании языка в разных географических, социальных, национальных, демографических группах. Даже в однострановых исследованиях такой подход вряд ли является верным. Но в межстрановых исследованиях не уделить время проблемам языковых различий и перевода анкеты на разные языки никак не удастся. Сам факт, что исследование проводится в различных страновых контекстах, увеличивает число возможных объяснений раз-

личий и сходств, которые мы обнаруживаем в исходных данных, и значительная и существенная часть таких объяснений – методологическая. Мульти-контекстуальный характер сравнительных опросов является основным достоинством и основной проблемой как при анализе, так и при сборе эмпирической сравнительной информации, главной особенностью таких исследований³.

Чтобы определить насколько сравнимы данные межстрановых опросов, нужно дать определение самому понятию сравнимости⁴. В научной литературе используют иногда еще термины «сопоставимость» и «эквивалентность» в этом же значении. При том, что несравнимость объектов или предмета сравнения, или конкретного способа измерения показателей в формализованной анкете являются наиболее часто используемыми критическими аргументами против выводов, анализа или самих данных сравнительных опросов, дать определение понятию «сравнимость» не так просто. Однозначного или хотя бы сходного понимания что такое «сравнимость» в данных опросов ни в научных, ни в публицистических дискуссиях нет. Проведя огромный анализ методологической литературы, американский исследователь Т. Джонсон насчитал более 50 различных определений сравнимости или эквивалентности данных опросов⁵. В литературе о методологии сравнительных опросов «сравнимость» определяется и очень широко, как «культурная» или концептуальная сравнимость, и очень узко – как техническая, процедурная сторона сравнения.

На мой взгляд, **сравнимость данных опросов**, то есть возможность проводить надежные с научной точки

³ *Verba S. Cross National Survey Research: The Problem of Credibility / in Comparative methods in sociology, ed. by I. Vallier, Berkley: University of California Press? 1971.*

⁴ В формальной логике сравнимыми называются суждения, имеющие общий субъект и предикат, а несравнимые – не имеющие между собой ничего общего. То есть сравнимость определяется как возможность сравнения – наличие «общих» признаков, дающих основания для сравнения.

⁵ *Johnson T. Approaches to Equivalence in Cross-Cultural and Cross-National Surveys / ZUMA Nachrichten Spezial: Cross-Cultural Survey Equivalence, 1998.*

зрения операции агрегирования, сравнения и интерпретации данных, полученных от населения разных объектов исследования (стран, культур, наций и т.п.) в отношении какого-либо критерия, признака или показателя, возникает в том случае, если выполняется **ряд условий**:

Объекты, которые включены в исследование, строго определены, и сделано это одинаковым образом. Эти объекты представляют собой части одной совокупности (например, все объекты исследования - страны, или культуры, или нации).

Критерий, признак или показатель, по которому сравниваются объекты, является общим для всех объектов (есть общие характеристики) и имеет сходное содержание (концептуальную сравнимость)

Данные для сравнения собираются с использованием научных исследовательских процедур, обеспечивающих «измерительную» сравнимость. Теоретически есть возможность собрать данные по сравнимым методологическим процедурам. Например, провести массовый опрос в каждой стране, включенной в исследование, при сходном уровне качества процедур. Можно представить себе ситуацию, когда объекты и критерии сравнения хотя и обладают сравнимостью, но провести сбор эмпирических данных с использованием сравнительных процедур во всех объектах не представляется возможным. Тогда и общая сравнимость данных оказывается низкой или вообще не возникает.

Для того, чтобы данные опросов можно было назвать «сравнимыми», они должны обладать как концептуальной, интерпретационной сравнимостью (объектов и признаков), так и методологической, измерительной сравнимостью. Если эти условия соблюдены, то можно говорить о принципиальной возможности сравнения, то есть о сравнимости. Однако будет ли эта возможность реализована на практике – это другой вопрос, на который можно ответить, только проанализировав все этапы проведения исследовательского проекта.

Сравнимость или несравнимость не является дихотомической характеристикой. Неверно было бы говорить, что явление (процесс) среди определенных объектов сравнимы или не сравнимы. В отношении объектов сравнения мы можем хотя бы приближаться к довольно высокой сравнимости. Например, если понятие «страны» будет определено одинаковым образом. Хотя и при этом может возникнуть много исключений и дополнений. Говорить же о полной сравнимости «критериев», «показателей» или предмета сравнения не приходится практически никогда. В каждой культуре любое социальное явление, процесс, институт не понимаются абсолютно одинаково хотя бы потому, что существуют лингвистические различия в языках, исторические, национально-культурные, экономические и даже климатические особенности (например, понимание «тепла» в северных и южных странах). Поэтому мы можем говорить не столько о «сравнимости», сколько о **«степени сравнимости»**. Объекты исследования по каким-либо критериям в рамках определенной исследовательской методологии могут быть совершенно несравнимы, частично сравнимы или обладать высокой степенью сравнимости.

3.2. Эквивалентность в сравнительных опросах

Концептуальная эквивалентность

Ответив положительно на первый вопрос сравнительного исследования – возможно ли в принципе сравнивать выбранные для изучения нации, культуры, страны по определенному изучаемому признаку, необходимо обеспечить **эмпирическую сравнимость** используемых данных или эмпирическую эквивалентность. Под **эквивалентностью** я предлагаю понимать **степень обеспечения сравнимости данных в рамках конкретного сравнительного социального опроса**.

Как и в случае с теоретической сравнимостью, достигнуть абсолютной эмпирической эквивалентности в

массовых опросах на данном этапе развития науки и существующей практики проведения опросов практически невозможно. Маловероятно, что это станет возможно и в ближайшем будущем, по крайней мере до тех пор пока существуют языковые, политические, религиозные, организационные и другие различия, влияющие на ход массовых опросов. Однако стремиться к максимально возможной эквивалентности сравнительных данных необходимо.

Эмпирическая эквивалентность включает несколько необходимых элементов – достижение эквивалентности на уровне операционализации понятий – концептуальном уровне, и достижение эквивалентности на уровне измерения операционализированных понятий. При сравнении отдельных компонентов или свойств изучаемых объектов или систем (стран, наций, культур), необходимо, чтобы сравнивалось «одно и то же». Однако что это значит? Ведь за одинаковыми названиями часто стоят разные сущности. Когда мы говорим об «эквивалентности», то имеем в виду не идентичность, полное сходство или равенство, а так называемую **функциональную эквивалентность**.

Каждое сравниваемое общественное явление или процесс тесным образом связаны с определенной общественно-экономической системой, условиями и образом жизни людей. В сравнительном исследовании мы стараемся сравнивать не те структуры, явления или процессы, которые носят одно и то же название, а те, которые выполняют одни и те же функции, играют сходную роль в социальной или политической системе – обладают функциональной эквивалентностью.

В разных социальных системах одна и та же функция может быть выполнена разными институтами или разными способами. И наоборот, некоторые внешне аналогичные социальные явления и процессы в разных обществах имеют различные значения и выполняют разные задачи. Например, членство в Коммунистической партии СССР и членство в политических партиях в современных европейских политических системах имеет очень разное содержание и по мотивации членства, и по процедурам,

и по последствиям, и по общественной роли. Поэтому при изучении участия в формальных политических организациях эти случаи не могут считаться в достаточной мере функционально эквивалентными на концептуальном уровне.

Функциональная эквивалентность подразумевает сравнение именно «функций», какие бы названия они не носили. Сравнивается сходное по сущности, содержанию, а не по форме. С точки зрения эквивалентности на уровне измерения в сравнительном социальном исследовании, проводимом методом массового опроса, операционализация функционально эквивалентных понятий для разных стран, культур, наций, может быть разной. Один и тот же параметр (концепция, явление, поведение и т.п.) может быть измерен с помощью разных показателей, разных вопросов в анкете. Например, богатство в современной рыночной экономике можно измерить денежным доходом или денежным состоянием (капиталом). Однако для некоторых обществ, где в основе экономики лежат не рыночные денежные отношения, богатство может измеряться с помощью других неденежных категорий. В доиндустриальном обществе это может быть количество скота или земли. В советском обществе – сочетание жилищных условий, владение определенными предметами (машина, дача, бытовая техника, шуба и т.п.), а также не денежными благами и льготами (бесплатные путевки, качественное лечение, санатории и т.п.).

То, что в основе сравнительных социальных исследований на базе опросов лежит понятие функциональной эквивалентности, говорит о том, что мы не пытаемся найти способ измерения изучаемого понятия, которое будет совершенно одинаково во всех странах и культурах и по причинам (мотивации), и по процедуре (поведения) и по последствиям и результатам. Поставив цель достигнуть функциональной эквивалентности, достаточно того, что основная роль, функция изучаемого явления или процесса в разных странах схожа, хотя остальные параметры, например, мотивация, могут оставаться разными. Мы можем сравнивать уровень явки населения на парламентских выборах в странах с демократической

политической системой и правилами добровольного участия в выборах. Значение участия в выборах для людей в разных странах, мотивация участия или неучастия может быть совершенно разная, зависеть не только от страны, но от условий конкретных выборов, остроты политической борьбы, усилий по мобилизации избирателей со стороны организаторов и участников выборов, тактических соображений сторонников разных политических сил, типа избирательной системы. Однако влияние выборов и участия людей в выборах на расстановку политических сил будет схожим, поэтому такое сравнение будет иметь содержательный смысл, хотя и при большом количестве ограничений в интерпретации.

Достичь функциональной эквивалентности при операционализации понятий не всегда удается. В отношении некоторых предметов изучения, концепций или понятий это вообще оказывается невозможным. Например, в некоторых ситуациях сравнительный анализ содержания общественного мнения, социальных установок не имеет смысла, так как принципиально отличаются и сама постановка вопросов, о которых формируется общественное мнение, и исторический контекст, традиции, предыдущие решения, события, и участники обсуждения.

В таких ситуациях, однако, возможны как минимум два выхода. Первый из них – **«укрупнение» понятия или изменение уровня обобщения**. Например, вместо анализа содержания мнений, представлений или установок людей, можно ограничиться изучением структуры этих мнений и представлений – наличия или отсутствия общественного консенсуса по какому-либо вопросу, сформированности или несформированности мнения или установок и т.п. Возможно, например, провести сравнительный анализ политизированности населения в различных системах, даже если содержание политических взглядов сравнительному анализу не поддается.

Другой пусть – **разделение изучаемого понятия (явления, процесса, института) на отдельные компоненты**. Например, довольно плохо поддается научному сравнению профессиональный состав населения разных стран. Определение, содержание, образовательные и ква-

лификационные требования, а также социальный статус и связанные с ним социальные роли профессий могут быть очень разными в разных обществах в разный исторический период. Например, профессия «инженера» в начале XX века в России была довольно редкой профессией с очень высокими требованиями к квалификации, высокой творческой составляющей в содержании труда, высоким уровнем независимости в организации труда и высоким социальным престижем. Профессия «инженера» в современном индустриальном обществе, когда эта профессия стала массовой, наполнена совершенно другим социальным смыслом. Профессия «инженера» в постиндустриальном обществе, когда производственный инженер, инженер машин и больших производственных процессов как ядро этой профессии постепенно заменяется инженером-программистом или инженером сферы услуг представляет собой третий тип, также отличающийся от первых двух. Но если общая категория «профессии» не поддается эквивалентной операционализации, измерению и анализу, то отдельные ее компоненты, например, престиж профессий в обществе, или квалификационные требования к профессии вполне поддаются сравнению.

Еще один способ решить проблему разного значения одного феномена в разных культурах – **расширить теоретическое пространство изучаемых явлений** или процессов, включать в анализ не только сам предмет (явление, процесс), но и другие связанные с ним понятия, которые могут являться причинами, условиями, следствиями и сопутствующими феноменами. Например, С. Верба включил в свои исследования политических культур и политического участия не только сами политические действия и формы участия, но и связанные с ними понятия политической включенности, политических ориентаций. Эквивалентность ключевого изучаемого понятия затем можно косвенно вывести или показать через сравнение взаимодействия всех этих феноменов в разных странах или культурах.

Трудность в достижении эквивалентности данных часто состоит в том, что многие социологические концеп-

ции, понятия, явления, события являются **многофакторными** или **многомерными**, и отношения между этими факторами в разных обществах могут быть разными. Чтобы провести сравнение таких концепций или понятий, необходимо сначала определиться с теоретическим подходом, основаниями, целью проводимого сравнения, и лишь затем выделять эквивалентные концепции или их компоненты. Однако и это удастся не всегда.

Довольно популярным в сравнительных опросах подходом к решению проблемы концептуальной эквивалентности многомерных понятий является использование нескольких измерений одного и того же феномена. В этом случае возникает возможность проверить эквивалентность измеряемых понятий эмпирически. С помощью различных форм статистического анализа (например, факторного) можно попытаться статистически доказать или опровергнуть гипотезы о том, измеряют ли использованные показатели один и тот же феномен или нет⁶.

А. Пржеворский и Г. Тюни предложили при измерении многомерного понятия или концепции в сравнительном опросе использовать часть одинаковых для всех стран вопросов, а часть уникальных, чтобы учесть и общее, и специфическое в изучаемом понятии⁷. В случае если содержание или специфика изучаемой многомерной концепции или понятия в разных странах или культурах неизвестно, то некоторые исследователи предлага-

---

⁶ Примером такого типа анализа является изучение концепции «национальной идентичности» в работе А. Хифа, Д. Марина и Т. Спрекельсена на основе данных ISSP. С помощью факторного анализа они показали, что понятие национальной идентичности в разных странах имеет сходную структуру (раскладывается на два компонента – идентичность на основе происхождения и гражданскую идентичность). Исследование составляет Израиль, где факторный анализ дает другое решение, и авторы делают вывод о том, что содержание этого понятия в Израиле отлично от других стран. *Heath A., J. Marin and T. Spreckelsen. Cross-national comparability of scales from the ISSP/ 3MC conference, Berlin, June 25-29, 2008.*

⁷ *Przeworski A., H. Teune. Establishing Equivalence in cross-national research // Public Opinion Quarterly, 30, 1966.*

ют использовать закрытый вопрос для построения сравнительного показателя, и открытый вопрос для изучения содержания – уникального в каждой культуре.

Методологическая эквивалентность

Кроме концептуальной эквивалентности данные сравнительных опросов должны обладать также эквивалентностью на уровне измерения. А она может быть достигнута только за счет обеспечения методологической эквивалентности данных на всех трех основных этапах разработки и сбора данных опроса:

эквивалентность измерения как таковая.

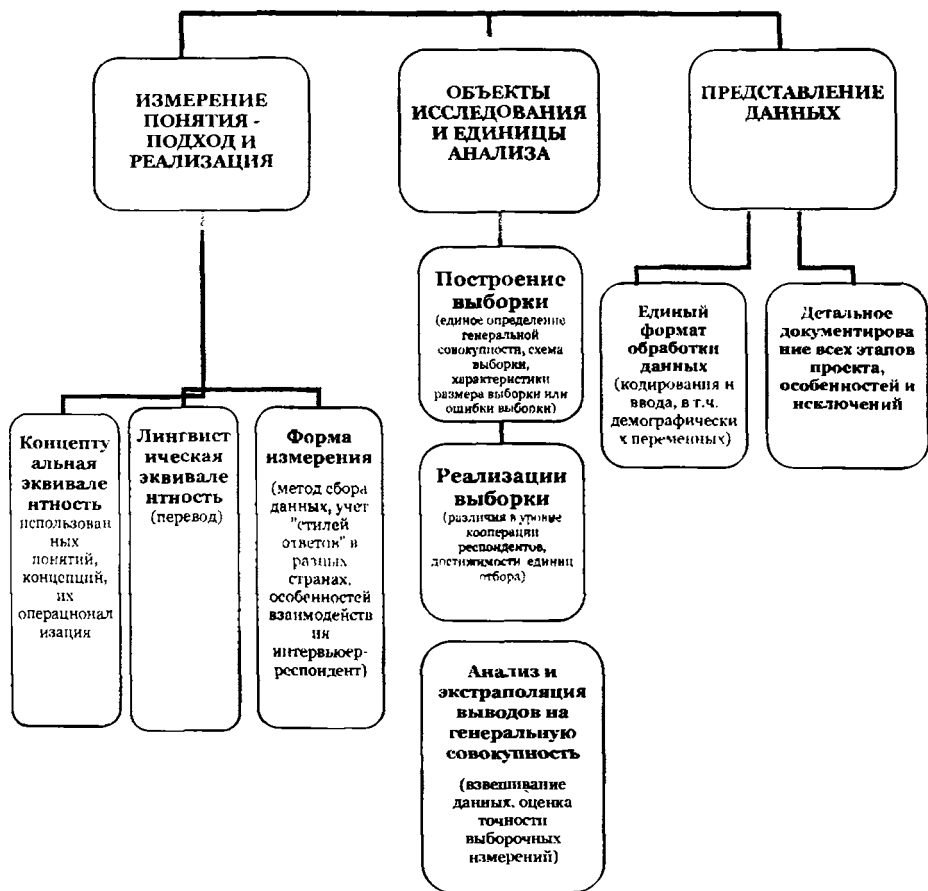
эквивалентность объектов исследования и единиц анализа, их отбора.

эквивалентность обработки и представления данных.

На уровне измерения для получения эмпирических данных, которые можно будет использовать для сравнения, необходимо достигнуть эквивалентности на концептуальном уровне при разработке инструмента для опроса, выражении изучаемых параметров в конкретных индикаторах – вопросах анкеты и эквивалентности на уровне выражения этих индикаторов на разных языках опроса и адаптация их для разных культур. До сих пор это одна из наиболее слабых частей большинства крупных сравнительных проектов⁸. Кроме этого на уровне измерения необходимо учитывать культурные особенности, влияющие на когнитивный процесс формирования

⁸ *Jowell, R., A. Park. Questioning British Attitudes / Understanding Change in Social Attitudes, ed. by in B. Taylor, K. Thomson. Aldershot: Dartmouth, 1996; Halman L. The European Values Study: a third wave. Source Book of the 1999/2000 European values Study Surveys. Tilburg: EVS, WORC, Tilburg University, 2001; Alwin D.F., M. Braun, J. Harkness and J. Scott. Measurement in multi-national surveys / in Trends and Perspectives in Empirical Social Research, ed. by I. Borg and P.Ph. Mohler. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1994.*

Схема 3.1. Уровни методологической эквивалентности в сравнительном опросе

ответа на вопросы формализованной анкеты в каждой стране, особенности «стиля ответов», работы с вербальными и невербальными шкалами в категориях закрытых вопросов и т.п.

Для достижения эквивалентности выборок необходимо выработать для всех стран единое определение генеральной совокупности, определить основные подходы к дизайну выборки и ее характеристикам, которые были бы общими для всех стран несмотря на специфику каж-

дой страны, определить размер выборки и основания для его определения, провести учет «ошибки» выборки (как ошибки выборки в результате особенностей дизайна – «стандартной ошибки выборки», так и ошибок и смещений, связанных с реализацией выборки, уровнем достижимости выбранных единиц) и постараться учесть различия в ошибке выборки для разных схем ее построения.

Эквивалентность метода опроса (сбора данных) – проблема, которая некоторое время назад считалась решенной. Долгое время в большинстве многострановых трендовых сравнительных исследований использовался единый стандарт сбора информации методом личных интервью на дому. Однако в последние 10-20 лет стали опять возникать все большие различия в методах сбора данных, используемых в национальных опросах в разных странах. Некоторые страны постепенно перешли от опросов методом личных интервью к телефонным опросам, а затем и к Интернет-опросам. Сбор информации методом личных интервью стал все более проблематичным во многих странах из-за снижения уровня кооперации в опросах со стороны респондентов, а также резкого роста стоимости опросов, проводимых этим методом. В одних странах эти процессы идут быстрее, в других медленнее. Вследствие всех этих причин ранее единые для всех стран стандарты в методах сбора данных опять постепенно размываются.

Единый метод обработки и представления данных (система кодирования, стандартизация форм представления данных) – задача, которая только на первый взгляд кажется простой и технической. На самом деле именно отсутствие стандартизации в обработке данных привело к тому, что многие результаты более ранних сравнительных исследований вообще нельзя использовать (проблемой, в частности, является даже международные сравнения такой базовой информации о населении как образование или профессия, что связано во многом с несовершенством стандартов в системе кодирования).

3.3. Ошибки и смещения в сравнительных межстрановых опросах

Целью измерения в массовых опросах – как в сравнительных, так и однострановых – является оценка «истинного» значения какого-либо показателя в изучаемом или изучаемых обществах или культурах. Не вдаваясь глубоко в дискуссии о том, существует ли вообще «истина» в субъективных показателях (некоторые исследователи сомневаются даже в том, «истинные значения» существуют по отношению к таким внешне «объективным» показателям, характеризующим население, как пол и возраст), я буду придерживаться точки зрения, что такое «истинное» значение есть, и цель любого измерения в ходе опроса – максимально к нему приблизиться. Как бы хорошо мы не построили наши измерительные процедуры в ходе опроса, в процессе измерения неизбежно возникает ошибка. **«Истинное» значение в опросе представляет собой измеренное значение+ошибка** (ошибка систематическая – смещение, либо случайная). Минимизация уровня систематических ошибок и является задачей методологии сравнительных опросов. Именно поэтому почти вся литература по методологии массовых опросов – это литература «об ошибках».

В межстрановых сравнительных опросах, также как и в моно-страновых исследованиях, можно выделить четыре основных возможных источника статистических ошибок и смещений:

- ошибка выборки
- ошибка покрытия
- ошибка не-ответа
- ошибка измерения⁹.

Эквивалентность в целом можно было бы определить как **отсутствие статистических или конструктивных ошибок или смещений**.

⁹ Groves R.M. Survey Errors and Survey Costs. New York: Wiley, 1989

В сравнительных исследованиях особое значение придают **ошибкам измерения**. К ошибкам измерения относятся конструкционные ошибки – ситуации, когда измеряемые понятия, концепции, явления не идентичны в разных странах (в моноэтнических исследованиях они могут быть не идентичны среди разных социальных групп). В этом случае возникает проблема несравнимости данных. Наиболее частой причиной смещений в измерении понятий являются различия в их смысловой «масштабе» в разных культурах. Такое различие может возникать вследствие неполного пересечения семантического значения понятий или его неполноты – сужения смыслового масштаба понятия в одних культурах, его недоопределение и его расширение в других. Выявить такие смещения можно статистическими методами на этапе анализа данных (чаще всего используется факторный анализ), либо проведением когнитивных интервью, что можно сделать на любой стадии исследования¹⁰. На ранней стадии опроса при создании инструмента, это наиболее полезно, так как позволяет внести необходимые изменения.

Другими видами ошибок измерения являются **ошибки при ответах на конкретный вопрос** – ошибки в измерении показателя, служащего способом оценки изучаемого параметра. Такие ошибки могут быть как случайными, так и систематическими. Источниками таких ошибок являются проблемы с переводом вопроса с одного языка на другой, проблемы в анкете-источнике, которые не позволяют осуществить адекватный перевод, проблемы с формулировкой вопроса (более подробно мы поговорим об этом в одной из следующих глав).

Кроме отдельных возможных ошибок и смещений можно говорить о «**суммарной ошибке**» в выборочном опросе. Избежать статистических ошибок не удает-

¹⁰ *van de Vijver F.J.R. Principles of adaptation of intelligence tests to other cultures / in Culture and children's intelligence: cross-cultural analysis of the WISC-111, ed. by J. Georgas, L. Weiss., F. van de Vijver, D. Saklofske. Tokyo: Academic Press, 2003; Braun M. Errors in comparative survey research: an overview/ in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Viiver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.*

ся ни в каком опросе – ни в однострановом, ни в многострановом сравнительном. Но если в однострановом исследовании основная задача состоит в минимизации статистических ошибок каждого из описанных типов, то в сравнительном межстрановом исследовании задача усложняется. Как и в однострановом, основная задача состоит в минимизации и «суммарной ошибки», и каждой из ее составляющих. Но столь же важной, если не более приоритетной, является задача, чтобы **ошибки всех типов были сходны во всех изучаемых странах-объектах.**

ЧАСТЬ 4

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ИЗМЕРЕНИЯ

4.1. Создание инструмента для опроса в разных странах и культурах

Разработка инструментов для опросов населения в разных странах, то есть в разных национально-культурных и социальных средах, с целью получения сравнимых результатов, является одной из наиболее трудных задач и одним наиболее уязвимых для критики этапов сравнительного социального исследования¹. Создать или адаптировать показатели в формализованном интервью так, чтобы они понимались одинаковым образом в разных странах и в разных языках, не просто трудно, этот этап один из самых длительных, трудо- и нерво-затратных.

Выступая в разных аудиториях с представлением результатов сравнительных социологических исследований, практически неизбежно сталкиваешься с вопросом, а точнее восклицанием, который обычно слушатели приберегают к концу выступления, чтобы полностью перечеркнуть все ранее сказанное: *«Все это хорошо, но как Вы можете сравнивать уровень счастья в раз-*

---

¹ Я буду использовать термин «инструмент» для опроса, чтобы описать весь набор документов и материалов, которые используются для опроса – формализованный план интервью (формализованная анкета, формализованный тест, план полужформализованного или неформализованного интервью, форма для фиксации ответов, контактный лист, а также стимулы, наглядные материалы, используемые в опросе – карточки с категориями ответов, визуальные – картинки, схемы, фотографии – или звуковые или любые другие стимулы).

ных странах, если понятие счастья в каждой стране свое?». «Свое» в каждой стране и культуре не только представление о счастье, но и о демократии, свободе, успехе и даже хороших манерах. Можно продолжить эту линию рассуждений и утверждать, что «счастье» и многие другие понятия и категории, которые мы используем в опросах, «свои» – особенные и иногда уникальные, не только в каждой стране и в каждом языке, но и в каждой социальной группе внутри одной страны. Оно разное для мужчин и женщин, молодежи и стариков, христиан и мусульман. В конце концов оно разное даже для каждого отдельного человека.

Часто в таких дискуссиях предполагается, что межстрановых различий в понимании отдельных терминов или концепций значительно больше, чем межгрупповых – межрелигиозных, межгендерных или межвозрастных. Хотя это далеко не всегда так, о чем нам говорят данные сравнительных исследований. Вопрос о возможности использования одних и тех же вопросов в разных странах и разных культурах остается. И рассматривать его можно как на концептуальном, так и на методологическом уровне.

Несмотря на различия, люди из разных стран и культур понимают друг друга, обмениваются взглядами и впечатлениями, спорят и иногда даже приходят к согласию на бытовом, политическом и даже мировоззренческом уровне. То, что россияне, возможно, понимают счастье, долг, преданность, предательство, успех по-другому, чем американцы, не исключает того, что и в Америке люди читают и понимают Л. Толстого, а в России – В. Ирвинга или Т. Драйзера. Если придерживаться точки зрения, что между странами и культурами есть общее, то есть и возможность для сравнения. Тогда задача переходит в методологическую плоскость – как сделать это сравнение научно обоснованным, точным и надежным.

Вместо вопроса импрессионистического, основанного на наших общих представлениях, впечатлениях и стереотипах, как сравнивать «счастье», если оно у каждого свое, мы должны были бы задать вопросы аналитические: а) действительно ли представления о «счастье» в разных

странах и культурах разные и каковы эмпирические доказательства различий в содержании концепции, термина, понятия; б) каким образом эти различия были учтены при создании инструмента для опроса – проблема адаптации и методологии опроса; в) какого типа выводы и анализ можно сделать на основе данных, если измеряемое понятие отличается в разных странах по содержанию и как эти различия влияют или не влияют на наши оценки и выводы, то есть оценить возможности и ограничения для выводов и анализа на основе имеющихся эмпирических данных.

Попробуем обобщить опыт, накопленный в ходе многочисленных иногда успешных, а иногда и нет, сравнительных социальных опросов, а также обозначить новые пути и направления научного поиска, которые должны хотя бы приблизить нас к построению надежных меж-страновых сравнений на базе опросов.

В первую очередь стоит более подробно разобраться с вопросом каким образом создается инструмент, который будет использоваться в ходе массовых опросов в разных странах для получения информации для сравнения этих стран. На заре сравнительных социальных опросов проблема эта решалась довольно просто – анкета, созданная в одной стране и для одной страны, использовалась потом для сбора эмпирических данных в других странах². Главная задача сводилась к тому, чтобы преодолеть языковой барьер и достичь лингвистической эквивалентности двух документов, то есть сделать хороший перевод. Проблемы и ошибки такого подхода не заставили себя ждать. Даже самый лучший перевод часто приводил к тому, что либо при анализе полученных результатов проблемы с эквивалентностью данных становилась очевидными либо сразу, либо позже, когда неверные или неточные выводы были уже сделаны и опубликованы. В 1970-х годах вместо задачи лингвистической точности было введено понятие «функциональной эквивалентности» как передачи «смысла», «функции» слова в конкретном обще-

² Bendix R. Concepts and generalizations in comparative sociological studie // American Sociological Review, 1963, № 28; Barnes S.H., M. Kaase. Political Action: mass participation in five Western Democracies. Beverly Hills: Sage, 1979.

стве, а не просто его лингвистического аналога. Были идеи и попытки вообще отказаться от перевода инструмента на разные языки. Эквивалентными должны были оставаться только теоретические концепции, а их операционализация в каждой стране проводилась отдельно. В каждой стране создавались свои собственные вопросы для измерения этих понятий, концепций. Несмотря на оригинальность подхода, продуктивным он себя не показал, и дальнейшее развитие разработки эквивалентных инструментов для опросов пошло по другому пути.

В настоящее время понятия «создание инструмента для сравнительного исследования» и «перевод анкеты» все больше сближаются, перестают быть отдельными этапами исследования, преобразуются в единую концепцию создания, тестирования и адаптации инструментов для опросов в разных социокультурных и политико-экономических условиях.

При создании инструмента для получения эквивалентных данных в массовом опросе в разных странах необходимо, чтобы инструмент опроса был эквивалентен на трех уровнях

понятийном

нормативном

семантическом.

На понятийном уровне должны быть эквивалентны понятия и термины, используемые в анкете. Необходимо, чтобы включенные в инструмент понятия и термины а) существовали во всех изучаемых в исследовании странах (например, если изучаются «выборы», то в каждой из изучаемых стран должен быть такой институт как «свободные выборы»); б) имели во всех культурах или странах схожее содержание; в) имели сравнимый содержательный объем (не было более общим или более частным случаем одного понятия).

На нормативном уровне нужно учесть отношение и реакцию людей на понятия, темы, вопросы, включенные в анкету. Например, готовность и согласие говорить с незнакомым человеком о своих религиозных взглядах, политических взглядах или на личные темы в разных

культурах могут быть разными. Такие различия могут возникать из-за давления разных социальных норм, правил поведения, даже юридических требований на предоставление информации. Учет возможности нормативной неэквивалентности при использовании определенных вопросов позволяет исследователю избежать или хотя бы снизить влияние барьеров, стоящих на пути получения информации. Исследователь может изменить конкретные формулировки, перестроить взаимоотношения респондента и интервьюера или применить какие-либо другие методы, либо признать невозможность решить эту проблему на этапе создания инструмента и использовать эти знания в процессе анализа как контекстуальные переменные, избежав таким образом ошибок в интерпретации данных.

Эквивалентность на **семантическом уровне состоит** в сходном выражении концепции, понятия, показателя в разных знаковых системах – языках.

Чаще всего в сравнительных многострановых опросах ставится задача достижения семантической эквивалентности между языком, на который осуществлялся перевод (языком перевода), и языком источником. В этом случае методом верификации эквивалентности обычно служит «обратный перевод» с языка перевода на язык-источник. На мой взгляд, такая постановка задачи неверна – в многострановом исследовании задача семантической эквивалентности должна стоять гораздо шире. В таких исследованиях «язык-источник» служит лишь «посредником» между разными языками, используемыми в исследовании, и сам по себе эталоном не является. Задача состоит в том, чтобы добиться семантической эквивалентности передачи информации на всех языках, используемых в межстрановом исследовании. Я предлагаю называть это **«горизонтальной семантической эквивалентностью»** в отличие от «вертикальной семантической эквивалентности». В практическом смысле при переводе на каждый язык нужно искать не такое слово, которое было бы наиболее близко слову на «языке-источнике», а слово, которое наиболее точно описывает понятие, выраженное определенным образом на языке-источнике

(тем, что за этим словом стоит). Несмотря на то, что две части этого утверждения кажутся тавтологичными, это отнюдь не так. От того, каким образом формулирует исследователь свою задачу по достижению семантической эквивалентности, зависит подход к переводу, выбор конкретных вариантов перевода и методы его верификации.

Важно подчеркнуть, что в сравнительном опросе мы говорим о достижении семантической эквивалентности при создании инструмента для опросов, а не просто о переводе с одного языка на другой. Зачастую сходство с задачей перевода, которая стоит и в литературе, и в бытовой коммуникации, и в научном общении, затрудняет понимание требований, целей и методов, которые используются или должны использоваться в сравнительных опросах при создании анкеты. Перевод анкеты на разные языки для получения сравнительных данных является особым видом перевода с особыми правилами, требованиями, подходами и оценкой качества.

Ситуация опроса не тождественна ситуации, в которой происходит каждодневная коммуникация. В формализованном интервью коммуникация асимметрична: интервьюер спрашивает (либо респондент видит перед собой вопрос на бумаге или на экране), респондент отвечает.

Перед респондентом в ходе интервью стоит несколько задач:

проинтерпретировать вопрос (понять или декодировать предложенную информацию – вопрос, стимулы);

сформировать свое отношение (мнение);

соотнести это мнение с категориями ответов (категоризировать свое мнение);

откорректировать свой ответ, принимая во внимание контекст коммуникации – возможность и безопасность дать искренний ответ, влияние разных социальных норм, социального давления и т.п. (нормативные аспекты).

Таким образом, чтобы получить качественные данные в сравнительном межстрановом опросе нужно учесть

когнитивный аспект вопроса (требования к пониманию информации со стороны респондента и возможности для респондента сформировать свое мнение), мотивационный контекст анкеты (как респондент понимает цель исследования, какова в целом коммуникационная ситуация) и возможности, которые исследователь предоставляет респонденту для передачи информации – категории ответов³.

Чтобы решить первую задачу – понять вопрос и извлечь из памяти или сформулировать свое мнение по поставленному вопросу, помочь респонденту (а иногда наоборот, затруднения и вред), оказывает **контекст** – текстовой, личностный и социокультурный. Текстовым контекстом вопроса является анкета в целом, порядок вопросов и категории ответов. Другим типом контекста являются характеристики самого респондента – его социально-психологическое состояние, состояние здоровья, социально-демографические характеристики, условия проведения интервью и т.п. Третий элемент контекста – социокультурный: нормы, ценности, предыдущий опыт респондента.

Исходя из задач, которые стоят перед респондентом в ходе интервью, и контекстуальными особенностями ситуации, конкретный текст (вопрос) имеет для респондента семантическое значение, то есть значение самих слов и их сочетаний в определенном утверждении и прагматическое значение, которое определяется через восприятие семантического значения в конкретном контексте. Только при учете этих двух уровней декодирования языка можно говорить о достижении семантической эквивалентности при создании инструментов для массовых опросов.

«Смещения» или «ошибки» данных сравнительных опросов, связанные с инструментом опроса, относятся к

---

³ Harkness J.A., B. Edwards, S.E. Hansen, D. Miller and A. Villar. Designing questionnaires for Multipopulation research/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith T.W. New York: Wiley, 2010; Smith T.W. Developing comparable questions in cross-national surveys/ in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Viiver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.

ошибкам или проблемам измерения (см. Классификацию требований эквивалентности в Главе 3). Источниками таких ошибок являются:

проблемы с операционализацией понятий – когда выбранные показатели не являются универсальными для всех включенных в исследование объектов (стран, культур, языков);

проблемы семантической эквивалентности – передачей информации, заложенной в анкете-источнике, на другие языки – проблема перевода;

проблемы контекста вопроса (коммуникационные и нормативные). Особенности коммуникационной ситуации влияют на то, как люди интерпретируют услышанный текст помимо его прямого значения⁴. Порядок вопросов также может оказывать разное влияние на респондентов в разных культурах и странах⁵. На интерпретацию вопросов анкеты и на то как респондент отвечает на эти вопросы может влиять понимание респондентом самой цели исследования, а также уровень доверия исследовательской организации, опросам в целом, представления о том, насколько выполняются правила и обещания анонимности и конфиденциальности предоставляемой информации.

Для решения проблем концептуальной и семантической эквивалентности сложных понятий в работах по методологии создания инструментов для межстрановых опросов предлагается использовать нескольких показателей вместо одного для измерения какой-либо концепции или понятия. В таком случае, если выполняется предположение, что случайные ошибки измерения в каждом вопросе не коррелируют между собой, являются независимыми, то общая надежность измерения повышает-

---

⁴ *Grice H.P. Studies In The Way of Words. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.*

⁵ *Schwarz N. Culture-sensitive context effects: a challenge for cross-cultural surveys / in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.*

ся⁶. Однако, на мой взгляд, такой способ редко является продуктивным и скорее является попыткой уйти от проблемы создания конкретного вопроса и его перевода, а не решить ее. Количественное увеличение вопросов в анкете не только не экономно (что чрезвычайно важно для очень сложных и дорогостоящих сравнительных межстрановых опросов, где место каждого вопроса просто «золотое»), но скорее приведет к умножению проблем, а не к их сокращению. Ведь каждый новый вопрос – это новая проблема соотношения с концептуальным содержанием, переводом и последующей проблемой межкультурной эквивалентности. Выход нужно искать в рамках работы над минимально определенным кругом созданных вопросов и сделать все возможное для увеличения эквивалентности этих вопросов. Или, в крайнем случае, признать концепцию (понятие) неэквивалентным и отказаться от его сравнительного измерения.

Я предлагаю включить нескольких дополнительных принципов и правил к формулировке и созданию вопросов для сравнительных межстрановых опросов помимо стандартного набора таких требований и правил к созданию любых анкет для массовых опросов:

Язык, на котором создается анкета для межстрановых опросов (язык-источник), должен использоваться как абстрактная знаковая система и одной из ключевых ее характеристик должна быть «переводимость» на другие языки. «Переводимость» обеспечивается использованием простых грамматических форм, отсутствием фразеологических оборотов, идиом, нормативных выражений «хорошего тона», характерных только для этого языка. Язык-источник должен быть «теоретическим английским» или «теоретическим русским», в котором многие грамматические формы могут быть упрощены или не использованы. В некоторых случаях можно представить ситуацию, когда

⁶ Przeworski A., H. Teune. The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: Wiley, 1970; Scheuch E.K. Theoretical implications of comparative survey research: why the wheel of cross-cultural methodology keeps on being reinvented // International Sociology, 1989, № 4.

инструмент на «языке-источнике» должен быть переведен не только на другие языки, но и на сам язык-источник – чтобы перейти от «теоретического» языка к практическому.

Необходимо строго определить семантическую область значения каждого подлежащего в вопросе (предмета вопроса) для разных культур.

Одним из подходов к увеличению «переводимости» анкеты-источника, является использование аннотаций, пояснения к вопросам. Сама идея аннотаций к вопросам для перевода в работе над анкетой была предложена американским социологом Г. Блумером и впервые использовалась при работе над Евробарометром. Этот же путь используется в настоящее время в ESS⁷. На основе тестирования анкеты на «переводимость» на разные языки, а также комментарии специалистов разных стран, ко многим вопросам добавляются пояснения, раскрывающие семантическое значение и масштаб (широту значения) термина. На мой взгляд, аннотации к языку-источнику могут использоваться, если все другие способы создания языка-источника с большей «переводимостью» уже исчерпаны. Анализ переводов на «общий язык» для разных стран, проведенный автором этой книги на основе русского языка в 5 странах ESS, показал, что почти во всех вопросах, к которым приводились аннотации, зафиксированы существенные и по содержанию, и по форме различия в переводах⁸. Можно говорить о том, что аннотации служат хорошим индикатором проблем с переводом, а точнее индикатором проблем с «переводимостью» анкеты-источника, но не способом решения этих проблем. Если аннотации тем не менее используются, то их

---

⁷ Behr D., E. Scholz. Questionnaire Translation in Cross-National Survey Research: on the Types and Value of Annotations // Methoden, Daten, Analysen Jg. 5, Heft 2, 2011.

⁸ Andreenkova A.V. Source Questionnaire and the Quality of Translation – example of Shared Languages translation into Russian in ESS, ISSP and WVS/ ESRA conference, Lyublyana, July 2013.

роль, функции и статус должны быть строго определены. Аннотации/ комментарии часто включают синонимы, которые тем не менее изменяют общий смысл и оттенки смысла в основном термине. Некоторые страны при переводе используют в качестве источника эти слова из аннотаций. Другие стараются придерживаться основного языка-источника. На мой взгляд, такой подход «удвоения» источника решает часть возникающих проблем и вместе с тем порождает целый ряд новых. Поэтому при использовании аннотаций необходимо четко определить, в каких целях они будут использоваться и какой текст является основным источником для перевода.

*Процесс создания анкеты
для проведения сравнительного опроса
в разных странах и культурах*

Литература по созданию анкет для массовых опросов очень велика, и опыт, накопленный исследователями в разных странах, проанализирован и собран в многочисленных научных публикациях⁹. Большинство базовых принципов создания инструмента для опроса в одной стране применимы и для создания инструмента для сравнительного межстранового опроса. Создание инструмента для любого опроса – одностранового или сравнительного многостранового – состоит из нескольких этапов:

обзор литературы и уже существующих инструментов для опросов по изучаемой теме;

---

⁹ *Sudman S., N. Bradburn. Asking Questions. San Francisco: Jossey Bass, 1982; Converse J. M., S. Presser. Survey questions: Handcrafting the standardized questionnaire. Beverly Hills: Sage Publications, 1986; Foddy W. Constructing questions for interviews and questionnaires. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993; Dillman D. Mail and Internet Surveys. The Tailored Design Method. New York: Wiley, 2000; Frazer L., M. Lawly. Questionnaire Design and Administration. NY: Wiley, 2000; Peterson R.A. Constructing Effective Questionnaire. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.*

концептуальное осмысление поставленных задач, разработка гипотез и понятий, которые необходимо измерить для проверки этих гипотез;

выбор уже существующих или создание новых вопросов;

создание анкеты как целого с учетом влияния контекста на отдельные вопросы, поддержания логики коммуникации (даже при том, что коммуникация асимметрична, разговор в анкете должен идти логично от темы к теме, подражая каждодневной коммуникации людей);

тестирование анкеты, для того чтобы оценить, каким образом созданные вопросы понимаются респондентами и насколько это понимание соотносится с исследовательским замыслом, концептуальным содержанием этих вопросов;

оценка того, насколько содержательно и семантически анкета подходит для проведения интервью с людьми из разных социально-экономических, демографических и других групп;

подготовка анкеты для обработки данных.

При создании анкеты для межстрановых сравнительных опросов на каждом этапе работы над анкетой осуществляется прямая (тестирование) или косвенная (логическая, экспертная и т.п.) проверка на **межкультурную эквивалентность** и разные ее уровни.

Хотелось бы подчеркнуть, что на этапе сбора информации – литературы, существующих инструментов по выбранной теме, и концептуального осмысления поставленных задач, важна не только глубина разработки проблемы, изучение наиболее значимых предшествующих работ, но и **межстрановый охват**. Этот подход часто (если не почти всегда) игнорируется исследователями. Большая часть социологической и особенно методологической литературы создана в рамках англо-американской научной традиции и опыта. Именно к этой традиции принадлежат многие лидеры научных

направлений и самые значимые работы, которые включены в большинство библиографий и баз данных, и которыми часто и ограничиваются исследователи. Однако для создания инструмента для межстрановых сравнительных опросов опыт отдельных стран, пусть даже не получивший широкого освещения, может оказаться не менее важным и полезным. Время, потраченное на поиск информации, созданной в разных культурах, научных школах и странах, не будет потрачено даром, если поможет избежать ошибок на уровне создания инструмента для опроса.

В качестве примера рассмотрим, как работа по созданию инструмента для опроса была организована в Европейском социальном исследовании (ESS):

***Этап 1.** Анализ теоретических положений и достижений в каждой из исследуемых областей, конкретных параметров, поиск теоретически обоснованных и проверенных экспериментально способов операционализации этих понятий и концепций.*

***Этап 2.** Создание инструмента для опроса. Над этой задачей работала группа международных экспертов. Их цель состояла в том, чтобы найти эмпирические подтверждения надежности и стабильности предлагаемых вопросов (двух основных параметров качества вопросов для массового опроса) в других признанных научным сообществом исследованиях, основанных на национальных выборочных опросах. Тесты на валидность и стабильность предлагаемых вопросов в разных культурных условиях были проведены известным голландским методологом Виллемом Сарисом и его коллегами методом компьютерного моделирования прогноза стабильности и надежности вопросов с помощью программы SQP (метод Прогноза Качества Вопроса – Survey Quality Prediction на основе результатов МТММ экспериментов с*

форматом и контекстом вопроса)¹⁰. Кроме того, предлагаемые вопросы были проверены по другим многочисленным параметрам. Анкета прошла экспертное тестирование специалистов по опросам из всех стран-участниц. Экспертная оценка была сделана как концептуальной эквивалентности, так и лингвистической. Затем анкета прошла текст на «переводимость» – то есть специалисты по переводам и созданию анкет оценивали потенциальную возможность возникновения проблем с эквивалентностью данных из-за проблем с трудностью перевода с языка-источника.

Этап 3. Эмпирическое тестирование вопросов на ограниченном количестве объектов. Целью этого этапа было тестирование анкеты как целого инструмента и отдельных вопросов на реальной выборке, а также тестирование анкеты в разных культурных контекстах. Для этого анкета, которая первоначально была сделана международным коллективом на английском языке, была переведена на другой язык (немецкий). Стадия тестирования включала проведение ряда экспериментов с различными формулировками вопросов на отдельных подвыборках. Кроме проверки качества отдельных вопросов и анкеты в целом на этой стадии были выявлены проблемы, связанные с переводом, адаптацией вопросов для других языковых и культурных условий, трудные и проблемные места, требующие специального обучения

¹⁰ MTMM (multi-trait-multi-method) – метод оценки конструктивной валидности (надежности) измерений, предложенных Кэмпбеллом и Фиске (1959 год). Campbell D.T., D.W. Fiske. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // Psychological Bulletin, 56, 1959; Saris W., W.w.d.Veld and I. Gallhofer. Development and improvement of questionnaires using predictions of reliability and validity /in Questionnaire development, evaluation and testing, eds. by S. Presser, J. Rothgeb, M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New York, Wiley, 2003; Oberski D., W.E. Saris, J.A.P. Hagenaaars. Why are there differences in measurement error across countries? / in Measuring meaningful Data in Social Research, ed. by G. Loosveldt, M. Swyngedouw and B. Cambre. Leuven, 2007.

интервьюеров и пояснений, выработаны рекомендации по созданию общего плана и методических руководств по работе над инструментом.

Способы разработки инструмента для опроса

На этапе операционализации понятий и разработки конкретных вопросов для включения в инструмент для опроса используются несколько способов, изображенных на схеме, предложенной Жанет Харкнесс¹¹.

Схема 4.1. Способы создания анкеты для сравнительных социальных межстрановых или межкультурных исследований

¹¹ Harkness J.A., F.J.R. Van de Vijver and T.P. Johnson. Questionnaire design in comparative research / in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Viiver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.

Существует два способа разработки инструмента для массового опроса – заимствование вопросов и создание новых вопросов. От того, какой из этих способов применяется, зависят подходы к организации перевода инструмента на разные языки.

Способ 1. Заимствование. Инструмент, созданный специалистами в одной культуре/стране, используется впоследствии в опросах в других культурах или странах. Иногда заимствуются отдельные вопросы или целые анкеты. Однако чаще в современных сравнительных исследованиях заимствуется целый инструмент или отдельные его части (батареи вопросов), которые либо изначально были созданы для использования в международном контексте, либо прошли международное тестирование. Такой инструмент-источник переводится на другие языки. Метод создания анкеты на разных языках в этом случае – либо «дословный перевод» с языка-источника, целью которого является достижение максимального соответствия источнику, либо адаптация, если цель состоит в том, чтобы приблизить вопросы к определенному социально-культурному, политическому или экономическому контексту. Адаптация представляет собой некоторое изменение первоначального текста. Степень изменения может быть самой разной – от минимальной (использование синонимов, использование примеров из определенной культуры вместо оригинальных примеров и т.п.) до самой широкой. При сильной адаптации качество информации для использования данных как односторонних повышается, а качество сравнения может существенно пострадать.

Преимущество заимствования как способа создания инструмента для опроса заключается в предсказуемости. Сильные и слабые стороны этого инструмента известны еще до проведения опроса, а это очень важно для сравнительного многостранового исследования, где ошибка или неучет каких-нибудь особенностей и обстоятельств может стоить очень дорого, и исправить их часто просто невозможно. Ограничения и недостатки заимствования состоят в том, что несмотря на предыдущую апробацию анкеты или вопросов в определенных странах, перенесе-

ние анкеты в новые культурные контексты не исключает возможности возникновения концептуальных ошибок (смещений). Еще одним ограничением является то, что исследователь вынужден работать в уже очерченных концептуальных и практических рамках, ограничен в выборе вопросов, которые включены в анкету. Кроме того, этот путь можно использовать только в том случае, если предмет исследования уже изучался ранее в схожем контексте. Для разработки новых исследовательских целей и задач заимствования невозможны, так как их просто неоткуда взять.

К настоящему времени разработан уже целый ряд инструментов для массовых опросов, которые прошли тестирование в межстрановом контексте. Были созданы инструменты для измерения отдельных проблем, связанных со здоровьем, образованием, измерением психологических черт личности, финансового поведения и т.п. В качестве примера можно привести психологические тесты – State-Trait Anxiety Inventory¹² или Depression Inventory¹³, Шкалу экстраверсии-интроверсии и нейротизма Айзенка, которые были переведены на более чем 30 языков и использованы в опросах в разных странах¹⁴. Батарея вопросов для оценки состояния здоровья Medical Outcomes Study Short-Form 36 health assessment также была переведена на 40 языков (<http://www.sf-36.com>), и ее использовали во многих опросах. Тест Умственного

¹² *Spielberger C.D., R.L.Gorsuch, and R.E. Lushene. Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Palo Alto, CA: Consulting Psychology Press, 1970.*

¹³ *Beck A.T. Depression: Clinical, Experimental, and Theoretical Aspects. New York: Harper & Row, 1967. Beck A.T. A systematic investigation of depression // Comprehensive Psychiatry, 2, 1961.*

¹⁴ Очень многие Психологические шкалы переведены на разные языки. Однако немногие из них были включены и проверены на общих опросах населения (а не на выборках отдельных узких подгрупп – студентах и т.п.). Например, Шкала Айзенка включалась в ряд опросов, посвященных изучению причин субъективного благополучия-неблагополучия, удовлетворенности жизнью в целом в нескольких странах и в том числе в России (RUSSET – Russian socio-economic panel Saris-Andreenkova, 1993-1999).

Развития для дошкольников, школьников и взрослых Векслера Wechsler Intelligence Scales for preschoolers, children and adults¹⁵ также может послужить таким примером. Многие инструменты (батареи) вопросов для измерения определенных концепций или социологических понятий не были специально протестированы в межстрановых исследованиях, но прошли тесты на валидность и надежность в отдельных странах на различных выборках. Такие вопросы с уже известной оценкой качества их измерительных возможностей могут также служить важным источником для заимствования при разработке инструментов для сравнительных опросов, хотя тестирование этих измерительных инструментов на эквивалентность в разных социо-культурных контекстах необходимо будет сделать¹⁶.

Довольно часто в современных сравнительных опросах используются небольшие батареи заимствованных вопросов как часть исследовательского инструмента. Заимствованный инструмент используется также в том случае, если стоит задача повторить уже сделанную ранее или в другой стране работу с целью сравнения во времени или в пространстве.

¹⁵ *Wechsler D.* Wechsler Pre-School and Primary Scale of Intelligence-Revised (WPPSI-R). San Antonio, TX: Psychological Corporation, 1989.

¹⁶ В двух томах работы «Измерение социально-психологических установок» Д. Робинсон, П. Шейвер и Л. Райтсман собрали информацию о большом количестве измерительных инструментов для опросов, с помощью которых изучаются такие концепции и понятия как самооценка, удовлетворенность жизнью и счастье, внешние или внутренние механизмы контроля, аномия, авторитаризм, религиозные ценности, а также различные политические установки людей. В отношении всех приведенных измерительных инструментов подробно описаны методы тестирования, оценки валидности и надежности каждой шкалы, ограничения при интерпретации и т.п.; *Robinson, J.P., Shaver, P.R., & Wrightsman, L.S. (eds.)* (1991). *Measures of social psychological attitudes, Vol. 1: Measures of personality and social psychological attitudes.* San Diego, CA: Academic Press; *Robinson, J.P., Shaver, P.R., & Wrightsman, L.S. (eds.)* (1999). *Measures of social psychological attitudes, Vol. 2: Measures of political attitudes.* San Diego, CA: Academic Press.

Способ 2. Создание новых вопросов для опроса на разных языках

Другим способом разработки анкеты для межстрановых опросов является создание нового инструмента или новых вопросов. В сравнительном межстрановом исследовании большую роль при создании нового инструмента играет **состав разработчиков** и включаемые **процедуры, этапы разработки инструмента**.

Разработка инструмента для сравнительного опроса может вестись либо специалистами по изучаемому предмету (чаще всего в сравнительных исследованиях 1960-1980-х годов это было именно так), либо совместным научным коллективом из специалистов по предмету, и методологов – специалистов по опросам. В современных исследованиях часто требуется и мультидисциплинарный подход, так как один и тот же предмет разрабатывается в рамках разных научных дисциплин. Например, политическое участие является предметом и социологии, и политической науки; аномия – предметом и социологии, и политологии, и социальной психологии; национальная идентичность – и социологии, и этнографии, и социальной психологии. Отличаются и научные коллективы по разработке инструмента для опроса и по тому, насколько международным является состав коллектива. Некоторые коллективы работают в рамках своей научной отечественной школы, страны или даже конкретного научного учреждения. Но сегодня все чаще создаются международные научные коллективы, включающие ученых из разных стран. Работа в рамках узкого научного коллектива или научной школы чаще бывает более экономной с точки зрения временных затрат, подобный подход позволяет быстрее достичь взаимопонимания в коллективе и выстроить логичную и полную цепочку гипотез и взаимосвязанных понятий и предположений. Однако при этом трудно избежать влияния особенностей мировоззрения, характерных почти для каждой культуры, и определенного «этноцентризма» – проблемы, с которой в сравнительных межстрановых исследованиях приходилось встречаться очень часто и преодолеть которую на более поздних этапах исследования довольно трудно.

Разработка инструмента для опроса международным научным коллективом показала свою эффективность на примере самых разных сравнительных исследований последних десятилетий – ISSP, ESS и других. Хотя создать такие коллективы сложнее и с организационной, и с финансовой, и с психологической точки зрения, именно за этим направлением, судя по всему, будущее.

Приведем пример организации работы научного коллектива над ротационными модулями ESS (новый предмет исследования и новые вопросы в каждой волне ESS наряду с «ядром», который повторяется во всех волнах).

Для разработки новой темы, нового предмета в рамках ESS объявляется открытый конкурс на новые модули. В конкурсе могут принять участие ученые из любых стран и любых отраслей науки. Требованием к разработчикам модуля является создание международного коллектива специалистов по разрабатываемой теме (не менее чем из 3 стран). Многие коллективы в ESS являлись междисциплинарными. Авторы модуля, который был выбран на конкурсе, кроме того, что предлагают саму тему, предмет изучения, предлагают также концептуальный подход к ее разработке, проводят анализ проделанных ранее по этой теме работ и исследований, определяют возможные источники заимствования вопросов, описывают концепции, понятия, предметы, которые будут изучаться в рамках данной темы и их возможные взаимосвязи, а также предлагают конкретные вопросы для измерения понятий.

Дальнейшая разработка модуля ведется совместно большой международной группой, которая состоит из авторов модуля (специалистов по изучаемой теме) из разных стран, экспертами-методологами – экспертами по переводу, по тестированию анкет, экспертами в области статистических измерений.

После создания первого варианта анкеты таким коллективом анкета проходит содержательную

экспертизу со стороны специалистов по данной теме и специалистов по опросам во всех странах-участницах исследования.

Первоначальный вариант анкеты тестируется на «переводимость». Выявляется насколько язык-источник, используемый для создания анкеты, подходит для перевода, который должен отвечать критерию эквивалентности. Такой предварительный перевод (advance translation) на несколько языков дает возможность выявить трудности, неясности, многозначность и т.п., которые могут возникнуть на этапе перевода, а также протестировать анкету на возможность выполнять свою роль в ином культурно-языковом пространстве.

После этих процедур анкета готовится для дальнейшего международного обсуждения и тестирования (количественного и качественного).

Кроме разработки инструмента для опроса на языке или языках-источниках, процесс создания инструмента включает также создание инструмента на разных языках, которые будут использоваться в исследовании, и тестирование отдельных вопросов и всего инструмента в разных странах и социо-культурных условиях.

Эти этапы работы над инструментом для опроса могут быть организованы в разной последовательности, что играет важную роль при создании анкеты для сравнительных опросов. Классическим способом является **последовательная** работа над инструментом для опроса – создание инструмента на выбранном языке или языках, тестирование (чаще всего на этом же языке), а затем перевод инструмента с языка-источника на другие языки. Такая модель получила название «задай тот же вопрос» (ASQ – «ask-the same-question»). При этом подходе очень высоки требования к этапу создания анкеты-источника. Все национальные и культурные особенности всех стран-участниц исследования должны быть учтены заранее на стадии разработки анкеты-источника. А основные требования к переводу сводятся лишь к достижению максимальной лингвистической эквивалентности

источнику. На протяжении многих десятилетий именно этот подход являлся основным в межстрановых сравнительных исследованиях.

Другая возможность – **одновременная** работа над созданием инструмента для опроса на всех языках, где этап перевода вообще исключен. При таком подходе язык-источник может вообще отсутствовать, а разработка инструмента может сразу проводиться на нескольких языках. При таком подходе очень высоки требования к организации международного сотрудничества по созданию инструмента для опроса, но одновременно решается проблема адаптации к культурному и национальному контексту. Такая адаптация проводится на самом раннем, а не на последнем этапе создания инструмента. Этот подход легче применить в сравнительном исследовании с небольшим количеством стран. Примеры его использования в многострановых сравнительных проектах пока редки.

Промежуточным вариантом является **параллельная** (или, лучше сказать, перемежающаяся) работа над созданием инструмента для опроса, переводом и тестированием. При этом подходе работа над инструментом ведется на каком-то определенном языке или нескольких языках (но не на всех языках, используемых в исследовании), перевод осуществляется несколько раз на разных этапах работы над инструментом и является частью работы над созданием вопросов. Например, после создания первого варианта инструмента он переводится на 2-3 других языка и тестируется (количественно или качественно), затем дорабатывается с учетом межкультурных различий (наравне с тестированием концептуальной разработанности, адекватности анкеты), переводится еще раз на большее количество языков и опять и тестируется. Учет межкультурных особенностей происходит в этом случае на этапах, когда изменения инструмента еще возможны. Подобный подход можно использовать для исследования, в котором очень много стран-участниц. Такой подход применяется, например, в Европейском Социальном Исследовании (ESS).

Особенности формулировки вопросов
для сравнительных исследований
и требования к языку-источнику

Не только этапы работы над созданием инструмента для опроса, но и принципы его разработки в межстрановых исследованиях в основном такие же, как и для однострановых опросов, однако они дополняются еще требованиями учета ряда лингвистических и социокультурных факторов.

В данной книге мы не будем подробно обсуждать правила, принципы и приемы создания инструментов для массовых опросов, которые описаны в огромном количестве методологической литературы¹⁷. Все советы, которые можно получить о создании вопросов для формализованных анкет в одной стране, полностью относятся и применимы к любому сравнительному межстрановому опросу. Но кроме этих общих правил, в сравнительных опросах есть и свои особенности. Дополнительными являются требования межстрановой эквивалентности, о которых говорилось в Главе 3, – концептуальная, нормативная и семантическая – или максимальное к ней приближение.

Требования к анкете-источнику в сравнительных исследованиях очень высоки. Если до недавнего времени основной проблемой низкой эквивалентности результа-

---

¹⁷ Вот только некоторые из ссылок на работы по этой теме: *Sudman S., N. Bradburn. Asking Questions.* San Francisco: Jossey Bass, 1982; *Schuman H., S. Presser. Questions and Answers in Attitude Surveys: Experiments on Question Form, Wording, and Context.* Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1996; *Krosnick J.A., L.R. Fabrigar. The handbook of questionnaire design.* New York: Oxford University Press, 2006; *Sudman S., N. Bradburn, N. Schwarz. Thinking About Answers. The application of cognitive processes to Survey Methodology / Research Methods for the Social Sciences.* NY: Wiley, 2010; *Аверьянов Л.Я. Социология: искусство задавать вопросы, 2-е издание.* М.: 1998; *Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований, перевод с англ. А.А. Виницкой; Научный редактор перевода Д.М. Рогозин. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.*

тов сравнительных опросов считалась проблема перевода, то в последнее время в ряде работ убедительно показано, что анкета-источник зачастую является основной причиной и с необходимостью ведет к различиям в переводах¹⁸. «Хорошим» вопросом для сравнительного исследования может считаться вопрос, который не только служит точным и надежным измерением изучаемого понятия (концепции), но и который можно «хорошо перевести». А это, как мы увидим в дальнейшем, далеко не всегда возможно.

Среди причин и проблем в анкете-источнике, которые часто не позволяют достичь эквивалентности измерения понятий в сравнительных межстрановых опросах (о проблемах перевода мы поговорим ниже), можно выделить следующие:

Тип 1. Лингвистические причины и проблемы в анкете-источнике.

- a) Использование идиоматических выражений, фразеологических оборотов и других специфических для одной культуры слов или фигур или оборотов речи¹⁹.
- b) Использование специфических грамматических конструкций или грамматических форм, которые требуют существенных преобразований текста для перевода на другие языки.
- c) Отдельного внимания заслуживают проблемы, связанные с метрическими шкалами ответов с вербальными значениями; более подробно об этом мы по-

---

¹⁸ См.: *Andreenkova A.V. Source Questionnaire and the Quality of Translation – example of Shared Languages translation into Russian in ESS, ISSP and WVS/ ESRA conference, Lyublyana, July 2013.*

¹⁹ Например, в одной из анкет, с которыми нам приходилось работать, встречались английские выражения «out of sight», «hanky-panky», при переводе которых с необходимостью придется прибегать к адаптации, хотя особой необходимостью в использовании именно таких выражений в анкете-источнике нет. То есть привнесенные адаптацией дополнительные различия в инструментах опросов на разных языках никак не оправданы.

ворим в другой Главе. Здесь же скажем, что требования к языку-источнику состоят в том, чтобы использовать такие слова для вербализации шкал, которые ясно показывали бы 1) конечность, предельность или бесконечность – если говорить о концах шкалы, 2) интенсивность; 3) четко обозначали расстояние между двумя точками шкалы 4) могли бы существовать независимо в сложных грамматических конструкциях. Например, в русском языке многие прилагательные и некоторые наречия могут быть использованы в шкалах только вместе с определяемым существительным или глаголом, а привнесение таких «сильных» с точки зрения семантической нагрузки слов может существенно повлиять на сравнимость результатов.

Тип 2. Социокультурные или концептуальные особенности анкеты-источника – анкета-источник слишком тесно привязана к особенностям какой-то определенной культуры, не свободна от конкретного социо-культурного контекста.

- а) Использование термина, который концептуально не определен и который в том или ином языке может иметь значения разного масштаба (широкое и узкое или разную семантическую наполненность).

Пример 1: government. В английском языке и английской научной традиции это слово имеет как узкое значение «кабинет министров, исполнительный орган власти», так и значение чуть более широкое – «управляющие институты и государственные деятели, осуществляющие руководство жизнью страны», а также максимально широкое – «государство как организующий общество институт». В русском переводе данный термин тоже может пониматься в первом и втором значении, однако в самом широком смысле в русском политическом словаре используется термин «государство».

Например, утверждение из часто используемой шкалы о социальной роли государства «government should provide social support for all people in need» в русском языке переводится как «государство долж-

но обеспечить социальную поддержку всем нуждающимся» и это утверждение будет отличаться от утверждения «правительство должно обеспечить социальную поддержку всем нуждающимся».

Пример 2. «Mental health». В англоязычной научной литературе и в анкетах для сравнительных опросов этот термин используется очень часто. Однако при переводе на русский язык нам приходится либо расширять его семантическое значение, употребляя термин «духовное здоровье», либо сужать его до «психологического состояния».

Пример 3. Слово education в американском английском имеет относительно узкое значение «знания, образование», а в испанском включает также «социальные навыки», то есть имеет гораздо более широкое семантическое значение²⁰.

Пример 4. Social provision. В европейском контексте такой термин будет включать все программы социального обеспечения, но если такой термин использовать в США, то значение его сузится до общегосударственной пенсионной программы.

- b) Использование термина, которое имеет не столько лингвистическое, сколько научное содержание (его значение понятно или используется особенным образом в рамках определенной научной школы, или в отдельной стране).
- c) Использование слов и терминов, которые кроме своего непосредственного семантического значения обладают также более широкой нагрузкой – его определение расширяется или сужается или изменяется или приобретает определенную эмоциональную окраску в связи с конкретным историческим, религиозным или культурным контекстом. В таком случае возникает проблема нормативной неэквивалентности слов, даже если их прямой перевод не представляет труда.

²⁰ Greenfield P.M. You cant take it with you: why ability assessments don't cross cultures // American Psychologists, 1997, № 52.

- d) Использование слов, которые специфичны только для определенной культуры или социально-политической системы и отсутствуют в других. Часто это бытовые слова или термины (в категориях ответов).

Пример такого термина, очень часто используемого в англоязычной научной литературе и опросах – community. Во многих других языках, как, например, в русском, прямой перевод такого термина отсутствует. Требуется дополнительная информация, знания об измеряемой концепции, понятии, чтобы найти приемлемый вариант перевода, но который в любом случае будет отличаться от данного слова. Иногда этот термин можно перевести широким словом «группа». Иногда, когда имеется в виду именно территориальная общность людей, а не группа, объединенная по какому-либо другому основанию, необходимо вводить составной термин.

Другой пример подобной проблемы взят нами из контекстуальной информации об единицах отбора в ESS. Интервьюера просят фиксировать тип жилья, в котором проживает отобранное для опроса домохозяйство. Сами категории были разработаны в Великобритании, поэтому среди основных категорий типа жилья появились terrace-house, semi-detached house, farmer house и другие. Такие категории определяются историческими обстоятельствами и особенностями урбанизации Великобритании. Сельское хозяйство в этой стране основывалось на фермерстве, поэтому различался фермерский дом с прилегающей к нему обширной сельскохозяйственной территорией, и «сельский дом» – отдельно-стоящий дом в ряду других в деревне и поселке без прилегающей к нему земли или лишь с небольшим участком. В других странах, например в России, процесс урбанизации начался гораздо позже, тип экономики и тип жилищного строительства очень сильно отличался. И фермерские дома, и таун-хаусы очень редки, зато распространено многоэтажное жилье, которое под-

разделяется на несколько исторических типов, определяющих качество и «социальный статус» жилья («сталинские» дома, «хрущевские пятиэтажки», панельные дома 1970-х и т.п.). Поэтому «социальный смысл» такого типа жилья, как например «таун-хаусы», в России совершенно другой, чем в Великобритании, и простой перевод, как и любой другой, этот смысл не отражает. Требуется гораздо больше международной работы по разработке категорий и работы над анкетой-источником, чтобы получить действительно эквивалентные данные о типе жилья.

- e) Использование юридических, политических или социальных терминов, которые появляются на определенных стадиях развития общества, отражают условия или образ жизни в конкретное время и конкретной стране, но не характерны для других культур, обществ, систем.
- f) Использование коннотативной лексики, которая связана с особенностями национальной культуры опосредованно, через культурные ассоциации или имеет разную эмоциональную или оценочную направленность.

Например, исследователи К.М. Сухенко и В.С. Васильева приводят пример использования слова «общежитие» в странах бывшего СССР. В России это слово в целом можно охарактеризовать как «эмоциональное нейтральное», в некоторых случаях если термин используется в общесоциальном значении – даже положительное. Однако в странах Закавказья и Средней Азии этот термин приобрел негативную эмоциональную окраску, связанную с культурными особенностями их стран – термин говорит о неустроенности, оторванности от семьи, родительского дома²¹.

---

²¹ Сухенко К.М. Васильева В.С. Об эмотивно-оценочном потенциале слова в разных языках. Теория и практика перевода. Киев, 13, 1986.

Особенностью коннотативной лексики является то, что хотя она приближает речь анкеты к разговорной и создает впечатление непринужденности, свободы и доверительности беседы, сокращает дистанцию между интервьюером (исследователем) и респондентом, однако, часто не является общей даже для разных социальных под-групп населения одной страны, а не только для разных стран. Поэтому в социальной лингвистике принято различать «коннотации, релевантные для всех членов данной языковой общности... и коннотации, релевантные лишь для членов отдельных социумов внутри нее (классов, социальных групп)»²². Только первые могут использоваться в анкете для массового опроса.

Американский методолог сравнительных опросов Р. Брислин сформулировал несколько правил составления вопросов, которые должны будут потом быть переведены на разные языки; и хотя многие его предложения сегодня уже не так актуальны (а точнее более широко переосмыслены), мы приводим эти «Правила Брислина» ниже²³:

- 1) Использовать короткие, простые предложения менее 16 слов, хотя можно их разбивать на несколько предложений
- 2) Активный, а не пассивный залог
- 3) Существительные вместо местоимений
- 4) Неиспользование метафор и разговорных выражений
- 5) Неиспользование сослагательного наклонения
- 6) Объяснение ключевых терминов в вопросе через дополнительные предложения, пояснения

---

²² Кокин А.М. К вопросу о коннотативном компоненте лексического значения слова / в кн. Типы языковых значений. Рязань, 1986.

²³ Brislin R.W. The wording and translation of research instruments / in Field methods in cross-cultural research, ed. by W.J. Lonner, J.W. Berry. Newbury Park, CA: Sage, 1986.

- 7) Неиспользование отглагольных прилагательных и «где» и «когда» в роли предлогов
- 8) Неиспользование грамматических форм принадлежности (притяжательные формы слов)
- 9) Конкретные, а не общие абстрактные термины
- 10) Неиспользование слов, показывающих относительность, неопределенность события или вещи (возможно, может быть и т.п.)
- 11) Слова и выражения, которые будет знать переводчик
- 12) Неиспользование предложений с двумя разными глаголами, если они показывают два разных действия.

*От формулировки вопросов
к разработке категорий ответов*

Значительная часть литературы по созданию вопросов для межстрановых и однострановых вопросов посвящена разработке вопросов – содержательных элементов инструмента для опроса. Несколько меньшее внимание уделяется категориям ответов. Хотя эксперименты и работы в этой области показали большое влияние категорий ответов (возможностей, которые предоставляет исследователь респонденту для формулировки и выражения ответа на вопрос) на полученные результаты²⁴.

²⁴ *Sudman S., N. Bradburn. Response effects in surveys: a review and synthesis. Chicago: Aldine, 1974; Эксперименты по влиянию категорий ответов на результаты опроса представлены в работе Шумана и Прессера: Schuman H., S. Presser. Questions and Answers in Attitude surveys. Experiments on question form, wording and context. Orlando: Academic Press, 1981; Изучалось влияние моно- и биполярности шкал на ответы респондентов, проводились эксперименты по использованию полностью вербализированных (все числовые точки шкалы имеют также и вербальные значения) или лишь частично вербализированных (обычно только крайние точки шкалы или крайние и середина) шкал в работах Брадбурна, Майлса, Горманна, Клиффа и многих других. Worcester и Burns (1975)*

В сравнительных опросах как и в любых других видах опросов в качестве категорий ответов на вопросы анкеты могут выступать неметрические категории (номинальные значения, например, профессии или религиозные конфессии), метрические категории – полностью или частично вербализированные, либо категории ответов могут вообще не включаться (открытый вопрос).

Мы провели анализ нескольких основных сравнительных трендовых социальных исследований последнего десятилетия и обнаружили, что около половины используемых в них вопросов представляют собой метрические шкалы с частичным вербальным обозначением точек шкалы, остальные – неметрические категории или открытые вопросы (чаще всего с предварительно определенными категориями для фиксации ответов) (см. Таблицу 4.1).

При использовании вопросов с неметрическими категориями основная задача в сравнительных исследованиях сводится к тому, чтобы убедиться в полноте используемых категорий для разных стран и культур и в том, что каждая из перечисленных категорий имеет смысл и однозначно понимается в каждой изучаемой стране. В остальном при создании категорий ответов исследователи следуют тем же правилам, что и при создании инструмента для одностранового опроса – решается проблема контекстуальной, нормативной и семантической эквивалентности.

обнаружили, что вербальные обозначения, которые грамматически являются антонимами, не обязательно воспринимаются людьми как антонимы в иерархии обозначений оценочной шкалы в опросах. В конце 1970-х годов Брадбурн и Майлс провели эксперименты по определению вербализации категорий частоты на английском языке и их соотношению с количественными оценками (например, количеством дней в месяц, по которым происходит какое-то действие). *Pollack S., H.H. Friedman, L. Presby. Two salient factors in the construction of rating scales: Strength and direction of anchoring adjectives // International Conference of Measurement Errors in Surveys. Tucson, Arizona, November 11-14, 1990.* Они показали, что эмоциональная интенсивность, экстремальность вербальных выражений крайних точек шкалы оказывает существенное влияние на ответы респондентов.

Таблица 4.1. Типы вопросов (категорий ответов) в сравнительных трендовых исследованиях

	Всего вопросов (не учитывая демографические вопросы анкеты)	Из них Вопросы с метрическими шкалами с частичным вербальным обозначением точек шкалы
Всемирное исследование ценностей 2009-2010 гг.	260	149
Европейское Социальное Исследование ESS («основная часть»)	148	42
Международная программа социальных опросов ISSP (2009 г.)	73	45
Азиатский Барометр (2007 г.)	167	105

В отношении метрических шкал задача только выглядит проще. Проблемы с эквивалентностью вербальных значений метрических шкал не раз отмечались методологами в отношении самых разных академических сравнительных исследований, где такие шкалы используются²⁵.

Чаще всего проблемы в работе с метрическими шкалами возникают из-за неэквивалентной вербализации значений шкалы, которые могут возникать либо в результате перевода на другой язык²⁶, либо как результат различий в когнитивных процессах интерпретации неэквивалентных семантических значений в разных язы-

²⁵ Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андреевкова, Ю.Н. Толстовой. М.: Наука, 1987; Клизгер С.А., М.С. Косолапов, Ю.Н. Толстова. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978; Девятко И.Ф. Диагностическая процедура в социологии. М.: Наука, 1993.

²⁶ Menold N., A. Andreenkova. Measurement equivalence of item sets with agree-disagree rating scale format in European Social Survey / II International conference on the European Social Survey, Cyprus, 23-25 November 2012.

ках и культурах. Другим источником проблем могут быть различия в восприятии разных типов числовой шкалы в разных странах (однополярная или биполярная, полностью или лишь частично вербализованная).

Был проведен ряд методологических работ по тестированию межкультурной эквивалентности различных оценочных шкал. Они показали, что респонденты действительно интерпретируют казалось бы эквивалентные вербальные значения точек шкалы ответов по-разному²⁷. При анализе эквивалентности измерения жизненных ценностей Шварца в ESS между странами также были обнаружены большие проблемы эквивалентности шкал и их восприятия респондентами²⁸: эквивалентность измерения отношений между разными компонентами шкалы при этом можно считать достигнутой, а вот эквивалентность оценки средних значений осталась под вопросом. В рамках GSS проводилась работа по определению эквивалентности вербальных значений шкал для английского и немецкого языков²⁹. Работ по сравнительному анализу вербализованных шкал на русском языке с другими языками при использовании в опросах пока очень мало³⁰.

²⁷ На проблему неэквивалентности категории «не согласен» на английский и немецкие языки disagree и lehne ab указано в статье Mohler P.P., T.W. Smith, J.A. Harkness. Respondents' ratings of expressions from response scales: A two-country, two-language investigation on equivalence and translation // in Zuma-Nachrichten Spezial, vol.3. Cross-Cultural Survey Equivalence, ed. by J.A. Harkness. Mannheim: Zuma, 1998. Было показано, что 'lehne ab' в немецком языке имеет более экстремальное значение, чем 'agree' - 'согласен' в английском в работе Smith P.B. Acquiescent response bias as an aspect of cultural communication style // Journal of Cross-Cultural Psychology, 35(1), 2004.

²⁸ Davidov E., P. Schmidt, S.H. Schwartz. Bringing values back in: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly, 72, 2008.

²⁹ Smith T.W. Improving cross-national survey response by measuring the Intensity of response categories. GSS cross-national report No. 78. Chicago: NORC, 1997.

³⁰ Работа по созданию статистически надежных шкал и тестированию качества измерений с помощью MTMM проводилась, например, В.Г. Андреенковым и А.В. Андреенковой в рамках международной MTMM группы под руководством

4.2. Перевод инструмента на разные языки опроса

Как бы ни была построена работа над созданием инструмента для сравнительного межстранового опроса, на определенной стадии возникает задача перевода инструмента с одного или одних языков на другие.

Работа над переводом включает в себя три основных этапа:

Этап 1. Выбор языков, на которые будет осуществляться перевод, а впоследствии – интервью с респондентом.

Этап 2. Работа над самим переводом.

Этап 3. Проверка качества перевода (верификация). В том числе тестирование инструмента для опроса на новом языке на эквивалентность (языку-источнику или всем другим языкам опроса) – концептуальную, нормативную и семантическую.

Выбор языка опроса – на какие языки переводить?

Анализ документации большого количества сравнительных межстрановых опросов, которые мы провели, показывает, что почти во всех случаях информация

проф. Виллема Сариса с начала 1990-х годов. Эмпирической базой для проведения тестов и экспериментов с различными способами измерения на примере шкалы удовлетворенности жизнью и различными ее аспектами послужило панельное исследование 1993-1999 гг. Российская Социально-экономическая Панель (RUSSET). По результатам работы Международной группы был издан сборник *The multitrait-multimethod approach to evaluate measurement instruments*, ed. by Saris W.E., A. Munich. Budapest: Eotvos University Press, 1996., а результаты RUSSET опубликованы в специальном номере журнала *Journal of Happiness* под ред. У. Сариса и А.В. Андреевской, 2001, полностью посвященном этому проекту.

о процедуре выбора языка для опроса ограничивается лишь констатацией факта, на какие языки была переведена анкета. Основания для выбора этих языков указываются очень редко. Для многих исследователей выбор языка опроса кажется вполне очевидной процедурой, не требующей особых размышлений или фиксации причин принятых решений в документах об исследовании. На мой взгляд, такой подход если и был возможен на ранних сравнительных межстрановых исследованиях, то на сегодняшний день определенно не может считаться достаточным.

Неправильно выбранный язык для опроса приводит к разным и всегда печальным последствиям. Среди них:

сокращение полноты покрытия генеральной совокупности конкретной выборки (систематическое исключение людей с определенными характеристиками – незнанием языков, предложенных для опроса);

уменьшение уровня сотрудничества респондентов в опросе, увеличение доли «отказавшихся», если коммуникация осуществлялась на неверно выбранном языке (культурные нормы вежливости, социальная или политическая роль языка не были учтены);

уменьшение надежности и стабильности полученной информации, если интервью проводилось на языке, по отношению к которому лингвистические навыки либо респондента, либо интервьюера не были достаточными;

сознательное искажение информации в ходе интервью, если выбранный язык интервью обладает высоким «социальным давлением» или отвечает каким-либо социальным ожиданиям.

Некоторые исследователи считают, что показателем непонимания языка опроса служит высокая доля пропусков и ухода от ответов³¹. Можно взглянуть на эту проблему и с другой стороны. Случай, когда респондент не дает информацию по какому-либо вопросу, когда из-за

---

³¹ Федоров И.В. Причины пропуска ответов при анкетном опросе // Социологические исследования, 1982, №2.

лингвистических проблем информация пропущена, – еще наиболее оптимистический. Если возникает проблема непонимания языка опроса, но респондент не отказывается от интервью или ответа на отдельные вопросы и продолжает отвечать, качество данных страдает еще сильнее, а возможностей учесть возникшие проблемы на уровне анализа становится очень мало. В большом количестве случаев исследователи об этих проблемах даже не узнают.

Проблема выбора языка опроса возникает в том случае, если не выполняется правило «**одна страна= один язык**» или «**один респондент= один язык**». В этом случае мы имеем дело с проблемой многоязычия страны (можно было бы говорить о других объектах исследования – регионах, культурах и т.п.) и многоязычия респондента. При организации опросов решение о том, на каких языках проводить интервью, принимается на каждом из этих уровней – на уровне страны и на уровне респондента.

Первое решение о том, на каком языке/языках проводить интервью на уровне страны, принимается на стадии работы над инструментом, чаще всего после создания анкеты (операционализации понятий, реализации идеи исследования в виде формализованной анкеты) и на этапе адаптации, перевода, тестирования анкеты. В международных сравнительных проектах такие решения принимаются во время планирования проекта в виде определения правил, принципов выбора языков.

Выбор языков для опроса на уровне страны определяется рядом обстоятельств:

- а) Доля населения в выборке, которая пользуется определенным языком (или будет исключена из выборки из-за незнания/ нежелания/ невозможности говорить на выбранном исследователем языке).
- б) Лингвистические причины – насколько язык подходит для устной или письменной коммуникации, каковы лингвистические навыки изучаемого населения и интервьюеров, которые будут проводить опрос, функциональное развитие конкретного языка – абстрактные термины, политические термины и т.п.

- с) Организационные причины – стоимость перевода, возможность организовать перевод требуемого качества, наличие интервьюеров с нужными языковыми навыками и т.п.
- д) Социальные, политические причины и коммуникативные социальные нормы.

Какие же критерии используются, чтобы сделать такой выбор в межстрановых сравнительных проектах? Ведь эквивалентность измерений, как было показано в начале этой главы, может в значительной степени зависеть от того, насколько этот выбор верен, а главное – насколько равные коммуникационные условия он определяет для населения разных стран в сравнительном опросе.

Анализ большого количества сравнительных межстрановых проектов, которые проводятся сейчас в мире, чтобы выявить стратегии, используемые для определения языков для опроса на первом этапе, показал, что во многих сравнительных межстрановых и больших однострановых исследованиях причины и процесс выбора языков для опроса никак не задокументирован. Поэтому информации об основаниях выбора определенных языков для опросов просто нет (есть ли она у самих исследователей – большой вопрос). В тех случаях, когда такая информация есть, выбор языка или языков опроса осуществлялся по следующим основаниям:

Для опроса выбирается официальный язык (языки) изучаемой страны.

Язык или языки, на которых говорят самые большие по численности национальные (этнические) группы. Например, в России – русский язык, в Великобритании – английский, в Азербайджане – азербайджанский.

В некоторых исследованиях используются более четкие количественные критерии, определяющие минимальный порог (долю населения), которая использует определенный язык как основной, для включения его в список тех, на которые будет сделан перевод и которые будут предлагаться респондентам на поле-

вой стадии опроса. В ESS, например, такой порог составляет 5%, поэтому, например, в Литве опрос проводится на литовском и русском, в Израиле на иврите, арабском и русском, в России – только на русском.

В межстрановых сравнительных опросах решение о принципе выбора языков для опроса принимается либо централизованно и тогда этот принцип обязателен для всех стран (как это происходит, например, в ESS), а иногда это остается на усмотрение каждой страны. Но выбрать языки, на которых будет проводиться опрос в отдельной стране, – значит решить только часть вопроса. Второй частью задачи является правильно определить язык опроса для конкретного респондента в случае если «один респондент не равен одному языку», то есть в случае многоязычия респондента (чаще всего двуязычия).

Насколько вообще велика проблема выбора языка, чтобы о ней беспокоиться? Анализ использования языков в разных странах показывает, что воспринимать единоеязычие как норму, а многоязычие как исключение в наше время более чем опрометчиво.

Рассмотрим проблему многоязычия на примере стран бывшего Советского Союза. Доля людей, которые назвали «родным» языком более одного, колеблется от 2-3% в странах Закавказья до почти трех четвертей населения Беларуси. В большинстве рассматриваемых стран доля людей, которые считают родным более одного языка, довольно велика. Поэтому вопрос о выборе языка для опроса будет стоять перед очень значительной долей опрашиваемых в общенациональных опросах в этих странах. Если же говорить о региональных опросах внутри стран, где распространено массовое, а не индивидуальное многоязычие вследствие компактного проживания людей разных национальностей, вопрос выбора языка стоит еще более остро. Примером может служить Северный Кавказ в России или территория Джалал-Абадской области в Киргизии. И это только если судить о многоязычии по очень узкому критерию «родного» языка, а не по критерию использования языков.

Таблица 4.2. Доля людей, которые называют «родным» более одного языка

СТРАНЫ	% РЕСПОНДЕНТОВ, КОТОРЫЕ НАЗВАЛИ «РОДНЫМИ» БОЛЕЕ ОДНОГО ЯЗЫКА
РОССИЯ	7%
БЕЛАРУСЬ	73%
УКРАИНА	33%
МОЛДАВИЯ	46%
ЛАТВИЯ	5%
ЛИТВА	6%
АРМЕНИЯ	3%
АЗЕРБАЙДЖАН	2%
ГРУЗИЯ	3%
КАЗАХСТАН	11%
КИРГИЗИЯ	12%
ТАДЖИКИСТАН	26%

Источник: Общенациональные опросы ЦЕССИ населения 18 лет и старше, случайные вероятностные выборки населения, опросы методом личных интервью на дому у респондентов, 2010-2014 гг. Данных по Узбекистану и Туркменистану по этим вопросам у нас нет.

В странах Европейского Союза более половины населения (54%) используют в своей жизни более одного языка, четверть использует более двух языков, 10% – три и более. Наибольшая доля многоязычных среди населения Люксембурга (98%), Латвии (95%), Нидерландов (94%), Мальты (93%), Словении и Литвы (92%), и Швеции (91%)³². По данным Евробарометра 2003 года, где

³² Данные Евробарометра

большой раздел был посвящен использованию языков, наиболее распространенным языком в Европе, на котором люди говорят как на «родном», является немецкий (16%), за ним следуют итальянский и английский (по 13%), французский (12%), затем испанский и польский (8% каждый). Официальные языки отдельных стран и «родные» языки у населения этих стран тесно связаны – большинство европейцев считают своим родным языком один из официальных языков своей страны. Но в некоторых странах доля людей с родным «неофициальным» языком страны, тоже очень велика. Например, в Люксембурге 19% считает своим родным языком португальский, в Словакии и Румынии 9% и 8% соответственно называют таким языком венгерский, в Великобритании у 2% населения родной язык польский (и еще по 1% – немецкий, французский, португальский, урду и уэльский).

Сегодня мы живем в мульти-лингвистических обществах, где представление, что один респондент значит один язык, очень часто оказывается ложным. Более того, можно предположить, что со временем выбор языка для опроса будет стоять еще чаще. Среди факторов, которые способствуют появлению многоязычия среди населения в разных странах, можно выделить:

Увеличение миграции – как временной, так и постоянной.

Взаимодействие разных этносов в мультиэтнических странах (например, русских и татар в России, русских и украинцев на Украине и т.п.).

Мультинациональные семьи (результат межнациональных браков) – число которых растет в связи с глобализацией, более интенсивной международной коммуникацией и перемещениями.

Глобализация образования и СМИ (получение образования на неродном языке, приобретение второго языка во время образования).

Глобализация профессиональных связей (профессиональные группы с универсальным языком).

Таким образом для того, чтобы определить на каких языках проводить опрос, необходимо выяснить **уровень распространенности многоязычия** в изучаемой группе, а также определить **тип многоязычия**. Тип многоязычия бывает либо индивидуальным (когда в одноязычной среде живут многоязычные люди и причины их многоязычия систематически не определены), либо массовым (сплошным – когда вся группа многоязычна, либо групповым – определенная группа внутри описываемого населения многоязычна). От этих двух факторов зависит решение исследователя о том, какие языки включать в исследование, и каким образом организовать работу с многоязычными респондентами.

После того как на стадии планирования проекта принято решение о том, на каких языках будет в принципе проводиться опрос и на каких языках будет подготовлена анкета и другие материалы, дальнейший выбор языка опроса осуществляется на этапе полевых работ. На этом этапе выбор языка зависит от предложенного исследователями набора языков, на которые переведен инструмент для опроса, а также очень большого количества других факторов. Среди них – культурные нормы и традиции взаимодействия в определенной среде, имидж языка среди целевой группы (язык как выражение идентичности, социальной или политической позиции, протеста или поддержки и т.п.), языковые навыки участников взаимодействия в опросе, тип взаимодействия интервьюера и респондента, прямое влияние интервьюера на респондента, личные предпочтения участников процесса.

Выбор языка осуществляется на нескольких уровнях:

- а) На уровне географической единицы отбора (города, конкретной точки в городе) при многоступенчатой выборке для проведения личных интервью. Исследователь или менеджер определяет на каких языках будет проходить опрос в конкретном населенном пункте – городе, районе, селе – и предоставляет материалы, рекрутирует и обучает соответствующим образом интервьюеров для опроса.

- б) На уровне интервьюера. После отбора географической единицы, но до отбора конкретного домохозяйства. Этот выбор либо определяется самой личностью и лингвистическими навыками интервьюера, которого посылают в точку опроса, или личным решением, предпочтением интервьюера – независимо от того, является ли оно определенным формально или нет.
- с) На уровне респондента. После отбора респондента в семье, но до начала опроса.

Хотя по правилам большинства сравнительных опросов, окончательный выбор языка опроса остается за респондентом, тем не менее респондент должен сделать его, исходя из каких-то оснований, критериев или причин. Чаще всего исследователи называют следующие возможности выбора языка для опроса на уровне респондента:

Официальный язык (языки) страны

«Родной язык»

Язык, на котором чаще всего говорят (дома, вне дома, в официальных местах, в том числе на работе или в учебном учреждении)

Язык, который респондент считает своим основным

Язык, на котором респондент предпочитает говорить в данный момент времени, в данной ситуации (особенно если выбор языков ограничен (см. *Схему 4.2*)).

Чтобы респондент мог выбрать язык по какому-то из этих оснований, необходимо предоставить ему информацию о целях такого выбора и требованиях, которые предъявляются к языку. В настоящее время в опросах это делается крайне редко, если вообще делается. И связано это в первую очередь с тем, что исследователи сами не обладают необходимой информацией для такого выбора.

Чтобы определить наиболее подходящий язык для проведения опроса в случае многоязычия определенной группы или конкретного респондента, мы предлагаем выделить и определить вид многоязычия по роли и функции

Схема 4.2. Участники процесса выбора языка и их роль в этом процессе

**УЧАСТНИК
ПРОЦЕССА
ВЫБОРА
ЯЗЫКА**

РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ ВЫБОРА ЯЗЫКА

**ИССЛЕДО-
ВАТЕЛЬ**

- ✓ **Предлагает варианты** – языки, на которых существует анкета для опроса. Выбор исследователя основывается на самых разных аргументах, причинах и обстоятельствах, которые редко документируются
- ✓ Осуществляет подготовку материалов для опроса на определенных языках
- ✓ Производит отбор интервьюеров (или не делает этого)
- ✓ **Направляет, влияет** на выбор респондента
- ✓ Предлагает респонденту варианты для выбора языка опроса (часто те, на которых может говорить сам интервьюер)

ИНТЕРВЬЮЕР

- ✓ Имеет и часто высказывает свое субъективное суждение о наиболее подходящем для данной ситуации языке
- ✓ Начинает разговор с респондентом на определенном языке (Вступление к интервью), задавая таким образом направление выбора

РЕСПОНДЕНТ

Принимает окончательное решение из предложенных вариантов (при этом делает выбор по разным причинам: своей субъективной оценки знания языка (языков), субъективному представлению о наиболее эффективном способе коммуникации с конкретным интервьюером, политическим и культурным соображениям и факторам и др.).

каждого языка для группы или респондента в конкретное время и в конкретных социально-экономических и политических условиях. Многоязычие может быть **полным**, когда два (редко больше) языка играют одинаковую роль, используются с примерно одинаковой интенсивностью и выполняют примерно одни и те же функции. Другой вид многоязычия, которое можно было бы назвать **частичным**. В таком случае один язык является основным, используется исключительно или преимущественно для каждодневного общения дома и в качестве языка общения с «ближним кругом», а второй (или более) язык выполняет лишь отдельные функции (например, является языком образования, государственного делопроизводства и политической жизни или языком средств массовой коммуникации и потребляемой массовой культуры). Еще одним вариантом многоязычия является равноправие используемых языков по интенсивности использования, но разделение функций этих языков (например, в домашнем общении, быту используется один язык, а в социальном общении с «широким кругом» – на работе, в общественных местах, язык культуры и информации – другой). Это **многоязычие с разделением функций языков**. Особым видом многоязычия можно считать **пассивное многоязычие**, когда преимущественно используется один язык, но «родным» языком, языком, к которому испытывается эмоциональная привязанность или через который осуществляется групповая идентификация, является другой (при этом знание этого родного языка может быть как очень хорошим, так и только самым базовым). Естественно, возможны и другие более сложные комбинации.

На протяжении нескольких лет в ЦЕССИ собиралась информация об использовании разных языков в странах бывшего СССР. Для оценки функций языков и уровня владения языками в опросах применялись следующие методы сбора информации:

В ряде опросов в разных странах были включены вопросы о лингвистических навыках респондентов.

Была собрана информация о том как языки используются в различных ситуациях.

Интервьюеры документировали информацию о том, на каком языке или языках в действительности проходил опрос и в какой пропорции – только на одном языке; на основном языке и только некоторые комментарии, пояснения делались на другом языке; на одном языке, но ряд предложений, категорий переводились по ходу интервью на другой язык; или интервью проходило полностью на «смешанном» языке.

Рассмотрим для примера ситуацию с использованием разных языков в нескольких странах бывшего СССР – Украине, Беларуси, Литве и Азербайджане. С точки зрения «родного языка» одна из этих стран – в очень высокой степени многоязычная (Беларусь), одна – многоязычна в довольно большой степени (Украина), Литва и Азербайджан в целом моноязычны, кроме отдельной группы населения (групповое массовое многоязычие). Однако если рассматривать многоязычие через понятие «использование языка», ситуация выглядит по-другому. Все четыре страны можно было бы охарактеризовать как в высокой степени многоязычные. Литва и Азербайджан многоязычны на 35% и 29% соответственно, Беларусь – наполовину, Украина – на две трети. При этом полное многоязычие (используют более одного языка для самых разных социальных функций, смешение языков) характерно для не очень большой части населения (хотя и их нельзя не учитывать, так как именно в этих случаях выбор языка особенно труден), но частичное многоязычие очень распространено (см. *Таблицу 4.3*).

В целом ситуацию в регионе бывшего СССР можно было бы охарактеризовать как большое языковое разнообразие почти по всей территории региона, кроме основной площади РФ. Такое языковое многообразие компенсируется большой объединяющей культурной ролью русского языка.

Кроме идентификации с языком (родной язык) и использованию языка, важной составляющей определения взаимоотношения человека с языком являются **языковые навыки**. Язык выполняет разные функции в жизни двуязычных людей, используется в разных областях об-

Таблица 4.3. Количество языков, выполняющих разные функции

	УКРАИНА	БЕЛАРУСЬ	ЛИТВА	АЗЕР- БАЙДЖАН
Моноязычие по использованию языка (Используют только один язык для всех основных функций)	33%	51%	65%	71%
Частичное многоязычие (один язык для ежедневного общения, более одного языка – для других задач)	33%	19%	9%	15%
Многоязычие с разделением функций языков (разные языки для разных функций)	22%	16%	23%	9%
Полное многоязычие (больше одного языка для всех функций)	12%	13%	2%	6%

Источник: Общенациональные опросы ЦЕССИ населения 18 лет и старше, случайные вероятностные выборки населения, опросы методом личных интервью на дому у респондентов, 2010-2014 гг.

щения и получения информации, поэтому у двуязычных людей зачастую формируются разные лингвистические навыки в отношении языков. На одних языках люди хорошо говорят, на других – пишут и читают и т.п.

Рассмотрим различия в языковых навыках двуязычных людей на примере нескольких стран постсоветского пространства. Языковые навыки в отношении разных языков при двуязычии совсем не одинаковы. Например,

в Беларуси две трети населения двуязычны (владеют и пользуются русским и белорусским языком). Но равноправными по навыкам эти языки являются лишь у половины из них, а остальные одинаково владеют устной речью на двух языках, но не навыками чтения и письма, либо знают один язык в целом гораздо лучше, чем другой. Похожая ситуация и в Казахстане – там двуязычных (казахский и русский) еще больше – 80%, но равные навыки при использовании этих языков лишь у половины опрошенных, у остальных знание одного языка преобладает. В Киргизии двуязычие очень распространено (русский и киргизский, мы не говорим о других еще более сложных языковых комбинациях в Киргизии с узбекским и таджикским языками), при этом большинство владеет двумя языками одинаково.

Таблица 4.4. Лингвистические навыки населения некоторых стран бывшего СССР

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ	КАЗАХ-СТАН	КИРГИ-ЗИЯ	БЕЛА-РУСЬ	ЛИТВА	УКРА-ИНА	АЗЕР-БАЙДЖАН
Могут свободно говорить, читать и писать на двух языках	43%	67%	34%	47%	56%	19%
Могут свободно говорить на двух языках, но не читать	7%	7%	8%	19%	9%	6%
Могут свободно говорить только на одном языке, а другой знают лишь немного	27%	15%	26%	2%	11%	2%
Могут свободно говорить только на одном языке	20%	11%	33%	32%	24%	72%

Источник: Общенациональные опросы ЦЕССИ населения 18 лет и старше, случайные вероятностные выборки населения, опросы методом личных интервью на дому у респондентов, 2010-2014 гг.

Как говорилось выше, при выборе языка для опроса часто используется понятие «родного языка». На примере трех стран с высоким уровнем двуязычия посмотрим каковы языковые навыки людей, которые определили язык основной национальности в каждой стране (казахский, киргизский и белорусский) как «родной». Языковые навыки при этом также определялись путем самооценки респондентов. Свои языковые навыки в использовании киргизского языка в случае, если его считают «родным», в Киргизии оценивают высоко 93%, в Казахстане таких – две трети (значительная часть остальных вообще не знает этот язык, хотя и считает его родным), в Беларуси – 44% (остальные либо не знают «родного» языка вообще, либо имеют только базовый его уровень, либо могут писать-читать, но не говорить на этом языке).

Таблица 4.5. Языковые навыки на «родном» языке. Пример Казахстана, Киргизии и Беларуси

Лингвистические навыки в родном языке (самооценка респондентов)	% людей, которые считают родным титульный язык страны		
	КАЗАХСТАН	КИРГИЗИЯ	БЕЛАРУСЬ
Высокие лингвистические навыки (могут свободно читать, писать и говорить)	67%	93%	44%
Могут свободно говорить и читать, но не писать	4%	1%	4%
Могут свободно говорить, но не читать и писать	4%	3%	2%
Имеют навыки чтения и письма, но не речевые (не могут говорить на языке)	2%	0%	9%
Имеют только самый базовый уровень знания языка	1%	1%	13%
Вообще не знают языка	22%	2%	28%

Источник: Общенациональные опросы ЦЕССИ населения 18 лет и старше, случайные вероятностные выборки населения, опросы методом личных интервью на дому у респондентов, 2010-2014 гг.

Мы видим, что определять выбор языка для опроса в стране на базе информации о «родном» языке, как это часто делается в междустрановых опросах, довольно опрометчиво. «Родной» язык играет самые различные роли и выполняет разные функции в разных странах. И отнюдь не всегда «родной» язык является тем, которым респонденты владеют лучше всего или чаще всего используют в разных ситуациях. «Родной язык» – комплексное понятие, которое отнюдь не определяется знаниями или функциональным использованием языка. В регионе бывшего СССР одна из основных функций «родного языка» – это определение своей национально-культурной идентичности, а не обязательно уровень знания или использования языка. Поэтому хотя «родной» язык является очень важным показателем идентичности людей и связан с большим количеством других переменных – от политических взглядов до общих ценностных ориентаций, в качестве основания для выбора языка для опроса этот критерий хорош далеко не всегда.

В опросе язык выполняет две основные функции:

Лингвистическую

Передать значение сообщения (быть понятым)

Получить и распознать ответ

Социальную

Установить коммуникацию, наладить отношения с респондентом (создать атмосферу доверия, готовности поделиться информацией)

Показать нейтральность своей позиции (не склоняться, не побуждать респондента дать какой-либо определенный ответ)

Если речь идет о проведении личных интервью, то в коммуникации участвуют две стороны – задающий вопросы (интервьюер) и отвечающий (респондент). Язык должен стать посредником в осуществлении коммуникации между двумя этими участниками, а это возможно только если:

требуемыми для проведения интервью лингвистическими навыками обладают оба участника взаимодействия (при этом востребованными могут быть разные навыки);

то, что в работе по этой теме Е.М. Ермолаевой определяется как «общая социальная история участников акта общения (денотативные знания, сумма предварительных знаний о мире), национально-культурная специфика респондента, определяющая содержание сообщений³³.

Языки с разными функциями в обычной жизни респондента связаны с разными навыками, которые могут потребоваться респонденту во время проведения интервью (см. Схему 4.3).

В зависимости от того, какой метод опроса используется в исследовательском проекте, от респондента могут потребоваться разные лингвистические знания и навыки, что нужно учитывать при выборе языка для опроса (см. Схему 4.4).

При использовании языков, которые выполняют разные функции в обычной жизни людей, у респондента формируются разные навыки использования этого языка при обсуждении разных тем – у них вырабатывается разный словарь, разное отношение к этому языку, скорость реакции на «знакомые» на конкретном языке темы (см. Схему 4.5).

Таким образом, **выбор языка для опроса** должен осуществляться с учетом самых разных факторов, связанных с лингвистическими навыками и знаниями респондентов и теми функциями, которые выполняют разные языки в их каждодневной жизни.

---

³³ Ермолаева Е.М. Язык респондента, язык анкеты // Социологические исследования, 1987, №1; Ермолаева Е.М. Проблемы выбора языка социологической анкеты в межнациональных сравнительных исследованиях / в кн. Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой, 1988.

Схема 4.3. Функции языка, языковые навыки и их роль в массовых опросах

ФУНКЦИИ И НАВЫКИ	ЗНАНИЯ И НАВЫКИ, КОТОРЫЕ МОГУТ ОКАЗАТЬ ВЛИЯНИЕ НА ХОД ОПРОСА И КАЧЕСТВО ДАННЫХ
ДОМАШНИЙ ЯЗЫК (на котором говорят дома)	Знание базовой структуры языка и базовым запасом слов («думает на этом языке», скорость восприятия и предоставления информации, хорошее знание основных существительных (объектов), глаголов (действий) и прилагательных (описания)
СОЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК (на работе, по месту учебы, публично, в СМИ)	Знание абстрактных терминов и понятий, профессиональный словарь
НАВЫКИ ЧТЕНИЯ	Навыки, приобретенные в образовательных учреждениях и социальной жизни (школа, СМИ, работа)
НАВЫКИ ПИСЬМА	Навыки, приобретенные в образовательных учреждениях и социальной жизни (школа, СМИ, работа), в том числе коммуникацией с официальными органами власти

Схема 4.4. На каком языке нужно говорить в ходе опроса

МЕТОД ПРОВЕДЕНИЯ ИНТЕРВЬЮ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОПРОСА	НЕОБХОДИМЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАВЫКИ
ЛИЧНЫЕ ИНТЕРВЬЮ	Базовые навыки понимания
ТЕЛЕФОННЫЕ ИНТЕРВЬЮ	Продвинутое понимание
САМОЗАПОЛНЯЕМЫЕ АНКЕТЫ	Навыки письма
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАРТОЧЕК С ТЕКСТОМ В ХОДЕ ИНТЕРВЬЮ	Навыки чтения
ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ	Экспрессивные навыки (в том числе письменные)

Схема 4.5. Тип языка и темы исследования

**ТИП ЯЗЫКА, НА КОТОРОМ
МОГЛО БЫ ПРОВОДИТЬСЯ
ИНТЕРВЬЮ**

**ТИПЫ ИССЛЕДОВАНИЙ, В
КОТОРЫХ ТАКОЙ ЯЗЫК БЫЛ БЫ
ЭФФЕКТИВЕН**

РОДНОЙ ЯЗЫК

(язык, на котором говорят дома,
язык повседневного общения)

Опросы о повседневной жизни людей,
бюджеты времени, потребительские
привычки и предпочтения, изучение
эмоций, ассоциаций, традиций (в том числе
религиозных), вопросы семейной жизни

СОЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

язык, на котором чаще всего
говорят в общественной
жизни (включая общение
с официальными органами)

Политические темы, абстрактные
социальные ценности, вопросы
труда, занятости, вопросы работы
и взаимодействия с органами власти

**ЯЗЫК, НА КОТОРОМ
ПОЛУЧЕНО ОБРАЗОВАНИЕ**

Вопросы на знания

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
ЯЗЫК**

Любые профессиональные темы

Многоязычие в общенациональных опросах в России

Россия страна многонациональная и многоязычная, если говорить о разнообразии населения страны. Однако практически все национальные опросы (да и большинство региональных) проводятся только на одном языке – на русском. Насколько это оправдано стоит разобраться более подробно.

«Родным» языком русский в России считают 86% населения, по данным Переписи Населения 2010 г. (доля среди тех, кто участвовал в переписи и указал свой родной язык). Значительная часть населения страны не считает русский родным (14%), а называет какой-либо другой. Однако для определения возможных языков для проведения опроса, как мы видели выше, нам нужно знать не только распределение населения по «родному языку», но и то, как разные языки используются и какие функции выполняют.

С точки зрения использования русский язык можно считать практически универсальным в РФ. Лишь 0,9% участвовавших в Переписи 2010 года указали, что они НЕ говорят по-русски. Возможно, эти данные немного преуменьшают долю не говорящих по-русски, так как можно предположить, что доля неучастия в переписи среди не говорящих по-русски была гораздо выше средней. Эти данные также не дают нам представления о лингвистических навыках населения страны в отношении русского языка и ничего не говорят о качестве этих знаний. Можно сделать вывод, что в России русский язык вполне подходит и достаточен для проведения массовых опросов населения с точки зрения знания этого языка среди исследуемой группы. Однако если исследовательская задача касается не проведения опроса населения России в целом и анализа россиян как одной группы, а в том, чтобы экстраполировать данные опроса на население отдельных регионов или национальных (религиозных) подгрупп, то картина будет сложнее (см. *Таблицу 4.6*).

Знание русского языка в разных регионах страны и национальных группах далеко не одинаково. Самое низкое знание русского языка, согласно данным Переписи, среди китайцев, среднеазиатских цыган, британцев, вьетнамцев и американцев, живущих в России. Более трети в каждой из этих национальных групп не смогли бы принять участие в опросе в России, если бы он проводился только на русском языке. Однако размер этих национальных групп в России очень невелик, поэтому для общероссийского опроса, где анализ данных будет проводиться по населению страны в целом, такой ошибкой (неполнота покрытия генеральной совокупности в выборке) можно пренебречь. Однако, если изучаются проблемы отдельных национальных групп, данный факт может стать важным. Среди довольно больших национальных групп в России, где существенная доля не может пользоваться русским языком (10% и больше) – аварцы, ингуши, якуты, табасараны.

Таблица 4.6. Национальности, где доля тех, кто не говорит по-русски, составляет 10% и более

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ	РАЗМЕР ГРУППЫ	КОЛИЧЕСТВО ЛЮДЕЙ В ГРУППЕ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ	ДОЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ГОВОРИТ ПО-РУССКИ ВНУТРИ КАЖДОЙ ГРУППЫ
КИТАЙЦЫ	28943	19363	33%
ЦЫГАНЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ	49	35	29%
БРИТАНЦЫ	950	727	23%
ВЬЕТНАМЦЫ	13954	10708	23%
АМЕРИКАНЦЫ	1572	1245	21%
ТУВИНЦЫ	263934	218537	17%
ФРАНЦУЗЫ	1475	1275	14%
АВАРЦЫ	912090	811116	11%
МОНГОЛЫ	2986	2658	11%
ИНГУШИ	444833	397593	11%
ЯКУТЫ (САХА)	478085	428280	10%
ИНДИЙЦЫ	4058	3659	10%
ТАБАСАРАНЫ	146360	132227	10%

Источник: Государственная Перепись Населения РФ 2010 г.
(Госкомстат)

Перевод инструментов для опроса на разные языки

Когда вопрос на каких языках будет проводиться опрос, решен, можно переходить к этапу создания анкеты на разных языках и принимать решения о том, как и на каком этапе исследования осуществлять перевод.

В случае сравнительного исследования на территории стран бывшего Советского Союза перевод предстоит сделать на минимум 13 языков (если в исследование не включены такие территории как Абхазия и Южная Осетия – иначе нужно учесть еще 2 языка – абхазский и осетинский) (см. Таблицу 4.7).

Таблица 4.7. На каких языках проводятся общенациональные опросы в странах бывшего СССР

	Основной государственный язык (язык титульной нации)	Второй язык (русский)	Другой
Россия	100%		
Белоруссия	6%	94%	
Украина	45%	55%	
Молдавия	75%	25%	
Латвия	75%	25%	
Литва	95%	5%	
Эстония	75%	25%	
Армения	98%	2%	
Азербайджан	99%	1%	
Грузия	97%	3%	
Казахстан	18%	82%	
Киргизия	48%	40%	12%
Таджикистан	88%	9%	3%
Узбекистан	82%	16%	5%

Источник: Общенациональные опросы ЦЕССИ населения 18 лет и старше, случайные вероятностные выборки населения, опросы методом личных интервью на дому у респондентов, 2010-2014 г. Туркменистан – нет информации. Важно обратить внимание, что распределение интервью по языкам в каждой стране не одинаково от исследования к исследованию (а также в разные годы) – оно зависит и от темы исследований, и от конкретных социально-политических обстоятельств, во время которых проводился опрос, и многих других факторов.

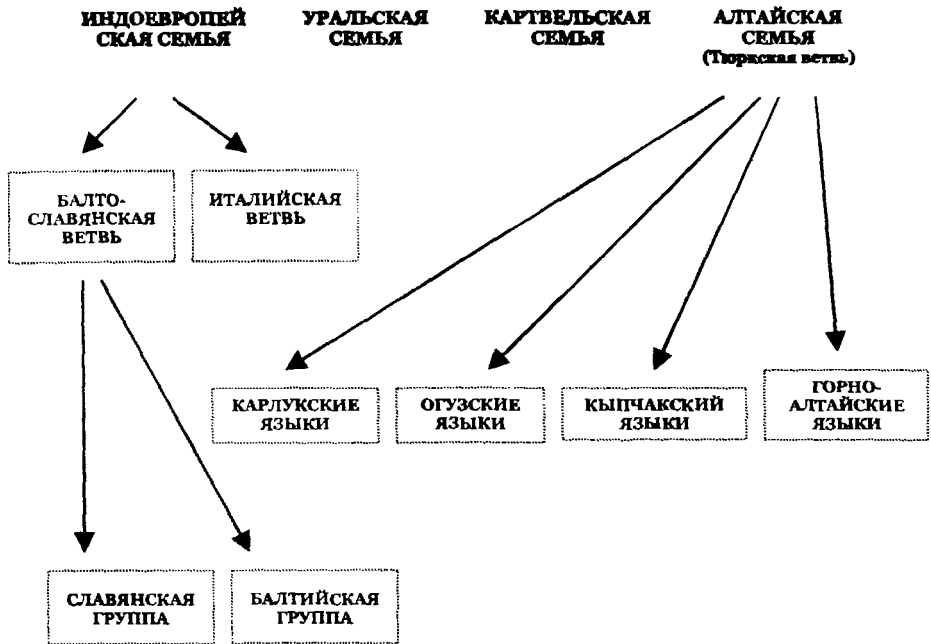
На сегодняшний день в большинстве стран на пространстве бывшего СССР опросы проводятся более чем на одном языке. Исключение составляют Россия, Азербайджан, Армения и Грузия. В остальных странах опросы обычно проводятся либо на двух, либо трех языках.

Русский язык используется в большинстве этих стран и является общим для этих стран языком с точки зрения перевода и работы с анкетой. Общими для ряда стран являются также узбекский (для Узбекистана, Таджикистана и Киргизии) и таджикский (для Таджикистана и Узбекистана), а в случаях Абхазии и Южной Осетии также грузинский язык. О переводе на общий язык в разных странах мы поговорим дальше отдельно.

Сложность работы с остальными языками состоит в том, что языки народов СССР очень отличаются лингвистически – относятся к разным языковым группам. Если в случае с ESS или другими европейскими исследованиями работа над переводом ведется в рамках языков по крайней мере одной семьи (индоевропейской), то при сравнительных исследованиях на территории СССР – с языками, принадлежащими к четырем разным языковым семьям (индоевропейской, уральской, картвельской и алтайской), и к 7 разным подгруппам языков. Такое языковое разнообразие по структуре, грамматике, строю языка представляет собой очень сложную задачу для разработки эквивалентных инструментов для опроса.

Дополнительную сложность и для европейских сравнительных исследований, и для постсоветских представляет собой увеличение количества мигрантов. В случае стран бывшего Советского Союза, правда, это меньшая сложность, чем в случае с Европой, так как большинство мигрантов – выходцы из стран бывшего СССР и необходимости дополнительных переводов не возникает. Хотя с точки зрения организации опроса и с точки зрения учета многоязычия респондентов, о чем говорилось выше, задача, несомненно, усложняется (см. Схему 4.6).

Схема 4.6. Языки в странах бывшего СССР

Теоретико-методологические требования к переводу инструмента для опроса

При организации перевода анкеты на разные языки нам предстоит принять концептуальное решение – что именно является предметом перевода и, таким образом, какой тип перевода должен быть использован и каковы основные требования к такому переводу. Необходимо определить характерные особенности перевода инструментов для массовых опросов в отличие от переводов документов другого типа.

Анкета, как и многие другие тексты, является «формой естественно-языкового текста, представляющая кодифицированное отражение некоторого фрагмента действительности при посредстве определенной знаковой системы»³⁴. Однако функции у этого текста особые. Анкета для опроса представляет собой инструмент, который выполняет либо прямую функцию коммуникации с респондентом (при опросе методом самозаполнения), либо функцию вспомогательного материала, который используется в ходе коммуникации интервьюер-респондент и определяет ход и содержание этой коммуникации. Анкета служит инструментом для передачи смысла, который закладывает исследователь в вопрос, и должна содержать такие стимулы (вопросы, категории ответов), на которые респондент смог бы и захотел дать «истинный» ответ. В этом смысле анкета не представляет собой ценности как таковой, не является самооценным текстом в отличие от художественного, в котором читатель должен открыть и разыскать многослойные смыслы. Напротив, анкета представляет собой текст, функция которого – максимально точное донесение строго определенного смысла. Форма языка, используемого в анкете, должна только помогать раскрытию содержания, но никак не мешать этому.

При таком взгляде на инструмент для опроса («текст для перевода» на этапе подготовки инструмента для опроса) перевод должен отвечать основному критерию – передавать значение, заложенное в тексте-источнике в наиболее доступной для респондентов-носителей языка перевода форме.

Принцип передачи смысла (значения) каждого вопроса и категорий на языке перевода говорит о том, что истинным источником для перевода являются смыслы (значения), заложенные в анкету исследователем, а не сам по себе текст на языке-источнике. Второй принцип, которого стоит придерживаться, состоит в том, что смысл

---

³⁴ Лотман М.Ю. Двойственная природа текста, в кн. Текст и культура: общие и частные проблемы, М, 1985.

(значение) должен быть изложен в форме, которая будет наиболее понятна респондентам. Это требование ведет к тому, что анкета-перевод должна не только соответствовать анкете-источнику, но отвечать всем нормам и правилам языка перевода, звучать «естественно» и «правильно» в той языковой среде, в которой анкета будет использоваться, а также использовать те лексические и грамматические формы языка, которые были бы понятны большей части целевой группы.

Среди всех форм языка, используемых в обществе (литературной, бытовой, официальной, научной и т.п.), больше всего этим целям соответствует **язык публицистический** – язык газет и журналов. По сравнению с литературным словарь у публицистического языка уже, зато он содержит только те слова и выражения, которые понятны и знакомы большинству населения страны. Такая форма языка не содержит сложных конструкций и выражений, которые трудно воспринять на слух или при быстром чтении, быстро выделить главное в вопросе, и вместе с тем он не звучит слишком отчужденно, чужеродно в ходе взаимодействия между двумя людьми. Язык СМИ чаще всего является упрощенным вариантом литературного языка, именно в этом языке активно используются слова и выражения, включаемые в анкеты (описание политических событий и отношение к ним, социальные и экономические отношения, текущие проблемы и т.п.).

Несмотря на асимметричность взаимодействия респондент-интервьюер или респондент-автор анкеты для самозаполнения, тип коммуникации в ходе интервью ближе к непринужденной, каждодневной беседе, чем к официальной речи – выступлению, семинару или официальному допросу. Язык опроса отчасти близок бытовому языку, но различия могут быть довольно велики, особенно в тех языковых культурах, где дистанция между бытовым и литературным языком большая. Особенности языка для опроса является исключение фразеологических оборотов, метафор, намеков, междометий и сленга, которые могли бы привести к разным интерпретациям содержания вопроса среди разных групп людей.

Язык опроса обычно не содержит новые, еще не утвердившиеся в языке слова, региональные и профессиональные термины и выражения и другие необщепотребительные слова, используемые лишь отдельными социальными группами. В случае, если в опросе используется слово, выражение или понятие, значение которого может быть не общеизвестным в изучаемой социальной группе, к нему приводится объяснение или определение. Одна из основных задач языка опроса – эквивалентность стимулов, которые представляются респонденту для ответа, поэтому язык опроса должен быть максимально «всеобщим».

Подходы к осуществлению перевода

Определив теоретико-методологические требования к переводу инструмента для опроса, перейдем к конкретным подходам к его осуществлению. Как мы говорили выше, задача перевода – создать инструмент, который был бы эквивалентен анкете-источнику на трех уровнях – концептуальном, нормативном и семантическом. Задача обеспечения концептуальной эквивалентности, эквивалентности значений является главной, но и самой трудной³⁵. Решить ее полностью даже для двух языков пока еще никому не удавалось, не говоря уже о большем количестве разных языков. Язык как составляющая часть и

³⁵ Harkness J.A., B. Edwards, S.E. Hansen, D. Miller and A. Villar. Designing questionnaires for Multipopulation research/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010; Deutscher J. Asking questions cross-culturally: Some problems of linguistic comparability / in Institutions and the Person, ed. by H.S. Becker, B. Geer, D. Riesman and R.S. Weiss. Chicago: Aldine, 1968; Whyte W.F., Braun R.R. On Language and Culture / in Institutions and the Person, ed. by H.S. Becker, B. Geer, D. Riesman and R.S. Weiss. Chicago: Aldine, 1968; Sechrest L., T.L. Fay and S.M.Y. Zaidi. Problems of Translation in Cross-cultural research // Journal of Cross-Cultural Psychology, 1972, №3(1). Temple B. Watch your tongue: issues in translation and cross-cultural research // Sociology, 1997, №31(3).

продукт культуры по определению не дает возможности сделать текст идентичным. Однако максимально приблизиться к этому и можно, и нужно. Тем более что при создании инструмента для межстрановых опросов исследователи должны стремиться максимально упростить задачу переводчика и сделать все возможное, чтобы избавить язык-источник от дополнительного подтекста, слов с неопределенным смыслом и масштабом и т.д. Для переводчика литературного текста таких поблажек никто не делает. Не стоит в целях перевода инструмента для опроса и задача передать грамматическую и синтаксическую структуру текста, что часто является задачей при переводе поэтических текстов. В этом плане у переводчика инструмента для опроса есть свобода пользоваться любыми средствами, предоставляемыми языком перевода с единственной целью – верно передать концептуальное содержание вопроса в доступной на новом языке форме, но при этом не расширить и не уменьшить полноту семантических значений текста-источника.

Каждый язык, несмотря на свое бесконечное разнообразие, обычно имеет в своем арсенале все необходимые средства, чтобы выразить тем или иным образом любые чувства, явления, события, действия, предметы материального мира и т.п., с которыми имеет дело человек. А если в вопросе содержится понятие, которое не существует в каком-либо языке, то есть в культуре и практике людей, то оно и не может стать предметом сравнительного опроса. Это позволяет нам надеяться на то, что при соответствующих усилиях и знаниях, можно получить вполне приемлемый результат при переводе анкеты на разные языки. Достижения исследований в сравнительной психолингвистике показали, что «хотя языки проявляют себя в большой степени уникальными с точки зрения фонетики, грамматики и семантики, что, казалось бы, исключает возможность взаимного понимания, на более глубоком уровне оказываются довольно универсальными, имеющими общие основания, что раскрывает возможности для межязыковых переводов»³⁶.

³⁶ Osgood C.E. Cross-Cultural Universals of Affective Meaning. Chicago: University of Illinois Press, 1975.

Однако такой оптимистический подход позволяет нам говорить о теоретической возможности перевода, но не помогает искать конкретные пути его реализации в конкретной языковой ситуации.

Перевод или адаптация

Часто любой перевод на другой язык, как метод перенесения текста в другую культурно-лингвистическую среду, называют **культурной или социокультурной адаптацией**. Мне кажется необходимым более четко разграничить понятия прямого перевода и адаптации, чтобы каждое приносило в наше понимание процесса переноса текста инструмента для опроса из одного языка в другой новое знание, обогащало наш методологический арсенал, а не было бы простой тавтологией.

Итак, любой перевод инструмента для опроса (я думаю, любого текста, но в данном случае будем ограничиваться лишь областью наших прямых интересов) подразумевает определенный уровень культурной адаптации. Невозможно перевести текст, избежав хоть в какой-то степени адаптации к новой культуре. Даже самый грубый «подстрочный» перевод подразумевает использование слов и понятий, характерных для одной культуры и не характерных для другой. Например, если в вопросе *«Насколько Вы доверяете Парламенту (в значении нижней Палаты Парламента) в нашей стране»* в российском варианте написать *«Насколько Вы доверяете Государственной Думе»*, то есть заменить абстрактный «парламент в нашей стране» на «Государственную Думу» будет ли это социокультурной адаптацией текста или лишь хорошим переводом для опроса?

Различия двух подходов к переводу – прямого перевода или адаптации, на мой взгляд, состоят в соотношении трех уровней эквивалентности, которой требуется добиться при использовании переводов. Если задача состоит в том, чтобы добиться только концептуальной и нормативной эквивалентности, то возможности для культурной **адаптации** очень велики. Если же при переводе наряду с

требованиями концептуальной эквивалентности выдвигаются столь же жесткие требования к семантической эквивалентности, то мы имеем дело с **прямым переводом**.

Ответ на вопрос о том, является ли культурной адаптацией замена слова «Парламент» на «Госдума» в анкете для России, я бы дала отрицательный. Замена имен собственных (имя Президента), названия самой страны или ее языка («в России», «на русском»), названия институтов страны и т.п. еще не является культурной адаптацией текста, так как семантически нижняя палата Парламента в России практически равна Государственной Думе – речь идет об общенациональном органе законодательной власти, который является представительным для населения и избирается населением (по разным электро-ральному правилам). Не является культурной адаптацией даже очень существенное изменение грамматической или синтаксической структуры текста, если такой подход был продиктован лишь необходимостью следовать правилам и системе языка перевода.

На наш взгляд, перевод с использованием культурной адаптации в том понимании, как это описано выше, возможен лишь в случаях, когда межстрановое или межкультурное сравнение не является прямой задачей исследования и когда никакого влияния на анкету-источник на данном этапе оказать уже нельзя. Классическим примером такого случая является исследование, которое повторяет работу, сделанную в другой стране ранее. В случае создания инструмента для многостранового сравнительного исследования заново этап культурной адаптации должен осуществляться на гораздо более ранних стадиях работы над инструментом, чем окончательный перевод (на этапе предварительных переводов в рамках работы над созданием инструмента). Именно в этот момент максимально должно быть учтено культурное и лингвистическое многообразие используемых терминов и найдены пути решения многозначности или узости использованных семантических конструкций.

Начиная работу над переводом инструмента для межстрановых сравнительных исследований, нам предстоит пройти четыре основных этапа:

непосредственно перевод инструмента с языка-источника на язык перевода;

верификация перевода на эквивалентность по отношению к языку-источнику;

верификация перевода на применимость к данному культурному, социальному, политическому контексту, группе (лингвистическая правильность, адаптированность к целевой группе, для которой сделан этот инструмент);

принятие решения по спорным вопросам, неясным пунктам (элементы адаптации).

Перевод и роль переводчика

Согласия о том, кто должен или кому было бы лучше выступать переводчиком анкет для массовых опросов, среди методологов пока нет. На практике переводчиком выступает либо профессиональный лингвист-переводчик, либо исследователь. Иногда в качестве переводчиков используются двуязычные люди с некоторым знанием темы исследования, иногда просто носители языка, на который осуществляется перевод. Кто должен выступать в качестве переводчика инструмента для массового опроса – вопрос совсем не праздный и не сугубо технический. Опыт предыдущих исследований показал, что переводчик оказывает влияние на респондента, на коммуникативный процесс (в случае участия в процессе интервью) и на текст перевода³⁷. Исследователи, пользующиеся услугами переводчиков, должны помнить о своей зависимости от них не только в словах, но и в подходе, взглядах и отношении

³⁷ Kluckhohn C. The Personal Document in Anthropological Science / in *The Use of Personal Documents in History, Anthropology and Sociology*, ed. by L. Gottschalk, C. Kluckhohn and R. Angell. New York: Social Science Research Council, 1945; Phillips H.P. Problems of translation and meaning in field work / In *Human Organisation Research: Field Relations and Techniques* ed. by R. N. Adams and J. J. Preiss. Homewood, ILL: Dorsey Press Inc., 1960.

к содержанию текста. Нас в данном случае в большей степени заботит последнее – влияние переводчика на текст.

Задача исследователя – создать текст, определить его содержание, задача переводчика – выразить это содержание на другом языке. В литературе по методологии переводов для опросов (которой в целом не так много) выделяется несколько форм взаимодействия исследователя и переводчика. Первая из них, когда исследователь и переводчик – одно лицо. В этом случае качество перевода зависит от биографии исследователя-переводчика, его знания языка перевода и языка-источника, знания культуры людей, которые являются объектом исследования. При другой форме взаимодействия, когда исследователь и переводчик – разные люди, влияние на качество перевода оказывают профессиональная компетентность переводчика, его личностные характеристики, лингвистический и социальный опыт, а также организационные и финансовые формы взаимодействия переводчика и исследователя.

На ранних этапах развития сравнительных межстрановых исследований проблема перевода и правильного определения переводчика стояла очень остро, так как основные знания о построении анкеты для опроса, концепций, которые заложены в анкете, специфике языка анкеты были сконцентрированы лишь в небольшом количестве научных школ и институтов. Работая в разных странах, исследователям часто приходилось иметь дело с партнерами, опыт которых в подобных исследованиях и в переводах для опросов в частности, был очень ограничен. За последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Индустрия опросов общественного мнения, маркетинговых исследований, академических и социальных опросов расширилась как географически, так и количественно. Сегодня в этой области работает очень много специалистов. Почти во всех странах, где проводятся массовые опросы, можно найти минимум 2–3 исследовательские группы, профессионально занимающиеся опросами населения, а в некоторых странах число таких групп (организаций, отделов, отдельных групп) превышает несколько сотен. В целом возможности для организации качественного перевода для опросов в каждой стране до-

вольно велики. Однако при этом различия в подходах к организации переводов (и в результате – в качестве переводов) остаются, что является большой проблемой для сравнительных межстрановых опросов.

Три составляющие необходимы для хорошего перевода анкеты:

- а) хороший уровень знания языка-источника (как минимум, такой уровень знаний, который позволяет понять, какие именно места перевода могут быть проблематичными, чтобы попросить помощи или разъяснений);
- б) опыт в использовании языка перевода как письменного, так и устного;
- с) хотя бы базовое, а лучше глубокое, знание методологии опросов и специфики использования языка в опросах.

В некоторых сравнительных межстрановых исследованиях метод выбора переводчика довольно хорошо задокументирован, приведены основания выбора (хотя это случается довольно редко). Например, в Международном исследовании преступности (IVCS) процесс перевода анкет описан так: *«за перевод на отдельные языки отвечают национальные координаторы проекта (руководители проекта в отдельных странах). Перевод осуществлялся людьми, которые обладали экспертными знаниями в области криминологии и методологии массовых опросов, а также хорошо знали свой собственный язык и английский, французский или испанский (которые считаются языками-источниками в этом исследовании, хотя на самом деле это тоже переводы с основного языка-источника)»*³⁸.

Современный подход к переводу состоит в том, что сам перевод является только первым шагом, своего рода стимулом для дальнейшей работы над текстом. При этом переводчик редко является единственным исполнителем перевода, обычно несколько опытных людей участвуют в этом процессе.

---

³⁸ IVCS документы исследования

Рассмотрим для примера метод, который используется для создания переводов в Европейском Социальном исследовании (ESS).

Переводы в ESS проводятся по специальной схеме-методе, получившей название TRAPD (от английского Translation, Review, Adjudication, Pretesting and Documentation). Этот метод включает в себя пять основных компонентов, на которых строится процесс создания инструмента для опросов на разных языках: перевод, проверка-обсуждение, принятие решения, тестирование, документация. Цель этого метода – избежать или минимизировать проблемы, которые возникали при использовании других методов, и подчинить процесс перевода строгим и ясным правилам. В частности, известными проблемами перевода является его субъективность, проверка на лингвистическую, а не на смысловую или концептуальную эквивалентность (часто именно так стоит задача при верификации перевода методом «обратный перевод»), непрозрачность принятия решений по выбору одного из возможных вариантов перевода.

На первом плане при организации перевода стоят выбор личности переводчика, количества переводчиков и выбор метода перевода. Чаще всего используется профессиональный переводчик-лингвист, работу которого проверяет исследователь, принимающий решение об окончательном варианте на основе своего опыта и знаний, реже – используется профессиональный исследователь-переводчик. В ESS была разработана процедура не индивидуальной, а «командной» работы над переводом. При этом каждый вопрос анкеты переводится дважды независимыми переводчиками (предпочтительно одним лингвистом и одним исследователем). Эти два перевода не являются окончательными, а служат лишь материалом для следующего и основного этапа работы – командного обсуждения, в котором принимают участие как сами переводчики, так и другие

исследователи, специалисты по конкретным темам и проблемам, а также те, кто будет заниматься полевой частью проекта и обработкой. На этой стадии происходит обсуждение каждого вопроса анкеты, переведенного дважды, выявляются причины различий в переводах, генерируются новые идеи, ставятся вопросы о потенциальных проблемах в конкретном переводе и путях их решения, затем принимается окончательное решение о варианте перевода каждого вопроса. Все основные аргументы дискуссионтов документируются, как и причины окончательного решения, такая документация находится в открытом доступе для всех, кто занимается работой над проектом или анализом данных. Целый ряд предыдущих экспериментальных работ показал, что такой «командный» подход к переводу инструмента для массового опроса и оценке его качества дает наиболее приемлемый результат с точки зрения всесторонности, количества версий перевода и сбалансированности.

Перевод анкеты на разные языки в ESS осуществляется децентрализованно. Этим занимаются команды исследователей в каждой стране. Каждая страна делает перевод на все языки, которые используются в этой стране, независимо друг от друга. При этом возникает задача достижения гармонизации перевода на одни и те же языки в разных странах (например, перевода на русский язык в России и на русский язык в Украине), которая в ESS решена лишь правилом добровольных консультаций национальных команд друг с другом без обязательности выработки совместных решений по спорным вопросам³⁹. Такой подход дает возможность учесть различные диалекты, национальные лингвистические особенности одного и того же языка в разных странах, правильно отразить понятия в конкретной интеллектуальной и литературной традиции.

---

³⁹ Andreenkova A. V. Translation into shared language in comparative surveys // ЗМС Conference, Berlin, 25-28 June 2008.

С другой стороны, он приводит к различиям в переводах на один и тот же язык, которые далеко не всегда являются необходимыми и обоснованными.

Организация перевода для сравнительных опросов

Две основные возможные формы организации перевода инструмента для опроса на другие языки – **централизованный перевод** инструментов для опроса и **децентрализованный** перевод. При централизованном подходе перевод осуществляется одной организацией, группой, переводческой компанией на все языки опроса. Процесс верификации перевода при этом тоже может проводиться либо централизованно (другая компания, специализирующаяся на переводах, осуществляет верификацию) или специалистами в каждой стране отдельно. Децентрализованная организация перевода инструментов для опроса – когда перевод осуществляется специалистами в разных странах независимо друг от друга.

В большинстве сравнительных исследований 1980-х – 90-х годов прошлого века применялся децентрализованный подход к переводу с верификацией на эквивалентность по отношению к основному языку (чаще всего английскому) с помощью «обратного перевода». Чаще всего верификация перевода на применимость к культурному, социальному, политическому контексту вообще не проводилась или поручалась полевым менеджеру на самом последнем этапе подготовки к полевым работам. Этот подход хорош своей практичностью, его можно реализовать почти в любых организационных и финансовых условиях и при минимальных требованиях к квалификации и уровню вовлеченности исследователей из разных стран в процесс создания инструмента для опроса. Однако имеет он и существенные недостатки. И главный из них состоит в том, что при централизованном переводе в качестве переводчиков используются только лингвисты или носители языка, но не исследователи с опытом работы в массовых опросах. В результате перевод отражает чаще всего только

лингвистическую сторону, а главную задачу перевода – семантическую эквивалентность, выполняет лишь отчасти. Решить эту проблему можно подробным описанием концептуальных оснований каждого вопроса, предложения, терминов, используемых в инструменте для опроса, и специальным обучением всех переводчиков. Такой перевод содержит обычно много проблем, связанных с переводом процедурных исследовательских терминов (такие инструкции на английском языке как *Probing, show card, multiple choice* etc. часто переводятся совсем неверно, так как переводчик не знает деталей процедуры опроса и роли интервьюера-респондента в опросе, а также устоявшейся профессиональной лексики интервьюеров). Недостатком децентрализованного перевода являются различия в качестве перевода – в некоторых странах оно оказывается очень высоким, в некоторых – очень низким. Отбор переводчиков и специалистов в группу работы над разработкой инструмента на разных языках проходит по разным процедурам в каждой стране и, соответственно, результат тоже разный.

*Особенности перевода инструментов для опроса
с английского языка как источника*

Английский язык считается на сегодняшний день общепринятым языком межнационального общения, в научных коммуникациях этот язык, несомненно, занимает на сегодняшний день лидирующее место. Сравнительные исследования начали разрабатываться в рамках англо-американской научной школы, поэтому большое количество теоретико-методологического и практического материала по проведению сравнительных проектов накоплено на английском языке. На сегодняшний день в большинстве крупных сравнительных межстрановых проектов именно этот язык является языком-источником.

Рассмотрим типичные проблемы, которые возникают при переводе инструмента для опроса с английского языка на другие, в том числе русский. В целом такие проблемы можно разделить на три отдельных класса:

а) **Грамматические и стилистические проблемы.** Структура языков, их грамматическая система во многом не совпадают. Чем дальше язык-источник от языка перевода по своей языковой группе, тем больше структурных изменений приходится приносить в текст на языке-перевода. В частности, перевод с английского (языка германской языковой группы) на славянские языки, нередко представляет собой довольно серьезную проблему. Приведем несколько примеров.

Использование глаголов в сослагательном наклонении (которое по значению ближе к наклонениям желательному, повелительному или изъявительному будущего времени).

В некоторых языках такой грамматической формы совсем нет (например, в армянском языке), в славянских она существует только отчасти. В русском языке у глаголов в сослагательном наклонении нет показателей времени и лица, они указываются дополнительными словами (вчера, сейчас и т.п.), а лица – с помощью личных местоимений. Иногда это можно передать сочетанием глагола в прошедшем времени с частицей «бы» или «бы» с неопределенной формой глагола.

Выражение “If necessary we **would go quite far** in making concessions to this customer” на русский язык было бы переведено как «при необходимости мы сможем предоставить довольно большие скидки нашим покупателям». То есть будет использовано будущее время и вспомогательный глагол возможности.

пассивный залог.

По мнению эксперта в области переводов Р. Брислина, довольно трудно поддается переводу пассивный залог и легче заменить его на активный в анкетисточнике, чтобы избежать проблем с переводом⁴⁰.

⁴⁰ *Brislin R.W., W.J. Lonner and R.M. Thorndike. Cross-cultural research methods. N.Y.: Wiley, 1973.*

Однако в случае перевода инструмента с английского на русский язык в предложениях, где подлежащим является неодушевленный предмет или абстрактный термин (к которому глагол действия в русском не употребим или употребим с большой натяжкой), проблемы гораздо чаще возникают при переводе активного, чем пассивного залога.

Например, в маркетинговых исследованиях очень часто используется активный залог с подлежащим *brand* (марка). Например, *Brand works effectively*. Прямой перевод этого утверждения был бы «марка работает эффективно». Нам придется либо добавить несуществующее в английском оригинале подлежащее – сам предмет (например, «фен этой марки работает эффективно»), либо вообще полностью изменить это утверждение.

Другой пример такой же проблемы. Утверждение «*All products claim to do the same thing*» при прямом переводе выглядело бы таким образом «все продукты (товары) утверждают, что могут делать одно и то же». Однако в русском языке продукты не могут выполнять таких действий как утверждать, обещать, уважать, любить и т.п. Это может делать только их производитель. Поэтому при переводе на русский нам придется использовать пассивный залог.

Еще одним примером может служить развернутый вопрос анкеты, а не конкретное утверждение: «*which box best describes the age group you see yourself as belonging to*» – «какая из клеток описывает возрастную группу, к которой Вы видите принадлежащим себя». Мало того, что предложение звучит грамматически неверно, простой прямой перевод невозможен. Чтобы выразить смысл этого вопроса на русском потребуются полное изменение грамматической и семантической структуры этого предложения. Можно было бы построить эту вопросительную фразу как «В какую клетку этой

возрастной шкалы *Вы поместили бы себя?»* или, изменив вопрос еще более существенно – *«К какой возрастной группе, по Вашим ощущениям, Вы принадлежите?»*.

На примере *ESS-2012* мы хотим показать более сложный вариант проблемы с переводом. В ходе этого исследования оценивалась важность (значимость) разных характеристик для того, чтобы считать систему демократической. В английском языке утверждение звучало как:

«How important do you think it is for democracy...» – прямой перевод был *«Насколько важно для демократии...»*. В таком случае демократия становится действующим лицом, для которого что-то может быть важно или не важно, и сама может осуществлять оценку. Чтобы это предложение могло существовать в русском языке и однозначно восприниматься получателями такой информации, его придется существенно изменить. Например, *«насколько важно для существования демократии, чтобы...»* или *«насколько важно исполнение какого-либо условия (например, наличие свободной и независимой прессы), чтобы страна считалась демократической (демократией)»*.

Другой пример из *ESS* – утверждение, направленное на измерение толерантности в обществе: *Those who hold extreme political views should be prevented from expressing them openly*. Для перевода предложения с такой конструкцией на русский язык приходится почти полностью менять структуру предложения. Однако по существу пассивный залог остается и используется в переводе. *«Нельзя допускать, чтобы люди, придерживающиеся экстремистских взглядов, выражали эти взгляды публично»*.

В английском языке довольно часто используется назывное предложение с объяснением для выражения своего мнения. Например, *There are many things*

which I like («существует много вещей, которые мне нравятся»). В английском языке используется сложноподчиненное предложение и два существительных. Для перевода на русский эту грамматическую структуру пришлось бы полностью перевернуть и сказать, например, «мне многое нравится», то есть обойтись простым предложением в активном залоге.

В английском языке довольно часто неодушевленные существительные могут выступать вместе с активным глаголом. Например, *company respects you* («компания тебя уважает») или еще сложнее «*brand respects you*» («марка тебя уважает»). При переводе на русский язык приходится как минимум смягчать активность глагола («компания относится к тебе с уважением») или полностью менять грамматическую форму этого предложения.

б) Семантические проблемы – проблемы из-за неполного совпадения семантического значения слов и терминов (разный объем – шире, уже), многозначность, вообще отсутствие какого-либо понятия в языке, идиомы или слова с переносным смыслом, метафоры.

К таким словам, которые очень часто используются в англоязычных анкетах для опросов и которые очень трудно перевести на русский язык, не расширяя и не сужая смысл, относятся 'handling', 'responsibility', 'challenge' и др. Многие современные технологические слова, которые даже в английском языке еще не имеют строго определенного, устоявшегося смысла, также трудны для перевода (например, *advanced* применительно к обществу, *inputs* и т.п.)

с) Проблемы терминов, устоявшихся в культуре выражений, названий структур и институтов.

Ярким и часто встречающимся в анкетах примером такого термина является «community», который мы уже обсуждали раньше. Англо-русский словарь предлагает десять значений этого термина, и это только для тех случаев, когда оно используется в качестве су-

ществительного. В анкете-источнике «community»/ «local community» чаще всего используется в двух значениях: «группы людей, объединенных общим происхождением, религиозными воззрениями, которые отличают их от людей, проживающих рядом с ними» либо просто «группы людей, живущих в одном месте, районе». Совершенно очевидно, что вставить в текст вопроса это многословное описание проблематично, а иногда просто невозможно. А относительно короткое «люди, живущие с Вами по соседству» не полностью раскрывает смысл понятия и не всегда вписывается в структуру предложения.

Сюда же можно хотя бы отчасти отнести проблемы, связанные с отсутствием в культуре, повседневной практике или даже в сознании людей одной страны тех вопросов, тем, способов поведения, которые обычны для людей другой страны. В частности, для России сравнительно новым и необычным феноменом является экологическое мышление и поведение, в то время как для многих стран Европы это понятно и привычно. Поэтому такие несложные, на первый взгляд, понятия как «environmentally friendly products», «car-pooling» требуют от переводчика недюжинной изобретательности и многословности для того, чтобы донести смысл вопроса.

Хотя, как мы говорили выше, при переводе инструмента для опроса **грамматическая структура языка** играет меньшую роль, чем при переводе художественного текста, однако игнорировать ее полностью тоже нельзя. При работе над переводом анкеты исследователи зачастую руководствуются правилом Аврелия Августина *«пусть лучше грамматики станут порицать меня, чем если не поймет меня народ»*. Несомненно, именно понимание «народа» – населения, среди которого проводится опрос, является основной целью перевода анкеты. Однако грамматическая форма выполняет именно эту функцию – облегчает понимание текста. Грамматические правила определяют отношения времени, иерархического подчинения слов, отношения обладания, гендерное отнесение,

расставляют акценты. Поэтому выполнение всех грамматически правил, а не игнорирование многих из них, как это делается в бытовой устной речи, помогает правильно донести смысл и облегчить процесс понимания анкеты для большого количества самых разных людей в изучаемом сообществе.

При переводе важно не соблюдение правильности перевода грамматических форм с одного языка на другой, а использование таких форм в языке перевода, которые в результате выполняли бы такую же роль, функцию – помогли раскрыть смысл текста, как и в языке-источнике. Например, швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр еще в начале прошлого столетия подчеркивал, что отправной точкой в лингвистике для любых сравнений должны быть и лексика, и грамматика, так как то, что выражено грамматическими средствами в одном языке, может быть выражено в другом лексическими⁴¹. Примерно этой же точки зрения придерживается и российский философ Р. Авоян: *«грамматические средства именно влияют на мышление или понимание, придавая мысли ту или иную окраску, тот или иной оттенок, становясь иногда тонкими выразителями незаметного, на первый взгляд, аспекта предметной мысли»*⁴².

Оценка качества перевода – верификация

Верификация перевода – это оценка его качества с точки зрения разных критериев. Верификация может служить разным целям и проводиться на нескольких этапах. В простейшем варианте верификация проводится после того, как закончен перевод. После проведения верификации вносятся последние исправления, дополнения в перевод, и он считается законченным. В более сложных

---

⁴¹ «Многие отношения (между словами) могут быть выражены с равным успехом как грамматическими средствами, так и лексическими». Фердинанд де Соссюр "Курс общей лингвистики" (1916).

⁴² Авоян Р.Г. Значение в языке. Философский анализ, М.: Высшая школа, 1985.

схемах работы над переводом этап верификации является продолжением работы над самим переводом, а не внешним по отношению к переводу этапом.

Мы предлагаем концептуально разделить верификацию перевода на два типа в зависимости от целей верификации.

- а) верификация перевода на эквивалентность по отношению к языку-источнику;
- б) верификация перевода на применимость к данному культурному, социальному, политическому контексту, группе (лингвистическая правильность, адаптивность к целевой группе, для которой сделан этот инструмент, и т.п.).

Классическим методом верификации перевода на протяжении нескольких десятилетий являлся **«обратный перевод»** – перевод с языка-перевода обратно на язык-источник, который обычно осуществляется другим человеком, а не тем, кто делал первоначальный вариант перевода. В данном случае эталоном выступает текст оригинала, и основная цель верификации сводится к выявлению семантической эквивалентности. Чаще всего такой прием применяется в случаях, если группа, координирующая исследовательский проект, и группа, которая занимается реализацией проекта в отдельных странах, работают независимо (что бывает довольно часто) и не объединены в общую команду работы над проектом. При этом основные решения и основная ответственность за проект лежит на центральном координирующем центре, но в этом центре нет возможностей, людей с достаточной квалификацией в языках перевода.

Как показали многие работы последних лет по оценке эффективности «обратного перевода» как метода верификации, даже для выявления семантических ошибок в переводах обратный перевод далеко не идеальное решение⁴³, а ошибки концептуальные или нормативные

⁴³ *Dept S., A. Ferrari and L. Wayrynen. Developments in translation verification procedures in three multilingual assessment: a plea for an integrated translation and adaptation monitoring tool / in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by*

заметить вообще почти невозможно. Зачастую идеальный обратный перевод получается на основе текста, который не учитывает правила и структуру языка перевода, а как можно ближе по структуре совпадает с текстом языка-источника. «Обратный перевод» как метод верификации часто используется потому, что его можно применить практически в любой ситуации, организационно он очень прост. Этот метод также дает возможность получить документальное подтверждение того, что процесс верификации был проведен, подтверждает выполнение формальных правил. Другие методы верификации почти всегда сложнее, а иногда организационно невозможны⁴⁴.

Другой подход к **переводу и верификации** состоит в том, чтобы сделать этот **процесс единым** (схема описана в примере TRAPD в ESS). Сам перевод является не продуктом, а только стимулом для дальнейшего обсуждения. Для этого используются две версии перевода (два разных переводчика переводят один и тот же текст). Расхождения между этими переводами являются поводом (!) для дальнейшей работы над переводом показывают, какие именно места в тексте являются проблемными. Однако такой подход требует довольно больших организационных и временных ресурсов: возможности привлечь несколько человек, команду, лучше всего с разными навыками и опытом работы с языком и анкетами для опроса, что не всегда возможно. Командная работа позволяет хотя бы частично обойти ограничение, указываемое исследователями прошлых лет относительно роли переводчика – влияния его личного опыта, биографии, знаний, жизненных ценностей, мировоззрения, а иногда и политических или экономических взглядов на интерпретацию текста-источника и построение нового текста. Если есть возможность включить в группу по работе над переводом

J. A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010; *Broadfoot P., M. Osborn. M. Gilly, and A. Bucher. Perceptions of Teaching: Primary School Teachers in England and France. Cassell, 1993.*

⁴⁴ Например, EVS 1999/2000 большинство стран не делали даже этого – единственной предусмотренной процедуры проверки перевода. Примерно эта же проблема долго время была и ISSP.

специалистов из разных стран и культур, то это может существенно улучшить и обогатить весь процесс. Особенно эффективна такая работа в случае, если делается перевод на общий язык в разных странах, например, русский язык для использования в России, Украине, Белоруссии, странах Балтии, Средней Азии. Работа переводчика в такой схеме заключается не в том, чтобы сделать окончательный выбор, а в том, чтобы предложить возможности, каждую из которых впоследствии группа примет во внимание и обсудит. В этом случае у переводчика возникает гораздо большая свобода проявить свои знания и экспертное мнение, чем при создании окончательного документа, где у переводчика нет возможности высказаться подробно по поводу своего решения.

Можно организовать подобную же работу, используя и «обратный» перевод. Но тогда «обратный перевод» должен рассматриваться не как самостоятельный метод верификации, а как средство, показатель «проблем», точек перевода, на которые стоит обратить внимание. Именно так работают с «обратным переводом» многие исследователи, вовлеченные в межстрановые опросы сегодня. Однако, если поиск проблемных мест и ошибок в переводах делается на базе двух переводов на один и тот же язык (два параллельных перевода), то в таком квази-эксперименте язык является постоянной величиной, и различия в переводах связаны либо с содержательными проблемами, либо с личностными особенностями переводчика (вкусами, стилем языка, индивидуальными лингвистическими предпочтениями и особенностями). В случае использования для этой цели анкеты на двух языках (языке перевода и языке «обратного перевода»), возникает дополнительная вариативность, связанная с лингвистическими особенностями перевода на два разных языка. Но такой подход вполне может использоваться, если в группе, работающей над созданием анкеты на каком-либо языке, есть специалисты, не владеющие языком перевода. Тогда «обратный перевод» может служить для них инструментом для участия в совместной работе.

Работа группы над переводом может состоять из самостоятельной работы с текстом, обмена комментариями,

предложениями. При этом важно правильно организовать документирование всего процесса, чтобы была возможность отследить весь ход дискуссии, выдвинутые и отвергнутые аргументы и увидеть логику принятия окончательного решения, а также понять ограничения, которые, возможно, накладываются этим решением (однако такие ограничения часто уже являются сознательными и задокументированными, а не случайными). Эффективным показал себя метод работы командного погружения, фокус-группы экспертов по поводу отдельных проблем перевода. Очень велика при такой организации работы роль модератора, или руководителя группы – того, кто ведет обсуждение, собирает и анализирует все поступающие предложения, аргументы, имеет решающий голос в случае, если единое мнение не достигнуто.

4.3. Тестирование инструмента для опроса

Предварительное тестирование является одним из этапов работы над созданием инструмента для сравнительного межстранового опроса и апробации перевода – использования анкеты-источника на национальном языке в конкретной социокультурной среде.

Методы и время тестирования могут быть самыми различными – от разового тестирования на конечном этапе разработки анкеты до многоэтапного тестирования в процессе ее разработки. Очень важным в данном случае является не только организация самого процесса тестирования, но и последовательное выстраивание процесса создания анкеты, чтобы после каждого тестирования оставалась возможность использования его результатов – внесение правок, изменений в анкету, что делается далеко не всегда.

В зависимости от того используются ли в создаваемом инструменте заимствованные, уже использованные ранее, или новые вопросы, можно применять либо статистический вторичный анализ данных, либо проводить новое тестирование.

Методы проведения предварительного тестирования могут быть количественными, качественными или смешанными.

Экспертная оценка. Успешность этого метода практически полностью зависит от правильности отбора или наличия экспертов. В качестве экспертов могут выступать специалисты по опросам в данной стране, специалисты по культуре страны, специалисты в области языка (диалектов, социально-профессиональных языков). Лучше всего экспертные оценки выявляют проблемы концептуальной и нормативной эквивалентности.

Когнитивные интервью. Относительно новый метод претеста в сравнительных исследованиях, который до недавнего времени не так часто применялся, но сейчас активно используется в ряде проектов, в том числе в ESS⁴⁵.

Метод когнитивных интервью разработан для того, чтобы глубже изучить все этапы когнитивного процесса, в ходе которого респондент формулирует ответ на вопрос. В основе лежит теория о четырехступенчатой модели ответа на вопросы⁴⁶, которая говорит о том, что при ответе на вопрос респондент должен выполнить несколько когнитивных задач – осознания, извлечения информации из памяти, формирования ответа и сообщения ответа. В когнитивном интервью делается попытка увидеть и проанализировать каждый этап этого процесса.

В ходе таких интервью респонденты «думают вслух», говорят обо всем что им приходит в голову, когда они отвечают на вопрос. Одновременно модератор задает два типа дополнительных вопросов – во время самого интервью и ретроспективно, уже после окончания интервью, анализируя свои мысли и ответы.

⁴⁵ Miller K. Design and analysis of cognitive interviews for cross national testing // The second European survey Research Association conference, Prague, 2007; Miller K., R. Fitzgerald, R. Caspar, M. Dimov, M. Gray, D. Nunes, J.L. Padilla, P. Pruefer, N. Schoebi, A. Schoua-Glusberg, S. Widdop, S. Willson. Design and analysis of cognitive interviews for cross-national testing/ 3MC Conference, Berlin, 25-28 June 2008.

⁴⁶ Tourangeau R., K. Rasinski. Cognitive processes underlying context effects in attitude measurement // Psychological Bulletin, 1988, № 103.

Метод показал себя довольно эффективным для выявления проблем семантической неэквивалентности и отчасти нормативных аспектов инструмента для опросов.

Ограничения метода состоят в том, что, как во всех случаях использования «качественных методов», проблема экстраполяции результатов, формулировки общих выводов на основе индивидуальных интервью не является очевидной.

Фокус-группы. Обсуждение отдельных понятий, терминов, вопросов или частей анкеты в групповой дискуссии, которая проходит под руководством модератора. Чаще такие фокус-группы проводятся с представителями целевой группы, для которой готовится анкета, или же с представителями отдельных подгрупп, которые считаются либо наиболее важными, либо наиболее «проблемными».

В ходе таких интервью есть возможность фиксации и анализа невербального поведения респондентов. Отдельный наблюдатель может фиксировать настроение участников, паузы, время, когда респонденты начинают отвлекаться, жесты, выражения удивления или непонимания и т.п.

Достоинства и недостатки этого метода в целом сходны с методом когнитивных интервью (проблема экстраполяции). Но в данном методе исследуется не столько процесс индивидуального мышления, сколько уже сформулированный результат (ответ на вопрос), содержание которого затем подвергается обсуждению, проверяется семантическое соответствие вопросов изучаемым концепциям и отчасти расшифровка семантики текста респондентами.

Количественный претест. Проводятся интервью в том виде, в котором они будут проходить в ходе основного поля. Выборка строится из тех же респондентов, которые будут служить целевой группой, или отдельными подгруппами. Возможны два подхода к анализу результатов такого претеста и соответствующая этому типу анализа организация опроса. Претест может быть проведен на базе интервью с небольшим количеством респондентов (30, 50, 100 человек). В таком случае предполагается изучить внешние составляющие интервью (замерить

длину интервью или отдельных частей интервью, оценить общее понимание анкеты респондентами, обратить внимание на проблемы, которые возникают систематически, проверить полноту списка категорий ответов, что учтены все возможности и т.п.). В другом случае претест проводится на довольно большой выборке (300, 400, 500 респондентов) – тогда предполагается проведение анализа данных статистическими методами – проверка надежности работы разных показателей, дискриминирующей возможности разных шкал и т.п. Такой претест требует довольно больших временных и финансовых затрат. Однако если речь идет о многострановом сравнительном исследовании с использованием совершенно нового инструмента для опроса, такие затраты могут быть необходимыми, так как стоимость ошибки в таких масштабных проектах очень велика. Примером подобного типа претеста служат и предварительные Переписи населения (только размер выборки здесь гораздо больше, чем в опросах), которые обычно проводятся за 2-3 года до основной Переписи и различные тестирования больших проектов государственных статистических служб.

*Пример работы
по предварительному тестированию анкеты в ESS*

Этап 1. После разработки ротационного модуля, результаты работы обсуждаются в письменном виде и во время встреч всего коллектива ESS из всех стран. Проводится экспертная оценка гипотез, составляющих параметров и предложенных вопросов для измерения этих параметров с точки зрения возможности достижения концептуальной и нормативной эквивалентности при использовании в разных странах, в разных экономических, социальных, культурных и юридических условиях.

Этап 2. Группа из экспертов по созданию инструментов для массовых опросов проводит анализ эмпирических данных о надежности и стабильности отдельных предлагаемых вопросов в существующих

щих признанных в научном сообществе исследованиях, основанных на национальных выборочных опросах. Тесты на валидность и стабильность предлагаемых вопросов в разных культурных средах в ESS были проведены известным голландским методологом Виллемом Сарисом и его коллегами. Был использован метод компьютерного моделирования прогноза валидности и надежности вопросов программой *Survey Quality Prediction (SQP)* на основе результатов *MTMM* экспериментов в предыдущих волнах опроса или других исследованиях)⁴⁷. Кроме двух основных характеристик качества вопросов, они также были проверены и по ряду других характеристик – внутренней непротиворечивости, сопоставимости во времени и пространстве, ожидаемому уровню пропущенных данных на уровне вопроса, подверженности влиянию эффекта социального одобрения, возможность многозначной интерпретации смысла и смысловая неопределенность.

Этап 3. Проведение когнитивных интервью в нескольких странах

Этап 4. Эмпирическое тестирование вопросов на ограниченном количестве объектов – в 2-3 странах. Цель этого этапа – тестирование анкеты как целого инструмента и отдельных вопросов на реальной выборке, а также тестирование анкеты в разных культурных контекстах. Для этого анке-

---

⁴⁷ *MTMM* (multi-trait-multi-method) – метод оценки конструкционной валидности (надежности) измерений, предложенных Кэмпбеллом и Фиске (1959 год). *Campbell D.T., D.W. Fiske. Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // Psychological Bulletin, 56, 1959; Scherpenzeel A.C., W.E. Saris. The validity and reliability of survey questions: a meta-analysis of MTMM studies // Sociological methods and Research, 1997, № 25; Saris W., W.w.d.Veld and I. Gallhofer. Development and improvement of questionnaires using predictions of reliability and validity /in Questionnaire development, evaluation and testing, eds. by S. Presser, J. Rothgeb, M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New York, Wiley, 2003.*

та, которая первоначально была сделана международным коллективом на английском языке, была переведена на нескольких других языков. Стадия тестирования включала проведение ряда экспериментов с различными формулировками вопросов на отдельных подвыборках. Кроме проверки качества отдельных вопросов и анкеты в целом, на этой стадии выявляются проблемы, связанные с переводом, адаптацией вопросов на другие языковые и культурные среды, трудные и проблемные места, требующие специального обучения интервьюеров и пояснений, и выработаны рекомендации по созданию общего плана и методических руководств к работе над инструментом в сравнительном контексте.

4.4. Измерение социально-демографических и контекстуальных показателей

При анализе данных массовых опросов респондент рассматривается не как индивидуальная единица, а как носитель определенных социальных, демографических, экономических и других характеристик. Каждый респондент описывается совокупностью таких характеристик. Измерение этих характеристик в опросе населения, сравнительном или однострановом, представляет собой важную и часто довольно значительную часть инструмента для опроса. Этот раздел анкеты принято называть «социально-демографическим разделом», так как он служит описанию типа респондента в отличие от «содержательных» разделов, в которые включаются вопросы о мнениях, поведении, установках, ценностях и т.п. Исключение составляют опросы по социальной стратификации, социальной мобильности, проблемам образования, демографические опросы, где такие характеристики респондента сами представляют собой предмет исследования, являются «содержательными». В остальных случаях характеристики респондента выступают контекстом

для содержательных вопросов. При анализе данных они используются как независимые переменные в моделях, направленных на выявление связи или влияния параметров, характеризующих положение респондента в обществе, на зависимые переменные – мнение по каким-либо вопросам, взгляды, поведение и т.п. Контекстуальные или базовые демографические переменные *«содержат информацию, которая необходима для определения гомогенности подгрупп, причинных взаимосвязей между установками и социальными факторами, объяснения различий в мнениях населения, его дисперсности»*⁴⁸. Я буду и дальше использовать широкое понятие «контекстуальные переменные» вместо термина «социально-демографические характеристики», так как только демографическим положением респондента такие сведения обычно не ограничиваются.

Типы контекстуальной информации в опросе

Контекстуальные переменные можно разделить на несколько групп в зависимости от того, на каком уровне они измеряются или анализируются (уровень агрегирования):

Индивидуальные характеристики респондентов – такие как возраст, образование, личный доход, семейное положение, профессия, наличие детей, религиозность, членство в организациях и т.п.

Характеристики группы, к которой принадлежит респондент – структура домохозяйства, доход семьи, социальный статус семьи.

Макроуровень – регион проживания, тип населенного пункта, экономическое положение региона или страны проживания, политические характеристики населенного пункта и региона (уровень участия в вы-

---

⁴⁸ Braun M., P.Ph. Mohler. Background variables/ in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.

борах, электоральные предпочтения), характеристика уровня и качества жизни в месте проживания и т.п.

С. Садман и Н. Брадбурн выделили 8 классов контекстуальной информации (около 50 вопросов), которые они считают достаточными для глубокого анализа данных опросов населения⁴⁹. В опросы разного типа включаются разное количество таких параметров. Количество контекстуальных переменных в анкете связано с типом исследования. В опросах общественного мнения и маркетинговых исследованиях таких переменных обычно включается немного – 10-15, но в разном наборе. В академических исследованиях контекстуальных переменных обычно гораздо больше. Например, в ESS 45 вопросов «основной» части анкеты можно отнести к измерению контекстуальных переменных, и еще ряд параметров (тип жилья, характеристики окружения жилья и т.п.) фиксируются на уровне отбора респондента и формах с информацией, полученной на основе наблюдений интервьюера.

В каждой стране стандартный набор контекстуальных переменных разный. Общими измеряемыми показателями почти во всех странах и во всех типах исследований во всех странах является пол и возраст. В односторонних и сравнительных опросах на территории бывшего Советского Союза в такой набор обычно входят помимо пола и возраста также уровень и тип образования, национальность, регион проживания, размер населенного пункта, тип поселения – городское или сельское. В маркетинговые исследования часто включают информацию о материальном положении респондента или домохозяйства, социально-экономический статус домохозяйства, информацию о структуре семьи (наличие детей, семейное положение, тип семьи – нуклеарная, многопоколенная). В опросы общественного мнения в качестве контекстуальной переменной могут быть включены вопросы о политических взглядах, политической и общественной активно-

---

⁴⁹ *Sudman S., N. Bradburn. Asking Questions. San Francisco: Jossey Bass, 1982.*

сти, опыте голосования и избирательном выборе, иногда религиозность. В США, например, в стандартный набор социально-демографических переменных входит «раса» или «этническое происхождение». В других странах есть свои специфические социально-демографические переменные, характеризующие принадлежность респондентов к большим социальным группам, на которые разделяется конкретное общество.

Измерение контекстуальных переменных

Измерение контекстуальных параметров и характеристик может осуществляться разными способами, что влияет на точность полученной информации. Некоторые сведения мы получаем из ответов самого респондента. Некоторые – из внешних источников. Например, информация о жилищных условиях – тип дома, качество жилья и др. – может определяться и фиксироваться интервьюером, часть информации может быть получена из внешних источников (документов, официальных данных). Характеристики места проживания респондента – регион, тип населенного пункта и т.п. определяются либо интервьюером, либо полевым менеджером в регионе, либо централизовано самой исследовательской группой на основе данных государственной статистики (например, о численности населения населенного пункта, где проживает респондент), органов местного управления и любых других источников. Качество такой информации обычно считается высоким, хотя возможность ошибок измерения и здесь нельзя исключать.

Большинство социально-демографических и контекстуальных показателей описывают фактологические или поведенческие характеристики. Измерение таких характеристик в отличие от информации о ценностях, установках, мнении людей имеет свои особенности. На качество данных о социально-демографических параметрах, полученных от респондентов, влияют практически те же факторы, что и на содержательную информацию, полученную этим путем. Например, в немецком панель-

ном исследовании ALLBUS в трех волнах опроса одним и тем же респондентам задавался вопрос об их возрасте, образовании, семейном положении и религии. Полное совпадение такой информации в трех волнах о каждом конкретном респонденте составило 90%, в остальных 10% она расходилась. В вопросах о первой в жизни респондента профессии, а также профессии отца респондента совпадение составило лишь 50%⁵⁰. С подобными проблемами измерения нам пришлось столкнуться и при проведении панельного исследования RUSSET, которое ЦЕССИ вело совместно с Университетом Амстердам ежегодно с 1993 по 1999 гг. В каждой волне несовпадение информации о дате рождения респондента составляло около 1% опрошенных. После тщательной проверки выяснялись различные обстоятельства и причины таких расхождений, а их было множество – респондент точно не знал своей даты рождения и определял эту дату каждый раз по-разному, документы о рождении были утеряны, при рождении дата не фиксировалась, иногда документально подтвержденная дата рождения отличалась от фактической (*«записали меня только после Новогодних праздников, поэтому дату поставили 3 января»*). Несоответствие в уровне полученного образования в каждой волне составляло до 10%, расхождение данных о наличии родителей – до 5% (некоторые называли родителями родителей супруга, включали и исключали из числа живых родителей бросивших семью отцов и т.п.). Такие случаи в опросах совсем не единичны. Разнообразными являются причины, которые приводят к ошибкам измерения, а результат остается тем же – ошибка измерения присутствует.

Можно выделить несколько факторов, которые приводят к систематическим ошибкам измерения, смещениям при измерении контекстуальных переменных:

Качество инструмента для опроса (формулировка вопроса не ясна респонденту, слишком сложна или слишком неопределенна).

⁵⁰ Braun M., P.Ph. Mohler. Background variables/ in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.

Многозначность терминов, использованных в вопросе, возможности для разной интерпретации вопроса. Например, понятие «родители» или «женат» или «свои дети» могут интерпретироваться респондентами по-разному и иметь разную семантическую область определения. «Родители» могут включать родителей супруга (а), приемных и родных родителей, исключать родителя, который ушел из семьи. «Женат» – чрезвычайно сложная социальная категория, которая может служить и показателем официального семейного статуса, зафиксированного в документах, а может выражать отношение человека к своим семейным обстоятельствам (в случае потери супруга люди иногда считают себя связанными брачными узами). Люди по-разному интерпретируют обряды и законы, регулирующие семейный статус. Например, помолвка или устное обещание жениться может интерпретироваться как заключение брака, длительное совместное проживание может служить основанием для определения отношений как брачных. Количество жизненных обстоятельств, которые необходимо учесть, когда имеешь дело с тысячами людей в опросе, столь же велико, как и возможностей различной интерпретации даже внешне «очевидных» понятий.

Многофакторность самого измеряемого понятия. Примером может служить измерение социально-профессионального статуса респондента. При внешней простоте задачи (нужно получить информацию о «профессии» респондента) уровень детализации, который требуется для оценки этого параметра, неочевиден ни респонденту, ни интервьюеру. Например, достаточно ли сказать «бухгалтер», или нужно уточнить специализацию «бухгалтер-аудитор», или управленческий статус внутри организации «главный бухгалтер» или «руководитель отдела бухгалтерского учета». Внешне довольно простой вопрос о профессии респондента требует разъяснительной инструкции по записи и кодированию конкретных случаев на десятке страниц.

Эффект «социального давления». Социальные нормы или представления респондентов о требованиях социальных норм могут оказывать влияние на то, какую информацию дает респондент о своем возрасте, семейном положении, политических взглядах и многом другом.

«Щепетильность» (высокая чувствительность, не комфортность) темы, нежелание открывать информацию, которая может противоречить официальной (доход, дополнительная работа, количество людей, проживающих в конкретном доме в случае требования официальной прописки или регистрации со стороны государства и управляющих жильем и т.п.).

Проблемы памяти или ограниченные знания. Например, бывает трудно учесть все виды доходов члену семьи, который не ведет все финансовые дела семьи или если в семье не принят общий учет доходов всех ее членов.

Культурные факторы могут оказывать влияние на предоставление информации о возрасте, количестве детей и другие социально-демографические показатели.

В результате всех этих факторов качество данных – надежность измерения, у разных контекстуальных показателей в разных странах может оказаться разной, что препятствует точности и надежности межстрановых сравнений.

Контекстуальные вопросы оказываются чрезвычайно сложными для точного измерения в опросах именно потому, что их задача описать конкретные обстоятельства жизни и характеристики индивидуальных респондентов, а таких обстоятельств бесконечное множество, количество «исключений» – огромно. Свести весь спектр жизненных возможностей и комбинаций к нескольким категориям зачастую оказывается очень непросто.

Проблема сравнимости контекстуальных переменных

Кроме проблем измерения контекстуальных параметров в сравнительных межстрановых вопросах стоит еще одна немаловажная задача – стандартизации формы измерения этих характеристик. Так как контекстуальные переменные описывают конкретные жизненные и социальные обстоятельства респондента или группы, к которой респондент принадлежит, то зависимость контекстуальных переменных от конкретного странового или даже регионального окружения очень велика. Большая часть таких переменных не может быть измерена с помощью одинакового инструмента во всех странах, для этого необходимо использовать способы измерения и категории для каждой конкретной страны. Например, такой показатель как доход чаще всего измеряется в национальной валюте, а если вопрос содержит категории ответов, то эти категории (интервалы, описывающие доход) строятся согласно распределению доходов в каждой конкретной стране. «Страновой» переменной является уровень и тип образования, так как до сегодняшнего дня системы образования в разных странах разные. Если же информация собирается с помощью разных для каждой страны инструментов измерения, то в сравнительном межстрановом исследовании встает задача гармонизации данных.

Для проведения такой гармонизации или стандартизации данных необходимо принять решение о том, на каком этапе исследования будет проводиться гармонизация – будет ли эта процедура проведена заранее, встроена в процесс создания инструмента для опроса (*ex ante harmonization*) или будет проведена уже после сбора эмпирической информации в разных странах на этапе обработки и представления данных (*ex post harmonization*). Возможностей для сравнения при таком подходе гораздо меньше, а ограничений гораздо больше, чем при первом подходе. Однако, если исследование заранее не было разработано как сравнительное, а задача сравнения встала на более позднем этапе работы с данными, этот путь единственно возможный.

Гармонизация на уровне разработки исследования может быть осуществлена таким образом, чтобы общие для всех стран концепции, понятия, показатели измерялись единообразным способом. Например, такой подход применяется к измерению возраста. Показатели измеряются в разных странах различным способом, наиболее подходящим для каждой страны, но заранее определяются способы приведения этих разных в каждой стране измерений к общему показателю. В этом случае заранее определяются процедуры, стандарты, требования, которые используются в каждой стране. Определяется метод, с помощью которого национальные данные будут преобразованы в форму, пригодную для международных сравнений. Такой метод гармонизации данных применяется во многих сравнительных межстрановых опросах для измерения образования, социально-профессионального статуса, дохода. Такой подход все чаще используют европейские статистические органы (например, такая процедура используется в исследовании EU-SILC)⁵¹.

В последние годы предпринимаются большие усилия по первичной гармонизации данных, которые будут использоваться в целях сравнения. Такая работа ведется Государственными Статистическими службами. Очень велика в этом процессе роль Евростата. В этом направлении двигаются различные международные организации при сборе статистической информации и при проведении опросов, инициированных такими организациями. В качестве примера можно привести базу Классификаций Евростата RAMON. В ней собраны данные о различных международных классификаторах – около 80 разных стандартов, списков, классификаций, которые используются в настоящее время или использовались раньше в предыдущие годы, как разработанные Евростатом, так и другими организациями в Европейском Сообществе.

---

⁵¹ *Granda P., C. Wolf and R. Hadorn. Harmonizing Survey data/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith T.W. New York: Wiley, 2010.*

Цель стандартизации данных стоит и перед Статкомитетом СНГ⁵².

В области опросов населения такая работа по стандартизации ведется в рамках отдельных межстрановых сравнительных проектов. Например, в ESS используются специальные процедуры гармонизации данных о социально-профессиональном статусе респондента, его партнера и родителей, данных об образовании, религиозной принадлежности, родном языке, национальности и доходе. Для разных параметров используются немного разные процедуры. Например, приверженность религиозной конфессии измеряется в каждой стране с использованием разных специфичных для страны категорий (конфессий), а затем гармонизируется на стадии совместной обработки данных. Однако правила фиксации конфессий, общий кодификатор, как и метод гармонизации данных каждой страны в общую переменную определяется заранее, до начала сбора данных. Доход также измеряется с помощью категорий, специфичных для каждой страны, однако гармонизация осуществляется на начальном этапе создания национальных анкет по общему принятому принципу – «правилу децилей» – каждая из 10 категорий доход включает доход примерно 10% населения страны.

Процедура **гармонизации** обычно состоит из нескольких шагов:

разработки определения понятия (иногда выработка международного стандарта такого определения);

установление единого стандарта измерения понятия – квалификации, методы агрегирования;

приведение национальных данных к установленному стандарту (если собранные данные это позволяют).

Во многих странах процесс стандартизации контекстуальных переменных (демографических и социально-экономических) начался еще в конце 70-х годов прошлого

---

⁵² Доклад Статкомитета СНГ «О состоянии работы по гармонизации классификаторов, используемых национальными статистическими службами государств-участников СНГ (на 01 августа 2014 года)» www.cisstat.com

века. Например, были разработаны различные стандарты и соответствующие им стандартные вопросы для измерения контекстуальных показателей в Германии. Однако в стандартной форме эти показатели измеряются лишь в небольшом количестве исследовательских проектов. В большинстве же стран и в большинстве опросов используются уникальные, самые разнообразные вопросы для измерения этих показателей.

*Возраст как контекстуальная переменная
в сравнительных опросах*

Возраст является одной из наиболее важных социально-демографических переменных в сравнительных и одностранных опросах. Он служит объясняющей переменной и учитывается в построении моделей для объяснения многих социальных явлений или процессов. Возраст не просто биологическая переменная, а важная социальная характеристика респондента. Возраст является показателем этапа «жизненного цикла», на котором находится респондент. По нему можно судить о том на какой стадии получения образования, освоения профессии находится респондент, о потенциальном положении на рынке труда, этапе в семейной жизни, очертить интересы и задачи, которые могут стоять перед индивидом на данном этапе жизненного цикла. Возраст характеризует стадию становления личности, пройденных этапов социализации, говорит о навыках и возможностях жизни в социуме, степени независимости в принятии решений (например, у подростков и взрослой молодежи она разная). Возраст говорит и о принадлежности человека к определенному «поколению», то есть является кумулятивным показателем особенностей социализации, исторического опыта, жизни в определенных социально-экономических и политических условиях (военное поколение, «шестидесятники», послереформенное поколение).

Возраст может служить как контекстуальной переменной для изучения других тем, так и самостоятельным предметом изучения. Существует ряд социальных про-

блем, требующих специализированного изучения возрастных особенностей поведения и сознания отдельных возрастных групп⁵³.

Кроме содержательного использования, переменная возраста в методологическом плане может служить показателем для проверки «качества» выборки и корректировки выборочных смещений с помощью процедуры «взвешивания» данных, построения демографического «веса».

Таким образом, возраст так часто используется в опросах из-за трех основных причин. Во-первых, большая наполненность социальными смыслами – немногие социальные показатели могут охарактеризовать и биологическое, и демографическое, и материальное, и семейное, и трудовое положение человека в обществе. Во-вторых, информация о возрастной структуре населения существует за долгий период времени почти во всех странах, где проводятся опросы, поэтому может использоваться и для демографического анализа, анализа социальной структуры, и для корректировки выборок. И в третьих, из-за простоты этого параметра – простоты для измерения и анализа.

Немногие социально-демографические переменные измеряются с помощью непрерывной или интервальной шкалы и подходят поэтому для включения в самые разные виды статистического анализа. Кажется, что измерить возраст в опросе легко – каждый респондент обладает этой информацией, часто ее использует и обычно готов ее предоставить. Однако простота эта во многом кажущаяся. Остановимся на этом подробнее.

Вариантов измерения возраста в опросах несколько. В частности, для этого используются такие вопросы:

Открытый вопрос «Сколько Вам лет?» или «Сколько Вам полных лет?» или «Сколько лет Вам исполнилось в последний день рожденья?»

---

⁵³ Гайдис В.А. Сравнительный анализ различных вариантов вопросов для получения информации об образовании респондента/ в кн. Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г. Андреевкова, О.М. Масловой, 1988.

Закрытый вопрос с ограниченным количеством категорий «К какой возрастной категории Вы относитесь?»

Закрытый вопрос с полным перечнем категорий «Сколько Вам лет? Выберите или отметьте среди перечисленных категорий»

Открытый вопрос «В каком году Вы родились?».

Ошибки измерения в вопросах о возрасте чаще всего связаны с проблемами **точности** указываемой респондентом информации («округление», намеренные ошибки, связанные с эффектом «социального давления», отсутствие у респондента знаний о том, какой уровень точности требуется в этом вопросе исследователю) и **проблемами пропущенных данных**. Именно эти две проблемы исследователи стараются решить, выбирая между разными формами (открытой или закрытой) и формулировками вопроса о возрасте.

Эффект возрастной аккумуляции – стремление людей округлять свой возраст – возникает при использовании открытого вопроса, требующего вычисления возраста. Этот эффект хорошо виден не только на данных опросов, но и в сплошных государственных исследованиях населения – переписях. Эффект округления проявляется в трех вариантах – годовое округление, округление кратное 5 и округление кратное 10. Годовое округление проявляется в том случае, если респонденты по разному интерпретируют понятие «возраст» – называют либо количество уже прожитых лет (достигнутый возраст), либо год жизни, который они проживают («50-ый год жизни»), либо используют разные правила округления – в зависимости от даты рождения округляют либо в меньшую, либо в большую сторону («скоро будет 40» – может значить 40 или 39). Эту проблему исследователи стараются решить с помощью уточнения формулировки вопроса – «полных лет» или «исполнилось в последний день рождения». Однако полностью избавиться от того, чтобы респондент называл тот возраст, который он считает «правильным»,

до конца не удается⁵⁴. Другой эффект аккумуляции проявляется на уровне цифр кратных пяти. Анализ большого количества разнообразных данных опросов и переписей показывает, что респонденты называют цифры, кратные пяти (оканчивающиеся на 0 или 5) чаще, чем другие цифры внутри этих интервалов. В результате непрерывная шкала превращается в шкалу интервальную, что имеет определенные последствия для применения разных статистических методов анализа данных. Эффект аккумуляции проявляется на цифрах кратных 10 даже больше, чем на цифрах кратных 5. Поэтому при агрегировании данных открытого вопроса в категории – возрастные интервалы, данные существенно искажаются – доля интервалов 30-34, 40-44 и т.д. завышена, а интервалов 35-39, 45-49 – занижена.

Частично проблему округления можно решить, если перейти от открытого на закрытый вопрос о вычисленном возрасте («Покажите сколько Вам лет на шкале от 0 до 100»). В этом случае респондент получает информацию от исследователя об уровне точности, которая требуется в данном вопросе. Опыт показывает, что при этом эффект возрастной аккумуляции существенно снижается. Однако сам вопрос обладает и рядом недостатков – необходимо использовать дополнительный визуальный стимул (карточки в личных опросах, либо при самозаполнении, но не в телефонном опросе), категорий очень много, поэтому вопрос выглядит для респондента сложным, порождает вместо систематических случайные ошибки, сам вопрос занимает много места в анкете и из-за своей внешней простоты кажется, что используемые для его измерения средства «избыточны».

При вычислении возраста важное значение имеет точка отсчета – время проведения исследования. Если опрос проводится в короткий промежуток времени, то различиями, возникающими из-за разницы во времени проведения опроса, при вычислении возраста можно пренебречь. Однако, если опрос проводится на протяжении несколь-

⁵⁴ Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.

ких месяцев (а это бывает как в академических исследованиях, так и в опросах с «непрерывным» циклом), этот фактор приходится учитывать. Ошибка измерения при вычисляемом возрасте возникает и в том случае, если респондент просто ошибается в вычислениях или вместо вычисления пользуется операцией «извлечение информации из памяти». При этом человек может считать, что ему «35», хотя само вычисление он сделал два года назад при заполнении каких-либо официальных документов. Не каждый респондент учитывает, что возраст в отличие от многих других социально-демографических параметров – характеристика постоянно изменяющаяся, и ее требуется вычислять в каждый конкретный момент времени заново.

Если задача состоит лишь в фиксации возрастной позиции респондентов относительно друг друга, то такой неточностью измерения можно пренебречь. Однако, если предметом изучения являются возрастные изменения, жизненный цикл, проблемы брачности, рождаемости, старения и т.п., то такая точность измерения возраста может быть недостаточна.

По мнению некоторых исследователей более точные результаты о возрасте дает **вопрос о годе рождения**, чем открытый вопрос о количестве прожитых лет. В этом случае не требуется операция вычисления и проблема с округлением или другими особенностями вычислений не возникает, от респондента требуется только «извлечь информацию из памяти». Однако здесь мы сталкиваемся с другой проблемой – увеличением количества пропущенных данных. Пропущенные данные о возрасте появляются в том случае, если респондент отказался назвать свой точный год рождения. В некоторых странах и группах населения это происходит из-за опасения, что год рождения может служить идентификационной информацией, нарушающей анонимность опроса, или дающей повод ее неправомерного использования. Отказ от предоставления информации о годе рождения может произойти и из-за проблем с памятью (что чаще случается в старших возрастных группах), отсутствия знаний у респондента – нет документальных подтверждений о формальной дате рождения, расхождения формально-зафиксированной и

реальной даты рождения. Особенно часто это случается в старших поколениях – в более ранние периоды дата рождения могла фиксироваться не столько точно, иногда информация утеряна или неизвестна из-за природных катастроф, войн, изменений законодательства, отсутствия свидетелей и источников информации – родителей, родственников и т.п. Исторические обстоятельства в каждой стране в этом отношении разные, что приводит к различиям в измерении этого показателя.

Все описанные ошибки возникают и в том случае, если источником информации о возрасте является сам человек, или если таким источником является другой информант (в случае опроса на уровне домохозяйства, когда информация собирается о каждом члене семьи, но источником информации может служить один член семьи). В последнем случае количество ошибок во много раз увеличивается.

Необходимость решать проблемы с точностью измерения такого демографического параметра как возраст приводит к тому, что поиски наилучших способов измерения ведутся не только в рамках выборочных опросов населения, но и в государственных Переписях. Например, в Советском Союзе в Переписях населения до 1970 года фиксировалось число исполнивших каждому члену семьи лет. Однако в Инструкции по регистрации возраста 1939 года, которая действовала и для дальнейших переписей, переписчику требовалось записывать возраст, лишь дополнительно спросив точную дату рождения и удостоверившись, что обследуемый «округлил» свой возраст. С 1970 года было сделано большое изменение в методе измерения возраста населения – с этого времени фиксировалась дата рождения.

Таким образом, достоинствами открытого вопроса о вычисленном достигнутом возрасте является его привычность для респондента, простота обработки данных, возможность получения погодичного распределения. Измерение через дату рождения помогает снизить или даже полностью избавиться от эффекта возрастной аккумуляции, возрастает точность измерения, появляется возможность применять эти данные в самых разных

типах статистического анализа. Однако увеличивается количество пропущенных данных, при обработке возникает необходимость учета времени проведения опроса, если общее время опроса велико.

И проблема неточности данных из-за эффекта округления, и проблема пропущенных данных во многом решается, если использовать **закрытый вопрос с ограниченным количеством категорий** (возрастные интервалы). Однако при сравнительном анализе таких данных возникает проблема периодизации жизненного цикла, гармонизации социального значения возрастов в разных социально-культурных и экономических условиях.

Даже если такое преобразование возрастной переменной в интервалы не используется на уровне сбора эмпирических данных, оно часто происходит на уровне анализа, если возраст включается в анализ не как контекстуальная переменная, а как содержательная и требуется содержательная интерпретация возрастных интервалов.

Одну из периодизаций жизненного цикла, которую возможно использовать в сравнительном анализе, предложил советский демограф Б. Урланис. Его периодизация основана на определении участия человека в общественном труде.

Дорабочий возраст

До трех лет

Детсадовский возраст (3-6 лет)

Школьный возраст (7-15 лет)

Рабочий период

Юность (16-24 года)

Зрелость (25-44)

Поздняя зрелость (45-59 лет)

Послерабочий период

Пожилой возраст (60-69 лет)

Ранняя старость (70-79 лет)

Глубокая старость (80 и более лет).

Другой подход – определение фаз жизненного цикла И. Алана⁵⁵, который показан в Схеме ниже.

Схема 4.7. Возрастные группы и их социальные роли

ВОЗРАСТНАЯ ГРУППА	СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ВОЗРАСТНОГО ПЕРИОДА
Ранний подростковый возраст 11-15 лет	Формирование социальных ценностей
Поздний подростковый возраст 15-21 год	Формирование эмоциональных отношений между полами, получение независимости от родителей, приобретение юридических и социальных прав и обязанностей
Ранняя зрелость 21-25 лет	Усвоение ролей взрослого человека, экономическая и социальная самостоятельность, вступление в брак
Средняя зрелость 25-40 лет	Выполнение социальных, семейных и профессиональных ролей, рост материального благополучия
Поздняя зрелость 40-55 лет	Достижение максимального социального и профессионального статуса. Самостоятельность детей.
Пожилой возраст 55-65 лет	Отход от выполнения многих социальных обязанностей и нагрузок. Изменение физического состояния и возможностей
Старость 65 лет и старше	Спад активности, начало периода «зависимости» от других людей и социальной помощи.

Можно предложить и другие схемы периодизации жизненного цикла и метода разделения возрастов на интервалы, а также разработать свою схему, которая подходила бы к задачам конкретного исследования. Однако в любом случае создание таких интервалов будет являться задачей и эмпирической, и теоретической. Иногда, чтобы избежать концептуальных сложностей в построении интервальной шкалы возрастов в сравнительных опросах и в односторонних исследованиях, используются формальные методы объединения возрастов в группы – обычно по пяти или десятилетним интервалам (например, 15-19,

⁵⁵ Alan J. Sociologiska interpretace veku. Sociologia, 1977, N 1.

20-24, 25-29, 30-34, 35-39, 40-44 и т.п. или 15-24, 25-34, 35-44 и т.п.). Для содержательного сравнения категорий возраста в разных странах тем не менее необходимо учитывать различия между странами в определении возрастных границ перехода от одного жизненного цикла к другому, а они в настоящее время очень велики. Поэтому дополнительный анализ и пострановая гармонизация определения соотношения возрастных категорий и категорий жизненного цикла требуется в любом случае.

*Измерение уровня образования населения
в сравнительных межстрановых исследованиях*

Образование – одна из наиболее часто используемых социально-демографических характеристик населения в опросах всех типов. Несмотря на широкую используемость и внешнюю простоту этой характеристики, дебаты о построении надежного измерения образования в одно-страновых исследованиях (особенно в лонгитюдных) или в сравнительных межстрановых исследованиях ведутся уже не первое десятилетие, практические достижения пока довольно ограничены, многие проблемы остаются нерешенными.

Образование – сложная социальная характеристика, которая может выступать одним из показателей социального статуса или как показатель знаний – профессиональных и общеобразовательных, усвоенной культуры, социальной адаптированности. Как показатель социального статуса образование связано с экономическим положением и статусом в обществе напрямую и опосредованно – через профессию и положение в профессиональной иерархии. Образование может рассматриваться как показатель уровня профессиональных и социальных навыков, предпосылкой для достижения определенного профессионального уровня, ступенью к определенному положению на лестнице социального престижа. Во всех странах образование служит одним из путей (иногда основным, иногда второстепенным) для получения более высокооплачиваемой или более престижной работы.

Образование – один из самых прямых способов измерения «человеческого капитала» – уровня знаний, навыков и компетенций человека. Если в исследовании не планируется или не могут применяться более сложные тесты на знания и компетенции, например, Тест на грамотность и т.п., то уровень образования используется как приблизительная оценка уровня знаний. Получение официального подтверждения о достигнутом уровне образования с помощью прохождения экзаменов, получения сертификатов, аттестатов – важный инструмент социального и профессионального отбора, формальное подтверждение успехов человека. В некоторых культурах и социальных группах образование – важный фактор при образовании семейных союзов, установления социальных связей и продвижении на рынке труда. Во многих обществах образовательные институты являются ключевыми агентами социализации – под их влиянием складываются представления о нормах, традициях, ценностях, укладе жизни, они помогают определить социальные роли и символы, используемые в социальной жизни. Поэтому более длительный срок обучения косвенно говорит о социальной адаптированности личности.

Трудность измерения образования в сравнительных опросах связана как со сложностью концептуального определения этого понятия в разных научных школах и в разных отраслях социологического знания, так и с тем, что система **образования развивается в каждой стране специфическим** для этой страны образом, и **развитие это происходит непрерывно**. Поэтому в выборку населения, на которой строится любой опрос, попадут люди, которые прошли и были включены в разные системы образования. При подготовке анкеты для национального опроса необходимо учесть не только характеристики системы образования в период проведения опроса, но и учесть особенности системы образования за последние 50-60 лет.

Практически невозможно разработать такой инструмент для измерения уровня и типа образования, который можно было бы применить во всех странах, который правильно отражал бы систему образования в каждой стране

и был бы понятен всем респондентам. А. Пржеворский и Г. Тьюни писали, что «*прямое измерение возможно только в том случае, если язык измерения является общим для всех участников исследования, и правильно отражает отношения между исследуемыми феноменами, а также может быть применен систематическим образом*»⁵⁶. В отношении образования такого «общего языка» между странами и даже между поколениями внутри одной страны нет.

Задача измерения образования в сравнительных опросах может рассматриваться в двух аспектах – как **измерение уровня образования** (количественный аспект) и **измерение квалификации** (глубина, качественный аспект). Насколько детально требуется описание образования каждого респондента зависит от целей исследования и того анализа, который планируется применять для полученных данных.

В общеполитических опросах, опросах о политическом и избирательном поведении, жизненных ценностях основным в измерении образования является количественный аспект. Он косвенно показывает общий уровень культуры, социализированность, включенность в социо-экономическую среду, способность к получению и распознаванию информации, общий запас знаний, на котором строится дальнейшее восприятие мира и текущих событий. При проведении более специализированных исследований – изучении проблем труда и занятости, социальной структуры, социальной и профессиональной мобильности и т.п. качественный аспект образования – профессиональные знания и навыки – столь же важен.

Долгое время в сравнительных межстрановых опросах образование считалось хотя и важной социально-демографической переменной и включалось практически во все исследования, но особой работы по эквивалентному измерению этого показателя не проводилось. Образование измерялось с помощью тех вопросов и категорий, которые «обычно» использовались в национальных вопросах в каждой стране, то есть определялись как «на-

⁵⁶ Przeworski A., H. Teune. The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: Wiley, 1970, стр. 96.

ционально-специфичные», размещались в базах данных сравнительных исследований как «особые национальные вопросы», а гармонизация этих данных оставлялась на усмотрение исследователей, занимающихся анализом данных. Иногда проводилась пост-гармонизация этого показателя в несколько широких категорий.

Во многом такая ситуация складывалась потому, что за внешней схожестью систем образования в современном мире, внутренние различия очень велики. Для разработки эквивалентных категорий образования, которые могли бы использоваться в разных странах, или создания системы гармонизации этих данных, необходимо проделать довольно большую работу с привлечением специалистов по национальным системам образования и методологии опросов. Для разработки таких категорий необходимо учесть:

цели проводимого исследования;

концептуально определить образование и его роль в дальнейшем анализе данных;

проанализировать большое количество сведений о состоянии системы образования в странах, включенных в исследование – историю, основные реформы и изменения, категории, используемые национальной статистической службой;

сформулировать категории так, чтобы они были понятны людям разных поколений, и чтобы каждый мог соотнести свое образование с предлагаемыми категориями.

Такой путь нельзя пройти сразу. Однако если его не пройти, то будет сделано много ошибок, которые на поздних стадиях анализа сравнительных данных исправить трудно, если вообще возможно.

В качестве примера приведем ситуацию, сложившуюся в ESS при проведении первых четырех волн. Как и в случаях, описанных выше, образование в ESS измерялось на уровне каждой страны отдельно. В совместную базу данных включались отдельные переменные образования для каждой страны в национальных категориях, а методом пост-гармонизация создавалась общая перемен-

ная «уровень образования». В Таблице 4.8 показан результат именно этой «общей» переменной после гармонизации для ряда стран. При анализе данных в Таблице может показаться, что уровень образования населения в странах Европы очень сильно отличается. Наименее «образованной», судя по этим результатам, являются Испания и Португалия – 15% и 13% населения этих стран соответственно имеют «незаконченное начальное образование». В Словакии, например, таких респондентов не оказалось вообще. В Австрии и Польше почти нет людей с высшим образованием. Более глубокий анализ показал, что такие различия возникли в основном из-за проблем с гармонизацией. Например, высшее образование (специалист, по традиционной советской одноступенчатой системе высшего образования), было отнесено во время международной гармонизации данных к 1 ступени высшего образования (уровень бакалавра). А во вторую ступень попали лишь люди с научной степенью. В системах со сложной структурой профессионального образования на базе полного среднего они были отнесены к «полному среднему» (как, например, в Германии), а в России эта категория людей со «средним специальным образованием» была включена в категорию «после среднего, но не высшее». Определение «начального образования» также по-разному было применено к Австрии и Бельгии и, например, к Болгарии и Швейцарии. В результате в столь известном и уважаемом академическом сравнительном проекте были получены полностью неэквивалентные измерения образования в гармонизированной переменной. Для анализа этих данных необходимо вернуться к национальным переменным образования и каждому исследователю искать свои пути их сравнения (см. Таблицу 4.8).

В других крупных сравнительных исследованиях ситуация с измерением образования складывается не лучше. Например, во Всемирном исследовании ценностей, даже если рассматривать только страны бывшего СССР с очень сходными системами образования, отнесение образования к ряду категорий выглядит очень проблематично. Интерпретация «начального образования» как и в ESS отличается от страны к стране (например, если сравнить

данные Азербайджана, Армении и Беларуси), незаконченного среднего образования в Литве, среднего профессионального в Грузии или Армении (см. Таблицу 4.9).

Таблица 4.8. Измерение образования в ESS
(сведения национальных категорий в международные),
волна 3, включены только некоторые страны
(% от всех опрошенных в каждой стране)

	Незаконченное начальное образование	Законченное начальное или неполное среднее (первая ступень среднего)	Неполное среднее (вторая ступень среднего)	Полное среднее (третья ступень среднего)	После среднего, но не высшее	Высшее – первая ступень	Высшее – вторая ступень
Австрия	1	22	41	21	8	7	
Бельгия	1	25	10	11	26	27	0
Болгария	2	5	25	47	6	14	
Швейцария	1	6	13	53	4	21	2
Германия		1	12	49	10	27	1
Эстония	0	4	22	39	14	18	3
Испания	15	20	26	20	1	16	1
Финляндия	4	17	14	35		28	2
Франция	8	11	30	7	18	12	14
Великобритания		1	47	13	10	29	1
Норвегия	1		18	35	10	35	1
Польша	3	20	34	28	4	3	8
Португалия	13	47	15	16		9	1
Россия	0	7	13	28	28	23	1
Швеция	2	11	18	35		32	2
Словакия		2	19	64	3	11	1
Украина	3	8	9	27	35	3	15

Таблица 4.9. Измерение образования в WVS волна 3
(% от всех опрошенных в каждой стране)

	1. Незаконченное начальное образование	2. Законченное начальное образование	3. Незаконченное среднее образование	4. Законченное среднее образование	5. Незаконченное среднее или среднее проф.	6. Законченное среднее или среднее проф.	7. Незаконченное высшее или высшее первой ступени	8. Законченное высшее
Азербайджан	1.2	1.2	3.1	33.8	5.2	23.5	3.2	28.7
Армения	0.8	3.4	4.3	22.8	6.6	41.4	2.6	18.3
Беларусь	4.0	11.8	5.6	33.7	5.1	18.1	2.3	19.3
Эстония	1.8	13.9	5.5	35.0	2.2	19.9	3.1	18.7
Грузия	0.5	7.6	6.6	20.8	4.3	39.6	2.8	17.8
Латвия	0.6	5.8	5.3	36.8	2.8	18.2	7.8	23.0
Литва	3.7	8.2	10.7	31.4	5.5	18.9	4.4	17.2
Молдавия	8.4	12.4	6.3	26.7	10.7	22.6	1.6	11.2
Россия	4.1	12.6	3.9	31.8	6.8	19.8	2.9	18.1
Украина	3.5	9.9	6.2	35.7	4.3	19.0	2.5	18.8

Отличия данных опросов от данных официальной статистики в некоторых странах также значительны. Особенно велики эти различия в средних категориях между начальным и высшим образованием.

Другой источник ошибки измерения показателя образования – ошибки самого респондента или интервьюера. На примере этих же данных WVS видно, что если соотносить возраст респондента и уровень образования, то в данных каждой страны были случаи, когда респонденты, не достигшие 20-летнего возраста, оценили свой уровень образования как высшее образование второй ступени. Однако для его получения во всех этих странах необхо-

димо получить полное среднее образование (в среднем 11 лет обучения) и пройти еще минимум 5-летний курс обучения в высшей школе. Такие ошибки составили от 0,5% до 7% опрошенных.

Источником проблем в сравнимости уровня образования населения между странами по данным опросов могут стать:

Реальные различия в образовательном уровне населения.

Проблемы измерения уровня образования в конкретных странах (поколения, правильное соотнесение).

Выборочные смещения.

Проблемы сопоставления категорий образования между странами – процесс гармонизации.

Оставим пока в стороне проблемы выборки, о которых мы будем говорить в следующей Главе, и остановимся лишь на проблемах, которые являются ошибками измерения. Опыт показывает, что при измерении уровня и типа образования такие ошибки во многих сравнительных исследованиях очень велики.

Проанализировав большое количество различных национальных опросов, мы видим, что проблемы при измерении уровня образования чаще всего возникают на уровне определения **ступеней средней общеобразовательной школы** («начальная», «средняя», которая заканчивается аттестатом о «незаконченном среднем образовании» и полная средняя или «высшая» средняя в разных странах – последние годы обучения в общеобразовательной школе). Большие трудности связаны с категориями, которые находятся на этапе **перехода и соприкосновения общего среднего образования и профессионального** – начального и среднего. По-разному интерпретируется и респондентами, и исследователями статус дополнительного или неоконченного образования (только полный курс сертифицированного образования, но не курсы).

Кроме проблем с категоризацией шкалы образования, необходимо учитывать и возможный эффект «социально

одобряемого поведения», который по-разному проявляется в разных культурах и в разных поколениях.

Проблемы с определением своего уровня образования для респондента могут возникать из-за целого ряда причин:

недостаточно полно или четко сформулированные категории;

использование категорий, которые не соотносятся с тем, как обычно респондент определяет свой уровень образования (государственные, официальные бумаги, при приеме на работу);

изменения в восприятии уровня образования как низкого, среднего или высокого. Со временем содержательное наполнение каждого уровня может меняться, если меняется размер группы, имеющей данный уровень образования. Например, в послевоенные годы среднее профессиональное образование было не очень распространено в российском обществе, поэтому его уровень считался довольно высоким. На сегодняшний день такой уровень образования определяется как средний или даже низкий.

Измерение образования в сравнительных межстрановых исследованиях

Для того, чтобы избежать подобных проблем и ошибок, нужно более детально разобраться с тем, что реально измеряется или хотелось бы измерить с помощью вопроса об образовании.

Хотя мы получаем информацию об образовании в ходе опроса от самого респондента, этот показатель не является субъективным. Нечасто исследователь старается измерить как респондент воспринимает уровень своего образования, а хочет получить «объективную» информацию о том, какое образование он получил. Мы в данном случае говорим о формальном образовании, а не о субъективной оценке уровня своего образования.

При измерении образования необходимо определить будем ли мы измерять образование, полученное в резуль-

тате полного курса образовательной программы какого-либо типа или уровня, подтвержденное официальным документом (аттестатом, дипломом, свидетельством) и которое выстраивается обычно в вертикальную систему (от низшего уровня к высшему), или мы хотим изучить полную историю получения образования и узнать о всех программах обучения, независимо от ее окончания и официального подтверждения (и вертикальная, и горизонтальная система).

Чаще в опросах измеряется **достигнутый уровень образования**, так как он легче поддается формальному определению, что очень важно для эквивалентности результатов, именно так воспринимается образование на рынке труда. Уровень и типы образования, а также срок, который требуется для получения образования разного уровня, зависит от структуры системы образования в конкретной стране. Поэтому различия между странами (а иногда и внутри страны на протяжении времени) могут быть очень велики.

Вопросы, которые используются для измерения уровня образования в сравнительных исследованиях.

А) Количество лет, которые потрачены на образование

Измерение реального или «теоретического» (виртуального) количества лет, потраченных на получение формального образования, образовательный опыт. «Теоретическое» количество лет – это время, которое обычно требуется для получения определенного уровня образования. Такой способ измерения используется на основании предположений, что, во-первых, *«чем больше времени человек проводит в системе образования, тем больше навыков или знаний он приобретает и тем лучше социализируется прямым или косвенным образом»*, и, во-вторых, что *«все типы навыков и знаний имеют одинаковую ценность»*⁵⁷.

Достоинство этого метода заключается в том, что измерение проводится на интервальном уровне, и такую

⁵⁷ Braun M., W. Müller. Measurement of Education in Comparative Research // Comparative Social Research, 16, 1997.

переменную можно использоваться в разного рода статистических моделях. Однако такой подход учитывает только количественные различия в уровне образования, но не качественные. В целом предполагается, что «качество» образования (его уровень) линейно связано с количеством лет образования – тот, что получал образование дольше, более «образован», хотя это не всегда так.

Ограничение использования этого вопроса для сравнительных исследований состоит в том, что количество лет, которые отведены на освоение образовательных программ в разных странах может быть разным. В странах, где уровни образования организованы в строгой иерархии, например, в США, годы обучения могут служить очень хорошим показателем уровня образования. В этой системе после окончания обязательной школьной программы люди решают либо продолжить образование, либо выйти на рынок труда. В Европе система представляет собой более сложное сочетание горизонтальных и вертикальных уровней образования, там возможны несколько параллельных путей, лишь отчасти фиксированных сроком⁵⁸. Поэтому в Европе время обучения может служить только одним из показателей уровня образования. Примерно такая же ситуация в странах бывшего СССР. Если в последние десятилетия система образования приобретала все более иерархический характер (полная средняя школа – институт или неполное среднее образование – ПТУ), то на более ранних этапах более длинный период обучения был связан с более сложной структурой перехода от одного уровня образования к другому (через вечерние школы, ФЗО, к ПТУ, потом техникуму и лишь потом к вузу).

Б) Уровень образования, измеряемый с помощью ограниченного числа закрытых категорий. Другим способом измерения уровня образования является отнесение образования респондента к какой-либо заранее определенной категории. Категории обычно опи-

---

⁵⁸ См. например: *Braun M., W. Müller. Measurement of Education in Comparative Research // Comparative Social Research, 16, 1997.*

сываются через учебное заведение или тип образования, которое дает это заведения, а также возможности доступа к следующему уровню, которые этот тип образования открывает.

Это наиболее распространенный способ измерения образования. Однако для создания категорий необходим учет большого количества факторов в каждой стране, и концептуальная и методологическая разработка схемы эквивалентных образовательных категорий.

За последние десятилетия было разработано несколько таких схем. Среди них Схема CASMIN, которая была разработана в проекте «Сравнительный анализ социальной мобильности в индустриальных странах» в 1970-х годах и Международная Стандартная Классификация Образования 1997 гг. (ISCED-97)⁵⁹. Обе классификации нацелены на то, чтобы создать схему, в которую можно «перевести» национальные классификации образования.

Остановимся на них более подробно.

Одна из наиболее часто используемых классификаций для сравнения данных об уровне образования – **Международная стандартная классификация Образования**⁶⁰. Эта многоцелевая классификация для гармонизации образовательных систем разных стран для получения международных данных об уровне и типе образования была разработана в рамках ЮНЕСКО в 1970-х годах. В 1997 году классификатор был пересмотрен и сегодня исследователи чаще всего работают с версией **ISCED-97**. Чаще всего эта классификация используется органами государственной статистики, а также в больших сравнительных проектах.

В основе классификации лежат четыре критерия:

содержание образовательной программы (выраженное через требования минимальной предыдущей квалификации)

обычный возраст начала программы

⁵⁹ UNESCO, 2006 [1997], 1999; OECD, 1999.

⁶⁰ На русском языке официальная версия <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/isced-2011-ru.pdf>

тип диплома

квалификация преподавания

срок обучения.

По этой классификации выделяются 7 уровней образования:

Уровень 0. Дошкольное образование

Уровень 1. Начальное образование (обычно первые шесть лет школьного образования)

Уровень 2. Базовое среднее (обычно в конце полного цикла обязательного школьного образования около 9 классов школы)

Уровень 3. Полное (высшее) общее среднее образование, которое дает возможность получать высшее образование или среднее профессиональное образование.

Уровень 4. Средний уровень образования после общего среднего, но до высшего (образовательные программы, которые устанавливают границу между уровнем 3 и уровнем 5).

Уровень 5. Первый этап высшего образования (программа университета, но до поступления в аспирантуру и получения научной степени)

Уровень 6. Второй этап высшего (ведет к получению научной степени).

На основе того какие возможности для дальнейшего обучения дает определенный уровень, классификация строится следующим образом: на уровнях 2, 3, 4 и 5 делаются различия между программами, которые открывают доступ к следующему уровню академического образования (А); следующему профессиональному образованию (А и В); только на рынок труда или другим программам того же уровня (С).

По сроку обучения программы делятся на: короткие программы (до 3 лет), средней длины (3-4 года или привязанные к степени бакалавра) и длительные (4 года и дольше, связанные с получением степени магистра).

Другой вариант классификации уровней образования для международных сравнений – **схема CASMIN**. В этой схеме «образовательные уровни определяются в зависимости от того, какой отборочный эффект они производят». Таким образом достигается функциональная эквивалентность этой классификации для целей международных сравнений.

«Отборочный эффект» показывает:

демаркацию обычных классовых барьеров в образовательной системе;

определенные сигналы от образовательной системы работодателям о возможностях использования человека с определенной квалификацией на рынке труда.

Данная схема представляет собой иерархически структурированный способ измерения сертификатов об образовании по двум основаниям – общее образование и профессиональная квалификация. В ней средний уровень образования разделяется на три группы, а высшее образование на две подкатегории – профессионально-ориентированное высшее образование и академическое (см. *Схему 4.8*).

Еще одним вариантом сравнительного измерения образования является **Образовательная матрица Хоффмейера-Злотника (The Hoffmeyer-Zlotnik/Warner Matrix of Education)**. Она основана на данных об уровне образования и шкалы престижа профессий в конкретном обществе как результат взаимодействия системы образования и профессиональной деятельности. Матрица состоит из двух осей – «общее образование» и «профессиональное образование», включая высшее. Все уровни образования в конкретной стране ранжируются от «нуля» (не удалось получить даже начального школьного образования) до 10 (университетское образование).

Сравнительные данные об образовании не могут быть более высокого качества, чем данные национальных классификаций, на которых они основаны. Важно чтобы разные национальные системы можно было одинаково хорошо перевести в международную. Обычно в междуна-

**Схема 4.8. Формирование категорий
уровня образования по системе КАСМИН**

Уровень образования		КАС-МИН	Описание
Высшее	Высшая ступень	3b	Последняя ступень высшего образования: законченное университетское образование
	Первая ступень	3a	Первая ступень высшего образования: диплом об окончании первой ступени высшего образования, базовый уровень высшего профессионального образования
Среднее	Последняя ступень	2c_voc	Последняя ступень среднего образования с профессиональным уклоном Диплом, включая профессиональное образование
		2c_gen	Высокая ступень среднего образования, диплом
	Промежуточная ступень	2a_voc	Промежуточное профессиональное образование или программа среднего образования вместе с профессиональным
		2b_gen	Промежуточное среднее
		Первая ступень	1c_voc
1b_gen	Общее базовое образование (совпадает с требованиями об обязательном уровне образования)		
Начальное		1a	Незаконченное общее образование (совпадает с требованиями об обязательном уровне образования)

родных классификациях категорий меньше, чем в национальных⁶¹. Одной из наиболее часто обсуждаемых проблем при использовании международных классифика-

⁶¹ Kerckhoff A.C., E.D. Ezell and J.S. Brown. Toward an Improved Measure of Educational Attainment in social Stratification Research // Social Science Research 31 (1), 2002.

торов образования является отнесение прерванного, незаконченного образования к какой-либо определенной категории. В международных классификаторах эта проблема вообще не учитывается. В некоторых национальных системах, например, в России, распространенные категории, такие, например, как «незаконченное высшее образование» выносятся к отдельную категорию и доля людей, которые попадают в такую категорию, довольно высока (3-4%). Эта проблема стоит и в других странах. Например, во Франции доля таких людей (на уровне бакалавриата или среднего профессионального образования) довольно высока. «Образовательная история» также может быть важным элементом анализа и сравнения уровня образования⁶². Эту проблему нужно решать единообразно во всех странах. Одним из вариантов является отнесение незаконченного образования либо в предыдущую, либо в последующую категорию. Тогда эта категория становится внутренне гетерогенной, так как туда включаются люди с образованием разного типа.

Системы образования и измерение уровня образования в опросах

Для разработки образовательных категорий для включения в опрос нужно сначала проанализировать систему образования каждой страны, рассмотрев несколько ключевых вопросов, по которым системы образования обычно отличаются от страны к стране:

Статус дошкольного образования – входит ли оно в систему обязательного образования или является добровольным

Возраст начала получения формального обязательного образования (вступления в образовательную систему)

Возраст перехода от начального к среднему образованию

---

⁶² Brauns H., S. Steinmann. Educational Reform in France, West-Germany, the United Kingdom and Hungary. Updating the CASMIN educational Classification // ZUMA Nachrichten, 44(23), 1999.

Возраст, в котором заканчиваются определенные ступени среднего образования

Формы организации незаконченного среднего образования (один или более типов школ)

Различия между средним и высшим уровнем среднего образования (разделение системы на уровни)

Существование возможностей повторного прохождения курса обучения (это отражается на измерении образования методом подсчета лет, проведенных в системе образования)

Система профессионального образования.

Существующие в Европе системы образования можно условно разделить на четыре типа:⁶³

Первый тип. Начальное и среднее школьное образование интегрированы в одну систему школьного образования. Институционально отделено только образование третьего уровня. Старшая средняя школа включает в себя и один из типов профессионального образования (пример – Скандинавские страны).

Второй тип. Начальное и базовое среднее образование интегрированы в одну систему школьного образования. Однако старшее среднее образование и образование третьего уровня четко разделены, таким образом, доступ к этому образованию более трудный. Дошкольное образование не является обязательным (тем не менее в некоторых странах практически все им пользуются, например, во Франции – 99,9%). В начальной школе обучение довольно длительное (5 лет). Профессиональное образование осуществляется в большом количестве разнотипных образовательных институтов – колледжах, специализированных вузах и вузах общего типа. Такая система существует в большинстве стран Западной и Южной Европы.

⁶³ Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P., U. Warner. How to survey education for cross-national comparisons: The Hoffmeyer-Zlotnik/Warner Matrix of Education // Metodološki zvezki, 4, 2007.

Третий тип. Четкое отличие третьей ступени обучения от старшей средней школы. Однако переход от среднего к старшим классам средней школы легкий. Длительный срок обучения в начальной школе (6 лет). Среднее образование можно получить лишь в школах нескольких типов. Третью ступень образования можно получить в академических профессиональных школах или университетах. Такая система существует лишь в нескольких странах Европы, в частности, в Люксембурге и Австрии.

Четвертый тип. Четкое разделение средних классов школы, старшей средней школы и третьей ступени образования. Курс начальной школы относительно короткий (4 года), средние классы дифференцированы между тремя и более разными типами школ. Старшая средняя школа организована как один тип общей школы, однако дифференциация происходит внутри по большому количеству параллельных направлений образования. Уровень высшего образования включает профессиональные колледжи, прикладные и академические колледжи и университеты. Такая система существует в странах Центральной Европы (например, Чехии, Германии, Нидерландах).

Измерение образования в ESS

В ESS образование в каждой стране измеряется с помощью разных категорий, разработанных для этой страны. Затем на этапе обработки данных эти категории перекодируются в международную систему ISCED. Однако по результатам первых четырех волн ESS были выявлены существенные проблемы с пост-гармонизацией данных из разных стран (показано в начале этой главы). Такие проблемы характерны не только для ESS, но и для многих других сравнительных проектов на основе опросов, в которых используется такая же схема – независимо созданные национальные категории и пост-гармонизация на последнем этапе.

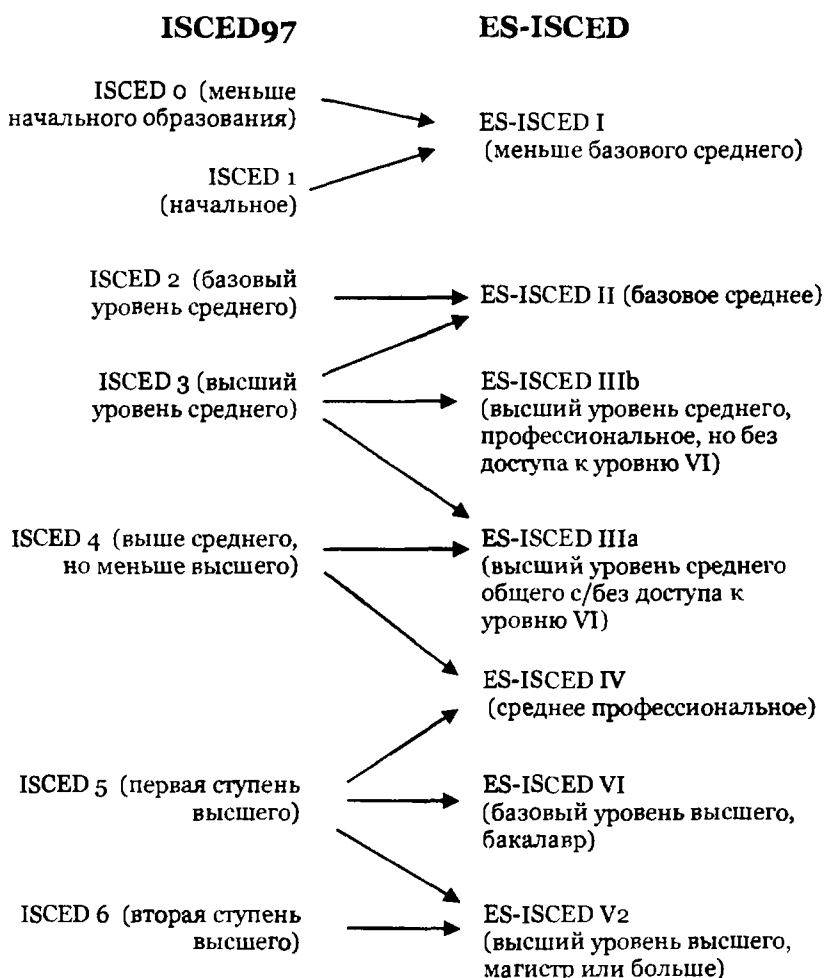
После обсуждения возникших проблем подход к измерению образования в ESS был изменен. В целом каждая страна продолжает использовать свои национальные категории образования, но процесс гармонизации национальных категорий и международного классификатора образования был проведен на первом этапе до начала сбора данных. При этом гармонизация проводилась совместно экспертами в каждой стране и международной группой специалистов по образованию. Дополнительно была разработана новая Международная классификация образования. Основу ее опять же составил ISCED, но она была специально доработана и теперь носит название ES-ESCED (см. Схему 4.9).

Схема ISCED97, которая использовалась в ESS для кодирования образования в международные категории в волне 1-4.

- 0 – Менее начального
- 1 – Начальное
- 2 – Начальное среднее
- 3 – Высшее среднее
- 4 – После среднего не профессиональное
- 5 – Первый этап профессионального
- 6 – Второй этап профессионального

Само образование в ESS определено как наивысший уровень образования, успешно законченный респондентом с получением формального сертификата об окончании (присвоение квалификации, диплома, степени – официальные документы, которые подтверждают, что человек достиг определенного уровня в курсе обучения). Образование в данном случае определяется и понимается только как формальное образование, признанное компетентными органами власти, такими как Министерство образования или организации работодателей в стране. В образовательных программах, которые не выдают сертификат об окончании (например, уровень 1 ISCED), относится тот, кто прошел полную программу от начала до конца (можно с перерывами). Это же определение используется в исследовании Евростата EU LFS. Такой аспект как «образованность» или качество образования в данном случае не учитываются.

**Схема 4.9. Соотношение ISCED97 и ES-ISCED
(используемой в ESS начиная с волны 5)**

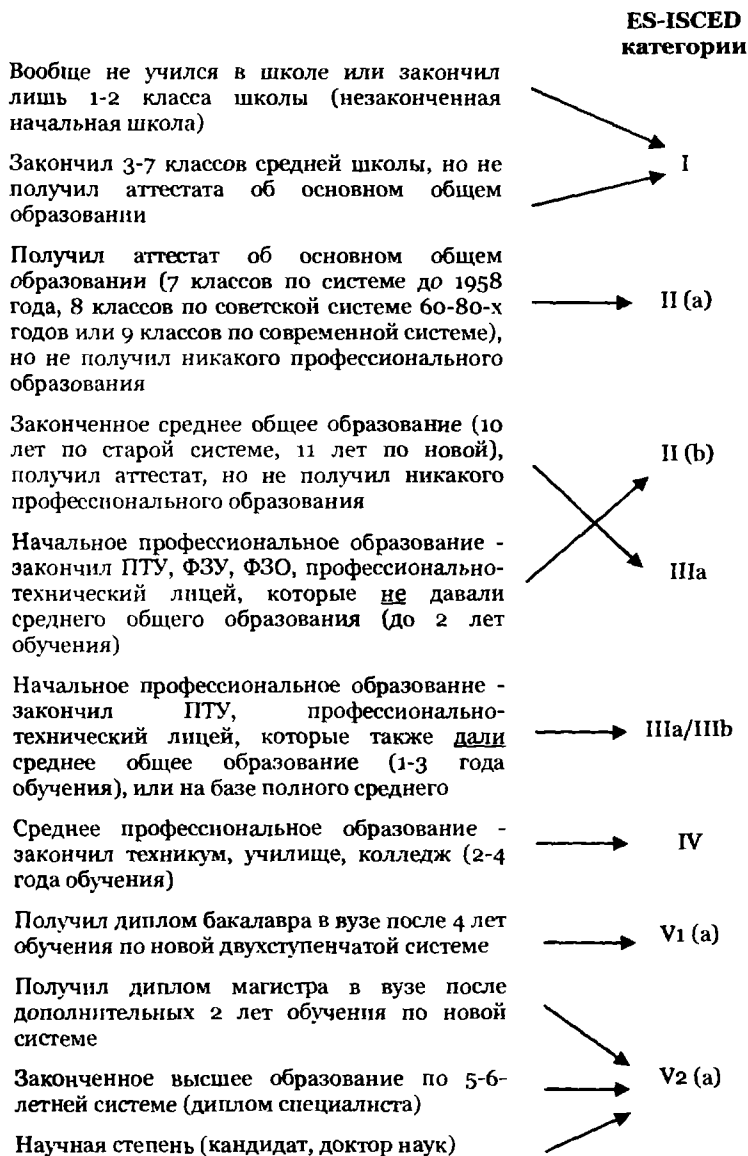

В рамках ESS для России был разработан следующий способ измерения образования и соотнесения с категориями образования ES-ISCED⁶⁴ (см. Схему 4.10).

⁶⁴ Разработка этой системы и инструмента для измерения образования проведена совместно С. Шнайдер (GESIS) и А.В. Андреевской (ЦЕССИ).

Схема 4.10. Изменение образования в ESS России и соотнесение с категориями ES-ISCED (используется в ESS начиная с волны 5)

Вопрос в анкете. Какой наивысший уровень образования Вы получили? (категории представлены на карточке)

Категории включают названия уровня образования (например, «начальное профессиональное образование»), количество лет обучения, которые требуются для получения этого уровня образования, названия учебных заведений, где можно получить такое образование, и описание категорий в исторических границах («7 классов по системе до 1958 года, 8 классов по советской системе 60-80-х годов или 9 классов по современной системе»). В категориях четко определяется уровень «общего» и «профессионального» образования, что позволяет не только сопоставлять эти категории с международными классификациями, но и использовать эти категории для анализа по уровням профессионального образования (что важно при изучении особенностей положения людей на рынке труда, размера вознаграждения в зависимости от уровня профессионального образования и многие другие вопросы).

В результате эти категории выглядят довольно многословными и длинными. Однако все категории размещаются на карточке, которую читает респондент. Респондент легко находит подходящий для него уровень образования (примерный) и потом решает к какой именно категории подходит его уровень образования. Всего ответ на этот вопрос занимает примерно 30 секунд, то есть примерно столько же, сколько занимает вопрос, где зачитываются 5-6 категорий образования (формат наиболее часто используемый в опросах в России). При таком подходе к измерению образования увеличивается точность измерения категорий начального и среднего образования, что является проблемой в большинстве других случаев. Более точно удается измерить категории «неполного среднего» и «полного среднего» образования. Недостатком является то, что для соблюдения принципа включения категорий в опрос (достигнутый уровень образования – обучение по полной программе с получением официального свидетельства), категорию «неполное высшее образование» пришлось исключить. Это важная категория не столько сама по себе, сколько из-за влияния на другие категории. Нынешние студенты, а также люди, проучившиеся несколько курсов вуза, чаще всего попадают в категорию «законченная средняя школа» как последний полностью

пройденный этими людьми уровень образования. В этом случае категория «законченная средняя школа» становится очень гетерогенной, так как включает и людей с относительно низким уровнем образования (которые только закончили школу и на этом остановились в своем обучении), и людей, которые прошли (особенно в рамках советской образовательной системы) вступительный отбор в системе высшего образования и проучились часть времени, что ставит их на гораздо более высокую образовательную ступень. Возрастной состав категории «законченное среднее образование» тоже становится очень смешанным из-за того, что туда попадает большая доля людей старшего поколения и большая доля студенческой молодежи. В результате дискриминирующие возможности всего показателя «образование» при анализе уменьшаются. Но в целом «достигнутый» уровень образования является достаточно хорошо интерпретируемым и надежным показателем образования людей среднего и старшего возраста, для которых этот уровень образования может рассматриваться как окончательный. А для молодежи этот показатель гораздо менее информативен.

Этот подход к измерению образования был протестирован в опросах ЦЕССИ в еще 8 странах бывшего СССР. Для этого в каждой стране потребовались некоторые изменения (модифицированная версия измерения образования по 11 категориям). Но в целом этот инструмент показал себя вполне подходящим для сравнительного измерения уровня образования в разных странах бывшего СССР.

Измерение социально-профессионального статуса

Социально-профессиональный статус респондента может служить и контекстуальной переменной для определения положения респондента в социальной структуре, быть самостоятельным предметом изучения в социологии профессий⁶⁵ или использоваться как один из пока-

⁶⁵ Примером такой работы может служить: Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб: Наука, 2010.

зателей в изучении социальной стратификации, вопросов труда и трудовых отношений, социального капитала и социальной мобильности.

Измерение социально-профессионального статуса является довольно трудоемкой и сложной процедурой. Основная сложность состоит в многомерности самого понятия «профессия», а также в том, что разнообразие и количество профессиональных категорий очень велико. Социально-профессиональный статус определяется целым рядом отдельных показателей – тип трудовой деятельности, содержание труда, уровень квалификации, положение в профессиональной иерархической системе, выполнение управленческих функций, положение в системе трудовых отношений (работник-работодатель). Особенную трудность измерение профессий представляет в сравнительных исследованиях, так как профессиональная структура общества тесно связана с конкретной экономической системой, структурой рынка труда разных стран, а также с традициями понимания и классификации профессий.

Наиболее простым способом измерения профессионального положения в сравнительных исследованиях является использование **закрытого вопроса с несколькими широкими категориями**, определяющими профессиональное положение⁶⁶. С одной стороны, анализировать структуру разных стран по широким профессио-

---

⁶⁶ Пример такого подхода – измерение профессии родителей респондента в ESS. Наряду с открытым вопросом о профессии, туда включен закрытый вопрос: «Что из перечисленного на карточке лучше всего описывает работу, которую выполнял Ваш отец, когда Вам было 14 лет?» с 9 категориями – специалист с высшим образованием, руководитель высшего звена, офисный работник, работник торговли, квалифицированный сотрудник в сфере услуг, рабочий высокой квалификации или руководитель бригады рабочих, рабочий средней квалификации, неквалифицированный рабочий, работник в сельском хозяйстве. Для разъяснения каждой категории на карточке приводятся примеры профессий, характеризующих каждую категорию. Разработка этих примеров очень ярко показала, насколько сложно провести межстрановое сравнение профессий – найти примеры, которые подходили бы для каждой страны.

нальным категориям гораздо легче, чем работать с более детальной классификацией. Для многих сравнительных исследований, где профессиональное положение используется как основной или один из показателей положения респондента или семьи в социально-классовой структуре общества, определения его социально-экономического статуса, такой подход вполне приемлем. Именно так к измерению профессионального положения чаще всего подходят в сравнительных маркетинговых исследованиях и многих опросах общественного мнения. С другой стороны, для многих исследовательских целей такой обобщенный подход, анализ очень гетерогенных по внутренней структуре категорий, недостаточен или не отвечает поставленным задачам.

Другая возможность измерить социально-профессиональное положение – использование **открытого вопроса** для определения профессии респондента и уточнения уровня квалификации, отрасли, типа организации, положения в системе управления и т.п., а затем **пост-кодирование** полученной информации в стандартный иерархически построенный набор категорий. В некоторых исследованиях соотнесение указанной респондентом «профессии» с набором категорий в кодификаторе осуществляется сразу в ходе интервью⁶⁷. Такой подход позволяет уточнить и выяснить всю необходимую для кодирования информацию прямо от респондента. Интервьюер заранее знает, какие категории нужно использовать для фиксации профессии и может уточнить у респондента всю необходимую для такой классификации информацию – содержание труда, основные и второстепенные задачи, которые приходится выполнять на работе, соотношение содержательных и управленческих задач в трудовой практике, то есть все то, что позволяет правильно отнести профессию респондента к определенной категории. Однако процедура эта требует очень высокой квалификации интервьюера, занимает доволь-

⁶⁷ Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P., C. Wolf (eds.). *Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2004.

но много времени в ходе интервью и плохо поддается верификации после проведения интервью. Если задача определения конкретной профессиональной категории ставится перед самим респондентом (при использовании самозаполняемой анкеты, например, в он-лайн опросе), то эти трудности и проблемы усугубляются. В случае компьютеризированных интервью можно улучшить качество данных, используя ступенчатый иерархический подход – сначала определиться с широкой категорией (например, является ли респондент управленцем, специалистом, служащим, рабочим и т.п.), а затем продвигаться дальше (специалист в какой сфере – инженерной, медицинской, социальной и т.п.). Это облегчает задачу человека, который проводит кодирование. Ему не нужно помнить, ориентироваться и хорошо знать очень длинный список профессиональных категорий. Однако это не избавляет от проблем, связанных с высокой времязатратностью всей процедуры и ошибок соотнесения с категориями (особенно если ошибка допущена в начале пути, например, отнесение респондента к специалистам, если он также является управленцем – довольно распространенная ошибка).

Чаще в сравнительных межстрановых опросах используется открытый вопрос о конкретной профессии с дальнейшим пост-кодированием специально обученными для этого людьми. Кодирование может быть одноступенчатым – по международной классификации, используемой во всех странах, или двухступенчатым – сначала по национальному классификатору профессий, где отражены особенности профессией конкретной страны⁶⁸, а затем приведение этих данных к международным стандартам по заранее определенным процедурам совмещения национального и международного кодификатора.

⁶⁸ Например, в Стандартном кодификаторе профессий Германии (KldB) все профессии сгруппированы в 6 больших категорий, которые в свою очередь разделяются на 369 подкатегорий, а последние состоят из 29527 индивидуальных профессий. Категории этого Классификатора можно свести к категориям ICSO, но не наоборот.

Разработка классификации профессий для международных исследований – задача, которую совместно решают специалисты статистических органов, международных организаций и академического сообщества из разных стран. Такая работа проводилась Международной Организацией труда (МОТ) на протяжении почти всего XX века. В 1958 году появилась первая версия Международной Стандартной Классификации Профессий (занятости) (ISCO-58). Затем вышло еще несколько переработанных версий – ISCO-68 и ISCO-88. В 80-х годах прошлого века был разработан европейский вариант этой классификации, который известен как ISCO-88 COM⁶⁹, в целом сходный с международной версией ISCO, но созданный с учетом европейских особенностей путем гармонизации классификаторов профессий (занятий) 12 европейских стран. В сравнительных межстрановых опросах международные классификаторы профессий долгое время не использовались. Одним из первых исследований, где данные о профессии были закодированы в ISCO, – сравнительное исследование 1970-х «Политическое действие». В последние два десятилетия ISCO используется для классификации социально-профессионального статуса во многих сравнительных межстрановых опросах очень широко – в ESS, ISSP, PISA, SHARE. NORC в США, предоставляет данные о профессиональном положении для GSS в нескольких формах, в том числе и в форме международной классификации ISCO⁷⁰.

На сегодняшний день на основе ISCO-88 разработаны классификаторы профессий во многих странах, в том числе в России (ОКЗ) и почти во всех других странах бывше-

---

⁶⁹ Симончук Е. Классификатор профессий ISCO-88: история разработки, концептуальные основания, модель операционализации, применение в социологических исследованиях // Социология: теория, методы, маркетинг, 2008, № 3.

⁷⁰ Данные о профессии респондента в американском GSS кодируются по Национальному американскому Классификатору профессий (2010 U.S. Census occupational codes, до этого по версии 1970 и 1980 гг.). А затем эти данные перекодируются в международный классификатор ISCO (данные 1970-х годов в ISCO-68; 1980-х – в ISCO-68, данные 1990-х в ISCO-88).

го СССР. В советское время для этой цели использовался ОКПДПР (последняя версия его в СССР была принята в 1987 году). В 1994 году в России был введен его новый вариант, а затем внесены дальнейшие изменения в 1999 году. ОКПДТР используется в основном государственными органами, организациями и компаниями для ведения отчетности и других целей управления. При анализе данных опросов этот классификатор практически не применяется. Его особенность состоит в том, что классификатор не имеет иерархической структуры, а представляет собой алфавитный перечень профессий – 5300 рабочих профессий и 1700 должностей служащих. Это скорее список, чем классификатор в том смысле, как он понимается в опросах (группировка по каким-либо признакам в систематически выстроенную схему).

Пример⁷¹ строения ОКДПР

<i>Код</i>	<i>КЧ</i>	<i>Наименование профессии</i>	<i>Код</i>	<i>Код</i>
10003	3	Авербандщик	47	7515
10005	4	Авиационный механик (техник) по планеру и двигателям	57	7515
10007		Авиационный механик (техник) по приборам и электрооборудованию	57	7515
10008		Авиационный механик (техник) по радиооборудованию	57	7515

На основе ISCO-88 в России был разработан Общероссийский классификатор занятий 1993 года (ОКЗ-93). Свои варианты такого классификатора появились в Украине (ОКП 1995), Казахстане, Таджикистане и других странах. Этот классификатор используется для определения социально-профессионального статуса в Переписях населения многих стран (например, в Переписи Украины 2001 года).

⁷¹ <http://www.kadrovik.ru/docs/okpdtr.htm>

ISCO и все классификаторы на его основе построены иерархически на основе нескольких критериев – вид трудовой деятельности, содержание труда (задачи и обязанности на рабочем месте, масштаб и сложность задач, положение в системе управления), требуемые трудовые и квалификационные навыки и профессиональная специализация. Образование как таковое не используется как классификационный критерий. Вместо него используются понятия «навыки», «квалификация», профессиональное мастерство – чтобы подчеркнуть важность результата (накопленные любым способом навыки и знания), а не формального образования. В этом же причина терминологических различий в кодификаторах разных стран – некоторые говорят о «профессиях», некоторые – о «занятости». В частности, в России используется понятие «занятость», чтобы подчеркнуть широкий характер исследуемой концепции – деятельности, которая приносит доход, для выполнения которой применяются знания и квалификация, приобретенная любым путем, в отличие от традиционного понимания термина «профессия» как формально полученной квалификации, подготовки. Однако в последние годы эти два термина используются как синонимы, поэтому мы также не будем в дальнейшем строго проводить разграничения этих понятий.

Классификация ISCO-08 представляет собой 4-уровневую структуру. Базовый уровень – 4-значные коды профессий, объединенные по содержанию труда (выполняемых на работе задач и обязанностей). На следующем уровне (3-значные коды) конкретные «профессии» объединены в более крупные группы также на основании однородности содержания работы и области труда (специализации – вид требуемых знаний, тип услуг, сфера деятельности, тип использованного оборудования). Третий уровень (2-значный код) объединяет под-группы в более широкие группы по сфере деятельности и масштабу деятельности (квалификации), и на последнем уровне (всего 10 групп) профессии объединены в большие категории по уровню квалификации (требуемых знаний и навыков), сложности и масштабу решаемых задач.

Пример из ОКЗ-93 России⁷²

2 – принадлежность к укрупненной группе «Специалисты высшего уровня квалификации»;

21 – принадлежность к подгруппе «Специалисты в области естественных и инженерных наук»;

213 – принадлежность к составной группе «Специалисты по компьютерам»;

2131 – принадлежность к базовой группе «Разработчики и аналитики компьютерных систем»;

Таким образом, классификатор состоит из 10 групп, 34 подгрупп, 120 групп 3-уровня и 403 конкретных профессий (4-уровня).

В классификаторе приняты следующие группы 1-уровня (используются названия групп, принятые в России в ОКЗ, в классификаторах других стран на русском языке названия используются разные):

1. Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий.
2. Специалисты высшего уровня квалификации.
3. Специалисты среднего уровня квалификации.
4. Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием.
5. Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности.
6. Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства.
7. Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр.
8. Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин и слесари-сборщики.

⁷² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115767/ КонсультантПлюс, 1992-2014

9. Неквалифицированные рабочие

10. Военнослужащие

Группа 10. Военнослужащие иногда выделяются в отдельную группу, а иногда нет. Для целей опросов мы предлагаем ее выделять, даже если на уровне анализа она будет объединяться с другими категориями.

Долгое время в сравнительных опросах использовался кодификатор ISCO-88. После принятия в 2008 году новой версии ISCO многие трендовые исследования постепенно переходят или уже перешли на использование новой версии ISCO-08. С одной стороны новая версия помогает решить ряд проблем, с которыми приходилось сталкиваться при использовании этого кодификатора в исследовательской работе, с другой – создает новые проблемы совмещения трендовых данных, закодированных по старому и новому кодификатору. На новый ESCO-08 перешел, например, ESS в волне 6, предыдущие волны были закодированы по ISCO-88.

Изменения в новом классификаторе на первый взгляд не очень велики, но на самом деле довольно существенны. Существенны настолько, что возможностей прямого перекодирования одного в другой нет, нужно обращаться к первоначальным данным «открытых вопросов» и кодировать профессии в каждый кодификатор отдельно или совмещать их, делая ряд больших допущений.

По сравнению с ISCO-88 в ISCO-08 были внесены целый ряд изменений. Уровень 1 порядка остался неизменным – те же 10 групп определенные тем же образом. Количество подгрупп 2-порядка расширилось (34 группы вместо 28), увеличилось количество групп 3 уровня (с 115 до 120) и 4-уровня (с 363 до 403). В новый классификатор введены квалификационные уровни для категории «Вооруженные силы» (3 уровня). По содержанию категорий 2-порядка – примерно половина из них остались такими же, а определение и состав другой половины изменился. Были изменены некоторые определения рабочих ручного труда (раздел 7000) и автоматизированных линий (8000). Основные различия на уровне конкретных профессий (3 и 4 уровни). В новом классификаторе учтены

изменения, произошедшие в профессиональной структуре многих обществ в последние десятилетия – расширена детализация профессий в сфере услуг (раздел 5000), введены разные иерархические уровни профессий в сфере торговли, более детальное кодирование профессий, связанных с ИТ. В целом кодификатор развивается с годами от дифференциации по специализации (сферам) к дифференциации квалификации.

Особенности использования Классификации ISCO-08 для кодирования профессий в опросах по России и других стран бывшего СССР

Многие проблемы, с которыми приходится сталкиваться в опросах при работе с ISCO в странах бывшего СССР, в целом схожи с проблемами, с которыми встречаются исследователи и в других регионах, то есть являются общими проблемами этого Классификатора. Но есть и некоторые особенности, связанные с профессиональной структурой и сложившимся субъективным восприятием ряда профессий в странах бывшего СССР, которые влияют на качество кодирования профессий в ISCO в этом регионе и эквивалентность данных по сравнению с другими странами.

Проблемы, связанные с недостаточно четким определением и разграничением управленческих и содержательных функций в Классификаторе. Особенно трудно решить эту проблему на уровне небольших профессиональных организаций, где содержательные и управленческие функции часто совмещаются. Все специалисты, работающие на себя либо в небольшом коллективе (зубные кабинеты, консультационные услуги, юристы) и совмещающие управленческие и содержательные профессиональные функции очень трудно классифицировать однозначно. В целом классификация «руководителей» недостаточно четко определена. Она строится одновременно на принципах размера, многоуровневой структуры организаций (руководители крупных организаций с большим количеством менеджерских подступеней – корпора-

тивные руководители определяются как руководители подразделений, то есть сложных больших организаций, и прямые руководители в небольшой организации) и сферы деятельности (производство-услуги).

1 Руководители⁷³

11. *Руководители высшего звена, высшие должностные лица и законодатели*
12. *Корпоративные управляющие*
13. *Руководители в сфере производства и специализированного сервисного обслуживания*
14. *Руководители в сфере гостиничного бизнеса, руководители (управляющие) в магазинах и родственных областях деятельности*

Слишком высокая дифференцированность некоторых категорий в Классификаторе по сравнению с тем, что реально происходит на рынке труда в регионе. Например, работники сферы торговли, которые могут быть отнесены сразу к нескольким категориям в Классификаторе, самими респондентами чаще всего описываются как «продавец» (а не «помощник продавца», «старший продавец», «руководитель секции», «товаровед высшей категории»). Для определения «уровня» продавца, необходимо знать структуру организации, в которой работает респондент (сколько ступеней сверху и снизу), а также квалификационные требования к конкретному рабочему месту. Довольно трудно поддается классификации очень популярная в регионе в последние десятилетия профессия «бухгалтера» (кроме «главного бухгалтера» и просто «бухгалтера», квалификационные особенности которого – является ли он специалистом или техническим сотрудником, служащим, или ассистентом базового уровня, часто определить очень сложно).

Названия профессий не всегда говорят о функциональной эквивалентности этих профессий в разных обществах. Например, профессия «экономист» –

⁷³ Перевод на русский ISCO-08 МОК

очень распространенное название профессии в странах бывшего СССР. Под этим термином может пониматься как «экономист» в научно-исследовательской деятельности, так и чаще встречающаяся профессия специалиста по анализу текущего экономического положения организации, которая является часто «производственной» профессией, даже имеет название «инженер-экономист», или же так называется профессия большого количества служащих в учреждениях. Во втором случае ее следовало бы отнести к профессиям, близким к бухгалтерам и специалистам по финансовому анализу и кадрам.

Неразделенность некоторых категорий (в основном Специалистов) по содержанию труда – научно-поискового либо сервисно-технологического. Например, код 2634 психологи – в эту категорию объединяются и психологи, занимающиеся научно-исследовательской деятельностью, и практикующие психологи (в школах, частных консультациях и т.п.). Для стран бывшего СССР, особенно России, где научно-исследовательская и инженерная деятельность составляет важную часть профессиональной деятельности больших групп, это очень важный аспект. Содержание труда, характер труда, трудовые отношения, субъективное отношение к этим профессиям совсем не одинаковое.

Во многих странах бывшего СССР производственный сектор, несмотря на его сокращение, довольно велик. В то же время растет сфера инженерных и технических услуг (установка, обслуживание оборудования, продажа сложного оборудования). Количество профессий инженерно-технического характера очень велико и на практике бывает трудно отделить инженерный труд от технического. Профессия «технолог», например, которая встречается очень часто, может быть профессией инженерного уровня или среднего технического уровня. При этом само образование решающей роли не играет. В странах бывшего СССР большое количество людей получили высшее ин-

женерное образование, но многие рабочие места по уровню представляют собой труд среднего технического персонала. В новых профессиях эти уровни еще более трудно различимы (инженер по установке оборудования или техник по установке оборудования).

Сельскохозяйственные профессии. Работая с опросами в странах бывшего СССР, довольно трудно следовать подробной квалификационной классификации, а также классификации по содержанию труда в сельском хозяйстве, которое в этом регионе гораздо менее профессионально и квалификационно дифференцировано, чем в странах с организацией сельского хозяйства на промышленной или сильно специализированной основе. Например, Классификатор содержит несколько квалификационных уровней сельскохозяйственных рабочих. Насколько «квалифицирован» или «неквалифицирован» труд «садовника» или «полевода» в условиях этого региона определить довольно трудно. Сама специализация «полевод» или «садовод» также довольно затруднительна в условиях, когда респонденты в опросе описывают свою профессию как «работник совхоза» или «индивидуальный фермер».

61 Квалифицированные работники сельского хозяйства, производящие товарную продукцию

611 Товарные производители огородных, плодовых и полевых культур

6111 Полеводы и овощеводы

6112 Производители, специализирующиеся на культурах, произрастающих на деревьях и кустарниках

6113 Садовники, садоводы и работники плодотомников

6114 Производители смешанной растениеводческой продукции

92 Неквалифицированные рабочие сельского и лес-

ного хозяйств, рыбоводства и рыболовства

921 Неквалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйств, рыбоводства и рыболовства

9211 Неквалифицированные рабочие в растениеводстве

9212 Неквалифицированные рабочие в животноводстве

9213 Неквалифицированные рабочие в производстве смешанной растениеводческой и животноводческой продукции

9214 Неквалифицированные рабочие в садоводстве

9215 Неквалифицированные рабочие в лесоводстве

9216 Неквалифицированные рабочие рыбоводства, рыболовства и производства морепродуктов

Особенности группировки профессий. Некоторые профессии в международном Классификаторе сгруппированы не так, как это принято в представлениях, сложившихся в этом регионе (особенности исследовательской школы). Например, профессия «крановщик» чаще всего в опросах в странах бывшего СССР относится к категории «работников строительства» и является одной из основных в этой категории. «Комбайнер» и «тракторист» – очень распространенные профессии в сельском хозяйстве. В Международном классификаторе эти профессии вынесены за пределы соответствующих отраслей (куда сгруппированы другие профессии), и выделены в отдельную категорию «83 Водители и операторы подвижного оборудования» – по типу оборудования, с которым они работают.

Пока добиться высокой степени эквивалентности в кодировании открытого вопроса о профессии по международному классификатору в полной мере не удалось, хотя определенные успехи в этом направлении есть. Посмотрим на результат, полученный в двух больших сравнительных исследованиях – ISSP (2007) и ESS (волна 6)

Таблица 4.10. Отнесение профессий в категории ISCO в ISSP и ESS

СТРАНЫ	ISSP		ESS волна 5		ESS волна 6	
	Всего респондентов, которые отвечали на этот вопрос	Количество кодов, использованных при кодировании на 4 уровне	Всего респондентов, которые отвечали на этот вопрос	Количество кодов, использованных при кодировании на 4 уровне	Всего респондентов, которые отвечали на этот вопрос	Количество кодов, использованных при кодировании на 4 уровне
Бельгия	1053	209	1489	256	1675	296
Болгария	928	211	2274	280	2126	294
Великобритания	894	78	2279	209	2061	247
Венгрия			1414	180	1711	225
Германия	1534	270	2707	312	2721	386
Греция			2062	251		
Дания	1283	200	1518	223	1569	247
Израиль	1103	145	1910	238	2206	283
Ирландия			2191	202	2345	341
Исландия					740	200
Испания			1582	233	1522	261
Кипр			864	170	932	202
Латвия			1824	239		

Литва	1053	200	1434	242		
Нидерланды	1242	179	1719	241	1745	287
Норвегия	1688	254	1472	240	1548	284
Польша	971	193	1524	253	1694	296
Португалия	946	142	1889	235	1868	265
Россия	1311	259	2304	233	2154	276
Румыния			1493	176		
Словакия	939	224	1175	177	1664	305
Словения	933	223	1675	290	1040	213
Украина			1659	233		
Финляндия	1231	214	1786	256	2091	319
Франция	2989	97	1580	236		
Хорватия	926	174	1292	161		
Чехия	1593	212	2085	247	1772	247
Швейцария	1144	256	1381	285	1411	306
Швеция	1008	191	1434	232	1740	285
Эстония			1676	295	2193	329

Примечание: Данные Латвии и Румынии ESS в колонке Волна 5 – от Волны 4.

(Таблица 4.10). По подробности фиксации профессии и кодированию большинство стран схожи – они использовали около 200 кодов кодификатора ISCO-88 и около 250 кодов кодификатора ISCO-08 в ESS. Однако в ряде стран использовалось на четверть кодов меньше, а в некоторых – наполовину меньше. Маловероятно, что это связано с менее дифференцированной социально-профессиональной структурой этих обществ (особенно принимая во внимание, что это Франция и Великобритания в ISSP). Россия в данном случае находится на среднеевропейском уровне и по кодификатору ISCO88, и ISCO-08.

Кроме проблемы адаптации международного классификатора профессий к национальным особенностям и при этом сохранении эквивалентности данных между странами, необходимо упомянуть еще об одном вопросе, о котором в методологии кодирования профессий говорят гораздо меньше. При использовании открытого вопроса с целью кодирования по многомерному международному классификатору, в основе которого заложен больше, чем один критерий (показатель) и набор критериев для разных профессий разный, основной является **проблема первоначального сбора информации** таким образом, чтобы кодирование вообще стало возможным. Если не сформулировать вопрос так, чтобы получить всю необходимую информацию, и не задать достаточного количества уточняющих вопросов, использовать подробный классификатор профессий станет невозможным. В качестве инструмента для измерения показателя профессии в разных исследованиях используются самые разные вопросы

Например, в Переписи многих стран бывшего СССР 2009-2014 гг. были включены вопросы о социально-профессиональном положении (например, такой вопрос есть в Переписи Беларуси 2009 года, Переписи Украины 2001 года, Переписи Литвы 2011 и других стран). Во всех этих Переписях использовался метод фиксирования профессии в открытой форме (открытый вопрос), а затем кодирование по национальному или международному варианту ISCO. Вопрос о профессиях звучит в Переписях по-разному. Использовались такие формулировки вопроса:

«Каково ваше занятие на основной работе (название профессии, должности или работы, выполняемой Вами)» – Украина, 2001 год

«Профессия (полное название должности, профессии, тип выполняемой работы)» – Молдова, 2004 год

«Должность или профессия (подробное название должности, профессии или выполняемой работы)» Киргизия, 2009 год.

После многочисленных экспериментов в ЦЕССИ был разработан следующий вариант вопроса о социально-профессиональном положении респондента, который включает конкретное название профессии, название должности, информацию о содержании труда и квалификационных требованиях, а также подробную аннотацию для интервьюера (это помимо детальной отдельной Инструкции и тренировки интервьюеров по работе с этим вопросом).

Пример вопроса о социально-профессиональном положении респондента, используемый в ESS и в других сравнительных опросах ЦЕССИ

Скажите, пожалуйста, как называются Ваши должность и профессия, по которой Вы сейчас работаете? /ПОСТАРАЙТЕСЬ ПОЛУЧИТЬ КАК МОЖНО БОЛЕЕ ПОДРОБНЫЙ ОТВЕТ. СПРОСИТЕ О ЕГО ПРОФЕССИИ, ХАРАКТЕРЕ И СОДЕРЖАНИИ РАБОТЫ/

НАПРИМЕР: Если респондент говорит «Менеджер», уточните, в какой организации, какого уровня и каков основной род деятельности (управление людьми или что-то еще).

Если респондент говорит «Инженер», уточните, по какой специальности, руководит ли людьми или работает один.

Если ответ «рабочий», уточните специальность, квалификацию или обязанности на работе.

Если преподаватель, то уточните, в начальной школе, средней школе, техникуме или вузе преподает респондент.

Если ответ «колхозник», «работник в сельском хозяйстве», то уточните, по какой именно специальности работает человек (тракторист, комбайнер, доярка), а если выполняет разные работы, то запишите «разнорабочий».

Если «водитель», уточните, каким именно видом транспорта управляет респондент.

ПРОФЕССИЯ/ ДОЛЖНОСТЬ _____

Что именно Вы делаете (делали), какую работу выполняете (выполняли) большую часть времени на своей основной работе? /ЗАПИШИТЕ/

ТИП РАБОТЫ _____

Какое образование, квалификация требуется для выполнения Вашей работы? /ЗАПИШИТЕ/

УРОВЕНЬ КВАЛИФИКАЦИИ _____

Но и при таком подходе возникает много случаев, когда информации для детального кодирования профессии не хватает.

Кроме классификатора ISCO, в межстрановых опросах и в исследованиях государственных статистических органов иногда используется гораздо менее дробная классификация – **Международная Классификация трудового статуса (ICSE-93)**. Согласно ICSE-93 выделяются шесть групп по положению на рынке труда:

- 1) Наемные работники (иногда подразделяются на работников с разными трудовыми контрактами).
- 2) Владельцы компаний, предприятий, организаций.
- 3) Самозанятые работники (работают на себя).
- 4) Члены производственных кооперативов.
- 5) Работники семейного бизнеса.
- 6) Работники, которых нельзя отнести ни к одной из этих категорий.

Такая классификация позволяет в целом разделить людей по положению в структуре трудовых отношений

или виду «трудового контракта» – оплачиваемая работа по найму или разные формы оплачиваемой самозанятости (работы на себя, свою семью, свое предприятие).

В некоторых сравнительных исследованиях, например, в ESS, измеряется и социально-трудовое положение по классификатору ISCO, и положение в структуре трудовых отношений (но вопрос используется в модифицированной форме по сравнению с ICSE – три категории вместо 6 – менее подробное измерение самозанятости).

Сравнительное измерение социального статуса или социального класса

Социально-профессиональное положение редко используется при анализе данных сравнительных опросов в форме детальных категорий, за исключением исследований, которые посвящены изучению конкретных профессий, условий труда, различий в оплате труда и т.п. В других случаях социально-профессиональное положение служит основной для определения «социального статуса» или «социального класса» – для построения категорий, которые выстроены в определенную систему на основе теоретических представлений о структуре населения. В сравнительных социальных исследованиях было создано несколько таких систем. Наличие в исследовании информации о социально-профессиональном положении респондента или семьи и еще ряда параметров позволяет построить многие из таких шкал «социального статуса».

Наиболее часто используемая система – схема **EGP (Эриксона-Голдторпа-Портокареро)**⁷⁴. Первоначально Схема была разработана Д. Голдторпом в 1980 году на основе данных Оксфордского исследования социальной мобильности 1972 года (Oxford Mobility Inquiry) для Великобритании. Затем Схема была проверена

⁷⁴ Erikson R., J. H. Goldthorpe, L. Portocarrero. Intergenerational class mobility in three Western European societies – England, France and Sweden // British Journal of Sociology, 30, 1979; Erikson R., J.H. Goldthorpe. The constant flux. A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press, 1992.

на сравнительных данных трех стран – Великобритании, Франции и Швеции, при этом расширена с 7 до 10 категорий и получила название «схемы Эриксона-Голдторпа-Портокареро». Затем она была еще раз переработана в ходе работы над проектом CASMIN (добавлены еще 2 категории). Однако чаще всего в сравнительных межстрановых исследованиях используется Схема из 7 категорий⁷⁵.

Схема 4.11. 7-членная классовая схема Эриксона-Голдторпа-Портокареро (EGP)

Класс	Группировка по профессии/ Трудовым отношениям
I	Специалисты высокого класса, управленцы высшего звена
II	Специалисты, управленцы, технические специалисты среднего уровня
IIIa	Служащие высокого класса
IIIb	Служащие простые
IVa.	Владельцы небольших предприятий
IVb.	Самозанятые рабочие (не специалисты)
IVc.	Фермеры
V.	Технические работники низшего звена, бригадиры работников физического труда
VI.	Квалифицированные рабочие – работники физического труда
VIIa.	Неквалифицированные рабочие (кроме с/х) – работники физического труда
VIIb.	Сельскохозяйственные рабочие

⁷⁵ Схема используется и государственными статистическими органами, в частности, в Великобритании, а сейчас разрабатывают подходы ее включения и в показатели Евростата

**Схема 4.12. 11-членная классовая схема
Эриксона-Голдторпа-Портокареро (EGP)**

Класс	Группировка по профессии/ Трудовым отношения
1	I «Сервис-класс». Специалисты высокого класса, управленцы больших организаций (более 10 подчиненных)
2	II Базовый уровень сферы услуг Специалисты рядовые, управленцы среднего звена (1-10 подчиненных), персонал в сфере торговли высшего звена
3	III Служащие или специалисты в торговле
4	IVa. Владельцы небольших предприятий (1-10 подчиненных)
5	IVb. Самозанятые рабочие (не специалисты, без наемных работников)
7	V. Работники физического труда, с некоторым управленческим статусом
8	VI. Квалифицированные рабочие физического труда, операторы сложных станков
9	VIIa. Рабочие физического труда средней квалификации – операторы обычных станков, рядовые работники торговли и сферы услуг
10	VIIb Работники в сельском хозяйстве или семейных фермах
11	IVc. Фермеры, управляющие ферм

В последние годы схема EGP активно используется учеными из разных стран бывшего СССР для анализа социальной структуры, изучения проблем неравенства, бедности, изучения «среднего класса» на данных одной страны и на сравнительных межстрановых данных⁷⁶.

⁷⁶ Например, работа *Беляева Л.А.* Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1 и 2) // Вестник ВЦИОМА, 2010, 3; *Симончук Е.В.* Классовая структура Укра-

Для создания этой Схемы на данных межстранового опроса, необходимо, чтобы в исследование были включены следующие показатели: социально-профессиональное положение респондента (закодированное на 4-значном уровне ISCO), положение в системе трудовых отношений (наемный работник, владелец, самозанятый), размер организации, где работает респондент (количество работающих).

Можно применить и другой подход к определению социального статуса в сравнительных опросах – использовать схему «социальных классов» Э. Райта⁷⁷. Для построения этой схемы нужно определить отношение каждого респондента к трем видам капитала – средствам производства, власти (положения во властной структуре) и знаний (см. Схему 4.13)

Эта схема недостаточно четко операционализована автором, поэтому существуют различные точки зрения на то, как именно ее можно применить в сравнительном межстрановом исследовании. Необходимой информацией является социально-профессиональное положение, законченный уровень образования, выполняемые на работе задачи (содержание труда), роль в принятии трудовых решений, выполнение управленческих функций. Эта схема была использована в целом ряде однострановых исследований социальной стратификации. Недавно был предложен подход к построению этой Схемы на данных ESS, правда, с определенными ограничениями⁷⁸.

ины в сравнительной и временной перспективах // Социологический альманах, 5, 2014; Тихонова Н.Е., Горюнова С.В. Теоретико-методологические проблемы анализа среднего класса // SPERO, 8, 2008.

⁷⁷ Wright E.O. (ed.) Approaches to Class Analysis. Cambridge: CUP, 2005; Wright E.O. Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis. Cambridge: CUP, 1997.

⁷⁸ Эта попытка была сделана учеными из Норвегии. Несмотря на недостаток необходимых показателей для построения Схемы, они разработали такой подход с использованием данных ESS и построили две версии классовой схемы Э. Райта – полную и сокращенную 'WR' и 'WR_SIMP'. Håkon Leiulfsrud, Ivano Bison & Erling Solheim. Social class in Europe II The European Social Survey 2002-2008, 2010.

Схема 4.13. Классовая схема Э. Райта⁷⁹

КОЛИЧЕСТВО НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ	ВЛАДЕЛЕЦ ПРЕДПРИЯТИЯ	ОТНОШЕНИЕ К СРЕДСТВАМ ПРОИЗВОДСТВА – НАЕМНЫЙ РАБОТНИК			ОТНОШЕНИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ (ВЛАСТНОЙ) СТРУКТУРЕ
Много	Капиталисты	Эксперт менеджер	Квалифицирован- ные менеджеры	Неквалифи- цированные менеджеры	Менеджеры
Несколько	Небольшие рабо- тодатели	Эксперт менеджер	Квалифицирован- ные менеджеры	Неквалифи- цированные менеджеры	Супервайзеры
Нет вообще	Мелкая буржуа- зия	Эксперт менеджер	Квалифицирован- ные менеджеры	Невалифи- цированные менеджеры	Не выполняющие управленческих функ- ций
		ЭКСПЕРТ	КВАЛИФИЦИРО- ВАННЫЙ	НЕКВАЛИ- ФИЦИРО- ВАННЫЙ	

Эквивалентность измерений

⁷⁹ Э. Райт несколько раз модифицировал эту схему, поэтому есть более короткий (упрощенный вариант) – Владелец (имеющие наемных рабочих и нет), Наемные работники (имеющие профессиональные знания и нет), положение во властных отношениях – руководящие трудом других и нет.

Другой подход к определению социального статуса на основе данных опросов с использованием социально-профессионального положения – построение не категориальной как предыдущие, а непрерывной шкалы на основе «внешних» данных (полученных из предыдущих исследований). Социально-профессиональный статус при таком подходе можно определить, используя данные **Международных шкал престижа профессий**⁸⁰. Принцип построения этих шкал состоит в том, что каждой профессии присваивается значение «престижа» на основе субъективных оценок населения в каждой стране (или средних оценок по нескольким исследованиям). Таким образом профессии выстраиваются в иерархическую систему в зависимости от их субъективной «престижности». На этом же принципе основано определение социального статуса на основе **социально-экономических индексов** профессионального статуса. Каждой профессии присваивается взвешенный индекс социально-экономических характеристик (чаще всего необходимое образование и размер зарплаты/ дохода), и после этого профессии выстраиваются в иерархическую систему.

Еще одним вариантом шкалы социальной стратификации является шкала CAMSIS. Она строится на основе моделей взаимодействия (дружеского, семейного) между профессиональными группами, чтобы определить стратификационный порядок, в который выстраиваются профессии. Но такая шкала не может стать универсальной и применяться одинаково во всех странах, как шкала престижа профессий. Она строится для каждой страны отдельно. Поэтому международные сравнения на основе данного подхода хотя и возможны, но очень ограничены и на практике. Они широко не применялись⁸¹.

⁸⁰ Ganzeboom H.B.G., P. de Graaf, D.J. Treiman. A Standard International Socio-Economic Index of Occupational Status // Social Science Research (21-1), 1992; Ganzeboom H.B.G., D.J. Treiman. Internationally comparable measures of occupation status for the 1988 International standard classification of occupations // Social Science Research, 1996, № 25; Treiman D.J. Occupational Prestige in Comparative Perspective. New York: Academic Press, 1977.

⁸¹ www.camsis.stir.ac.uk – шкала построена для 15 отдельных стран.

Важно отметить, что здесь упомянуты только те способы измерения социального статуса или социального класса, которые были протестированы и широко использовались в сравнительных межстрановых опросах. Однако в разных странах, в том числе и в России, были разработаны и другие подходы и системы к эмпирическому определению социальных классов. Например, предложенная О.И. Шкаратаном шкала РГ1-100⁸² из 14 категорий заслуживает очень пристального изучения и, я надеюсь, в ближайшем будущем будет протестирована на данных национальных опросов в разных странах.

Если в сравнительном межстрановом исследовании стоит задача использования показателей социального статуса или принадлежности к социальному классу с помощью какой-либо из схем, описанных выше, необходимо иметь данные опроса по как минимум следующим показателям:

Трудовое положение

Социально-профессиональное положение (занятость) – закодированные на уровне 4-знаков ISCO (детальное кодирование)

Отрасль

Отношения на рынке труда (работник-работодатель)

Служебное положение

Управленческие обязанности

Размер организации.

Другой возможностью определить социальное положение респондентов без конструирования этой переменной на базе информации о социально-профессиональном статусе (для неработающих такая информация должна быть получена о главе семьи), является **субъективное измерение социального статуса** или социального класса. В этом случае респондент сам определяет к ка-

---

⁸² Шкаратан О., Б. Ястребов. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика, 3, 2007.

кому социальному классу или группе он (или его семья) ближе.

Пример такого подхода к измерению социального статуса можно найти в ESS России. Первый способ направлен на измерение уровня, положения в вертикальной социальной иерархии, второе – измерение содержательных категорий социального положения (по содержанию труда, квалификации и управленческим функциям).

Как Вы думаете, к какому слою общества Вы принадлежите? /ВОЗМОЖЕН ОДИН ОТВЕТ/

1. Высший слой
2. Слой выше среднего
3. Средний слой
4. Слой ниже среднего
5. Низший слой
- (9) Затрудняюсь ответить /НЕ ЧИТАТЬ/
- (7) Отказ от ответа /НЕ ЧИТАТЬ/

К какому социальному классу, на Ваш взгляд, Вы принадлежите? То есть интересы какой социальной группы Вам наиболее близки, у Вас наиболее схожие взгляды, проблемы и потребности? /ВОЗМОЖЕН ОДИН ОТВЕТ/

1. Рабочие, работники физического труда
2. Крестьяне
3. Предприниматели, бизнесмены
4. Руководители
5. Служащие, «белые воротнички»
6. Интеллигенция
8. Другой класс /КАКОЙ/
- (97) Ни к какому не принадлежу
- (99) Затрудняюсь ответить /НЕ ЧИТАТЬ/

В качестве примера приведем показатели социально-профессионального положения, положения на рынке труда и в системе социально-экономических отношений, которые используются в ESS.

Трудовое положение (в последние 7 дней и если несколько – основное) – вопрос из 8 категорий, определяющих положение индивида на рынке труда в конкретный момент времени, для незанятых в на-

стоящее время – работали ли когда-либо на оплачиваемой работе и когда в последний раз

Трудовые отношения (наемный работник, самозанятый, семейное дело) и количество наемных работников, тип трудового контракта (бессрочный, срочный или без контракта)

Размер организации, где работает или последний раз работал респондент (численность в фиксированных интервалах)

Обязанности руководить людьми и количество подчиненных

Влияние на свою работу и работу организации в целом

Количество часов на основной работе – определено и реально работает

Отрасль (сфера деятельности организации) – открытый вопрос, кодируется по международному классификатору отраслей NACE

Тип организации (5 категорий – органы госвласти, бюджетная, гос.коммерческая, частная, самозанятость)

Социально-профессиональное положение (ISCO-08)

Опыт работы за границей за последние 10 лет

Опыт безработицы

Членство в профсоюзе

Для России – самоопределение в категории социальных классов) – уровней и типов

Всего в ESS включены 13 вопросов для измерения этих аспектов относительно респондентов и еще ряд вопросов о трудовом положении и социально-профессиональном статусе задается также о супруге респондента и родителях (отце и матери).

Домохозяйство – размер и состав

Характеристики «домохозяйства» – его размер и структура – представляют собой особые контекстуальные переменные, которые могут выполнять в сравнительном опросе несколько разных функций. Домохозяйство является одной из единиц отбора при построении выборки для опроса: окончательной в опросах домохозяйств или промежуточной в опросах, основанных на территориальной выборки методом личных интервью или выборки домашних стационарных телефонов. Если «домохозяйство» используется в качестве выборочной единицы, то основной задачей является правильная оценка его размера – в сравнительном исследовании эквивалентным образом в разных странах. Характеристики домохозяйства могут также выступать в качестве контекстуальных переменных (в исследованиях о материальном положении семей, исследованиях бедности, экономического неравенства) или содержательных переменных – служить предметом или одним из предметов изучения (в социологии семьи, при изучении социальных связей, демографического анализа жизни поколений). В таком случае значимыми характеристиками домохозяйства служат и его размер, и его состав.

Для определения **размера домохозяйств**, нужно очертить его границы, дать определение. В случае сравнительного исследования такое определение должно обеспечивать эквивалентность отбора респондента и надежность данных, в которых этот показатель используется (например, при расчете дохода семьи на душу). Самое трудное в таком определении – разграничить понятия «домохозяйства» и «семьи». Домохозяйство и семья по существу во многом схожи, в этом заключается одна из основных трудностей. Семья – термин, который постоянно используется в бытовой речи, в социальной коммуникации, в официальных сообщениях и документах. Термин «домохозяйство» используется в основном специалистами, и в обычной жизни звучит редко. Тем не менее для многих аналитических целей используется

именно понятие «домохозяйство». Основное различие между ними для исследователя, занимающегося опросами, состоит в том, что **домохозяйство представляет собой «реальную»** (а не субъективную как в случае семьи) единицу – **группу людей или отдельного человека, объединенных общими жизненными обстоятельствами, а не обязательно родством.** Такими объединяющими жизненными обстоятельствами могут выступать общее место проживания (дом, квартира) и общее ведение хозяйства.

Евростат дает определение домохозяйства (которое используется, в частности, во всех Европейских Исследованиях Бюджетов Домохозяйств⁸³) по двум основным и нескольким дополнительным основаниям:

- а) люди, которые живут вместе;
- б) имеют общий бюджет и общие расходы.

Дополнительные условия

не имеют другого частного адреса;

проводят большую часть времени ночного отдыха в этом доме за последние 6 месяцев;

намереваются оставаться в этом домохозяйстве в ближайшие 6 месяцев.

Такое определение не вызывает сложностей при применении в большом количестве случаев. Однако в большом – не означает в любом, и именно эти «сложные» случаи, которые составляют в массовых опросах пусть и меньшую, но значительную часть, могут привести к большим проблемам со сравнимостью данных – сравнимостью объекта исследования.

Размер и состав домохозяйства в значительной степени зависят от культурных особенностей разных стран – строения семейных отношений (типов семьи), а также образа жизни семей – жилищных условий, экономи-

---

⁸³ European Commission and Eurostat. Update of methodological recommendations for harmonizing for the HBS round of 2005. Working Group Household Budget Surveys. Eurostat-Luxembourg, May 05-06, 2003.

ческих обстоятельства, принципов системы социальной поддержки разных категорий людей со стороны государства и т.п. Принимая во внимание эти обстоятельства, становится ясно, что эквивалентное определение домохозяйств между странами, особенно между странами с разной структурой семейно-брачных отношений и разным уровнем экономического развития, задача совсем непростая.

Для определения размера «домохозяйства» возникает несколько вопросов, на которые необходимо найти общий ответ и выработать единые правила для всех стран, включенных в сравнительный опрос:

Отнесение к членам или не членам домохозяйства людей, отсутствующих на данный момент, но имеющих финансовые связи с домохозяйством (например, лечение в больнице, даже длительное). Чаще всего отсутствующие относятся к данному домохозяйству, если они не имеют другого частного адреса и поэтому не могут попасть в выборку в какой-либо другой единице отбора.

Домохозяйство не является совершенно стабильной единицей, скорее можно говорить о том, что домохозяйство – образование постоянно изменяющееся. Поэтому срок присутствия или отсутствия в домохозяйстве его членов необходимо строго определять. К мобильным, и поэтому трудным для включения в определение, относятся временно отсутствующие – находящиеся на срочной службе в армии, в тюремном заключении и т.п., и временно приехавшие погостить на длительное время друзья, родственники, приехавшие на учебу.

Включение или исключение из состава домохозяйств трудовых мигрантов с разным сроком отсутствия в стране, где проводится исследование.

Фактологический, а не юридический подход к определению «домохозяйства» – не официально зарегистрированные, а реально проживающие.

Выделение «домохозяйств» внутри многопоколенной семьи или «сложной» семьи. Некоторые семьи живут на одной территории (дворе), включающей несколько строений. В сельской местности в некоторых странах части одной семьи живут в разных строениях, но ведут совместное хозяйство (вносят вклад в общий бюджет и делают некоторые совместные траты, например, на еду). Возможны и другие более сложные взаимоотношения.

Возникновение «новых» форм домохозяйств – совместное проживание людей, не объединенных родством, которые могут либо составлять одно домохозяйство по признаку общности быта, либо нет – вести раздельное хозяйство.

В европейской части бывшего СССР наибольшую трудность при определении границ домохозяйства представляют группы людей, не связанных с жильем постоянными, стабильными связями, а также те случаи, когда возникает расхождение юридического и фактического проживания.

В странах Закавказья и Средней Азии значительную сложность представляет собой разграничение семей на домохозяйства, выделение отдельных домохозяйств из больших многопоколенных семей⁸⁴.

Измерение **состава домохозяйства** – довольно сложная процедура и для сбора данных, и для анализа, поэтому такие данные не так часто включаются в массовые опросы, особенно в сравнительные. Обычно косвенным показателем структуры семьи является семейное

⁸⁴ Сложных многопоколенных семей немало и в России. Например, сравнительное исследование данных по Франции, России и Грузии в рамках проекта INTAS и ECODEF/CI, в 2006-2008 показало, что доля сложных многопоколенных домохозяйств в России составляет почти 30% всех домохозяйств, включающих 2 и более человек, и эта доля не уменьшалась, а в последнее десятилетие росла. Во Франции доля таких людей составляет 5%, а в Грузии – больше половины. *Прокофьева А.М. Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // Spero, 6, 2007.*

положение и наличие/ количество детей. В некоторых исследованиях, однако, такая информация включается в основную часть анкеты, например, в ESS. Трудности в получении информации о составе семьи в массовых опросах заключаются в том, что эта процедура занимает довольно большое время в ходе интервью – необходимо выяснить данные (4-5 характеристик) каждого члена семьи (возраст, пол, иногда образование и трудовое положение и положение в семье). А также в том, что во многих странах подобная информация считается конфиденциальной, рассматривается как вмешательство в частную жизнь. В некоторых странах такие сведения являются предметом интереса государственных органов (миграционных служб, органов безопасности, налоговых органов и т.д.), и поэтому респонденты стараются ее не раскрывать.

Чтобы правильно определить состав домохозяйства, нужно решить проблему включения/ не включения отдельных людей в домохозяйство, а также определить отношения людей друг другу в домохозяйстве. Этот этап не столь сложен для сбора информации, сколько труден для анализа данных. Обычно измеряют либо отношение каждого члена семьи к каждому, либо к одному выбранному члену домохозяйства – респонденту, или к самому младшему члену семьи, или к главе семьи.

Национальность, этничность

Показатель «национальность» входит в состав контекстуальных переменных в большинстве сравнительных и односторонних опросов на территории бывшего СССР. «Национальность» или «этничность» (в инструменте для опроса в постсоветских странах в большинстве случаев спрашивают именно о «национальности» как и в Переписях населения, а в научных дискуссиях в последние годы широко используют термин «этничность»)⁸⁵. Как контекстуальная переменная этот показатель служит

⁸⁵ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

индикатором культурных особенностей анализируемых групп. В сравнительных межстрановых опросах в других странах этот показатель используется гораздо реже и в другом качестве.

Получить эквивалентные сравнительные данные о «национальности» довольно трудно в первую очередь из-за концептуальных различий в понимании и использовании этого показателя в разных странах и в разных научных школах, а также из-за различий в способе измерения этих показателей государственными статистическими органами и органами государственного управления в разных странах и проблем со стандартизацией категорий (национальности, нации, народности, отдельные этнические подгруппы)⁸⁶.

В европейских сравнительных межстрановых опросах чаще всего включается вопрос о **гражданстве**, то есть принадлежности к определенному государству. В некоторых опросах измеряется также «родной» или «наиболее часто используемый» язык, «язык на котором говорят дома», время проживания в стране (или время приезда в страну), страна происхождения.

В англо-американской традиции в контекстуальные переменные включаются показатели «расы» или большой этнической группы, а в более специализированных исследованиях – страна рождения или страна происхождения предков⁸⁷. В Великобритании в переписях используется вопрос о самоидентификации с широкими расовыми группами («белый», «черный или черный британец», «азиат или британец азиатского происхождения», «китаец», «смешанный» и «другое». В США используется 5 основных категорий, вместо «смешанный» возможен выбор из 2 или более категорий. В Переписи европейских стран включены разные показатели национальной и гражданской идентичности и методы измере-

---

⁸⁶ Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра, под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

⁸⁷ *Alba R., V. Nee. Remaking The American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.*

ния этих показателей тоже разные. В двух из этих стран национальность определяется визуально интервьюером («Выглядит ли, на Ваш взгляд, респондент как цыган?»), в восьми странах включен вопрос о самоидентификации респондента с национальной группой. Почти все Переписи в европейских странах содержат вопрос об иммигрантском прошлом. В 19 странах задают вопрос о стране рождения, в 10 – предыдущей стране проживания, в 5 странах есть оба эти вопроса, в 10 странах есть вопрос о дате приезда в страну и длительности проживания в стране опроса, в некоторых странах фиксируют страну проживания родителей.

В Переписях 2000-х на постсоветском пространстве измеряется четыре разных стороны национальной и гражданской идентичности – самоопределение национальности, язык, гражданство и миграционный статус. Например, в Переписи 2010 года в России был включен вопрос о национальности («*Ваша национальная принадлежность*»), вопрос о гражданстве («*Ваше гражданство*», для граждан иностранного государства и лиц с двойным гражданством открытый вопрос – название государства, гражданство которого имеешь и категория «без гражданства»), а также место рождения – субъект федерации РФ или название государства в границах на момент рождения респондента. В Переписи 2002 года Украины фиксируется «этническое происхождение» (национальность, народность или этническая группа), гражданство, место рождения (область Украины или общая категория «другое государство»), время проживания в конкретном населенном пункте и откуда переехал, а также статус беженца или депортированного. В Переписи 2009 года в Казахстане фиксируется национальность, гражданство и место рождения. В Переписях других стран также есть какая-либо информация по этим показателям, но в каждой стране она разная.

В постсоветских странах и в односторонних, и в сравнительных исследованиях чаще всего используется открытый вопрос о национальности, либо предоставляется список из основных национальностей в каждой стране и возможность назвать «другую» национальность.

В некоторых опросах респондента просят сделать один выбор. Такой подход применяется в большинстве Переписей в этих странах. В некоторых опросах, и, в частности, в опросах ЦЕССИ респонденту дают возможность сделать два выбора. Такая возможность сделать более одного выбора дает гораздо более сложный и точный результат по национальной идентификации респондента, чем один выбор, даже в случае, если в анкете с одним выбором предусмотрена возможность назвать категорию «несколько национальностей сразу». В ряде стран (Украине, Казахстане, Беларуси) доля людей, которые идентифицируют себя более чем с одной национальностью, очень велика, и анализ показывает, что это особая группа людей и ее стоит анализировать отдельно.

По существу вопросы о национальности и гражданстве отличаются не только по измеряемому содержанию, но и по типу вопроса. Вопросы о гражданстве являются вопросами фактологическими, вопросы о национальности – субъективными (о субъективной групповой идентификации).

Мы проанализировали подходы, которые используются в измерении национальности в некоторых больших международных сравнительных проектах последних десятилетий:

В сравнительных межстрановых исследованиях на территории СССР национальность служит важной контекстуальной переменной, связанной с большим количеством социальных процессов и явлений, данные о которых собираются и анализируются на базе опросов – типом семейных связей, социальными сетями, политическими ценностями и политическим выбором, общими социальными ценностями, религиозными ценностями и поведением. В последние годы исследователи и в других странах Европы постепенно приходят к пониманию необходимости включать этот показатель в сравнительные межстрановые опросы, несмотря на все сложности с эквивалентным измерением этого понятия. Например, в 7 волну ESS 2014 такой вопрос включен, правда, не на постоянной основе, а в ротационный модуль. До этого времени национальность включалась в ESS только в России.

Схема 4.14. Измерение национальности в некоторых сравнительных межстрановых проектах

ИССЛЕДОВАНИЕ	ПОДХОД К ИЗМЕРЕНИЮ ЭТНИЧНОСТИ
ESS, вопросы о национальной идентификации входят число «основных» вопросов и задаются каждую волну	Измеряемые параметры: гражданство, страна рождения, время проживания в стране, страна рождения родителей, язык ежедневного общения, религиозная принадлежность
ISSP все волны с 2000	Измерение национальности не унифицировано, используются разные определения и способы измерения в разных странах, но в большинстве – это страна рождения и религия
WVS (волна 3 1995-1997)	Измерение национальности не унифицировано, используются разные определения и способы измерения в разных странах, но в большинстве – это страна рождения, время проживания в стране опроса, страна происхождения родителей
LIS 1994-2001	Измерение национальности не унифицировано, используются разные определения и способы измерения в разных странах, но в большинстве - это гражданство

Религиозность и отношение к религии

Религиозность или отношение к религии – контекстуальная переменная, которая используется только в некоторых сравнительных межстрановых и одно-страновых опросах в основном академического типа. В маркетинговые сравнительные исследования или исследования общественного мнения такая переменная включается нечасто. Тем не менее религиозность, как и национальность, может служить важной контекстуальной переменной для анализа большого количества

изучаемых в социальных исследованиях тем и содержательных показателей. Уровень религиозности и тип религиозности связан с общими жизненными ценностями людей, их моральными взглядами. В некоторых странах религиозность связана с политическими установками и предпочтениями, трудовыми и семейными ценностями людей.

Основными путями измерения религиозности, принятыми в сравнительных межстрановых опросах и однострановых исследованиях, на сегодняшний день являются **институциональный и поведенческий подходы**.

В рамках поведенческого подхода религиозность измеряется через поведение и установки, связанные с религией⁸⁸. При институциональном подходе измерение взаимоотношений между человеком и религиозной группой проводят с помощью вопросов о:

- 1) Членстве, принадлежности к религиозной группе. Такой подход вполне оправдывает себя при проведении опросов в странах, где подавляющее большинство населения относится к одной и той же религиозной группе, в которой установлены правила «членства», членство каким-либо образом формально определено. Но даже в этих случаях необходимо учитывать возможность «номинального» членства (формально, по правилам человек может принадлежать к религиозной группе, но больше не идентифицировать себя с ней), или, наоборот, идентификации с группой без формальной принадлежности к ней. Основная сложность при использовании этого показателя в многострановых опросах состоит в том, что «членство» в религиозной группе в разных религиях определяется по-разному. Поэтому в странах с мультиконфессиональным населением или при проведении сравнительных опросов такой подход

---

⁸⁸ Jagodzinski W., K. Dobbelaere. Secularization and Church Religiosity/ in *The impact of Values*, ed. by van J.W. Deth and E. Scarbrough. Oxford: Oxford University Press, 1995.

либо затруднен, либо вообще невозможен. В настоящее время такой показатель если и используется, то лишь совместно с другими характеристиками уровня и типа религиозности.

- 2) Идентификации с конкретной религией или религиозной группой, субъективной принадлежности к группе.

Если предполагается, что уровень и тип религиозности может стать значимой контекстуальной переменной в конкретном сравнительном исследовании, то возможно использовать более комплексный подход к измерению этих переменных, объединив институциональные и поведенческие аспекты.

Например, можно воспользоваться подходом к измерению религиозности, предложенным Ч. Глоком⁸⁹. Он предлагал измерять религиозность на четырех уровнях:

религиозная вера,

религиозный опыт,

религиозные знания,

религиозное поведение – публичное (посещение церкви) и частное (молитва).

Специфика измерения религиозности в сравнительных исследованиях в Европе состоит в том, что хотя доминирующей религией в этом регионе является христианство, население европейских стран принадлежит к самым разным ветвям христианства – большому количеству разнообразных религиозных групп, конфессий, сект⁹⁰. При этом статус каждой из таких групп в обществе и взаимоотношение этих групп с государством различны, что существенно для использования религиозности как

---

⁸⁹ Glock C.Y. On the study of religious commitment // *Religious Education (Special Issues)*: 98-110, 1962.

⁹⁰ Wolf C. Measuring Religious Affiliation and Religiosity in Europe/ in *Methodological Aspects in Cross-National Research*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.

контекстуальной переменной при анализе данных. Процесс секуляризации в Европе в послевоенные годы шел очень быстрыми темпами и привел к падению уровня религиозности, институциональной принадлежности к религиозным группам и конфессиям. Однако **предыдущий опыт религиозности**, религиозное воспитание до сих пор оказывают существенное влияние на мировоззрение людей, их мнения, установки и поведение в области морали, взаимоотношений людей, семьи, поэтому остается важной контекстуальной характеристикой наравне с **текущим уровнем религиозности**.

В сравнительном исследовании ISSP религиозность измеряется вопросами о членстве в религиозных организациях, принадлежности к религиозным конфессиям, группам, а также о религиозном поведении – частоте посещения церкви и частоте частной религиозной практики (молитвы). В ESS используется пять вопросов для измерения религиозности: идентификация с религиозной конфессией и определение типа конфессии, предыдущий опыт идентификации с религиозной конфессией («А когда-нибудь раньше Вы считали себя последователем какой-либо религии?»), субъективная оценка степени своей религиозности, религиозная практика – частота посещения религиозных служб, частота совершения молитв.

В некоторых постсоветских странах измерение отношения к религии включено в Переписи населения 2000-х годов, а в некоторых нет. Мы проанализировали материалы Переписей 11 стран этого региона (за исключением Узбекистана, Туркменистана и Азербайджана). Анализ показал, что в 5 странах вопроса о религии вообще не было. В остальных 6 странах он был включен в разных вариантах.

Казахстан: «Вероисповедание (ислам, христианство, иудаизм, буддизм, отказ, неверующий, другое)»

Грузия: «Ваша религия» (Православие, католичество, григорианство, иудаизм, ислам, другая, никакая)

Литва: К какому религиозному сообществу Вы себя относите? (римско-католическому, греческо-католическому (униаты), евангелическое лютеранство, евангелическое реформисты, православные верующие, староверы, иудеи, мусульмане-сунниты, караимы, другие)

Молдова: открытый вопрос без категорий

Армения: Считает ли себя последователем какой-либо веры или церкви (Армянская апостольская, Свидетели Иеговы, Язычество, Католицизм, Протестантство, Исламизм, Православие, Мормоны, Иудаизм, Несторские Молоканы, Харе Кришна, Евангельская, Шар-Фадинская, ТМ (Трансцендентальная медитация), Другая

Эстония: Принадлежите ли Вы к какому-либо вероисповеданию (религии)? Назовите вероисповедание (религию)

Как и в Переписях населения, измерение религиозности или отношения к религии в опросах на постсоветском пространстве проводится самыми разными способами. При внешнем сходстве многих вопросов содержательно они сильно отличаются. Например, довольно часто используемый в опросах вопрос «*К какой религии Вы принадлежите?*» с перечислением категорий – основных религий – и варианта «*не принадлежу ни к какой*» несмотря на внешнюю схожесть с вопросом о принадлежности к религии, служит скорее измерением идентификации с социально-культурной группой, традицией, говорит о культурных корнях респондента, чем об уровне религиозности. Почти во всех постсоветских странах этот вопрос показывает очень высокий уровень идентификации населения с какой-либо религией (исключение составляет Эстония). При такой формулировке этот вопрос очень тесно связан (высокий уровень корреляции) с национальной идентификацией респондента. При использовании других формулировок подобного же вопроса, например, «*Какую религию Вы исповедуете*» или «*Считаете ли Вы себя последователем какой-либо*

религии», общее распределение ответов показывает более низкий уровень принадлежности к религии, хотя и здесь элемент исключительно культурной идентификации очень велик. Иногда в опросах измеряется поведенческий аспект религиозности (посещение церкви, мечети, молитва и т.п.) или измеряется субъективный уровень религиозности («насколько религиозным человеком Вы себя считаете»).

Влияние формулировки вопроса и использованных категорий ответов на измерение уровня и типа религиозности в опросах очень велико. Поэтому для измерения данного показателя необходимо как точно определиться с концепцией религиозности, которая будет использоваться в конкретном опросе, так и проводить детальную работу по подготовке измерительного инструмента в рамках этой концепции.

4.5. Влияние формы вопросов и «стилей ответов» на данные межстрановых опросов

Особенности коммуникации в ходе опроса

Для создания инструмента как для одностранового, так и сравнительного многостранового опроса, необходимо учитывать особенности механизма коммуникации с респондентом. Методологические исследования и эксперименты показали, что когнитивный процесс, в ходе которого формируется ответ на поставленный вопрос, может быть условно разделен на четыре основных этапа⁹¹:

Этап 1. Осознание вопроса, понимание его «смысла»

Этап 2. Поиск информации для ответа на вопрос, извлечение информации из памяти

---

⁹¹ Groves, R.M., Fowler F.J., Couper M.P., Lepkowski J.M. Singer E., Tourangeau R. (2009) Survey methodology (Second edition). John Wiley and Sons, Inc.; Hoboken, NJ, USA.

Этап 3. Формулировка суждения, то есть соотнесение своего ответа с каким-либо его вербальным выражением или соотнесение с предложенной категорией ответа

Этап 4. Представление ответа.

На каждый из этих этапов существенное влияние оказывают культурные особенности группы, с представителями которой проводятся интервью. Поэтому различия в когнитивном процессе формирования ответа на вопрос между странами довольно велики, что в свою очередь может оказать большое влияние на уровень эквивалентности данных и возможности для их сравнительного анализа.

Влияние на результат опроса могут оказывать самые разные особенности формы измерения: формулировка вопроса, формат или тип вопроса, формы представления ответа, предложенные категории для ответа, а также их формат.

В разных культурах когнитивный процесс работы респондента над вопросом анкеты, представленный в Схеме 4.15, может иметь свои особенности.

Еще на предварительном этапе, до начала работы с конкретным вопросом у респондента формируется общее отношение к опросу, его важности, значимости для самого респондента, а также готовность честно и внимательно отвечать на вопрос. На первом этапе осознания смысла, интерпретации вопроса большое влияние на качество межстрановых сравнений оказывает как качество самого вопроса – его ясность, недвусмысленность, определенность, – так и качество перевода. На этом этапе очень важным является установление правильного взаимодействия интервьюера и респондента, их взаимных ролей, отношений ответственности и готовности к сотрудничеству, нейтральности моральной позиции интервьюера по отношению к респонденту.

На втором этапе когнитивного процесса ответа на вопрос респондент должен осуществить поиск нужной информации в своей памяти. Для этого респондент должен сделать усилие, а не просто пропустить этот этап или

Схема 4.15. Когнитивный процесс ответа на вопрос

КОГНИТИВНАЯ ЗАДАЧА	В МЕЖСТРАНОВОМ СРАВНИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ	ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, КОТОРЫЕ ВЛИЯЮТ НА ПРОЦЕСС ОТВЕТА НА ВОПРОС («стили ответов»)
ОСОЗНАНИЕ СМЫСЛА ВОПРОСА/ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВОПРОСА	Проблема перевода/ качества вопроса (ясность, недвусмысленность и т.п.)	Представление о цели вопроса, особенности взаимодействия интервьюер-респондент в данной культуре
ПОИСК ИНФОРМАЦИИ В ПАМЯТИ	Простота вопроса (информационные требования)	Различные стратегии при отсутствии или трудностях поиска такой информации (уход от ответа, округление, неточные ответы). Эта часть когнитивного процесса иногда может быть пропущена и респондент сразу перешел к суждению. В это время может возникнуть такой стиль ответа как «стремление выражать согласие» и другие смещения
ФОРМУЛИРОВКА СУЖДЕНИЯ (суммирование всей информации, необходимой для ответа)	Представление о нормах	Социально-одобряемые ответы; сила социального давления и готовность ему противостоять
СООБЩЕНИЕ ОТВЕТА (формулировка ответа, соотнесение своего ответа с предложенными категориями)	В целом ответы на вопросы анкеты – непривычная коммуникативная функция. Но в международном сравнении особенно трудна из-за различий в восприятии разных форматов ответов	Разная работа с вербальными и невербальными шкалами в разных культурах, экстремальный или умеренный стиль ответов

использовать возможность уйти от ответа. Качество полученной информации во многом будет также зависеть от того, насколько трудным для респондента является получение такой информации и его готовности предпринять эти усилия. При отсутствии такого желания или слишком больших трудностях на этом пути респондент может выбрать разные стратегии – выбрать ответ, который продиктован «формой», а не содержанием вопроса (например, выбрать «легкий» ответ «да» или «согласен», либо среднюю категорию на шкале), прибегнуть к округлению или дать неточный ответ.

На третьем этапе – этапе формулировки суждения, на респондента оказывают влияние его представления об общественных нормах по данному вопросу, если таковые есть и респондент их осознает. От того, насколько сильны эти нормы, насколько респондент может противостоять социальному давлению, и насколько интервьюер ему в этом помогает, будет зависеть возникновение эффекта «социально-одобряемых ответов».

На последнем этапе – этапе формулировке ответа, соотнесения этого ответа с предложенными категориями ответов, на респондента влияет множество культурных и личностных факторов – особенности восприятия и работы с вербальными и невербальными шкалами, склонность выражать свое мнение в экстремальных или умеренных терминах и т.п. Несмотря на то, что гипотез о различиях в «стилях ответах» между разными культурами довольно много, показать их существование или отсутствие эмпирически очень трудно. Различия в ответах респондентов на многие вопросы отличаются от страны к стране. Но доказать, что эти различия не являются содержательными, а связаны с проблемой измерения – различиями в способах отвечать на вопросы в разных странах, очень нелегко. Поэтому хотя такие доказательства и эксперименты есть, их пока в международной литературе немного⁹².

⁹² Johnson T., P. Kulesa, Y.I. Cho and S. Shavitt. The relation between culture and response styles: Evidence from 19 countries // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2005, №36.

Сама структура вопроса и предлагаемых категорий ответов является источником ошибок измерения в любых исследованиях – как одностранных, так и сравнительных многостранных. Однако в последних такие ошибки влияют не только на качество данных внутри страны, но и на сравнимость данных между странами, так как такие ошибки измерения не одинаковы в разных странах. Виллем Сарис, один из ведущих европейских специалистов по проблемам измерения в опросах, считает, что «даже при использовании одного и того же метода, можно получить разные результаты из-за различий в структуре «ошибки» в разных странах»⁹³.

Наиболее важными источниками различий в величине «ошибки измерения», описанными в методологической литературе, являются:

Особенности формата вопроса – типы шкал для ответов, влияние порядка представления категорий (эффект первой категории, эффект последней категории, длина списка категорий).

Контекст, в котором задан вопрос (вопросы, которые были заданы до этого конкретного вопроса, вступительная и вспомогательная информация), порядок, в котором задаются вопросы.

Содержание предмета изучения – темы, которая может оказаться в разной степени «щепетильной» в разных культурах и обществах.

Эффект «социального одобрения».

«Стили ответов».

Рассмотрим каждый из этих источников «ошибки измерения» более подробно.

---

⁹³ Saris W.E. Comparability across mode and country // in Eurobarometer Measurement for opinions in Europe, ed. by W.E.Saris, M.Kaase, ZUMA-Nachrichten Spezial, 2. Mannheim: ZUMA, 1997; Saris W.E. The effects of measurement error in cross-cultural research // ZUMA-Nachrichten Spezial No.3. Cross-cultural survey equivalence ed. By J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 1998.

Использование числовых шкал в разных культурах

Чаще всего в опросах в качестве категорий ответов используются вербальные или вербально-числовые шкалы. Примером такой шкалы является классический семантический дифференциал, предложенный Ч. Осгудом⁹⁴ – симметричная шкала разной размерности, полюсы которой обозначены парой антонимических прилагательных⁹⁵. Достоинством таких шкал является простота использования, ясность, возможность выразить силу мнения или чувства с разной (иногда довольно высокой) степенью дифференцированности этих чувств. Однако для сравнительных исследований такие шкалы представляют собой одну из наиболее сложных проблем.

Размерность шкалы воспринимается в разных культурах по-разному. При этом эмпирических доказательств эквивалентности хотя бы части из этих шкал на примере разных культур мало. Количество используемых слов, хотя и не очень велико, но требования к ним и к их эквивалентности при переводе на разные языки чрезвычайно высоки. Нужно сохранить эквивалентность в выражении как содержания, вербальной маркировки шкалы (удовлетворенность, вероятность, согласие и т.д.), так и интенсивности чувства или мнения (очень, совершенно, полностью и т.д.). А это редко удается.

Другой возможностью является использование в качестве категорий ответов числовых невербальных шкал. В таких шкалах значения могут быть выражены через объекты, предметы, которые можно представить визуально, например, лестница, ступенчатая пирамида или гора, термометр, кнопки телефона. Другая возможность – использовать шкалы, состоящие только из чисел, которые имеют свое собственное метрическое содержание. К ним

⁹⁴ Osgood C.E., G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. The measurement of meaning. Urbana, USA: University of Illinois Press, 1957.

⁹⁵ Обзор различных форм семантического дифференциала см.: Friedman H.H., L.W. Friedman and B. Gluck. The Effects of Scale-Checking Styles on Responses to a Semantic Differential Scale // Journal of the Market Research Society, 30(4), 1988.

относится шкала частоты, количество дней, количество денег или числовые шкалы с соотношением с какой-либо точкой. Примером последней является метод измерения относительно условного базового значения. Например, какому-либо социально неодобряемому действию присваивают значение 100 (скажем, «важность» превышения скорости=100), а затем просят респондента оценить серьезность других социально неодобряемых действий, например, таких как использование шпаргалок на экзамене, сокрытие части налогов, невыплата штрафов, относительно этих 100 баллов. Иногда используются графические шкалы: респондента просят оценить важность или выразить мнение о серьезности социально-неодобряемого действия, нарисовав или отметив точку на линии разной длины – сделать линию короткой или длинной. Однако для многих респондентов во многих странах такой метод является довольно сложным, и количество отказавшихся или затруднившихся отвечать на такой вопрос может быть очень велико.

Методологические исследования показали, что даже числовые шкалы не являются однозначными и свободными от ошибок, как предполагает их простая математическая сущность. Например, люди по-разному оценивают объект на 11-балльной шкале разного типа – от 0 до 10 и от -5 до +5. Довольно большие сложности возникают при использовании 100-балльной шкалы, кроме тех случаев, когда 100-баллов выражают проценты. Например, при использовании «термометра чувств», довольно часто применяемой в опросах методики со 100-балльной шкалой, респонденты редко пользуются всеми возможностями этой очень дробной шкалы, а огрубляют ее до использования больших целых (обычно выбирают десятки и 25/75 четверти). Эксперименты показали, что в некоторых культурах респонденты стараются избегать слишком больших цифр на 100-балльной шкале, так как у них возникает аналогия с температурой, и когда она высокая, это говорит о проблеме, отклонении⁹⁶. Во многих культурах есть «счастливые» и «несчастливые» цифры,

⁹⁶ Tourangeau R., L. Rips and K. Rasinski. The psychology of survey response. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

и люди стараются некоторые цифры избегать, а некоторые – использовать чаще. Так как символическое значение цифр в разных культурах разное, то это может сказаться на эквивалентности результатов.

Достоинствами числовых шкал в сравнительных опросах является то, что количество используемых слов в них невелико, поэтому необходимость перевода – минимальна. Однако, во-первых, полностью исключить слова не удастся. Во-вторых, даже если в самой шкале слова могут не использоваться совсем или их может быть очень мало, объяснения, которые интервьюер должен дать респонденту о том как пользоваться шкалой, оказываются очень многословными. В этом случае вербальная коммуникация не уменьшается, а лишь перемещается из категорий ответов во вступление к вопросу или объяснение после вопроса.

На качество данных при использовании числовых шкал часто влияет такой фактор, как требуемый уровень точности и детализации. Чем более детальную, точную информацию требуется получить во время опроса, тем выше доля респондентов, которые отказываются или затрудняются дать хоть какой-нибудь ответ на вопрос. Другой стратегией респондентов является округление. Это особая проблема для измерения в опросах, так как округляют люди в разных культурах и в отношении различных тем по-разному⁹⁷.

При использовании числовых шкал с вербальными категориями одной из наиболее трудных задач для сравнительного исследования является определение интенсивности вербальной маркировки шкалы.

- 1) Одной из стратегий является ранкирование – присвоение каждой категории рангов от самого меньшего до самого большего, от самого слабого до самого сильного. Но ранкирование показывает лишь относительную позицию каждой категории, а не абсолютную. Более того, ранги нельзя воспринимать и как

---

⁹⁷ Tourangeau R., L. Rips and K. Rasinski. The psychology of survey response. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

интервальную шкалу, так как дистанция между разными рангами не обязательно одинаковая. Например, какое-либо качество, названное первым, может цениться очень высоко, а качества, оцененные как вторые, третьи, очень сильно отставать по значимости от первой категории.

- 2) Второй вариант – ранжирование каждого пункта независимо друг от друга с использованием числовой шкалы (важности, частоты и т.п.). В таком варианте мы получаем абсолютную оценку по каждой категории, но зато эффект соотнесения их друг с другом теряется. В случае, если имеет место эффект «стиля ответа» с выбором определенных точек шкалы (например, экстремальных, что довольно часто бывает при использовании «шкалы важности»), относительную позицию категорий определить часто вообще невозможно.
- 3) Третий вариант – расположение каждого понятия на одной шкале относительно друг друга. В этом варианте положение категорий относительно друг друга определяется довольно четко. Можно считать, что интервалы между категориями также учтены, так как у респондента есть возможность расположить их ближе или дальше друг от друга. Недостатком такого варианта является довольно большая когнитивная нагрузка на респондента, что часто приводит к отказам отвечать на вопросы в этом формате.

Особенную задачу в сравнительных исследованиях представляет собой создание **шкалы частоты**. Такие шкалы нелегко разработать даже для одностранового опроса, а не только для сравнительного. Категории частоты, предложенные респонденту, должны соотноситься с частотой самого действия. Некоторые действия в определенных странах и культурах являются ежедневными или очень частыми, и тогда шкала частоты строится на небольших интервалах. Однако в других культурах подобное действие может быть редким, и тогда подробная часть шкалы не будет использована.

Например, в ISSP 2007 использовалась шкала частоты (1 ежедневно; 2 несколько раз в неделю; 3 несколько раз в месяц; 4 Несколько раз в год; 5 Никогда) для измерения разных способов проведения свободного времени: просмотр телевизора, посещение кинотеатра, общения с родственниками, прослушивание музыки, посещение спортивных событий и др. При определении частоты некоторых действий, например, общения с родственниками и общения с друзьями, респонденты использовали для ответов всю шкалу. Но для некоторых действий шкала была недостаточно дробной и почти все ответы концентрировались в одной категории, так что свою функцию дискриминировать ответы она не выполнила, то есть недостаточно хорошо подходила для описания этих действий. Например, 95% респондентов попали в первые три категории (а большинство только в первую – ежедневно), отвечая на вопрос о просмотре телевизора, 90% респондентов попали в две категории 4 и 5 (несколько раз в год или никогда), отвечая на вопрос как часто они ходят в кино. В отношении разных стран использование шкалы также было разным. Если в Швеции или в Южной Корее, например, где Интернет начал распространяться довольно давно, подавляющее большинство из тех, кто вообще им пользуется, используют Интернет ежедневно (то есть для более детального анализа пользователей нужно было бы изучать количество времени ежедневно, которое население этих стран проводит в Интернете), то в Доминиканской республике даже те, кто пользуются Интернетом, делают это в основном несколько раз в месяц и для них эта шкала вполне подходит, так как она действительно разделяет людей на «частых» и «нечастых» пользователей.

Как говорилось выше, одной из возможностей построения эквивалентных шкал для использования в сравнительных опросах является использование визуальных стимулов вместо точек шкалы. Однако и здесь перед исследователем встает довольно много проблем.

Визуальные стимулы часто не эквивалентны в разных культурах⁹⁸. Некоторые стимулы, которые кажутся очевидными в одной культуре, просто не существуют в другой. Например, американские исследователи Танзер, Джиттлер и Эллис показали, что использование цветов как визуальных стимулов для ответа на вопросы, не всегда возможно. «Оранжевый» цвет, который очень распространен в европейской культуре, плохо различается в других культурах⁹⁹. Графическое расположение визуальных стимулов также требует большого внимания и культурной адаптации.

Работа над созданием шкал ответов в сравнительных исследованиях столь трудоемка и сопряжена с таким количеством проблем, что некоторые исследователи предлагали вообще отказаться от этой затеи, и использовать только вопросы с дихотомическими ответами – «да-нет», «поддерживаю-против», «имею-не имею» и т.п. Однако истинность предположения, что дихотомии просты и эквивалентны между странами, также стоит под вопросом. Во многих случаях респонденты просто не могут ответить на поставленный вопрос в дихотомическом формате и добавляют категории. Например, в опросах довольно часто необходимо получить информацию о «главе домохозяйства», которого определяют

---

⁹⁸ В 1931-1932 гг. А.Р. Лурия проводил эксперименты в Средней Азии, направленные на выявление культурных различий в интеллектуальной деятельности человека. Он показал, что хотя цветоощущение является универсальной функцией, способы категоризации и классификации цвета культурно обусловлены. Лурия А.Р. Культурные различия и интеллектуальная деятельность // А.Р. Лурия. Этапы пройденного пути: Научная автобиография. М.: МГУ, 1982; Бондарчук А.И. Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций // Молодой ученый, 2014, № 3; Кудрина А.В., Мещеряков Б.Г. Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011, № 1. <http://www.psyanima.ru>.

⁹⁹ Tanzer N.K. Cross-cultural validity of Likert-type scales: perfect matching factor structures and still biased // European Journal of Psychology Assessment, 1995, №11.

как «человека, который получает наибольший доход в семье». Это необходимо, чтобы определить социально-экономический статус семьи, а не случайно отобранного в семье респондента, получить информацию о распределении ролей в семье, определить положение респондента в семье относительно распределения доходов и решениях о тратах. Для этого нередко используется дихотомический вопрос:

Являетесь ли Вы тем человеком, который получает наибольший доход в семье?

- (1) Да
- (2) Нет

Этот на первый взгляд простой вопрос вызывает большие проблемы как в односторонних опросах, так и при межстрановых сравнениях. В некоторых постсоветских странах (в основном расположенных в европейской части России) занятость женщин на рынке труда очень высока, в семье работают минимум двое. В такой ситуации часто трудно определить, какой член семьи получает «наибольший доход». Поэтому респондентам необходима еще одна категория («я и другой член семьи или несколько получаем примерно одинаковый доход»). В некоторых странах, где роли в семье распределены более традиционно, такой вопрос сложен, так как «глава семьи» может и часто не получает самый большой доход, а становится «главой семьи» по другому основанию (например, по возрасту). В этом случае ответ на поставленный вопрос – *«наибольший доход получает один человек в семье, а главой домохозяйства является другой»*. Эквивалентность межстрановых данных, полученных на основе такого вопроса, находится под большим сомнением. Довольно часто дихотомических категорий недостаточно в случае гипотетических вопросов («собираетесь ли Вы в будущем ...?»), так как многие ответы будут обуславливаться определенными обстоятельствами, а они могут быть совершенно разными в представлении респондентов из разных стран.

В случае с использованием дихотомических категорий существенно сужаются возможности респондентов для точного выражения своего мнения и возможности для анализа структуры мнений – исчезают различия между теми, кто занимает твердую позицию по какому-то вопросу, людьми с четко сформированным мнением, и теми, кто только склоняется к определенному мнению. Из-за этого страдает и точность собранных данных. С помощью такого вопроса можно измерить лишь направление мнения, но не его интенсивность. А если необходимо и то и другое, то количество требуемых для получения информации вопросов, и, соответственно, время интервью становится даже больше, чем при использовании дробной шкалы ответов.

*Влияние формы вопроса и категорий ответа
на данные опросов*

Контекст вопроса и порядок вопросов. Влияние порядка вопросов на качество измерения в опросах было показано на примерах данных односторонних исследований в США еще в 70-х годах прошлого века. Предыдущие вопросы оказывают влияние на то, как респондент отвечает на последующие. Вопросы в ходе интервью не являются независимыми измерениями определенных параметров (как они потом используются при анализе), а связаны между собой.

Такое влияние проявляется на всех четырех этапах когнитивного процесса ответа на вопрос, о котором мы говорили в начале этой Главы. Например, респонденты стремятся быть последовательными в своих ответах. А это значит, что если в одном вопросе понятие было использовано определенным образом или дано его специфическое определение, то и в последующих вопросах респондент будет интерпретировать это понятие так же.

Однако иногда возникает и обратный эффект. Во время интервью люди стараются придерживаться тех же норм и правил коммуникации, что и в обычной жизни. Они стараются не повторяться, давать каждый раз новую инфор-

мацию, а не ту, что уже есть у собеседника. Таким образом часть информации исключается как ненужное повторение. Этот фактор может оказать существенное влияние в случае, если общий вопрос расположен после частного. Например, если сначала задаются вопросы об удовлетворенности разными отдельными аспектами жизни: финансовым положением, семейной жизнью, работой, а потом общий вопрос об удовлетворенности жизнью в целом. В некоторых случаях респонденты будут стремиться исключить уже описанные ими аспекты жизни из рассмотрения, когда отвечают на общий вопрос после частного. Такой ситуации можно избежать, если специально подчеркнуть, что сейчас вопрос задается в целом, принимая во внимание все аспекты, в том числе и те, о которых уже говорилось.

На эквивалентность измерения в опросах влияние может оказывать сама форма вопроса. Например, **порядок категорий** может влиять на распределение ответов. Часто респонденты предпочитают выбирать первую предложенную категорию или последнюю. Если категории предложены на карточке, респонденты выбирают первую, если зачитываются устно – последнюю. Это связано с когнитивными способностями и мотивацией респондентов¹⁰⁰. Например, при оценке политиков порядок их перечисления оказывает влияние на результат: если сначала говорить о мало популярных политиках с низкими оценками, то первый же популярный политик получит преувеличенно позитивные оценки¹⁰¹. Часто при оценке деятельности политиков, если начать с

¹⁰⁰ Krosnick J.A., D.F. Alwin. An evaluation of a cognitive theory of response-order effects in survey measurement // *Public Opinion Quarterly*, 1987, № 51; Sudman S., N. Bradburn, N. Schwarz. Thinking About Answers. The application of cognitive processes to Survey Methodology / in *Research Methods for the Social Sciences*. NY: Wiley series in Survey Methodology, 2006; Krosnick J.A. Survey Research // *Annual Review of Psychology*, 50, 1999.

¹⁰¹ На примере Германии это показано в работе Schwarz N. Cognitive research into survey measurement: its influence on survey methodology and cognitive theory / in *Cognition and Survey Research* eds. by M.G. Sirken, D.J. Mermann, S. Schechter, N. Schwarz, J. Tanur, R. Tourangeau. New York: Wiley, 1999. Подобный результат мы получали и на примере стран СССР.

популярного в стране Президента, то и все другие (министры, спикер Парламента, губернаторы областей) получают более высокие оценки, чем если бы перечислять их в противоположном порядке.

Влияние порядка вопросов и общего контекста на ответы по отдельным вопросам, а также порядка категорий в разных культурах и странах в сравнительном аспекте пока изучен мало, и это очень перспективное и важное направление для дальнейших исследований.

Культура как контекст

Есть немало оснований считать, что культура выступает контекстом, который влияет на весь когнитивный процесс ответа на вопрос и на формирование разных «стилей» ответов. В методологической литературе подтверждение этого чаще всего находят при сравнении западной и восточной культур. Западные культуры, по мнению исследователей, стимулируют формирование независимого взгляда на себя и свою личность, напрямую не связанного с оценками и мнениями окружающих. Общий культурный фон в этих обществах таков, что стимулирует и поощряет людей осознавать свою уникальность, отличие от других. Стремление подчеркнуть свои уникальные качества, способности иметь свое мнение и установки по широкому кругу вопросов считается социально одобряемым поведением. В восточных культурах взгляд на себя, по мнению этих исследователей, формируется через оценку других, является более социально зависимым. Человек думает и описывает себя через групповое членство, социальные роли; важным считается выражать мнение своей среды, «подходить» к своей среде или группе¹⁰².

Если такие различия существуют, то они могут оказывать существенное влияние на весь когнитивный процесс ответов на вопрос и во многом определять различия в точ-

¹⁰² Oyserman D., H.M. Coon, M. Kemmelmeier. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analysis // Psychological Bulletin, 128, 2002.

ности измерений разных параметров между культурами. Например, можно предположить, что в восточных культурах стремление «быть своим, хорошим членом своей группы», выразителем мнения своей группы подталкивает людей к тому, что они более внимательно следят за своим поведением и за тем как ведут себя другие люди. Поэтому они с большей точностью могут рассказать о многих аспектах своего каждодневного поведения, которые в западных обществах люди склонны забывать или не обращать внимания. Тогда при проведении опросов о частоте разных событий и поведения в западных культурах потребуется больше наводящей информации, подсказок и стимулов, чем в восточных.

В культурах, где важна гармония социальных связей, ценятся не прямые формы коммуникации, избегают прямых оценок и прямого выражения личных предпочтений, стараются «смягчить» свои оценки, а также не требовать полной информации и говорить о ее недостатке, а «читать между строк». В таком случае важность формы и всех деталей взаимодействия респондента–интервьюера очень велика и может оказать значительное влияние на результаты опроса и точность измерений.

«Щепетильные» вопросы в разных культурах

В каждой стране и культуре есть вопросы, которые можно охарактеризовать как «щепетильные»¹⁰³. Среди них могут быть вопросы о сексуальном поведении, доходе, политических и религиозных взглядах, структуре семьи, социально-неодобряемых привычках и поведении.

¹⁰³ Это понятие было впервые разработано в англоязычной методологической литературе и называется “sensitivity”. В российской науке устоявшегося термина пока нет. Вариантом было бы использование английского слова в русской транскрипции – «сенситивный», но, на мой взгляд, в русском языке оно не передает необходимого смысла. Русские слова «щекотливый», «трудный для обсуждения», «некомфортный» также не описывают это понятие в полной мере. «Щепетильный» в наилучшей степени передает содержание этого понятия, поэтому в дальнейшем я буду использовать его.

Тема «щепетильных» вопросов изучалась в основном на примерах данных односторонних опросов, и количество работ по этому вопросу очень невелико¹⁰⁴. Эмпирических данных об уровне «щепетильности» разных тем в разных странах совсем мало. Хотя многие методологи постоянно подчеркивают, что различия в «щепетильности» вопросов всегда может проявиться при сравнении культур и стран с разными социальными традициями, юридическими и моральными нормами.

Для начала я постараюсь дать рабочее определение «щепетильным» вопросам. **«Щепетильными» я буду называть темы или вопросы, обсуждение которых в ситуации опроса/ интервью систематически связано с особыми эмоциональными и/или когнитивными нагрузками для значительной части населения, возникающими из-за ограничивающих обсуждение таких тем социальных или культурных норм, юридических или моральных требований.**

Чем же могут быть «опасны» щепетильные вопросы и различия в таких «щепетильных темах» между странами, чтобы беспокоиться об этом? Возможными последствиями при измерении «щепетильных» вопросов обычными методами может стать:

а) Увеличение «общей ошибки» измерения из-за увеличения количества пропущенных данных в этих вопросах. «Щепетильность» вопроса может привести тому, что в опросе респондент дает исследователю неверные сведения. Включение таких вопросов может привести к снижению общего уровня кооперации со стороны респондентов – росту отказов от участия в интервью. «Щепетильные» вопросы, которые вызывают у респондентов негативную эмоциональную реакцию и ощущение небезопасности, тревожности, производят негативный «эффект контекста» при ответах на дальнейшие вопросы в интервью.

б) Проблемы с эквивалентностью, сравнимостью данных между странами. Уровень «щепетильности»

¹⁰⁴ Tourangeau R., T. Yan. Sensitive questions in surveys // Psychological Bulletin, 2007, №133 (5).

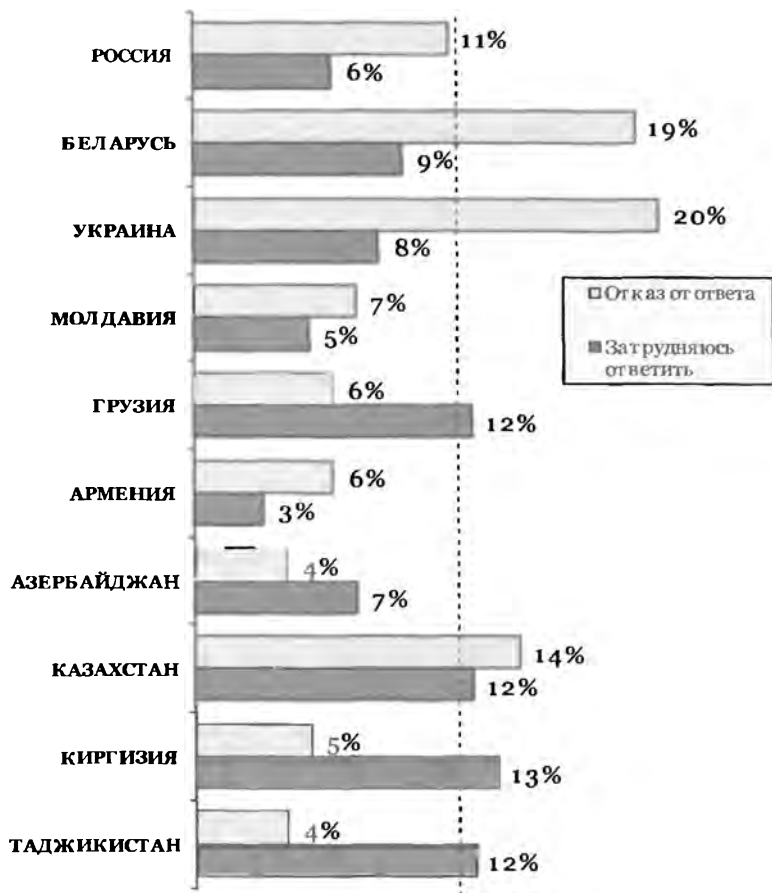
разных тем и способы, которыми респонденты стараются выйти из трудной ситуации, могут быть различными в разных странах и культурах. Разные социально-демографические группы (например, женщины, молодежь, пожилые люди, религиозные люди) могут по-разному реагировать на «щепетильные вопросы» и по-разному воспринимать их «щепетильность». Возникает социально-групповая дифференцированность в ответах на «щепетильные вопросы», которая тоже может оказаться неодинаковой в разных странах. Например, в одних странах вопрос может казаться более «щепетильным» женщинам, а в других – молодым людям¹⁰⁵.

На графике 4.1 показано, что различия в доле пропущенных данных о доходе (одной из «щепетильных» тем, всегда определяемых таким образом экспертами в этом регионе) довольно разные – от 9% в Армении до 28% в Беларуси и Украине. Стратегии «ухода» от ответа на этот вопрос респонденты тоже выбирают разные. В Беларуси и Украине, а также отчасти в России респонденты выбирают способ прямого отказа. В других странах респонденты чаще затрудняются ответить, ссылаясь на незнание, память, косвенным образом выражают свое нежелание отвечать. Довольно высокий уровень пропущенных данных в таких вопросах может быть как следствием сложности когнитивной задачи (трудно подсчитать доход, учесть доход из всех источников, вспомнить эту информацию, особенно если в обычной жизни такой подсчет не является регулярным действием), так и следствием восприятия этого вопроса как «щепетильного».

Если исследователь знает о существовании «щепетильных» тем и их остроте в конкретной культуре, то может заранее найти специальные процедуры для улучшения качества измерения таких показателей. Например, использовать метод самозаполнения вместо личных интервью, когда информацию не нужно прямо говорить интервьюеру, а можно передать на бумаге. Можно спе-

¹⁰⁵ A. Andreenkova. Methodological Challenges in Comparative Surveys in Countries of the former Soviet Union/ доклад, представленный на конференции WAPOR, сентябрь 2014 г.

График 4.1. Доля пропущенных данных (отказались или затруднились ответить) на вопрос об общем семейном доходе (использовался закрытый вопрос с 10 категориями в национальной валюте каждой страны)

Примечание. Данные национальных опросов населения ряда стран бывшего СССР (как часть Мониторинга стран Закавказья и Мониторинга социальной ситуации в Средней Азии ЦЕССИ), проводимые на основе случайных вероятностных выборок населения этих стран 18 лет и старше методом личных интервью на дому у респондентов. В Мониторинге стран Закавказья опрашивается 1000 человек, в остальных странах – 1500 человек в каждой.

циальным образом обеспечивать конфиденциальность ответов респондентов именно на эти вопросы, например, просить респондента запечатать свою анкету в чистый конверт, опустить в ящик, где содержатся и другие анкеты, чтобы их нельзя было идентифицировать, дать респонденту особые гарантии конфиденциальности. Исследователь может выбрать более приемлемый формат вопроса, чтобы минимизировать проблемы и потери, если задать такой вопрос необходимо. Например, можно просить у респондента дать не точную информацию, а лишь общую – в широких категориях. Можно вводить дополнительные категории, чтобы поместить подходящие респонденту категории в более благоприятный контекст (указывать гораздо более низкие и гораздо более высокие категории дохода на карточке, чтобы респондент видел, что его доход не является ни слишком низким, ни слишком высоким). Можно прямо предложить респонденту вариант ухода и отказа от ответа на этот вопрос – разместить категорию «Не хочу отвечать» на карточке вместе с содержательными категориями ответа.

Однако все это можно сделать только в том случае, если исследователь знает о том, какие темы и вопросы в данном обществе «щепетильные» или трудные для обсуждения в ходе интервью с незнакомым человеком, а еще лучше, если есть информация о причинах такого поведения и восприятия этих тем. Но таких сведений у исследователя обычно очень мало. Чаще всего такая информация собирается качественным образом, на основе опыта отдельных исследователей и организаций или на основе экспертных оценок¹⁰⁶. Систематически такая информация до настоящего времени собиралась очень редко. Мы попытались восполнить этот пробел.

В последние несколько лет ЦЕССИ инициировал методологический проект по изучению щепетильности разных тем и вопросов в странах бывшего СССР. Цель про-

¹⁰⁶ Westall, W. Comparing respondents' trust and understanding of two variants of the randomized response method. Master's dissertation. Katholieke Universiteit Leuven, Belgium, 2011.

екта состояла в том, чтобы ответить на три основных вопроса:

- ✓ Действительно ли щепетильные вопросы, темы в разных странах бывшего СССР разные или они общие для этих стран?
- ✓ Какие вопросы, темы из тех, которые часто затрагиваются в опросах общественного мнения, маркетинговых и академических исследованиях обладают наибольшей «щепетильностью»? (то есть исключая специальные темы как ВИЧ/ СПИД, проституция, наркомания т.п.)
- ✓ Действительно ли различия в уровне «щепетильности» влияют на качество межстрановых сравнений на базе опросов?

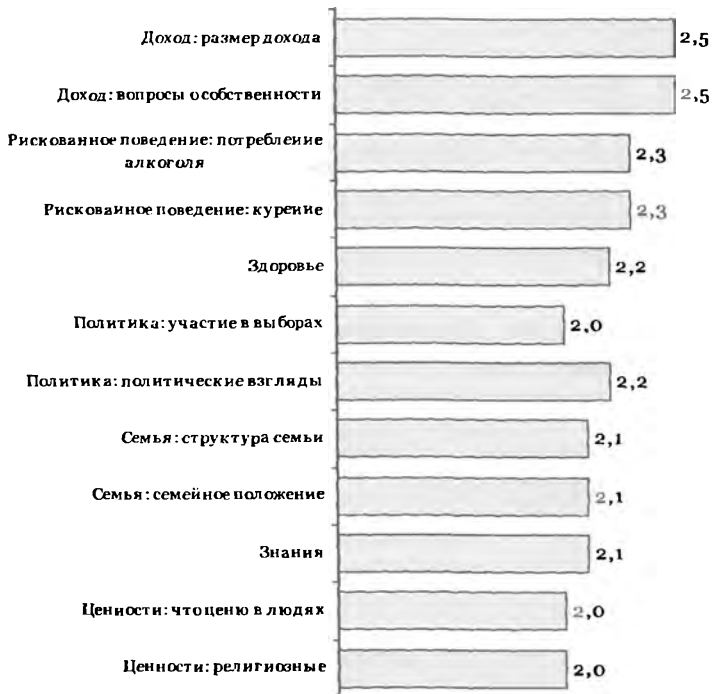
Методика измерения щепетильного характера вопросов в сравнительном контексте включает несколько исследовательских этапов.

Этап 1. Опрос экспертов для составления списка «потенциальных» щепетильных тем для исследуемых стран.

Этап 2. Проведение когнитивных интервью в разных странах для изучения процесса восприятия и реакций респондентов на вопросы, затрагивающие «щепетильные темы», анализ «поведенческих реакций» респондентов на щепетильные вопросы во время когнитивных интервью (сомнения, усмешки, движения глаз, длительное время на обдумывание ответа и другие).

Этап 3. Количественный тест. Блок вопросов о том «Насколько трудно и легко обсуждать ряд тем с незнакомцем» был включен исследование «Постсоветские сравнительные тренды ЦЕССИ». Все темы (доход, рискованное поведение, здоровье, политика, семья, знания, ценности) оценивались респондентами по шкале от 1-5 (очень трудно - очень легко обсуждать эту тему).

График 4.2. Рейтинги «щепетильных» тем в странах бывшего СССР (средняя по шкале по всем странам 1-5 Очень легко—Очень трудно)

В целом в регионе наиболее «щепетильными» из изученных являются вопросы о **доходе, рискованном поведении и здоровье**. Около 30% людей в среднем по всем странам показали «высокую чувствительность» к вопросам о доходе – и к вопросу о размере дохода, и к вопросу о собственности. Чуть более пятой части респондентов считают трудными для обсуждения с незнакомцами вопросы о своем здоровье. Примерно такая же доля респондентов испытывают трудности, отвечая на вопросы о своих привычках потребления алкоголя и курения, а также при обсуждении своих политических взглядов.

Различия между странами в том, какие вопросы население разных стран оценивает как «щепетильные» довольно велики, хотя и общего много. Вопросы о политике, политических взглядах, электоральном поведении оказываются наиболее трудными и «щепетильными»

при обсуждении для значительного количества респондентов во всех странах и регионах Кавказа кроме Грузии, а также в Таджикистане и, отчасти, в Молдавии. Вопросы о таких привычках как употребление алкоголя или курение, являются «щепетильными» для значительной доли населения в Армении, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане и Молдавии. В целом во всех странах бывшего СССР вопросы о курении и потреблении алкоголя примерно одинаково «щепетильны». Вопросы о доходе и владении собственностью также являются одной из наиболее щепетильных тем практически во всех этих странах. Но особенно велика доля населения, для которых трудно обсуждать такие темы, в Армении и Молдавии. Вопросы о семейном положении или структуре семьи не очень легко задавать в Армении и Азербайджане, а также в Таджикистане и, отчасти, в Молдавии.

График 4.3. Общий индекс «щепетильности» по странам (средняя по кумулятивному Индексу 1-5 Очень легко—Очень трудно)

Выделились страны, в которых «щепетильных» вопросов в целом очень много, и страны, где их в целом немного или доля людей, для которых эти вопросы являются «щепетильными», очень мала. Конечно, такой эффект может быть связан с методологическими особенностями самого нашего измерения «щепетильности», но определенное представление о содержательных различиях он, тем не менее, дает. Наиболее высокий уровень «щепетильности» – в Таджикистане (в этой стране почти все включенные в исследование темы воспринимались как «щепетильные» значительной долей населения). Также довольно высок уровень «щепетильности» разных тем в Армении и Молдавии. Самый низкий он – в Грузии (но это может связано с особенными обстоятельствами социально-политической ситуации в этой стране в момент опроса) и в России.

В основе восприятия вопроса как «щепетильного» во всех случаях лежит представление о том, что **нарушается какая-то социальная норма или требование**. По результатам анализа данных количественных опросов и когнитивных интервью мы выделили три типа «щепетильных» вопросов на основе того, какие именно социальные нормы и требования нарушаются этими вопросами и какие мотивы лежат в основе этой «щепетильности»:

Юридические нормы, требования государства, властей в представлении населения

Социальные и моральные нормы

Нормы коммуникации, частной жизни и представления людей о том, какая информация является «частной».

Такие вопросы и темы как политическое участие, политические взгляды, электоральный выбор, а также состав семьи и подробности о членах семьи воспринимаются как «щепетильные», так как часто требуют от людей предоставить информацию, которую они не хотели бы раскрывать из-за опасений о возможных последствиях со стороны властей, либо если им кажется, что их действия нарушают одобряемые государством или законом нормы (гласные или негласные).

Ко второму типу относятся вопросы о рискованном поведении и вопросы на знания (признаться в том, что не знаешь чего-то, что является предметом общепризнанного знания, например, то, что все проходили в школе), а также информация о семейном положении и сексуальных отношениях. Эти вопросы в представлении людей связаны с социальными и моральными нормами.

Вопросы личных финансов, собственности, а также вопросы о здоровье и жизненных ценностях чаще всего воспринимаются как «щепетильные» из-за того, что, обсуждая их, нарушаются определенные нормы и правила коммуникации с неблизким человеком, а также право человека на частную жизнь и частную информацию. Считая «щепетильным» вопрос о финансах, респонденты часто объясняют это опасениями сложностей во взаимоотношениях с государством. Но анализ показал, что даже люди, которые никак не могут опасаться преследований властей, и чьи доходы совершенно прозрачны, считают эти темы «щепетильными».

«Стили ответов» – какие они бывают и как влияют на качество измерений

Кроме формы вопроса и уровня щепетильности темы, на надежность и точность измерения показателей в опросе влияет сам способ респондентов отвечать на вопросы интервью – их «стиль ответов». **«Стили ответов» – это систематические приемы, которые люди используют при ответах на вопросы, склонность отвечать на вопросы, заданные в одном и том же формате, одинаковым образом независимо от их содержания.** Например, на вопрос «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением...» некоторые респонденты отвечают «совершенно согласен» или выбирают категорию «скорее согласен» по любым утверждениям. А чаще по тем, где у них нет сформированного мнения. Такая модель поведения в методологической литературе получила название «стили ответов на вопросы анкеты».

На сегодняшний день таких «стилей» выделено уже несколько, и они имеют разную степень распространенности в разных культурах и разных странах. К таким «стилям» можно отнести:

стремление выбирать экстремальные категории и суждения – экстремальный стиль ответов;

склонность выражать согласие с утверждением независимо от его природы;

склонность давать умеренные, «серединные» ответы на любые утверждения и вопросы;

склонность уходить от ответа, затрудняться с ответом, сомневаться и не давать прямого ответа независимо от содержания вопроса.

Рассмотрим каждый из этих источников систематических смещений в данных опросов отдельно.

Склонность выражать согласие при ответах на вопросы

Одним из способов, который некоторые респонденты выбирают при ответах на вопрос, является **склонность соглашаться – стратегия респондента отвечать на вопросы анкеты, систематически используя категорию, означающую «согласие», независимо от содержания вопроса** (стремление говорить «да», «поддерживаю», «одобряю», «согласен»).

Чаще всего такая стратегия ответов на вопросы или стиль ответов проявляется в вопросах, заданных в формате «согласен-не согласен», но не только. Любые формы вопроса, где нужно что-либо подтвердить или опровергнуть (высказаться за или против) могут быть подвержены такому смещению.

На примере моностранных исследований было показано, что такой стиль ответов характерен в большей степени для отдельных социальных групп, а не для всего населения в целом. Чаще всего так поступают люди с более низким уровнем образования, низким социальным статусом. Такую стратегию чаще выбирают очень моло-

дые респонденты и люди старших возрастов¹⁰⁷. Большую склонность выбирать такую стратегию поведения, отвечая на вопросы, исследователи обнаружили среди представителей отдельных меньшинств¹⁰⁸. Это дифференцированное по социальным группам использование стратегии «соглашаться» затрудняет задачу как межгрупповых, так и межстрановых сравнений.

Для сравнительных исследований особенно важно, что такой стиль или стратегия ответов проявляется неодинаково в разных странах и культурах. В некоторых странах этот эффект более ярко выражен, чем в других. Например, было обнаружено, что такой стиль ответов более характерен для стран Азии, некоторых стран Южной Америки, и в меньшей степени выражен в США и европейских странах¹⁰⁹. Американский исследователь Дебора Джавелин обнаружила, что склонность выражать согласие является довольно распространенным «стилем ответа» в Казахстане. Она пришла к выводу, что такое поведение различается в зависимости от национальности респондентов. Оно более характерно для казахского населения, чем для русских, то есть скорее всего определяется культурными особенностями разных национальных групп¹¹⁰. Некоторые исследователи называют этот «стиль ответа» «смещением в ответах из-за норм вежливости». Склонность отвечать таким образом проявляется не только в восточных, но и в европейских странах, и различия

---

¹⁰⁷ *Narayan S., J.A. Krosnick.* Education moderates some response effects in attitude measurement // *Public Opinion Quarterly*, 60, 1996.

¹⁰⁸ *Warnecke R.B., T.P. Johnson, N. Chavez, S. Sudman, D. O'Rourke, L. Lacey and J. Horm.* Improving question wording in surveys of culturally diverse populations. *Annals of Epidemiology*, 1997, №7.

¹⁰⁹ *Church A.T.* Personality Research in a Non-Western Culture: The Philippines // *Psychological Bulletin* 102(2), 1987 показал, что этот эффект особенно силен на Филиппинах; *Landsberger H. and A. Saavedra.* Response Set in Developing Countries. *Public Opinion Quarterly*, 31, 1967 - в испано-говорящих США и Чили.

¹¹⁰ *Javeline D.* Response effects in polite cultures: a test of acquiescence in Kazakhstan // *Public Opinion Quarterly*, 1999, № 63.

между этими странами в использовании такого «стиля ответа» тоже немалые¹¹¹.

Причины выбора такого «стиля ответов» на вопросы анкет и причины межкультурных различий в использовании подобной стратегии пока до конца не изучены. Различия между группами в выборе такого «стиля ответа» внутри каждой страны могут быть связаны с формой самого вопроса: двусмысленность вопроса, его неопределенность, отсутствие мнения или ясно выраженной позиции респондента по заданной теме может привести к выбору этой стратегии при ответах.

В сравнительном исследовании различия в выраженности такого «стиля ответов» могут возникнуть из-за различий в качестве перевода, который может усилить или ослабить двусмысленность или неопределенность вопроса. Различия в использовании такой стратегии ответов в разных культурах могут быть связаны и с ценностной структурой, культурными нормами, доминирующими в разных обществах. Среди культурных норм, которые часто приводят к выбору такой стратегии ответов, – уважение к иерархии, ценность межличностной и межгрупповой гармонии. Склонность к выражению согласия на любые утверждения в анкете характерна для стран, в которых высока ценность гостеприимства, выражено стремление избежать грубости, обидеть собеседника в процессе межличностной коммуникации¹¹². Такое объяснение выдвигает, в частности, Дебора Джавелин, анализируя различия в стилях ответов между казахами и русскими в Казахстане¹¹³. Склонность выразить согласие на любые вопросы анкеты была отмечена в культу-

¹¹¹ Baumgartner H. and J.B. Steenkamp. Response styles in marketing research: A cross-national investigation // Journal of Marketing Research, 2001, № 38, изучали стили ответов в 11 странах ЕС, Van Herk 2000 показал, что население Греции более подвержено эффекту давать позитивные ответы, чем респонденты других европейских стран.

¹¹² Hui C. H., H.C. Triandis. Individualism-collectivism: A study of cross-cultural researchers // Journal of Cross-Cultural Psychology, 17, 1986.

¹¹³ Javeline D. Response effects in polite cultures: a test of acquiescence in Kazakhstan // Public Opinion Quarterly, 1999, № 63.

рах с сильной дифференциацией населения по властным ресурсам (где выше «дистанция власти» по Хофстеду), что характерно для авторитарных обществ. В таких культурах высока ценность конформности и послушания, а способом выражения конформности может явиться и поведение «согласия» в ответах на вопросы¹¹⁴ (иногда его интерпретируют как поведение, выказывающее уважение к собеседнику). По-разному могут строиться ответы на вопросы в индивидуалистических и коллективистских культурах. В первых из них люди чаще публично выражают свое мнение, меньше беспокоятся о последствиях высказывания своего мнения, в коллективистских культурах, где очень высоко значение межличностного доверия, индивидуальные мнения значат меньше¹¹⁵.

Существует ли и насколько велик эффект склонности соглашаться на вопросы анкет в странах бывшего СССР? Мы провели несколько **методологических экспериментов**, которые позволяют пока лишь приблизиться к ответу на этот вопрос.

---

¹¹⁴ Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

¹¹⁵ Влияние культуры на стиль ответов проверялось, например, на данных сравнительного Исследования работников компаний LLC 1992-2002. Всего было опрошено более 20 тысяч работников разных компаний в 19 странах на 5 континентах методом самозаполнения анкет. Анкета состояла из вопросов об удовлетворенности работой и условиями труда, большинство вопросов были составлены в формате утверждений с ответами по 5-балльной шкале Лайкерта. Все ответы были затем перекодированы в переменные, выражающие «стили ответов». Тип культуры определялся по шкале Хофстеда. Анализ данных показал, что стремление выражать согласие в ответах на вопросы связано с двумя культурными факторами – индивидуализмом и стремлением избежать неопределенности. Люди из стран с «индивидуалистической культурой» реже проявляли стремление выразить согласие независимо от содержания вопросов. В культурах с высоким уровнем «стремления избежать неопределенности» эффект выражать согласие в ответах на вопросы был более ярко выражен. Две других плоскости по Хофстеду – дистанция власти и маскулинность не были связаны с этим «стилем ответов», как и уровень экономического развития (ВВП на душу населения).

В начале интервью респондентам предлагались три утверждения на разные темы (политика, роль женщин, положение национальных меньшинств), с которыми нужно было согласиться или не согласиться, используя 5-балльную шкалу. В конце интервью (примерно через 20 минут, когда согласно исследованиям В. Сариса, «эффект» памяти исчезает, особенно при ответах на вопросы об установках) просили согласиться или не согласиться (по той же шкале) с противоположным вариантом этих же утверждений.

Вопросы

- 1) *Сегодня дела в стране движутся в правильном направлении/ Сегодня дела в стране пошли по неправильному пути*
- 2) *Женщины могут так же успешно управлять большим коллективом, как и мужчины/ Женщины не могут так же успешно управлять большим коллективом, как и мужчины*
- 3) *Когда принимаются важные решения о жизни, мнение людей всех национальностей, живущих в нашей стране, должно быть столь же важным, как мнение __ (ОСНОВНОЙ НАЦИИ В СТРАНЕ)/ Когда принимаются важные решения о жизни, именно __ (ОСНОВНОЙ НАЦИИ В СТРАНЕ)/ должны принимать все основные решения, а мнение людей других национальностей, живущих в нашей стране, менее важно*

Такой блок вопросов был задан в исследовании «Сравнительные постсоветские тренды ЦЕССИ». Мы оценили сколько людей выражали согласие и на одну, и на противоположную формулировку вопроса, то есть соглашались с утверждением независимо от его содержания. Таких людей во всех странах, включенных в опрос, оказалось около 10%. В данном случае не подтвердилось предположение о том, что содержание вопроса не влияет на «стиль ответа» – склонность соглашаться во всех странах была наибольшей в вопросе об учете мнения людей других национальностей и наименьше при оценке роли

женщины. Наша гипотеза состоит в том, что сформированность мнения влияет на использование этого «стиля ответа» – склонность соглашаться возникает чаще в тех случаях, если мнение недостаточно сформировано, тогда влияние формы вопроса проявляется сильнее.

Таблица 4.11. Типы ответов на вопросы эксперимента в разных странах

		Азербайджан	Армения	Грузия	Казахстан	Молдова	Россия
Оценка направления движения страны	Склонность соглашаться	2%	12%	12%	13%	11%	11%
	Содержательный ответ	98%	88%	88%	87%	89%	89%
Оценка роли женщины	Склонность соглашаться	4%	19%	3%	21%	22%	15%
	Содержательный ответ	96%	81%	97%	79%	78%	85%
Учет мнения людей других национальностей	Склонность соглашаться	8%	25%	5%	18%	28%	24%
	Содержательный ответ	92%	75%	95%	82%	72%	76%

В отличие от других исследователей, которых мы цитировали в начале этой Главы, в данных экспериментов мы не обнаружили существенных различий в склонности соглашаться независимо от содержания вопроса между мужчинами и женщинами, людьми разных возрастов и людьми с разным уровнем образования. В некоторых странах влияние образования проявилось, но не всегда в ожидаемом направлении. Например, в Казахстане в вопросе о роли женщин большую склонность соглашаться проявили люди со средним и высоким уровнем образования, и меньшую – люди с низким уровнем образования.

В России и Молдавии, наоборот, в вопросах о роли женщин и учете мнения национальных меньшинств, склонность соглашаться проявили в большей степени люди с низким уровнем образования. Возможно, это связано с мотивами такого «стиля ответов», которые могли быть в каждой стране разные. В любом случае мы можем утверждать, что систематических различий в склонности соглашаться по всем вопросам между людьми разных социально-демографических групп мы не обнаружили.

Зато был обнаружен эффект «культурных различий» в использовании этого «стиля ответа» - склонности соглашаться. В Казахстане эффект «согласия» на все поставленные вопросы был гораздо сильнее среди респондентов казахской национальности, чем среди русских. Уровень «склонности к согласию» среди русских очень близок уровню, который мы видим в России. Таким образом, вероятно, речь идет именно об эффекте культурного своеобразия, а не влиянии страны. Исключение составляет вопрос об «учете мнения национальных меньшинств», где эффект «согласия» среди русских в Казахстане гораздо ниже, чем в России. Но это скорее всего говорит о содержательных различиях в мнениях по этому вопросу среди русских, живущих в стране как большинство, и русских в качестве национального меньшинства. Язык интервью тоже связан с эффектом «выражать согласие независимо от содержания вопроса», и этот эффект проявляется независимо от национальности. Респонденты казахской национальности, которые выбрали для интервью казахский язык, в большей степени склонны были выражать согласие независимо от темы, чем казахи, которые выбрали для интервью русский язык. Важно, что язык интервью был выбран самим респондентом, так как это может говорить о разной степени культурной интегрированности и идентификации с определенной культурой, более глубоком восприятии ее норм и правил теми, кто выбрал этот язык, и теми, кто этого не сделал, даже среди людей одной национальности. Поэтому говорим ли мы о влиянии языка как средства коммуникации или о культурных особенностях, сказать трудно. Я бы склонялась ко второму объяснению, но и языковое влияние само по себе требует более детального изучения.

Таблица 4.12. Типы ответов на вопросы эксперимента в разных странах в Казахстане

		Всего	ЯЗЫК ИНТЕРВЬЮ		НАЦИОНАЛЬ- НОСТЬ	
			Казах- ский	Рус- ский	Казах	Другая
ВСЕГО		100%	18%	82%	59%	41%
Оценка направления движения страны	Склонность соглашаться	13%	22%	11%	16%	9%
	Содержательный ответ	87%	78%	89%	84%	91%
Оценка роли женщины	Склонность соглашаться	21%	27%	19%	24%	16%
	Содержательный ответ	79%	73%	81%	76%	84%
Учет мнения людей других национальностей	Склонность соглашаться	18%	33%	15%	22%	13%
	Содержательный ответ	82%	67%	85%	78%	87%

Такой стиль ответов как склонность выражать согласие в ответе на вопрос независимо от его содержания, может приводить к смещениям в данных опросов и увеличить ошибку измерения (валидность данных). Решить эту проблему полностью пока не удастся. Однако уменьшить влияние такого стиля ответа можно несколькими способами. Как прекрасно описала ситуацию, в которой находится исследователь, Дебора Джавелин: «мы не можем изменить респондентов, мы можем лишь изменить наши методы»¹¹⁶. Среди таких методов – использование вопросов с утверждениями-антонимами на противоположных концах шкалы. Другая возможность в рамках идеи использования нескольких индикаторов для измерения одного феномена – использование

¹¹⁶ Javeline D. Response effects in polite cultures: a test of acquiescence in Kazakhstan // Public Opinion Quarterly, 1999, № 63.

разнонаправленных утверждений (например, сходные утверждения, сформулированные в положительном и отрицательном смысле) для измерения одного понятия или концепции.

Социально одобряемые ответы

В ходе коммуникации с интервьюером, отвечая на вопросы, респонденты иногда преувеличивают или преуменьшают какое-либо поведение или мнение, чтобы предстать в более позитивном свете – дают «**социально одобряемые ответы**». Обычно из-за этого стиля ответа в данных опросов преувеличены распространенные, общепринятые мнения и поведение и недооценены непопулярные или отклоняющиеся.

Склонность к подобному стилю ответов проявляется в разных обществах по-разному. Во-первых, общества отличаются по силе давления социальных норм (конформистские общества и индивидуалистические)¹¹⁷. Во-вторых, могут различаться направления доминирующей нормы и самое ее содержание. В некоторых обществах участие в общественно-политической деятельности считается социально-одобряемым поведением, например, в США, а в некоторых либо воспринимается нейтрально, либо нормой является скорее неучастие, как, например, в России. Кроме различий в нормативных аспектах культуры, различия в том, насколько сильно и на какие именно вопросы будут даваться «социально одобряемые ответы», могут зависеть и от метода проведения опроса. Немаловажными могут оказаться и особенности взаимодействия респондента и интервьюера, например, характеристики респондента и интервьюера – пол, возраст,

¹¹⁷ Т. Johnson и van de Vijver суммировали то, что мы знаем о влиянии культурных факторов на эффект социального одобрения в работе Johnson T.P., F.J.R. van de Vijver. Social desirability in cross-cultural research / in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Viiver and P.P. Mohler. NJ: Wiley, 2003.

национальность, социальный класс¹¹⁸. Широко используемым в методологической литературе по этому вопросу примером является поведение респондентов в США, когда результат опроса показывает более высокий уровень межнациональной толерантности, если интервьюер и респондент – люди разных национальностей.

В опросах в странах бывшего СССР социально одобряемые ответы также проявляются по самым разным темам и вопросам. В частности, респонденты склонны преувеличивать свое участие в выборах, частоту занятий спортом (хотя данная социальная норма в этом регионе несколько слабее, чем в других странах), свои знания, важность семьи и социальных связей в структуре жизненных ценностей, положительное отношение к детям, поведение в отношении использования правил личной гигиены. Наш опыт показывает, что «социально одобряемые ответы» мы получаем на вопросы влияния СМИ и рекламы, других людей («какое влияние на Вас оказывают...»), так как нормой является представление о независимости собственных суждений, необходимости иметь «свое мнение». Однако пока сравнительных эмпирических данных по проявлению эффекта социального одобряемых ответов в странах бывшего СССР немного, и в этом направлении еще многое предстоит сделать.

Уход от ответа

Одной из очень важных проблем в работе с данными опросов является измерение отсутствия мнения, знания, и связанная с ней проблема пропущенных данных на уровне вопроса (item-nonresponse). Для фиксации отсутствия знания или мнения в опросах используется категория «Затрудняюсь ответить». Чтобы выразить нежелание респондента сообщить свое мнение или информацию каком-то факте или поведении, в опросах используется

¹¹⁸ Kreuter F., S. Presser and R. Tourangeau. Social desirability bias in CATI, IVR, and web surveys the effects of mode and question sensitivity // Public Opinion Quarterly, 2008, Vol. 72, No. 5.

категория «отказ от ответа». Еще одним видом пропущенных данных является случайный (технический) пропуск вопроса. При любой из этих возможностей ответа на вопрос (вернее, не-ответа) данные считаются пропущенными и содержательный их анализ крайне затруднен. Поэтому в опросах чаще всего ставится задача минимизировать количество пропусков ответов. С другой стороны, иногда респонденты отвечают на вопросы анкеты, высказывают свое мнение даже тогда, когда на самом деле это мнение несформировано, его просто нет. В этом случае стоит обратная проблема – разделения сформированного мнения от случайных ответов о мнении.

Задача усложняется тем, что некоторые респонденты выбирают такой способ ответа (уход от ответа или выражение несуществующего мнения) как систематическую стратегию ответа на вопросы анкеты, независимо от содержания вопроса. Многие исследователи считают, что такая стратегия (уход от ответа) характерна для респондентов с низким уровнем образования¹¹⁹. Частично это происходит из-за того, что уход от ответа в любой его форме является легким для респондента путем разрешить любую коммуникационную проблему, возникшую в ходе интервью.

Для сравнительных исследований особенно важно, что склонность использовать такую стратегию ответов неодинакова в разных странах. Такие различия связаны с причинами выбора данной стратегии ответов. А такими причинами могут стать:

- а) Представления о «щепетильности» вопроса. Например, в США доля людей, которые отказываются от ответа на вопрос о личном доходе, довольно невелика¹²⁰, а в Европе, в том числе и в России и некоторых других странах бывшего Советского Союза, это, наоборот, один из самых «щепетильных» вопросов. Например,

¹¹⁹ Young C.A. What we know about "I Don't Know: an Analysis of the relationship between Don't Know and Education" / AAPOR Conference, St.-Petersburg Beach FL, May 1999.

¹²⁰ Smith T. An analysis of missing income information on the General Social Survey / GSS Methodological report № 71. Chicago: NORC, 1991.

в ISSP 2007 года различия в пропущенных данных о доходе (отказались, затруднились дать ответ, вопрос был пропущен интервьюером или другие причины отсутствия информации), составляли от 4% (в Южной Корее) до 55% (в Ирландии). В США доля пропущенных данных на этот вопрос составила 9%, Великобритании – 16%, а в Германии – 29%. В странах бывшего СССР пропущенные данные по доходу составляют от 10 до 30% в зависимости от страны (самый высокий уровень пропущенных данных по доходу в странах европейской части бывшего СССР – Украине, а также в Беларуси и России) и в зависимости от темы опроса. В социально-политических и академических опросах уровень пропущенных данных на этот вопрос обычно меньше, чем в маркетинговых исследованиях. Доля пропущенных данных в значительной степени зависит от формы вопроса. Наименьшая доля пропущенных данных при использовании закрытого вопроса с небольшим количеством широких категорий, наибольшая – в открытом вопросе.

- b) Приемлемость публичного обсуждения конкретной темы.
- c) Представления о том, какие темы можно, а какие не стоит обсуждать с незнакомцем.
- d) Культура представления себя незнакомцу. В некоторых культурах нормами поведения в социальном взаимодействии является стремление показать себя знающим, компетентным, уверенным в себе. В таких случаях люди стараются преувеличить свои знания, высказывать определенное мнение, даже если в нем не убеждены. В некоторых культурах, наоборот, уйти от ответа, показать свою неуверенность или незнание не считается зазорным, и люди с готовностью выбирают такую стратегию.

Способом минимизации «ухода от ответа» в сравнительных исследованиях является в первую очередь детальное разделение пропусков ответов по их причинам – на затруднившихся ответить/ не знающих/ не имеющих

мнения, отказавшихся отвечать на вопросы анкеты и на случайные пропуски. К сожалению, во многих сравнительных проектах такое разделение не делается. Поэтому понять природу различий в уровне не-ответа на конкретных вопрос в разных странах очень трудно или даже невозможно. Для сокращения количества не-ответов важна и работа над формулировкой вопроса – для респондента не должно быть очень трудно ответить на вопрос, это не должно занимать у респондента слишком много временных или других ресурсов. С другой стороны, вопросы должны быть сформулированы максимально деликатно. Для уменьшения эффекта преувеличения несуществующего мнения некоторые исследователи предлагают предоставлять респонденту легитимную возможность уйти от ответа – располагать категорию «затрудняюсь ответить, не хочу отвечать, на карточке вместе с содержательными категориями или предлагать такую возможность («Вы можете не отвечать, если не хотите») в формулировке вопроса. Хотя такие предложения звучат уже не первое десятилетие, споров вокруг этого вопроса больше, чем решений¹²¹.

«Экстремальные» и «срединные» ответы

К «стилям ответов», отличающихся в разных странах и культурах, а также внутри стран между отдельными группами, можно отнести склонность давать экстремальные ответы и, напротив, использовать «средние» категории.

Экстремальный стиль ответа – склонность респондентов систематически выбирать крайние точки шкалы ответов. Такой стиль ответов оказывает влияние на анализ результатов межкультурных исследо-

¹²¹ Американский методолог социальных опросов Д. Кросник и несколько других исследователей на примере данных США показали, что включение варианта «Затрудняюсь ответить» в список категорий не улучшает качество данных. Но информации о том как это проявляется в разных странах в сравнительном контексте пока мало.

ваний, так как позволяет интерпретировать результаты как существенные различия в «силе» или «сформированности» мнения людей по каким-то вопросам, приверженности или отторжению определенных ценностей, когда на самом деле это лишь основанный на особенностях культуры «стиль ответов». Склонность к таким ответам в разных обществах неодинакова. Например, в американском обществе, по данным исследований, к экстремальным ответам больше склонны афроамериканцы и латиноамериканцы и в меньшей степени другие национальные и этнические группы¹²².

Межстрановые различия в склонности к экстремальным ответам независимо от содержания вопроса так же были обнаружены. Экстремальный стиль ответов в целом более характерен для населения США, и гораздо реже встречается в восточноазиатских странах (изучались корейцы и японцы)¹²³. Некоторые исследователи предполагают, что различия в систематическом использовании экстремальных ответов отражают такие культурные особенности как значимость искренности и прямоты или умеренности и тактичности при социальном взаимодействии¹²⁴. Однако такие различия могут быть связаны как с культурными особенностями, так и с особенностями социальной структуры обществ – различиями в образовании, возрастном составе, социальной и финансовой дифференциации внутри обществ. Отделить влияние культурных факторов от структурных иногда очень сложно (часто начинают говорить о культурных различиях, когда не найдено структурных). Ряд исследований показали, что склонность давать экстремальные ответы связана

¹²² *Bachman J.G., P. M. O'Malley. Yeasaying, Nay-saying, and Going to Extremes: Black-White Differences in Response Styles // Public Opinion Quarterly, 48 (summer), 1984.*

¹²³ *Hayashi E. Belief systems: the way of thinking, and sentiments of five nations. Behaviormetrica, 1992, № 19; Chen C., N.W. Stevenson. Motivation and mathematics achievement: A comparative study of Asian-American, Caucasian-American, and East-Asian high school students // Child Development, 66, 1995.*

¹²⁴ *Marin G., B.V. Marin. Research with Hispanic Populations. Newbury Park, CA: Sage, 1991.*

с типом культуры – чаще проявляется в культурах, где высокой ценностью считается решительность, твердость и целеустремленность, то есть в «маскулинных» культурах и в обществах с сильной иерархической властной структурой.

Способами, которые могут ослабить проявление такого «стиля ответов», могут служить: дополнительная работа над переводом, например, использование более мягких, менее экстремальных крайних категорий шкалы в восточных обществах, переход от использования ранжирования утверждений к методу присвоения рангов, или использованию МТММ дизайна, чтобы на этапе анализа вычислить и учесть влияние метода в каждой культуре. Наиболее простым методом решения этой проблемы на уровне анализа является объединение категорий ответов в более общие, что сглаживает межкультурные различия в «стилях ответов». Однако одновременно это приводит и к уменьшению дисперсии (вариативности) в данных.

Использование «средних» категорий. Использование «средних» категорий также имеет свои межнациональные особенности. В целом методологические исследования показали, что если колеблющемуся респонденту дать четкий вариант средней категории, то результаты более надежны¹²⁵. Однако с такой позицией согласны далеко не все. Было также показано, что надежность данных различается в зависимости от самих категорий и типа вопроса. Например, по результатам исследования Д. Алвина, при измерении установок 2- и 4-балльные шкалы без средней категории на шкале (середины) могут показывать более надежный результат (более высокую статистическую валидность), чем шкалы с серединой – 3-балльные¹²⁶.

В странах бывшего СССР чаще встречается эффект «использования средних категорий», чем эффект экс-

¹²⁵ O'Muircheartaigh C.A., J.A. Krosnick and A. Helic. Middle alternatives, acquiescence, and the quality of questionnaire data. Working paper series 01.3. University of Chicago, 2000.

¹²⁶ Alwin D.F. Information Transmission in the Survey Interview: Number of Response Categories and the Reliability of Attitude Measurement // Sociological Methodology, 1992.

тремальных ответов. Исключение составляет вопрос об оценке политических партий и лидеров, но это может определяться содержательными причинами, а не «стилем ответа».

В целом все «стили ответов», о которых рассказано в этой главе, проявляются при проведении сравнительных опросов в странах бывшего СССР. Однако методологическое изучение этого региона с точки зрения особенностей «стиля ответов» в опросах находится только в начале пути, а информации и эмпирически доказанных выводов пока мало.

ЧАСТЬ 5

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТА И ПОСТРОЕНИЕ ВЫБОРОК ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ МЕЖСТРАНОВЫХ ОПРОСОВ. ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ОБЪЕКТА ИЗМЕРЕНИЯ

До сих пор мы говорили об одном из двух ключевых аспектов межстрановых сравнений на основе опросов – задачах и проблемах **измерения**. Эти проблемы связаны с **предметом** исследования. Еще одним условием достижения эквивалентности результатов данных сравнительных опросов является эквивалентность **объекта исследования**.

Если проблемы измерения в методологии сравнительных опросов являются предметом изучения, споров и обсуждений уже многие годы, то проблемы, связанные с объектом исследования, стали активно изучаться лишь в последние два десятилетия. В сравнительных исследованиях в отношении объекта исследования долгое время придерживались самых минимальных стандартов эквивалентности. И происходило это совсем не потому, что исследователям не хотелось добиться высокого уровня эквивалентности. Однако построить выборку для опроса методом личных интервью на дому одинаковым образом во всех странах не было возможно раньше, невозможно это и сейчас.

Подходы, которые можно применить для построения национальной выборки населения каждой страны, почти полностью зависят не от желания или выбора исследователей, а от самой структуры размещения населения в каждой стране. Страны отличаются по тому, какое административное деление в них используется, каковы способы регистрации размещения населения – на уровне ка-

ких административных единиц собирается информация о населении в органах государственной статистики; какая именно информация, которая требуется для построения выборки, есть в наличии; какие списки выборочных единиц можно получить и каковы эти выборочные единицы – домохозяйства, частные лица, телефонные номера, жилые адреса, плательщики коммунальных услуги и т.п. От этих и еще многих других факторов, уникальных для каждой страны, зависит подход к построению выборки. Именно поэтому сделать ее «одинаковой» во всех странах пока практически невозможно. Однако построить выборку так, чтобы представляемый в опросе объект исследования был более или менее эквивалентен между разными странами, необходимо.

На ранних этапах развития сравнительных межстрановых опросов построение выборки, а часто и определение генеральной совокупности считалось внутренней задачей исследовательской группы в каждой стране. В таком случае каждая страна строила выборку исходя из наличных условий (данных статистики, наличия списков и доступа к ним), профессиональных навыков и научных традиций. Постепенно количество сравнительных процедур на этом этапе исследования увеличивалось.

Наиболее распространенный подход к построению выборок в сравнительных межстрановых опросах в последние десятилетия следующий. На этапе подготовки исследования совместно или централизованно определяется общий подход к построению выборки во всех странах – тип выборки (вероятностный или неслучайный, квотный на последнем этапе отбора или с использованием случайных процедур на всех этапах опроса), источники выборки (какие-либо списки или территориальная выборка). Иногда совместно определяются методы стратификации и кластеризации выборки для всех стран. Чаще всего принимаются какие-либо совместные решения о размере выборки. Либо устанавливается единый для всех стран размер выборки, либо несколько вариантов размера выборки для стран с разной численностью генеральной совокупности. Другой подход – определить минимальный размер достигнутой выборки для всех

стран, а конкретный размер зависит уже от решений или организационных и финансовых возможностей для каждой страны. В некоторых сравнительных исследованиях размер выборки вообще не определяется централизованно на этапе планирования проекта, а решение остается за каждой страной. Корректировка «ошибки выборки», возникающей вследствие недостижимости всех выбранных единиц, и с влиянием дизайна выборки («дизайн-эффектом»), если речь не идет о простом случайном отборе, проводится с помощью процедуры взвешивания для каждой страны отдельно.

В результате исследователям приходится сталкиваться со следующими проблемами, связанными с объектом исследования:

Исключение из опроса в отдельных странах каких-либо значимых групп населения, что сказывается на эквивалентности объекта. Например, нередко приходится сталкиваться со случаями, что в некоторых странах в выборку включается только городское население или население больших городов вместо полностью национальной выборки. В некоторых странах в опросы включаются все жители, а в других – только граждане страны. В некоторых сравнительных опросах избиратели могут определяться как вся совокупность людей, обладающих избирательными правами, а в некоторых – только зарегистрированные для участия в конкретных выборах избиратели.

Использование случайных (вероятностных) и неслучайных методов отбора в разных странах или использование неслучайных методов повсеместно. Примером такого подхода может служить Евробарометр, который до середины 1990-х годов в ряде стран использовал квотные выборки. Основная критика такого подхода состоит в том, что при неслучайных выборках сделать оценку качества выборки («ошибки выборки») статистическими методами невозможно, поэтому и использование почти всех видов статистического анализа данных, в который входит оценка «ошибки выборки» при построении доверительных

интервалов, смысла не имеет. Данный метод обеспечивает лишь внешнее сходство выборки с генеральной совокупностью (по нескольким «квотным» параметрам), но качество выборки в статистическом смысле этого слова оценить не представляется возможным.

Систематическое нарушение процедур случайного отбора¹, замена единиц отбора.

Существенные различия в уровне кооперации респондентов. Эта проблема практически универсальна для всех опросов как сравнительных, так и односторонних, и однозначного её решения пока не найдено. Например, в ISSP уровень кооперации составляет от 56% (в Латвии) до 94% в Болгарии, в EVS от 13% (Испания) до 95% (Словения). Долгое время сравнение уровня достижимости единиц отбора было затруднено тем, что в странах использовались разные схемы подсчета и определения единиц отбора, особенно для территориальных выборок домохозяйств. На сегодняшний день принят целый ряд международных документов, стандартизирующих эту процедуру. Обычно свои более подробные стандарты вырабатываются и в рамках каждого большого межстранового сравнительного проекта.

Для того, чтобы хотя бы отчасти избежать этих проблем в сравнительном межстрановом опросе и максимально приблизиться к «эквивалентности» объекта исследования в разных странах, необходимо решить, что означает такая «эквивалентность» применительно к сравнительному опросу. Соблюдение формальных признаков сходства выборок, например, их одинаковый размер, такую эквивалентность отнюдь не гарантирует. Под эквивалент-

---

¹ В ряде исследований, например в EVS, было разрешено осуществлять замены единиц отбора (и они были сделаны в 19 из 32 стран). На ранних этапах проведения ISSP примерно в половине стран замены делались хотя бы на каком-то этапе отбора. Об этом *Park A., R. Jowell. Consistencies and Differences in a cross-national survey // International Social Science Journal, 17 (4), 1996.*

ностью объекта изучения в сравнительном межстрановом опросе мы будем понимать максимально эквивалентное определение генеральной совокупности во всех изучаемых странах и эквивалентность степени точности, с которой выборка представляет генеральную совокупность (эквивалентность «ошибки выборки»). Рассмотрим каждый из этих компонентов отдельно.

5.1. Определение генеральной совокупности – источник выборки и объект экстраполяции

Четкое и строгое определение генеральной совокупности является важным этапом построения выборки любого типа как для одностранового, так и для сравнительного исследования. Однако в сравнительном исследовании любые исключения из генеральной совокупности или неоговоренные включения могут привести к серьезным проблемам с эквивалентностью данных, которые иногда невозможно скорректировать на этапе обработки или анализа.

Определение генеральной совокупности должно быть сделано на основе параметров, которые можно измерить в рамках опроса и которые имеют смысл во всех исследуемых странах. Такое определение должно быть полным и исчерпывающим, а также максимально исключать возможности двоякого толкования.

В национальном опросе населения определение генеральной совокупности часто дается через возрастные ограничения – население 18 лет и старше, население 15 лет и старше, или любой другой возрастной интервал. В сравнительных исследованиях электорального поведения генеральная совокупность часто определяется юридически как «избиратели». В определение избирателя тогда включаются характеристики, которые позволяют людям стать частью этой группы (гражданство или другие основания для получения избирательных прав, возрастной ценз и др.), специфические для каждой страны. Генеральная совокупность может быть определена и че-

рез другие более сложные параметры – владение (телефоном в случае телефонных опросов, минимальным уровнем дохода и т.п.), социальное или экономическое поведение (курильщики, туристы), потребительское поведение (покупатели молочных продуктов) или любая другая подгруппа, если речь идет об опросе особой части населения. В некоторых национальных опросах населения генеральная совокупность определяется через статус респондента, тип принадлежности к данной территории – фактически проживающие на территории (наличное население), либо имеющие гражданство страны, либо все имеющие другие права или обязанности (живущие официально – плательщики коммунальных услуг, либо имеющие право на работу – то есть граждане и официально зарегистрированные мигранты).

В любом случае **критерий выделения населения** из общего числа **должен быть четко определен и измеряем** в рамках исследования, а в идеале – **верифицируем** с помощью информации из «внешнего источника» (Переписи, данные о голосовании или другие источники).

«Население» не является стабильным, оно постоянно находится в движении, изменяется, перемещается в рамках заданных территориальных границ. Поэтому необходимо определить **временные рамки**, внутри которых будет определяться «население» в опросе. Такие временные рамки могут представлять собой временной интервал проживания на конкретной территории – год, полгода, 3 месяца, время проведения опроса и другие варианты.

При внешней простоте этого подхода – одинаковом и однозначном определении генеральной совокупности для всех стран-участниц международного проекта – эта задача часто оказывается нереализованной в силу различных причин. Например, в ISSP в качестве генеральной совокупности в некоторых странах выступает население 15 лет и старше, в некоторых – 18 лет и старше, в некоторых определена верхняя граница – опрашиваются люди младше 74 лет. Такая ситуация складывается потому, что блок сравнительных вопросов включается в стандартные

Омнибусы в разных странах, а в них используется разное определение генеральной совокупности. В некоторых исследованиях Евростата определение генеральной совокупности приходилось менять в середине временного тренда, что, естественно, приводит к усложнению процедуры анализа и требует пост-гармонизации данных. Например, в Labour Force Survey до 1985 года опрашивалось население 15-74 лет, а в 1996 году – население до 69 лет. Временные тренды представляют собой особую проблему в фиксированном определении генеральной совокупности, так как со временем содержание предмета исследования может изменяться, меняются социальные или юридические нормы, определяющие понятие «населения». Обычно такой переход очень болезненный, особенно если приходится сужать, а не расширять определение, или если его приходится изменять в отношении параметров, информации о которых в предыдущих волнах исследованиях не было.

Для примера определения объекта исследования обратимся к опыту ESS. *Генеральная совокупность в ESS определяется как наличное население в возрасте 15 лет и старше, проживающее в границах определенной страны, в неинституциональных, жилых помещениях, независимо от их национальности, гражданства, языка и юридического статуса. Данное определение включает в себя целый ряд очень важных понятий, которые нужно пояснить специально и которые определяют характер представленного в ESS населения. В первую очередь это понятие «**наличного населения**», которое определяется для целей опросов как население, которое проживает в единице отбора в течение периода, в который проходит опрос. При таком определении в опрос включаются трудовые мигранты, временно переехавшие лица, проживающие в жилых помещениях, студенты в общежитиях, но не включаются краткосрочные мигранты и приезжие (например, гости, приехавшие на 2-3 дня). К жилым помещениям относятся дома, квартиры, студенческие или другие общежития для длительного проживания. В данном определении генеральной совокупности не делается исключений ни*

для каких территорий (если они в конкретной стране не оговорены специально как недоступные), типов населенных пунктов, и ни для каких групп населения. Вместе с тем генеральная совокупность не включает людей, которые проживают в **институциональных поселениях**, таких как тюрьмы, военные поселения, госпитали, места временного проживания людей – гостиницы, пансионаты, дома отдыха и т.д.

Такое определение генеральной совокупности не представляет собой проблемы для одних стран, но может оказаться довольно сложным для других. Например, установление нижней **возрастной границы** в 15 лет приводит к большим сложностям в построении выборки для стран, использующих электоральные списки для отбора респондентов, которые в большинстве стран включают лиц 18 лет и старше. Более того, в некоторых странах (например, в Ирландии, Польше) законодательно закреплено требование о необходимости согласия родителей для проведения интервью с несовершеннолетними. Во многих странах существуют географические территории, которые исключаются из выборок в обычных исследованиях (труднодоступные, острова, территории, опасные для посещения).

В странах постсоветского пространства одной из главных проблем определения границ генеральной совокупности в настоящее время является проблема временной миграции. Эта проблема может проявиться двояко – как дополнительное население в принимающей стране и как «недостижимое» население в стране, из которой уезжают (стране-доноре). Среди стран бывшего СССР с первой проблемой больше всего сталкивается Россия, со второй – в большей или меньшей степени все остальные страны. Для построения выборки населения в принимающей временных мигрантов стране необходимо определиться с каким населением будет проходить работа – с гражданами страны или с жителями страны. Если опрос проходит среди граждан, то достаточно просто исключить из выборочных единиц тех, которые не соответствуют этому критерию либо на уровне отбора домохозяйств, если это общежития или места компактного проживания

временных мигрантов, либо на уровне отбора респондента после вопроса о гражданстве. Однако если решено проводить опрос среди всех жителей страны, тогда временные мигранты, проживающие на территории страны то время, которое будет определено в исследовании (полгода, 3 месяца, время проведения опроса и другие варианты), должны быть включены в опрос. Это подразумевает и включение в выборочную совокупность мест их проживания (если даже это временные жилища или неконвенциональные жилищные помещения), и самих респондентов на последней стадии отбора. Включение мигрантов должно учитываться затем при сравнении данных опросов с данными «внешних» источников при определении качества реализации выборки. Часто в эти «внешние источники» мигранты не включены. Включение мигрантов может также поставить перед исследованием проблему языка опроса.

До сих пор в России включение мигрантов в национальные опросы является вопросом открытым и с теоретической, и с практической точки зрения. Реальное количество мигрантов, проживающих вне институциональных образований, не определено, доля недостижимых единиц среди них также очень велика. В общероссийских опросах, которые проводило ЦЕССИ, и в которых генеральная совокупность была определена как все жители России, временные мигранты составили менее 1% полученной выборки. Качественный и экспертный анализ показывает, что эта группа населения в опросах недопредставлена. В телефонных опросах на базе стационарных телефонов мы также получаем довольно низкий уровень мигрантов в выборке (не более 3%), что может объясняться отсутствием доступа к стационарным телефонам у значительного количества мигрантов. В телефонных опросах на базе мобильных телефонов доля мигрантов значительно выше, несмотря на то, что уровень отказов от участия в интервью среди них выше, чем среди граждан России.

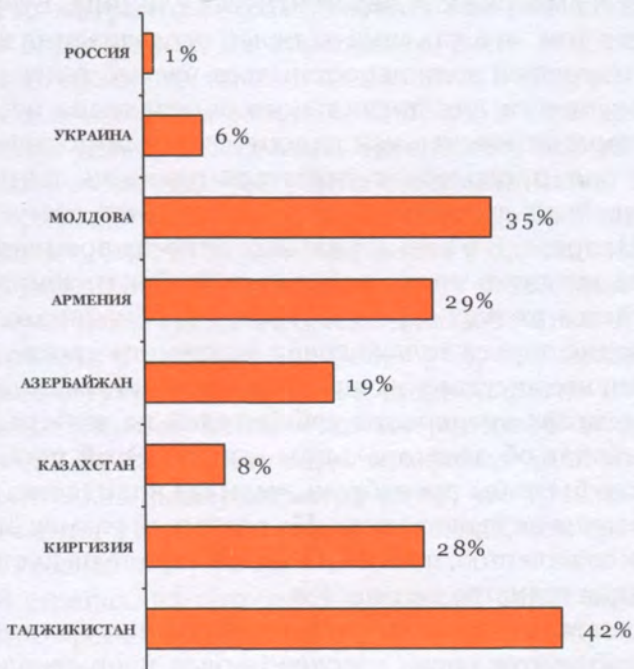
В странах, из которых происходит отток людей в качестве временных мигрантов, ситуация с определением генеральной совокупности еще сложнее и оказывает еще

большее влияние на качество данных опроса. С точки зрения выборки, временные мигранты – это единицы выборки, которые могут включаться или исключаться из генеральной совокупности в зависимости от установленного срока отсутствия в стране. Если они включаются, то все равно не могут быть опрошены (причина недостижимости – «отсутствие респондента дома дольше, чем время проведения опроса»). Казалось бы, что выходом является определение генеральной совокупности таким образом, чтобы исключить людей, которые не находятся в стране и в любом случае не могут быть опрошены. Но тогда мы сталкиваемся с двумя проблемами. Первая состоит в том, что мы можем исключить только тех временных мигрантов, которые проживают в домохозяйствах, хотя бы часть членов которых остались на родине. В таких домохозяйствах при контакте мы можем исключить людей, которые, по сведениям членов домохозяйства, временно не являются его членами. Если же отсутствует все домохозяйство (семья), то такой информации чаще всего получить не удастся, и такое домохозяйство все равно останется в выборке как недостижимая единица. Вторая проблема в том, что для многих целей исследования временные мигранты должны оставаться частью генеральной совокупности для правильного определения исследуемых параметров, так как юридически или по другой причине они продолжают считаться членами данного сообщества и их временное отсутствие на этот статус не влияет. Например, в электоральных опросах временные мигранты входят в число избирателей. Явка избирателей считается от всех зарегистрированных избирателей и проведение опроса только среди наличного населения без оценки количества ушедших существенно сказывается на прогнозах активности избирателей на выборах, а также выводах об электоральном выборе. Этой проблемой можно было бы пренебречь, если бы количество таких мигрантов не было велико. Но реальный размер этой группы, к сожалению, почти ни в одной стране на постсоветском пространстве неизвестен.

Мы попытались получить косвенную оценку доли временных мигрантов среди населения ряда постсоветских

стран. Для этого в исследовании «Постсоветские сравнительные тренды ЦЕССИ» мы задали вопрос, есть ли кто-нибудь среди членом домохозяйства, кто пребывает за границей, но не на постоянной основе, а возвращается либо регулярно (маятниковая миграция), либо собирается вернуться в ближайшее время. Такой подход должен приводить к занижению оценки доли временно отсутствующих в стране, так как не учитывает возможности, что несколько человек из одного домохозяйства являются временными мигрантами, а также из-за недооценки домохозяйств, которые являются временными мигрантами в полном составе. Но тем не менее эти данные дают нам определенное, пусть очень консервативное представление о размере миграции, фактически отсутствующих единиц отбора.

График 5.1. Доля семей, где кто-то из домохозяйства работает за границей (данные исследования «Сравнительные постсоветские тренды ЦЕССИ» 2011 г.)

На Графике 5.1 мы видим, что доля семей, где есть временные мигранты, во всех включенных в исследование странах кроме России, очень велика. В Таджикистане она составляет 42%, в Молдове 35%, в Армении 29%, в Киргизии 28%, в Азербайджане 19%. Даже небольшая на первый взгляд доля в 8% в Казахстане и 6% в Украине (до кризиса) является очень существенной при оценке генеральной совокупности для опроса и при принятии решения о том, на какое население будут экстраполироваться результаты. Не учитывать этот фактор ни в односторонних, ни в межстрановых опросах нельзя.

5.2. Построение выборки в сравнительных межстрановых опросах

Существует две возможности сбора и анализа информации об объекте исследования методом опроса – **сплошной или выборочный опрос**. В случае сплошного опроса информация собирается обо всех единицах генеральной совокупности, в случае выборочного опроса – только о части. Сплошной подход применяется в таком исследовании как Национальная Перепись населения, сбор статистической отчетности от предприятий, образовательных учреждений и другой государственной статистики, либо при опросе узкой подгруппы населения (например, работников определенного предприятия). В большинстве академических, маркетинговых опросов или опросов общественного мнения проводятся выборочные опросы.

Основы современных выборочных методов для массовых опросов были заложены в конце XIX – начале XX века в работах А. Кизра (он обосновал необходимость применения выборочного метода в опросах, ввел понятие «репрезентативного метода»), Д. Юла, М. Кэндэла, Р. Фишера (он ввел понятие «случайной выборки», разработал основы рандомизации, воспроизведения результата в экспериментальном дизайне), А. Боули (он выделил проблему степени точности выборочных показателей,

определил понятие «ошибки выборки»), Е. Ньюмана (разработал подходы к экстраполяции результатов выборки на генеральную совокупность, ввел понятие «доверительного интервала»), в России – в работах А.И. Чупрова, А.А. Кауфмана и А.Г. Ковалевского. Завершение создания классической теории выборочного метода для массовых опросов относится к началу 50-х годов XX века – общая теория построения несмещенных оценок Хорвица и Томпсона (1952), работы У. Кохрана, У. Деминга, М. Хансена, У. Мадоу и Ф.Йетса. Практические подходы к построению современных многоступенчатых национальных выборок населения, которые являются основой для значительного количества исследовательских проектов в самых разных странах, в том числе и в России (понятия «дизайн-эффект», проблема экстраполяции данных сложных выборок, проблема ошибок выборки, «чередующихся» выборок, контролируемого отбора в вероятностных выборках, «многоцелевого дизайна»), разработаны Лесли Кишем в его ставшей классической работе “Survey Sampling” и более поздней “Statistical Design for Research”.

Основной целью построения выборки является создание такой модели, при которой можно получить необходимую информацию с использованием минимальных средств при приемлемом, стремящемся к максимальному, уровне точности. В сравнительных межстрановых исследованиях задача сводится к построению выборок с максимально схожим размером «ошибки выборки». Содержание понятия эквивалентности для выборок и методы оценки их эквивалентности мы рассмотрим ниже.

Качество выборки или ее репрезентативность определяется теоретической схемой построения выборки и качеством реализации выборки – уровнем достижимости единиц отбора и кооперации со стороны единиц отбора. Уровень достижимости (response rate) определяется как доля единиц отбора, информация о которых была собрана, и от общего количества отобранных единиц.

Выборки для массовых опросов бывают двух основных видов – вероятностные и невероятностные. К веро-

ятностным выборкам (они же случайные) относятся выборки, которые отвечают нескольким базовым критериям, при выполнении которых возможно делать заключения о распределении или взаимодействии параметров в генеральной совокупности. Каждая составляющая, единица генеральной совокупности в вероятностных выборках имеет известную вероятность отбора (то есть вероятность отбора каждой единицы практически или хотя бы теоретически возможно рассчитать), и эта вероятность – больше нуля.

В большинстве академических сравнительных межстрановых исследований в настоящее время используются вероятностные выборки. Однако в маркетинговых сравнительных опросах и опросах общественного мнения также нередко применяются квотные и другие виды невероятностных выборок. Часто это делают из соображений стоимости, сокращения временных и организационных затрат, и иногда для того, чтобы получить ожидаемое количество интервью в каждой из социально-демографических групп (либо наиболее приближенным к данным государственной статистики, либо к данным предыдущих опросов). При случайном вероятностном отборе добиться этого удастся редко и результат никогда не гарантирован. В дальнейшем мы будем обсуждать построение именно вероятностных выборок, так как только для них можно стараться определить уровень эквивалентности.

Сложность в **достижении эквивалентности выборок** для сравнительных опросов состоит в том, что построение выборки зависит от многих структурных факторов каждой страны, и до настоящего времени невозможно строить вероятностные выборки в разных странах по одной и той же схеме или даже использовать один тип вероятностной выборки. Маловероятно, что это будет возможно и в ближайшем будущем, если говорить о выборках для личных интервью на дому, телефонных опросах или даже он-лайн опросах на основе вероятностного отбора респондентов по домам.

Различия в подходах к построению выборок зависят от многих факторов. Среди них:

территориальная разбросанность единиц отбора (домохозяйств и индивидуальных респондентов), что связано со стоимостью и временем опроса;

наличие и доступность основы для выборки (списка), включающей все единицы генеральной совокупности (с высоким, а лучше абсолютным уровнем покрытия);

организационные и финансовые особенности управления проектом.

На сегодняшний день в сравнительных межстрановых исследованиях методом личного опроса населения на дому используется два основных типа выборки – **одноступенчатая и многоступенчатая**. В некоторых странах возможно применять одноступенчатую простую случайную выборку либо домохозяйств, либо прямо респондентов. Одноступенчатая выборка респондента используется, например, в Эстонии, Латвии, Швейцарии и ряде других стран при проведении ESS. Обычно такой тип выборки применяется в странах с небольшой территорией (доступность единиц отбора), в которых существует доступный для исследователей (незакрытый) и надежный список единиц отбора (какой-либо вид реестра населения или домохозяйств). В странах, где такие условия не выполняются, используются разные типы многоступенчатых выборок. Многоступенчатые выборки применяются для опросов методом личных интервью в большинстве стран на постсоветском пространстве.

При многоступенчатой выборке на каждом этапе единицы отбора разные. Чаще всего при таком подходе отбираются сначала определенные кластеры (географические единицы – районы, населенные пункты, избирательные участки, почтовые отделения), а затем внутри кластеров отдельные единицы – строится кластерная выборка. На последних этапах отбора (домохозяйство или индивидуальные респонденты) выборка может быть **адресной**, то есть строиться на основе наличных списков домохозяйств или населения – списков жильцов (населенного пункта или его части), списков избирателей, список плательщи-

ков коммунальных служб и т.п. Если таких списков нет, они недоступны, их качество вызывает серьезные сомнения (полнота) или в них используется определение единиц отбора, которое не соответствует целям исследования (только избиратели вместо населения в целом, только официально зарегистрированные государственными органами жильцы и т.п.), то приходится применять **территориальную выборку домохозяйств**, а лишь затем отбирать респондента внутри домохозяйства уже на полевой стадии. Территориальная выборка домохозяйств может строиться методом **маршрутного отбора** или путем **предварительного составления списка** домохозяйств на отобранной территории и централизованного отбора домохозяйств (метод, применяемый в ESS в России). На последнем этапе отбор респондента внутри домохозяйства происходит либо с помощью Таблиц Киша, либо другими методами рандомизированного отбора – «последний день рождения» и т.п.

В большинстве постсоветских стран чаще всего используются многоступенчатые кластерные территориальные выборки домохозяйств. Единицами отбора на первых этапах выступают либо районы, либо населенные пункты, либо сразу избирательные участки. Соответственно количество ступеней отбора отличается в зависимости от того какая единица используется на первом этапе. Домохозяйства отбираются либо методом маршрутного отбора, либо по предварительно составляемым спискам домохозяйств, редко используются списки избирателей. Внутри домохозяйства респондент отбирается либо по Таблицам Киша, либо по последнему (или ближайшему) дню рождения. Но нередко этот этап заменяется невероятностным «квотным» отбором респондента по маршрутному опросу без или с возвратом².

² Описание выборки еженедельных всероссийских опросов населения ФОМ на <http://bd.fom.ru/report/map/penta/printable/>; Описание выборки ESS в России – *Андреенков В.Г.* Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях. Глава 1. / в кн. Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование», под ред. А.В. Андреенковой, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009; Опи-

При таком разнообразии в подходах к построению выборок возникает вопрос об их эквивалентности. Понимание эквивалентности выборок является важным самостоятельным вопросом, и этот вопрос стал разрабатываться методологами относительно недавно. Многие сравнительные проекты строились на предположении, что эквивалентность выборок определяется равным размером выборок или уже тем, что применяются вероятностные типы выборки. В некоторых исследованиях применялась процедура пост-гармонизации данных методом создания весов для учета различий в типе используемой выборки (учете дизайн-эффекта). Однако в последние годы во многих методологических работах было показано, что такой подход нельзя считать ни достаточным, ни обоснованным.

Одинаковый размер выборки сам по себе при разных схемах построения выборки не ведет к эквивалентности данных, так как «ошибка выборки» в таком случае не является одинаковой. При построении дизайн-веса на этапе пост-гармонизации можно скорректировать «ошибку выборки», приняв во внимание дизайн-эффект, однако сам размер эффективной выборки в результате может существенно измениться³. Наиболее оптимальным на сегодняшний момент является способ гармонизации дизайна выборки и ее размера на этапе разработки проекта. На последнем

сание выборки Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ <http://www.hse.ru/flms/sample>; Описание выборки «Мониторинга» Левада-Центра <http://www.levada.ru/monitoring02.html>; Описание выборки лонгитюдного исследование RUSSET «Объективные и субъективные показатели удовлетворенности и качества жизни в РФ в 1990-е годы» можно найти на <http://www.cessi.ru/index.php?id=83>; Описание выборки РМЭЗ в работе Сваффорд М.С., М.С. Косолапов, П.М. Козырева. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы. // Мир России. Социология. Этнология. 1999, №3.

³ Hader S., S. Gabler. Sampling and Estimation/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.

этапе проводится лишь корректировка неучтенных факторов путем «взвешивания» уже полученных данных. Такой подход используется, в частности, в ESS.

Рассмотрим его более подробно. В качестве основного принципа построения выборки был выбран тип вероятностной выборки. Эквивалентность выборок определялась как эквивалентность «ошибки выборки» между странами. «Ошибка выборки» зависит от метода построения выборки (этапов кластеризации) и «уровня недостижимости» выборочных единиц. В ESS за основу был принят уровень точности («ошибки выборки»), который достигается при простой случайной выборке (SRS) размером 1500 единиц отбора и уровне достижимости в 70%. Дальнейшая задача состояла в том, чтобы создать модель вероятностной выборки для каждой страны, которая обеспечивала бы именно такой уровень точности. Так как использовать модель простой случайной выборки можно лишь в нескольких странах, в большинстве приходится прибегать к более сложным типам выборок – кластерным или многоступенчатым стратифицированным выборкам. Тогда фактический объем выборки, необходимый для достижения заданного уровня точности («ошибки выборки»), рассчитывается для каждой страны отдельно в зависимости от особенностей дизайна.

В некоторых странах-участницах ESS отбор единиц выборки (респондентов или домохозяйств) проводится прямо из централизованного списка. В Эстонии, Финляндии, Исландии, Словакии, Словении, Швеции используется общий список населения страны, в Ирландии – общенациональный список избирателей, в Люксембурге – национальный список социального обеспечения. В некоторых странах, где централизованного национального списка не существует или он недоступен, строится многоступенчатая выборка, где первоначальной единицей отбора является административная терри-

тория (населенный пункт, район и т.п.), а затем домохозяйство или респондент прямо отбирается из территориального списка (как это делается, например, в Германии). В некоторых странах, в том числе в России, Украине, Франции используется многоступенчатая территориальная выборка.

Построение выборки для России на примере ESS

Для проведения ESS в России используется четырехступенчатая стратифицированная кластерная выборка, разработанная специалистами ЦЕССИ с консультациями профессора Университета Эссекс (Великобритания) Питером Линном. Концептуальной основой выборки послужила модель случайной вероятностной национальной выборки населения для России, которая была разработана в конце 1980-х годов в Институте социологии АН СССР В.Г. Андреенковым и Г.Н. Сотниковой. Консультации и методическую помощь в разработке такой модели для России оказал Лесли Киш. Эта модель была верифицирована во «*Всероссийском исследовании политических установок и поведения*» 1990, базовой части исследования «*Политическое участие россиян*» 1992 г. (рук. Г. Брэди, С. Каплан), панельном исследовании RUSSET 1993 года (В. Сарис Университет Амстердам – ЦЕССИ). В дальнейшем такая модель стала широко использоваться в разных опросах как в своем первоначальном, так и в модифицированном варианте.

Первичной единицей отбора (ПЕО) являются населенные пункты (городские и сельские, всего в России их насчитывается 157 тысяч), вторичной (ВЕО) – избирательные участки, на третьем этапе отбора единицей служат домохозяйства, на четвертом – индивидуальные респонденты. Схема построения выборки (дизайн) в волне 6 был немного изменен по сравнению с волнами 3-5, хотя общая модель осталось той же. Ниже описана схема построения выборки волны 6.

Этапы построения выборки:

Этап 1. Разделение всех населенных пунктов страны на географические страты (в волне 3-5 использовались «социально-экономические районы», начиная с Волны 6 – восемь федеральных округов). Общее количество отобранных ПЕО составило 131. 15 крупнейших городов России представляют собой «самопредставительные» ПЕО – численность составляющего эти города населения превышает средний размер ПЕО ($N_i > N/131$), они отобраны с вероятностью 1. Остальные 116 ПЕО были отобраны внутри каждой страты с вероятностью, пропорциональной численности населения страты от 15 лет и старше, методом систематического случайного отбора.

Этап 2. На этом этапе из общего списка избирательных участков кластера было отобрано 2 избирательных участка с вероятностью, пропорциональной численности (средний размер вторичной точки отбора составляет около 2000 человек). Всего было отобрано 300 избирательных участков.

Этап 3. Отбор домохозяйств на выбранных избирательных участках. При отсутствии доступа к полному списку, включающему все единицы генеральной совокупности, был выбран очень трудоемкий метод составления списка всех жилых помещений в выбранных избирательных участках и изготовления карт участков, которые потом были централизованно объединены в базу жилых помещений (большинство из которых было равно домохозяйству, за исключением коммунальных квартир) в указанных избирательных участках. Затем был произведен отбор домохозяйств методом случайного компьютерного отбора. Количество отобранных домохозяйств в среднем составило 8-9 на избирательный участок и варьировалось с учетом предыдущей информации о доле успешности интервью (в среднем 85% в сельских населенных пунктах и около 50% в крупных городах).

Этап 4. На последнем четвертом этапе отбора интервьюер, посетив указанное домохозяйство, составлял

список всех членов домохозяйства 15 лет и старше в указанном в методике порядке (от самого старшего мужчины до самой младшей женщины), а затем использовалась Таблица случайного отбора члена домохозяйства, индивидуально закрепленная за каждым отобранным адресом.

Расчетный номинальный размер выборки для России составил около 2500 респондентов для достижения эффективного размера выборки в 1500 респондентов. Целью ESS является получить уровень достижимости или «успешности интервью» (количество интервью, которое удалось провести среди всех отобранных домохозяйств) в 70%, поэтому было отобрано 3800 домохозяйств. Такого уровня достижимости ни в одной волне ESS достичь не удалось.

5.3. Реализация выборки, проблемы недостижимости единиц отбора

Для определения качества выборки необходимо учитывать как тип построения выборки для определения влияния дизайна выборки (дизайн-эффект), так и качество реализации выборки. Одним из важнейших показателей качества реализации выборки является **уровень достижимости (успешности) единиц отбора** (response rate). Схожий уровень достижимости, реализации выборки между разными странами является важным фактором эквивалентности самих выборок⁴.

Методы, которые применяются для увеличения уровня достижимости, очень разнообразны. Среди них:

специальное обучение интервьюеров методам контакта с респондентами;

---

⁴ Lynn P., A. Jäckle and A.G. Blom. Understanding Cross-National Differences in Unit Non-Response: The Role of Contact Data - Institute for Social and Economic Research (ISER), 2008.

отбор интервьюеров по особым характеристикам⁵;

информационные письма в отобранные домохозяйства с объяснением целей и важности исследования;

требование не менее чем 4-разового посещения каждого отобранного домохозяйства в разные дни недели и разное время суток, чтобы увеличить вероятность застать респондента;

различные методы конвертации «отказов» (повторные попытки убедить респондента принять участие в исследовании уже после того, как был получен первоначальный отказ от участия);

удлинение срока полевых работ (в ESS он составляет около четырех месяцев), чтобы увеличить вероятность застать мобильную часть респондентов⁶.

Получить одинаковый уровень достижимости единиц выборки между странами трудно, если вообще возможно. Например, в ESS в волне 3 при всех предпринятых усилиях уровень достижимости варьировался от самого высокого уровня в Словакии (73%), Португалии (73%), Румынии (72%), Латвии (71%) и Польше (70%) до самого низкого во Франции (46%). Довольно низкий уровень был также в Дании (51%), Швейцарии (52%), Германии (54%), Великобритании (55%) и Ирландии (57%). Достигнутый уровень успешности интервью в России довольно высок, он составил 69%.

⁵ Jäckle A., P. Lynn, J. Sinibaldi and S. Tipping. The effect of interviewer experience, attitudes, personality and skills on respondent co-operation with face-to-face surveys // *Survey Research Methods*, 2013, № 7(1); Börsch-Supan A., H. Karsten, H. Jürges and M. Schröder. Longitudinal Data Collection in Continental Europe: Experiences from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe/ in *Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts*, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.

⁶ Hall J., V. Brown, G. Nicolaas and P. Lynn. Extended field efforts to reduce the risk of non-response bias: Have the effects changed over time? Can weighting achieve the same effects? // *Bulletin of Sociological Methodology*, 2013, № 117.

За четыре волны ESS, проведенные с 2006 по 2012 год в России, общий уровень достижимости постепенно снижался (с 69% в 2006 году до 66% в 2012 г.), но не так существенно, как во многих других странах. Причины недостижимости на протяжении всех этих лет остаются довольно сходными. Более двух третей недостижимых единиц – прямые отказы от участия в интервью домохозяйства и отобранного респондента. Вторая по значимости причина недостижимости – невозможность контакта с отобранным домохозяйством (никто не отвечает), несмотря на очень большое количество визитов, которые были сделаны. Часть этих домохозяйств, возможно, несуществующие («пустые» адреса без постоянного населения). Но определить это в ходе исследования, работая по территориальной выборке, очень трудно или невозможно. Список единиц отбора – жилых квартир, составляется на основе визуального наблюдения (квартиры и дома, которые выглядят жилыми). Исключить их можно только в том случае, если получить информацию об их заселении из вторичных источников – органов власти, самоуправления, соседей, либо если на жилье есть четкие опознавательные знаки, что помещение нежилое (например, таблички организаций на первых этажах жилых домов, или заколоченные дома). Другая часть недостижимых единиц из-за невозможности контакта состоит из людей, которые постоянно проживают по выбранному адресу, но застать дома их так и не удалось – это наиболее мобильная часть населения, обычно небольшие по размеру домохозяйства (из одного или двух человек) (см. *Таблицу 5.1*).

По уровню достижимости в ESS сходство между постсоветскими странами очень велико – от 61% в Латвии до 66% в России. Исключение составляет Литва, где уровень достижимости был почти в два раза ниже (данные волны 6). Пока недостаточно оснований считать, что это систематические различия, и что для Литвы низкий уровень достижимости является нормой. Для этого потребуется большее количество данных (см. *Таблицу 5.2*).

Таблица 5.1. Окончательный результат контактов с отобранными единицами отбора (домохозяйствами) после всех визитов Россия ESS волны 3-6 (Доля от всех отобранных единиц предпоследней ступени выборки (домохозяйства))

	Волна 3 2006	Волна 4 2008	Волна 5 2010	Волна 6 2012
Законченное действительное интервью	69%	66%	65%	66%
Отказ респондента или за респондента	24%	24%	23%	23%
Никого не застали в течение всех визитов	5%	5%	8%	8%
Нежилой адрес	1%	2%	2%	2%
Респондент временно или хронически болен, не может дать интервью по состоянию здоровья	1%	1%	1%	0%
Длительное отсутствие респондента (дольше времени полевой стадии опроса)	1%	0%	0%	1%
Языковой барьер	0%	0%	0%	0%
Другие причины	0%	1%	0%	0%

В целом уровень достижимости в опросах в постсоветских странах выше, чем в большинстве западноевропейских стран, но примерно такой же, как во многих других странах Восточной Европы. По данным исследования «Постсоветские Сравнительные Тренды ЦЕССИ», уровень достижимости единиц отбора в странах Закавказья несколько выше, чем в странах, расположенных в европейской части бывшего СССР. Он составляет около 70% в Закавказье, 67-70% в Казахстане, чуть более 70% в Киргизии и Таджикистане.

Таблица 5.2. Окончательный результат контактов с отобранными единицами отбора (домохозяйствами) после всех визитов в странах бывшего СССР и двух странах Западной Европы ESS волна 6 (2012)

	Россия	Украина	Латвия	Литва	Эстония	Германия	Велико-британия
Законченное действительное интервью	66%	64%	61%	34%	64%	33%	50%
Отказ респондента или за респондента	23%	21%	16%	27%	9%	44%	28%
Никого не застали в течение всех визитов	8%	5%	12%	11%	10%	11%	10%
Нежилой адрес	2%	0%	7%	23%	1%	1%	5%
Респондент временно или хронически болен, не может дать интервью по состоянию здоровья	0%	1%	1%	1%	3%	5%	2%
Длительное отсутствие респондента (дольше времени полевой стадии опроса)	1%	0%	2%	2%	5%	1%	0%
Языковой барьер	0%	0%	0%	0%	0%	1%	1%
Другие причины	0%	9%	1%	2%	8%	4%	4%

Примечание Для Украины приведены данные волны 5 (2010), Латвии – волны 4 (2008) – последняя информация, которая есть по данным странам на момент анализа

Однако в последние годы уровень достижимости единиц отбора постепенно падает во всех постсоветских странах. В странах Европы эта проблема стоит уже не первое десятилетие. Для решения этой проблемы работа ведется

в нескольких направлениях. Во-первых, все больше сравнительных межстрановых исследований документируют и публикуют информацию об уровне достижимости единиц отбора, используя стандартные методы определения и подсчета. В ESS такая информация публикуется в деталях – не только общий уровень достижимости единиц отбора по каждой стране в целом, но полная база данных с описанием всех контактов – их время, результаты, причины отказов и базовая информация о домохозяйствах, которые не удалось включить в выборку. Это дает возможность разным исследователям анализировать и выдвигать предложения по решению проблемы недосягаемости отобранных единиц. Второе направление – разработка процедур «взвешивания» данных с учетом различий в уровне достижимости. Третье направление – разработка подходов к работе с уровнем достижимости единиц отбора на уровне сбора информации – эксперименты с влиянием вознаграждения (безусловного, условного, разного размера и разной формы) на увеличение кооперации со стороны респондентов⁷, специальная подготовка интервьюеров⁸, психологические особенности первой коммуникации, разработка вспомогательных документов, повышающих доверие и интерес к опросу (брошюры с результатами, письма-представления, «телефон доверия» и другие методы), увеличение длительности проведения полевых работ (что увеличивает уровень достижимости, но одновременно и существенно удорожает его⁹).

---

⁷ Lynn P. The impact of incentives on response rates to personal interview surveys: role and perceptions of interviewers: research note // International Journal of Public Opinion Research, 2001, 13, no .3; Schröder M., D. Saßenroth, J. Körtner, M. Kroh, J. Schupp. Experimental Evidence of the Effect of Monetary Incentives on Cross-Sectional and Longitudinal Response: Experiences from the Socio-Economic Panel (SOEP), SOEP, 2013.

⁸ Börsch-Supan A., U. Krieger and M. Schröder. Respondent incentives, interview training and survey participation, Working Paper Series, 12, 2013.

⁹ Lynn P., P. Clarke. Separating refusal bias and non-contact bias: evidence from UK national surveys // Journal of the Royal Statistical Society Series D (The Statistician), 2002, № 51(3).

Вероятностный отбор с большим количеством дополнительных контактов трудоемок и ресурсоемок, требует больших временных и финансовых затрат. При использовании этого метода необходимо дополнительное время на проведение полевых работ, чтобы обращаться к отобранным единицам выборки снова и снова, сложная организация и управление полевыми работами (контроль возвратов, ротация интервьюеров, документация визитов и т.п.), высокие требования к квалификации интервьюеров.

Как и во многих других странах Европы, за последние 20 лет в России уровень достижимости единиц отбора при личных интервью на дому падает и требуется все больше и больше усилий, чтобы уровень достижимости оставался на приемлемом уровне. Наиболее трудными единицами для осуществления контактов в России являются жители самых крупных городов – особенно Москвы, Санкт-Петербурга и ряда других крупных городов, а также отдельные социально-демографические группы (молодые мужчины, жители в возрасте 35-44 лет, люди с низким уровнем образования).

Количество эффективных контактов (контакты, которые заканчиваются проведением интервью с отобраным респондентом) увеличивается с увеличением количества попыток контакта. В Таблице 5.3 показан результат, который мы получаем после каждого дополнительного контакта с отобранной единицей. В России после одного контакта удастся получить 37% успешных интервью – почти половину всех эффективных интервью. После двух контактов уровень достижимости составляет 51% (или 67% от всех полученных в результате интервью), трех контактов – 60% общей достижимости (91% от всех эффективных интервью). После четырех контактов уровень достижимости составляет 64%. После этого с каждым дополнительным контактом по всей выборке удастся получить еще около 1% дополнительных интервью вплоть до седьмого визита, а затем – менее 0,2% интервью. Всего в России потребовалось осуществить до 10 контактов с отобранными единицами, чтобы уровень до-

стижимости составил 66,9% в Волне 6 ESS. В целом эта модель воспроизводится и во всех других постсоветских странах. Поэтому на сегодняшний день можно сделать вывод о том, что первый контакт дает возможность получить уровень достижимости около 30-35%, второй контакт существенно увеличивает уровень достижимости – еще на 20%, третий визит приносит около 10%, четвертый – около 5%. **После четырех контактов влияние дальнейших попыток на общий уровень успешности интервью очень незначительно** (см. *Таблицу 5.3*).

Количество визитов, которые необходимы, чтобы получить приемлемый уровень достижимости, не одинаково для разных единиц отбора. В России наибольшее количество визитов необходимо проводить в городах-миллионниках (лишь 40% от всех законченных интервью удалось получить после 1 контакта), наименьшее – для проведения интервью в сельской местности (68% от всех законченных интервью удастся получить после 1 контакта) (см. *Таблицу 5.4*).

Недостижимость единиц отбора возникает из-за разных причин. Две основные из них – отказ респондента (домохозяйства) от сотрудничества и неудачные попытки застать респондента дома. Эти причины по своей сути очень разные, и работать с ними приходится тоже по-разному.

Основной причиной недостижимости единиц отбора составляют **отказы домохозяйства или отказ отобранного респондента** от участия в интервью. В ESS в России с 3 по 6 волну исследования доля недостижимости по этой причине составляла 23-24% от всех отобранных единиц. Информация о мотивах отказов респондентов/домохозяйств помогает выработать наиболее эффективную стратегию по минимизации этого эффекта до начала опроса или на применение стратегии «конвертации отказов» – работы с теми респондентами, которые уже отказались от участия в опросе с целью убедить их изменить свое решение.

Таблица 5.3. Достижение эффективных интервью в зависимости от количества контактов ESS волна 6 (2012)

Номер визита	РОССИЯ		ЭСТОНИЯ 2012		ЛИТВА 2010		УКРАИНА 2010		ЛАТВИЯ 2008	
	Общий УД после каждого визита	Дополнительный УД с каждым контактом	Общий УД после каждого визита	Дополнительный УД с каждым контактом	Общий УД после каждого визита	Дополнительный УД с каждым контактом	Общий УД после каждого визита	Дополнительный УД с каждым контактом	Общий УД после каждого визита	Дополнительный УД с каждым контактом
Первый визит	37%	57%	27%	42%	22%	66%	44%	69%	30%	54%
Второй визит	51%	20%	44%	28%	28%	16%	57%	20%	45%	28%
Третий визит	60%	14%	54%	15%	30%	7%	62%	8%	52%	14%
Четвертый визит	64%	6%	60%	8%	32%	4%	64%	3%	54%	3%
Пятый визит	65%	2%	62%	4%	33%	4%	64%	0%	54%	1%
Шестой визит	66,7%	1%	63%	2%	34%	2%	64%	0%	55%	0%
Седьмой визит	66,8%	0,2%	63,7%	1%						
Восьмой визит	66,8%	0%	64,0%	,5%						
Девятый визит	66,8%	0%	64,1%	,17%						
Десятый визит	66,9%	0%	64,2%	,08%						

Общий УД после каждого визита – кумулятивный процент Уровня Достижимости от всех отобранных единиц УК во время каждого контакта – % законченных интервью от общего количества интервью во время каждого контакта

Примечание. Для Украины приведены данные волны 5 (2010), Латвии – волны 4 (2008) – последняя информация, которая есть по данным странам на момент анализа

Таблица 5.4. Достижение эффективных интервью в зависимости от количества контактов
(% от количества всех законченных интервью)
в населенных пунктах разного размера ESS волна 6

	Всего по выборке	Города свыше 1 млн. чел.	Города 250-1 млн. чел	Города 50-250 чел	Города менее 50 тыс. чел	Села
Первый визит	57	25	53	54	70	77
Второй визит	20	29	24	20	17	13
Третий визит	14	25	16	17	10	7
Четвертый визит	6	14	6	6	3	3
Пятый визит	2	7	0	2	0	0
Шестой визит	1	1	1	1	0	0
Седьмой визит	0	0	0	0	0	0
8-10 визиты	0	0	0	0	0	0

Мотивация отказа от участия в опросе у потенциальных респондентов во всех волнах ESS очень стабильна. Она строится вокруг трех основных факторов:

- вопросы «частной жизни», вторжения в частную жизнь, личное пространство и связанная с ней проблема анонимности;
- отсутствие веры в эффективность опросов, их полезность;
- отсутствие интереса к общественным проблемам.

Основным мотивом отказа домохозяйства или респондента от участия в опросе является недоверие или отсутствие интереса к самому опросу. В этом случае задача состоит в том, чтобы заинтересовать респондента, объяснить значимость и пользу опроса и рассказать о достигнутых уже результатах. Пока использованные коллективом ЦЕССИ в этом отношении стратегии и методы имели лишь небольшой успех, но в целом мы видим большой потенциал работы в этом направлении (см. *Таблицу 5.5*).

Таблица 5.5. Основные причины отказов
(% от всех случаев отказов от интервью, каждый отказавшийся мог назвать несколько причин отказа) ESS Россия все волны

	Волна 3 2006	Волна 4 2008	Волна 5 2010	Волна 6 2012
Нежелание респондента давать личную информацию	28	24	14	19
Опросы – бесполезная трата времени	25	25	20	24
«Не интересуюсь опросами»	22	33	31	27
«Никогда не участвую в опросах»	14	17	15	15
Неудобное время посещения (болезнь, ребенок, другие домашние дела)	7	13	11	16
«Не доверяю исследованиям»	7	10	7	10
Участвовал в опросах слишком много раз, надоело, не понравился прошлый опыт участия	3	2	2	1
Ничего/ недостаточно знаю на эту тему	2	3	1	3

Мотивация отказа от участия в опросе из соображений вмешательства в частную жизнь, анонимности, конфиденциальности за последние годы немного снизилось, но до сих пор составляет существенную, хотя далеко не основную часть отказов от участия в опросе. Отчасти это эффект влияния методов работы с респондентами, которые были разработаны коллективом ЦЕССИ между Волной 4 и Волной 5. Специальные разъяснения о типе вопросов, которые войдут в анкету, право респондента отказаться отвечать на любой вопрос в ходе интервью, дополнительные гарантии анонимности и конфиденциальности помогли несколько снизить этот барьер для участия в опросе.

Отказ из-за отсутствия интереса к общественным проблемам, обсуждению каких-либо социальных тем явля-

ется наиболее трудной для работы причиной отказа от участия в опросе со стороны респондента. Обычно такие респонденты не склонны менять своего мнения, и никакие стимулы в рамках самого исследования не оказывают влияния на решение таких респондентов.

В целом работа по минимизации отказов с использованием разных методов показала себя довольно эффективной на примере России. Однако, хотя общие подходы и решения помогают работать в этом направлении при организации опросов и в других странах, каждая страна в данном случае имеет свои особенности, и подходить к каждой из них приходится по-своему.

5.4. Оценка качества результата в реализации выборки и ее корректировка

Необходимым этапом в построении эквивалентных выборок является верификация полученной (достигнутой) выборки путем сравнения с данными «внешних источников» в отношении базовых характеристик генеральной совокупности. Такая верификация проводится для того, чтобы выяснить, какие именно группы оказались представленными в выборке не в полном объеме, сделать предположения о том, как это повлияет на репрезентативность данных в целом и на возможности проведения конкретных видов анализа, а также получить информацию для принятия решений о дальнейших шагах по корректировке выборок.

Наиболее часто используемым методом такой верификации является сравнение полученных распределений по основным социально-демографическим характеристикам генеральной совокупности с внешними данными о населении. Такими «внешними» данными могут служить данные государственной статистики населения, данные других опросов, другие источники. Данные опросов европейских стран и постсоветских стран есть возможность сравнивать с данными Переписей населения. Хотя Переписи населения сами по себе не лишены ошибок, но

в целом они считаются достаточно надежным источником информации. Оценка качества Переписи населения с точки зрения исследуемых показателей также является важной составляющей этой работы в разных странах и особенно актуальна на постсоветском пространстве.

Рассмотрим результаты, полученные в разных сравнительных исследованиях в России и ряде других стран бывшего СССР в сравнении с данными последних Переписей населения в этих странах.

Таблица 5.6. Сравнение данных государственной статистики и данных межстрановых сравнительных опросов по России
(пол, возраст, образование)

	Данные переписи 2010	Россия ESS 2012	Россия ISSP 2013	EBRD Россия 2010	СП Тренды ЦЕССИ 2010
Пол					
Мужчины	45	38	35	30	40
Женщины	55	62	65	70	60
Возраст					
18-24	14	11	12	11	13
25-34	20	18	17	20	17
35-44	17	17	17	16	17
45-54	19	17	16	14	18
55-64	15	17	17	20	16
65+	16	19	21	18	18
Образование					
ниже среднего	20	11	26	10	13
законченное среднее	18	23	14	18	21
среднее профессиональное	37	33	35	42	37
высшее	24	33	25	30	30

В опросах в России мы сталкиваемся с систематической недооценкой группы мужчин – это одно из наиболее сильных «отклонений» данных опросов, построенных по вероятностным территориальным выборкам населения, среди всех социально-демографических показателей (кроме уровня образования). Во всех приведенных исследованиях преувеличена доля людей старшего возраста (старше 55 лет) и недооценена группа молодежи до 30 лет. Недопредставлена во всех опросах также группа 45-54-летних. Во всех опросах доля людей с высшим образованием гораздо выше, чем в Переписи населения, зато люди с самым низким уровнем образования во всех опросах, кроме ISSP, представлены почти в два раза меньше, чем в Переписи. Подобный же результат мы получаем и в однострановых исследованиях в России, построенных на выборках этого типа.

В других странах на пространстве бывшего СССР наблюдаются примерно такие же смещения выборок, построенных по вероятностному принципу, по сравнению с данными Переписей населения. Для примера рассмотрим результаты исследования EBRD «Жизнь в переходный период» 2010 года.

В странах, расположенных в европейской части бывшего СССР, почти во всех странах недостаточно представлена группа мужчин. Возрастные несоответствия имеют более сложную конфигурацию. Молодые возрастные группы недопредставлены в выборке в Украине, Литве и Молдавии (существенно). В Латвии и Эстонии в большей степени недопредставлена группа 25-34 года, чем самые молодые 18-24 лет. В Беларуси молодые представлены в гораздо большем количестве, чем это можно было бы ожидать согласно Переписи (но в других исследованиях мы этого эффекта не видели, поэтому говорить о стабильности такого результата пока нельзя). Слишком большое представительство людей старших возрастов (старше 65 лет), которое мы наблюдаем в России, также проявляется во всех других странах кроме Беларуси. Российская проблема недопредставленности людей 45-54 лет проявляется в Беларуси,

Эстонии и Украине. Смещение в сторону слишком большого представительства людей с высшим образованием за счет людей с самым низким уровнем образования проявляется в Беларуси, Молдавии и Латвии. В Эстонии и Литве, наоборот, в выборке недопредставлены люди с высшим образованием (см. Таблицу 5.7).

В странах Закавказья и Средней Азии модель выборочных смещений в целом схожа со странами, расположенными в европейской части. Группа мужчин недопредставлена и довольно серьезно во всех этих странах. Самые молодые группы 18-25 лет попадают в выборку реже, чем ожидается согласно Переписям, практически во всех странах. В наименьшей степени этот эффект проявляется в Азербайджане и Грузии. Но в отличие от стран в европейской части региона это происходит не за счет большего представительства самых старших возрастов 65+ (кроме Грузии), а за счет групп среднего возраста. Смещение в сторону слишком большого представительства людей с высшим образованием за счет людей с самым низким уровнем образования проявляется во всех этих странах. В данном исследовании исключение составляет Армения. Но в других опросах избыточное представительство людей с высшим образованием наблюдается и там (см. Таблицу 5.8).

Для корректировки различных «ошибок выборки», возникших из-за разных причин (особенностей построения выборки, неполноты и недостаточного качества списков для отбора, проблем миграции, а также высокого уровня недостижимости выбранных единиц) используется процедура «взвешивания» данных.

Взвешивание данных – процедура корректировки данных выборочных исследований, при которой каждому наблюдению или респонденту в базе данных присваивается весовой коэффициент, отображающий его значимость по сравнению с другими наблюдениями или респондентами. Взвешивание представляет собой преобразование уже реализованной выборки (данных исследования) с целью улучшить точность оценок или исправить несоответствия выборочной и генеральной совокупности. Источником таких несоответствий может служить

Таблица 5.7. Сравнение данных государственной статистики (последняя перепись) и данных опроса EBRD 2010 по полу, возрасту, образованию в странах на европейской части территории бывшего СССР

	БЕЛАРУСЬ		УКРАИНА		МОЛДАВИЯ		ЛАТВИЯ		ЛИТВА		ЭСТОНИЯ	
	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос
Пол	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Мужчины	45	38	45	30	47	36	45	41	45	32	45	29
Женщины	55	62	55	70	53	64	55	59	55	68	55	71
Возраст												
18-24	14	18	13	10	17	8	12	10	13	9	12	12
25-34	18	27	17	20	19	14	17	15	15	10	17	14
35-44	17	20	19	17	19	15	17	14	17	15	17	13
45-54	20	15	18	15	20	19	18	18	19	19	17	12
55-64	14	12	14	16	11	21	15	14	14	18	16	17
65+	17	7	18	21	14	24	22	29	22	29	22	32
Образование												
ниже среднего	14	6	3	12	43	60	33	19	22	47	22	22
законченное среднее	25	14	61	15	34	3	32	37	34	26	20	31
среднее профессиональное	41	42		39	11	18	21	23	20	8	25	25
высшее	20	39	36	34	12	19	14	22	25	19	32	22

Определение объекта и построение выборки

Таблица 5.8. Сравнение данных государственной статистики (последняя перепись) и данных опроса EBRD 2010 по полу, возрасту, образованию

	Армения		Азербайджан		Грузия		Казахстан		Киргизия		Таджикистан		Узбекистан	
	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос	Перепись	Опрос
Пол	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%
Мужчины	45	35	48	36	46	30	47	32	49	41	50	40	50	39
Женщины	55	65	52	64	54	70	53	68	51	59	50	60	50	61
Возраст														
18-24	17	13	21	19	14	12	20	14	25	18	27	19	24	16
25-34	21	18	23	25	19	17	23	21	24	23	26	23	26	26
35-44	15	18	21	22	20	15	20	25	20	20	19	25	20	23
45-54	19	19	19	19	17	18	18	20	16	18	15	17	14	18
55-64	13	15	8	8	30	16	10	12	7	12	7	9	7	10
3	14	16	8	8		23	10	9	8	9	6	6	8	7
Образование														
ниже среднего	16	45	14	12	17	8	16	6	17	10	20	22	28	24
законченное среднее	43	27	62	49	38	35	31	25	57	48	59	47	37	61
среднее профессиональное	20	13	11	19	20	29	31	41	12	20	11	15	24	0
высшее	22	15	13	21	24	28	22	28	14	22	9	16	11	14

неравная вероятность включения единиц в выборку – в случае диспропорциональных выборок (сознательного преувеличения или преуменьшения доли определенной группы в выборочной совокупности), в случае отбора одного респондента из домохозяйств (отобранных с равной вероятностью), состоящих из разного количества членов. Источником несоответствия выборочной и генеральной совокупности могут также служить отобранные единицы отбора, информацию о которых получить не удалось – недостижимые или отказавшиеся сотрудничать.

Чаще всего в опросах населения используются два типа веса – так называемый «дизайн-вес» и «постстратификационный вес» или вес для компенсации недостигнутых единиц отбора.

Дизайн-вес обычно применяется для того, чтобы скомпенсировать недо- или пере-представленность конкретных единиц отбора при диспропорциональной стратификации, то есть компенсации несоответствий, возникших вследствие того, что некоторые единицы были включены в выборку с неравной вероятностью.

Постстратификационный вес или его еще называют «социально-демографическим весом» – применяется для того, чтобы скомпенсировать тот факт, что достижимость респондентов с разными характеристиками неодинакова. В частности, в России в вероятностных выборках из-за проблемы недостижимости часто недопредставлены мужчины, люди средних возрастных категорий, люди с низким уровнем образования, высокодоходные группы. Чтобы скорректировать эту проблему, строится «вес» путем сопоставления информации от достигнутых единиц выборки с информацией о генеральной совокупности в целом. Для постстратификационного взвешивания необходимо иметь информацию о распределении генеральной совокупности по интересующим исследователя параметрам. Такую информацию можно получить лишь в отношении ограниченного количества параметров. Поэтому чаще всего для взвешивания при опросах населения используют такие признаки как пол, возраст, образование, иногда национальность и т.п.

Взвешивание наблюдаемых значений объектов является инверсией их вероятности включения в выборку. Каждому случаю (единице отбора) присваивается взвешивающий коэффициент, на который данные этого случая умножаются. Фактор вычисляется как доля соответствующей группы или страты в населении к доле этой группы или страты в выборке. Когда это нужно сделать по многим основаниям, вся выборка делится на нужное количество взаимоисключающих клеток, каждая из которых должна содержать минимальное количество наблюдений, не быть пустой. В том случае, если для взвешивания используется большое количество параметров, применяют более сложные процедуры моделирования, например, регрессионный анализ.

Социально-демографический вес кажется очень привлекательным способом решения проблемы несоответствия данных опроса «внешним» данным (в первую очередь Переписи), особенно когда такие несоответствия велики, как в случае с группой мужчин в опросах на территории постсоветских стран. Однако при использовании такого веса необходимо учитывать, что корректировка происходит в соответствии с «внешними данными», выступающими в качестве эталона. А данные Переписей далеко не во всех странах могут таким эталоном служить. Дополнительной сложностью является то, что Переписи проводятся в большинстве стран раз в 10 лет, а в некоторых – реже. Используя такие данные как референтную базу для корректировки данных опроса, нужно согласиться с предположением, что параметры населения по изучаемым показателям на протяжении этого срока остаются неизменными. Хотя для многих социальных показателей 10 лет достаточный срок, чтобы изменения стали существенными, например, для такого показателя как «уровень образования». Еще одно предположение, которое придется принять, состоит в том, что исследуемое в опросе население и население в референтной базе (например, Переписи) – одно и то же. А как мы видели из обсуждения определения генеральной совокупности, даже небольшие изменения в критериях, использованных для определения генеральной совокупности, могут

существенно изменить сам объект (например, включение или исключение временных мигрантов, не граждан и т.п.). На основе анализа данных EBRD мы видели, что доля мужчин в опросах почти во всех странах не превышает 35% от всех опрошенных. Можно было бы применить демографический вес, чтобы скорректировать эту проблему. Но можно и задать себе вопрос – а действительно ли мы уверены в том, что изучаемая нами генеральная совокупность включает больше мужчин, чем мы получаем в опросе, и не отражают ли данные опроса ситуацию на конкретный момент времени с конкретным определением генеральной совокупности лучше, чем мы предполагаем.

Еще один вид «взвешивания», который является особенностью межстрановых данных, – «**страновой**», который учитывает различия в размере стран (численности их населения), если анализ проводится на всей совокупности данных из всех стран вместе. В противном случае при анализе данных, где объем выборки для страны определялся без учета ее численности (а чаще всего именно так и происходит в межстрановых опросах), небольшие страны будут иметь большее значение в выборке, чем должны иметь пропорционально их численности, а большие страны будут недопредставлены. В этом случае весовой коэффициент для каждого респондента внутри страны будет одинаковым, а веса будут строиться между странами.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть, что **никакой, даже самый изощренный вес, не может скорректировать данные неудачно разработанного или плохо реализованного опроса.** Надежность и эквивалентность данных в первую очередь определяется выполнением всех процедур проведения опроса, описанных выше, и только в небольшой степени может быть улучшена или увеличена статистическими приемами.

ЧАСТЬ 6

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПРОСОВ, ОБРАБОТКА И АРХИВАЦИЯ ДАННЫХ

6.1. Метод проведения опроса и организация полевой стадии исследования

В настоящее время в Европе наиболее часто используемыми методами проведения опросов населения являются личные интервью на дому у респондентов, телефонные интервью и самозаполнение анкеты респондентом в присутствии или в отсутствие интервьюера. В качестве документа опроса в каждом из этих методов может использоваться как бумажная версия документов, так и компьютеризированное интервью (компьютеризированное телефонное, личное интервью или Интернет-опрос). Каждый из этих методов сбора информации обладает своими достоинствами и своими недостатками, которые неоднократно были показаны в различных методологических экспериментах и описаны в литературе, как и влияние каждого из этих методов на качество данных.

В больших сравнительных исследованиях чаще всего стараются использовать единый метод сбора данных, чтобы избежать проблемы, когда различия в данных между странами можно объяснить как содержательно, так и спецификой метода сбора данных. При этом решение принимается исходя из темы опроса, длины, сложности вопросов, а также возможностей большинства стран-участниц использовать какой-либо метод. В частности, очень распространенные в некоторых странах

телефонные опросы трудно применить в сравнительном проекте, если среди стран-участниц есть такие, где уровень телефонизации существенно ниже других или вообще низкий (что происходит даже в случае с европейскими странами, в частности, и с Россией).

Метод опроса, который используется сейчас в крупнейших сравнительных межстрановых опросах – ESS, WVS и многих других – личные интервью на дому у респондентов. В качестве документа для опроса используется либо бумажная версия анкеты и карточек, либо компьютеризированное интервью (CAPI). Например, в ESS в большинстве стран Западной Европы (кроме Португалии) проводится личное компьютеризированное интервью (CAPI), в большинстве восточноевропейских и центрально-европейских стран, в том числе и в России, – личные интервью с использованием бумажных документов.

В странах бывшего СССР личные интервью на дому как метод проведения общенациональных опросов является в настоящее время основным. Однако для ряда западных стран участие в международном сравнительном проекте с таким подходом к организации интервью представляет особую сложность. Ведь в последние двадцать лет доля исследований, проводимых с помощью личных интервью на дому, стремительно падала сначала за счет роста телефонных опросов, а потом и Интернет-опросов. Этим странам приходится создавать инфраструктуру для применения этого очень сложного в организационном плане метода.

Проблема метода сбора информации начинает занимать все большее место среди проблем сравнительных межстрановых исследований из-за усложнения и удорожания сбора информации методом личных интервью и падения уровня достижимости единиц отбора. Идет постоянный поиск новых подходов в этом направлении. В частности, изучаются возможности для использования «смешанного метода» сбора данных. При таком методе в разных странах будет использоваться разный метод сбора данных. Другой вариант – применение разных методов сбора данных для разных социальных, демографических или экономических групп, которые требуют особого под-

хода¹. Например, в рамках ESS проводятся методологические эксперименты по сочетанию различных методов сбора информации и изучается их влияние на качество и сопоставимость данных. Возможно, в будущем будут выработаны новые подходы к решению этих проблем.

6.2. Обработка, документация и представление данных

Заключительный этап любого сравнительного эмпирического исследования – обработка, документирование и представление данных. Только на первый взгляд этот этап представляется чисто техническим и простым. На самом деле именно из-за проблем на этом этапе многие хорошие сравнительные межстрановые проекты и отдельные исследования мало или вообще не используются научным сообществом, практически недоступны для вторичного анализа. Часть проблем и задач по обработке и представлению данных сравнительных многолетних исследований схожи с теми, которые стоят сегодня и перед отдельными национальными исследованиями. Однако в межстрановых исследованиях многие эти проблемы еще более усложняются, либо вообще являются уникальными.

Основными задачами при обработке данных, полученных из разных стран, и их представлении для последующего анализа являются:

- а) стандартизация данных,
- б) документация всех этапов проекта,
- в) обеспечение доступа к данным.

---

¹ *Revilla M.* Quality in Unimode and Mixed-Mode designs: A Multitrait-Multimethod approach // *Survey Research Methods*, vol.4, No.3, 2010; *Martin P.* A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods*, vol. 20 (1), 2011; *Jäckle A., C. Roberts, P. Lynn.* Assessing the Effect of Data Collection Mode on Measurement // *ISER working papers*, February 2008.

Стандартизация данных необходима для того, чтобы иметь возможность анализировать весь массив данных как единое целое, хотя он состоит из данных, полученных в разных странах с разными характеристиками населения, на разных языках и зачастую в разных статистических компьютерных программах по обработке, с разными национальными научными традициями и стандартами представления данных. Для достижения этой цели на самых ранних этапах исследования необходимо разработать:

стандартную форму представления данных опроса из разных стран, где были бы подробно описаны все переменные – как основные, так и служебные, единообразно присвоены названия этим переменным, перечислены все возможные категории ответов, включая служебные (такие как пропущенные данные и т.п.);

правила, по которым определяется база респондентов для каждого вопроса, и систематически разрешенные пропуски вопросов;

правила работы с вариантами ответов на вопросы с открытыми или частично открытыми категориями (например, где возможен «другой» ответ, который респондент может дать спонтанно, кроме перечисленных в анкете);

правила и кодификаторы для кодирования открытых вопросов и социально-демографических переменных.

Особые трудности в стандартизации обычно возникают в сравнительных межстрановых проектах в отношении структурных или контекстуальных переменных, которые отражают профессиональную, образовательную, религиозную, экономическую и т.п. системы, уникальную для каждой страны. К таким переменным относятся уровень и тип образования, социально-профессиональный статус, родной язык, отрасль экономики, тип предприятия, где работает респондент или члены домохозяйства, уровень дохода, а иногда и само определение «дохода», религиозность и членство в религиозных группах, виды

трудовых соглашений и контрактов, географическое и административное деление стран.

Документация к данным исследования. Любой исследователь, который имел дело с данными, собранными другими коллективами, то есть занимался вторичным анализом данных, знает, насколько непросто бывает разобраться с форматом представления «чужих» данных, разыскать все необходимые документы, понять систему кодирования².

На сегодня стандарты для представления данных, полученных методом опроса населения, разработаны и приняты уважаемыми международными организациями исследователей. Например, такие стандарты существуют у Американской Ассоциации исследователей общественного мнения (AAPOR), и поддержаны Всемирной Ассоциацией исследователей общественного мнения (WAPOR)³, в Европейском обществе маркетинговых исследований и опросов общественного мнения (ESOMAR)⁴. Разработаны определенные стандарты представления данных опросов и ведущими архивами социальных данных⁵. Однако следуют этим стандартам редко, а в сравнительных межстрановых исследованиях еще реже.

К стандартной документации, которую необходимо предоставлять с данными, полученными методом опроса населения и предназначенными для широкого использования, относятся:

---

² О значении документации данных опросов для использования во вторичном анализе можно прочитать у Mohler P., R. Uher. Documenting Comparative surveys for secondary analysis // in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.

³ AAPOR, Best Practices for Survey and public opinion research: www.aapor.org

⁴ ESOMAR Guide to Opinion Polls www.Esomar.nl/guidelines/opolls.htm

⁵ О стандартах в представлении данных опросов можно прочитать в Sommer R., G. Unholzer, E. Wiegand. Standards for Quality Assurance in market and social research. Frankfurt: ADM Arbeitskreis Deutscher Markt- und Sozialforschungsinstitutue, 1999.

информация об организации, которая проводила исследование, а иногда и об организации, которая финансировала опрос;

описание основной цели и конкретных задач исследования;

полная анкета (со всеми вопросами, категориями, инструкциями), включая визуальные материалы, которые показывались респонденту (карточки) и инструкции для интервьюера на языке-оригинале;

описание выборки, которое включает описание генеральной совокупности, метода отбора единиц на всех этапах, результаты контактов (уровень достижимости единиц отбора);

описание процедур, использованных при обработке и редактировании данных (принципы кодирования, правила работы с пропусками, ошибками);

описание и принципы построения весов;

описание метода опроса, времени проведения опроса, характеристики интервьюеров.

В случае сравнительных межстрановых, а тем более многолетних трендовых исследований, кроме этих документов очень важным оказывается и так называемая *«мета-документация»* и *информация о событийном окружении данных опроса*. К «мета-документации» относится информация о структурных и юридических характеристиках и нормах страны, которые влияют на интерпретацию и работу с отдельными вопросами, например, информация об образовательной системе страны, партийной системе, результатах и времени проведения национальных выборов, базовая социально-демографическая статистика. Такая информация чрезвычайно полезна, а часто просто необходима исследователям, которые начинают работу с данными, полученными в разных странах. В ESS подобную информацию собирают руководители проектов в разных странах, и она публикуется вместе с данными опроса как «Национальный методологический Отчет». Информация о событийном окруже-

нии опроса – это сведения о событиях, которые происходили в каждой отдельной стране непосредственно перед проведением и во время полевой части исследования, и которые могли бы оказать влияние на результаты опроса или уровень кооперации респондентов. К таким событиям могут относиться предвыборные кампании или выборы, смена правительства или важных политических деятелей, природные катаклизмы и катастрофы, эпидемии, существенные изменения в законодательстве, международные конфликты или события, забастовки, акции протеста, террористические акты, национальные праздники и т.п. Такая информация хорошо известна исследователям во время проведения полевых работ, и часто считается само собой разумеющейся. Однако, по прошествии даже небольшого времени такая информация стирается из памяти, а в отношении других стран ее просто нет, что часто приводит к неверной интерпретации данных при вторичном анализе или требует очень большого времени для ее восстановления.

6.3. Этика межстрановых опросов

Каждый опрос подразумевает сбор и хранение большого количества разнообразных данных о людях, которые приняли в нем участие. Собирая такие данные, исследователи берут на себя большую ответственность перед этими людьми за сохранение конфиденциальности всей полученной информации, и должны строго следовать этическим стандартам исследователя⁶.

В сравнительных межстрановых исследованиях решить эту задачу особенно нелегко. Опросы проводятся в разных странах, где национальные этические стандарты различны, уровень формализации таких стандартов – наличие профессиональных документов об этике, законов о конфиденциальности и сохранении частной информации, другие регулирующие требования к исследовате-

---

⁶ *Freed-Taylor M. Ethical considerations in European cross-national research // International Social Science Journal, 142, 1994.*

лям, общественные неформальные требования, стандарты и строгость их соблюдения – различны. Но используются данные сравнительных исследований из всех стран вместе, поэтому возникает необходимость поддержания минимальных общих требований к этическим нормам исследователя во всех странах.

Исследователь, исследовательская группа или организация, которая начинает проведение опроса населения, принимает на себя целый ряд обязанностей. Во время проведения исследования при взаимодействии с другими людьми и организациям у исследователя возникают следующие обязанности и необходимость соблюдения этических норм и стандартов:⁷

Обязанности и ответственность перед обществом в целом (результаты исследования должны быть получены с соблюдением всех норм высокого качества, чтобы данные исследования не вводили общество в заблуждение, не стали источником ложной или ненадежной информации, основанием для ложных выводов и даже неверной политики, решений на личном, местном или даже национальном уровне).

Обязанности и ответственность перед организацией, которая финансировала исследование (точное выполнение обязательств по договору – сроков, финансовых обязательств, оговоренных стандартов качества сбора данных, использования или неиспользования имени финансирующей организации при распространении данных, выполнение обязательств по использованию результатов исследования и др.).

Перед коллегами, интервьюерами и другими участниками исследовательского процесса (предоставление полной и точной информации о процедуре проведения исследования для ее анализа другими исследователями, организация процесса исследования, которая не приводила бы к риску для исполнителей опроса – интервьюеров).

---

⁷ Более подробное обсуждение этой проблемы в Jowell R. The codification of statistical ethics // Journal of Official Statistics 2, 1986.

Перед респондентами (об этом мы подробнее поговорим ниже).

При проведении исследования, как одностранового, так и многостранового, исследователи должны исходить из трех основных задач и связанных с ними этических норм:

задача принесения наибольшей пользы с минимальным риском (стремление максимизировать положительный результат и при этом минимизировать ненужный риск или вред);

уважение респондента, источника информации, защита автономности и частной жизни человека, его права на частную жизнь⁸;

соблюдение норм справедливости и честных партнерских договорных отношений со всеми участниками исследовательского процесса.

При рассмотрении этических правил проведения сравнительных межстрановых исследований принято иметь в виду четыре основные сферы, в которых должны устанавливаться и применяться этические нормы и правила:

- a) Соблюдение прав респондентов.
- b) Этичное проведение исследования в целом (объективные и непредвзятые вопросы, неиспользование методов, которые могли бы привести к искажению информации или полученных данных и т.п.).
- c) Учет, внимание и уважение культурных норм, традиций, обычаев, ограничений, принятых в разных обществах.
- d) Полнота и точность информации о методологических и организационных составляющих опроса при распространении данных опроса или публичной презентации результатов.

---

⁸ *Doyle P., J. Lane, J. Theeuwes L. Zayatz. Confidentiality, Disclosure, and Data Access: Theory and Practical Applications for Statistical Agencies. Amsterdam: North-Holland, 2001.*

Этические нормы при проведении исследований стимулируются и устанавливаются разными способами. Они бывают как внешние, формальные – выраженные в законодательстве, административные и хозяйственные/коммерческие/ договорные нормы и требования с официально установленными санкциями за их невыполнение, так и внутренние факторы стимулирования – кодексы, этические правила, добровольно принятые на себя исследовательским сообществом или конкретной исследовательской организацией обязательства, образовательные программы, другие методы неформального поощрения и санкции.

Внешние методы стимулирования этического поведения исследователей. Наиболее распространенная форма внешнего стимулирования – это законодательные меры по охране персональных данных, права человека на частную жизнь и т.п. При всей внешней привлекательности и универсальности подобного стимулирования, в настоящее время более эффективными показали себя внутренние методы стимулирования этического поведения. Исследовательская деятельность включает в себя столь большое количество разнообразных аспектов и часто требует нового, уникального подхода в каждой конкретной исследовательской ситуации, что законодательно описать и ограничить, а тем более проверить выполнение этических норм в каждом аспекте практически невозможно, да и неэффективно. Законодательство обычно описывает самые общие рамки и требования при использовании информации, полученной от людей.

Внутренние методы стимулирования этического поведения исследователей. Этичный исследователь определяется как тот, который заботится и о благополучии респондентов, и о будущем использовании полученных данных, и принимает личную ответственность за принятые решения.

В настоящее время разработано довольно большое количество разных этических профессиональных кодексов и правил в рамках отдельных организаций, профессиональных сообществ и стран. В качестве примера можно привести Декларацию о профессиональной этике Международного статистического института. В руководстве

по выполнению этой декларации подробно обсуждаются разные этические проблемы, которые встают перед исследователями и предлагаются решения этих проблем. К этой Декларации присоединилось большое количество исследовательских организаций. На основе этой Декларации разработано Британское Руководство по Этике Ассоциации социальных исследователей, а также Декларация об Этических принципах Исследовательского центра микросоциальных изменений Университета Эссекс (ES-PRC). Свои кодексы этических принципов разработаны в рамках многих фондов, которые осуществляют финансирование исследовательских проектов.

Принципы, которые приняты сейчас в международном исследовательском сообществе в качестве внутренней нормы при проведении исследований:

1. **Принятие на себя ответственности.** Руководитель исследования должен полностью сознавать этические проблемы, которые стоят перед проведением исследования, и принять ответственность за все процедуры и этические вопросы, связанные с проектом.
2. **Проведение исследования.** Исследование должно проводиться таким образом, чтобы сохранять саму идею исследований и не дискредитировать ее, не уменьшать возможности для проведения подобных исследований в будущем для себя и других исследовательских организаций. Выбор тем исследования должен базироваться на научных суждениях и оценке потенциальной пользы для респондентов и общества по сравнению с риском для каждого участника. Исследование должно проводиться компетентно и профессионально, как объективный научный проект – квалифицированным профессиональным персоналом, дизайн исследования должен соответствовать поставленной задаче и теоретическим предположениям, лежащим в основе исследования, должен учитывать предыдущий опыт подобных исследований, не использовать процедуры, которые могут привести

к смещениям, ошибкам или искажению данных опроса. Вместе с тем исследователь должен делать все, чтобы минимизировать свое вмешательство в жизнь людей, максимально использовать время, которое предоставляют ему респонденты, и минимизировать риски для респондентов.

3. Знание законодательства. При проведении сравнительных межстрановых проектов необходимо знание законодательства каждой из стран-участниц. На этой основе вырабатываются общие для всех стран-участниц нормы, которые будут использоваться в конкретном проекте на основе национальных законодательств.
4. Информация о методике и процедуре проведения исследования должна быть открыта и доступна, в случае если результаты исследования распространяются публично. Исследователь должен предоставить возможность профессиональному сообществу оценить методы проведения исследования и полученные на основе использования этих методов выводы и результаты, предупредить потенциальных пользователей об ограничениях в надежности и применимости данных, если таковые известны исследователю.
5. Исследования групп риска. Особое внимание и особые этические требования разрабатываются при проведении исследований среди «групп риска» – людей, которые находятся в таком положении, что либо не могут сами оценить и защитить свои права, либо в случае, если раскрытие информации о них может поставить их в трудное положение, связано с риском для их благополучия. К таким группам относятся в первую очередь дети, несовершеннолетние. Но в разных обстоятельствах к таким группам можно отнести и большое количество других категорий людей, например, курильщиков; людей, совершивших правонарушения; людей с определенными заболеваниями.

6.4. Доступ к данным международных опросов. Архивы данных

Последним, но отнюдь не по важности, а лишь по порядку исполнения элементом представления данных сравнительного многостранового многолетнего проекта является **обеспечение доступа пользователей к данным исследования**. На протяжении долгих лет это была непростая задача как из-за технических ограничений (отсутствия электронных средств коммуникации), так и из-за проблем и требований, связанных с анонимностью данных, а также с практикой ограничения доступа к исходным данным со стороны руководителей и организаторов научного проекта (определенный, часто очень длительный период «эмбарго» на использование данных исследования учеными за пределами коллектива авторов, например, до времени появления в научно-рецензируемом журнале первой публикации с базовым описанием данных). В последние годы политика доступа к данным больших сравнительных проектов, которые финансируются из открытых общественных фондов, либерализируется, и доступ к ним получить все легче. Такие данные, как правило, помещаются в какой-либо архив социальных данных, который и занимается обеспечением доступа исследователей к этим данным⁹. Очень большое количество информации, полученной с помощью межстрановых опросов, содержится в архиве Межуниверситетского Консорциума политических и социальных исследований в Энн-Арборе, Мичиган, США (ICPSR, Inter-University Consortium for political and social Research). Крупнейшими архивами таких данных в Европе являются Британский архив в Эссексе (data-archive.ac.uk) и Германский архив в Кельне (www.gesis.org), последний является официальным архивом данных ISSP.

⁹ Андреенков В.Г., В.А. Чередниченко. К вопросу о создании банка социологической информации // Социологические исследования, 1982, № 1.

В качестве примера рассмотрим организацию хранения и распространения документации в ESS

С самого начала проект ESS создавался как открытое исследование, доступ к которому должны иметь все желающие – как академические ученые, так и политики, журналисты, просто интересующиеся, без каких-либо временных или технических ограничений. Архивацией и обеспечением доступа к данным ESS занимается Норвежская Служба данных социальных исследований в Бергене (NSD, Norwegian Social Science Data Services). Немедленный доступ к данным и всей документации исследования можно получить на сайте www.ess.nsd.uib.no сразу после регистрации на сайте. Такая политика ESS обеспечила очень широкую известность проекта в научных, образовательных, публицистических и политических кругах. На сайте ESS зарегистрированы десятки тысяч пользователей, и само исследование является одним из наиболее часто цитируемых в научных публикациях в области социальных и политических наук в Европе.

На пространстве бывшего СССР общепризнанного и широко используемого архива данных сравнительных исследований пока нет. Хотя работы по созданию национальных архивов, в частности, архива данных российских исследований, велись с середины 1980-х годов и продолжаются до сих пор¹⁰. Собраны и просто спасены материалы многих исследований, однако многие были, к сожалению, утеряны или до сих пор хранятся в архивах отдельных исследовательских организаций. Хочется верить, что в ближайшие годы эта задача будет решена.

---

¹⁰ Ростегаева Н.И. Базы и банки данных // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер", № 16, февраль 1996.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой книге мы старались показать, что сравнительные межстрановые социальные исследования – один из наиболее сложных и в методологическом, и в теоретическом, и в техническом планах, но и один из наиболее увлекательных видов исследований в социальных науках. Такие исследования открывают самые широкие возможности для социальных наук – предоставляют столь востребованную в социальных науках возможность проверки социологических теорий, дают возможность создавать и проверять различные гипотезы и объяснительные модели социальных процессов и явлений, могут способствовать решению и теоретических, и прикладных задач. Однако все это возможно только в том случае, если сравнения на базе данных опросов проведены так, что позволяют получить сопоставимые данные и в плане концептуальной сравнимости, и в плане методологической эквивалентности.

Сами сравнительные межстрановые опросы и отрасль знания, в которой разрабатывается и обобщается методология проведения такого рода опросов, активно развиваются в последние десятилетия. Можно выделить ряд основных тенденций, которые мы наблюдаем уже сейчас и которые, наиболее вероятно, получат дальнейшее развитие в ближайшем будущем.

Несмотря на большой рост количества сравнительных межстрановых эмпирических исследований в области социальных наук на протяжении последних десятилетий, пик интереса к таким исследованиям еще далеко не достигнут, их количество и область применения продолжают расширяться и расти, как и количество включенных в

такие проекты стран. В настоящий момент и в России, и в мире происходит аккумуляция знаний в области методологии проведения подобных исследований, осмыслиется накопленный в ходе большого количества подобных исследований опыт. Именно в этой сфере методологии эмпирических исследований разрабатываются наиболее современные решения и подходы к проведению массовых опросов и анализу данных опросов в целом.

Кроме расширения масштабов сравнительных исследований, организации все более сложных проектов (многогранных и одновременно трендовых или лонгитюдных), успехи и достижения в области методологии сравнительных исследований позволяют создавать такие проекты, где сравнительный дизайн заложен на все большем количестве этапов исследования. Развитие при этом идет в направлении от использования только сравнительного анализа независимо собранных данных к получению данных, сравнимых по максимальному количеству параметров (инструменту, построению выборки, сбору самих данных, их обработке и презентации).

К тенденциям последних лет можно отнести внедрение все более демократических методов организации исследования как с точки зрения его финансирования (вместо централизованного финансирования из одной страны-руководителя финансирование из большого количества национальных источников в каждой стране, что позволяет выстраивать совершенно новые, партнерские отношения в научном коллективе), так и с точки зрения создания концептуального дизайна исследования (увеличение междисциплинарности и интернациональности в создании проекта, в том числе и с точки зрения доступности данных).

Технологические достижения последних лет, с одной стороны, и продолжающееся падение уровня достижимости единиц отбора в опросах (из-за снижения уровня кооперации респондентов, законов о частной информации, закрытие контактной информации частных лиц и другие ограничения и барьеры) ведут к тому, что в предстоящее десятилетие будет происходить новый радикальный пе-

решит методы опроса, и достигнутый некоторое время назад status quo, по крайней мере, в западных обществах, будет опять нарушен. Крайне маловероятно, что откроется новый способ коммуникации с респондентом, новый метод опроса, который мог бы стать универсальным для всех стран и для разных групп населения. Напротив, происходит усложнение и диверсификация социальных групп в отношении способов взаимодействия, которыми удается воспользоваться для получения информации. Уже сейчас проводится большое количество экспериментов по различным стратегиям «смешанных» методов опроса: например, частично телефонного, а частично личного, или личного и он-лайн, личного и почтового и другие комбинации.

В последние годы произошел настоящий прорыв в улучшении качества документирования сравнительных межстрановых опросов, а также существенное облегчение доступа к исходным эмпирическим данным и работы с материалами межстрановых опросов. В области академических исследований данные опросов становятся все более открытыми и доступными для разных исследователей. При этом открытость сегодня понимается не только как возможность оценить уже использованные методы и процедуры и воспользоваться полученными данными, но и как возможности для активного участия самого широкого круга ученых из разных стран в создании и усовершенствовании методологии сравнительных опросов, разработке концепций и теорий, которые могут быть проверены на данных межстрановых сравнительных опросов. Такой подход дает возможность уйти от узости и замкнутости национальных научных школ и работать над решением социальных проблем и задач социальных наук в общей международной системе единых научных знаний.

Подобное увеличение количества и повышение качества сравнительных данных, их доступности и методологической прозрачности, мы надеемся, приведут к более широкому использованию сравнительных данных исследователями разных социологических направлений и

Заключение

дисциплин, к расширению возможностей использования эмпирических методов проверки социологических теорий и выдвижения новых; а для широкой общественности – к большей информированности о жизни и представлениях, ценностях, мнениях людей в разных странах, а значит, к большему взаимопониманию и интересу друг к другу.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования, 2013, №1.
- Абросимова Е.Е.* Дихотомические вопросы: логика и рациональность использования при построении анкеты // Социологические исследования, 2013, №11.
- Аверьянов Л. Я.* Социология: искусство задавать вопросы, 2-е издание. М.: 1998.
- Авоян Р.Г.* Значение в языке. Философский анализ, М.: Высшая школа, 1985.
- Ананьин О. И., Е. Т. Гайдар.* Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов. М.: ВНИИСИ, 1984, №15.
- Андреев А.Л.* Россия и Европа: культурно-психологическая дистанция глазами социолога // Общественные науки и современность, 2003, № 3.
- Андреенков В.Г.* Методологические проблемы интерпретации данных сравнительных социологических исследований // Тезисы докладов к XI Всемирному конгрессу Международной ассоциации политических наук. М.: ИСИ АН СССР, 1979.
- Андреенков В.Г.* Проблемы сравнительного анализа в современных социологических исследованиях / в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.
- Андреенков В.Г.* Сравнительный анализ организационных принципов развития эмпирических социологических исследований в США / Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андреенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 2.
- Андреенков В.Г., М.С. Косолапов.* Обсуждаются вопросы сравнительных исследований // Социологические исследования, 1983, №1.

- Андреенков В.Г., О.М. Маслова. Эмпирический базис социологической науки // Социологические исследования, 1987, №6.
- Андреенков В.Г., В.Д. Патрушев. Использование времени жителями города. М.: ИСИ АН СССР, 1987, Вып.1-4.
- Андреенков В.Г., Г.Н. Сотникова. Телефонные опросы населения. Методические рекомендации по проведению массовых выборочных опросов. М.: ИСИ РАН СССР, 1985.
- Андреенков В.Г., В.А. Чередниченко. К вопросу о создании банка социологической информации // Социологические исследования, 1982, №1.
- Андреенков В. Г., А.О. Крыштановский, В.А. Чередниченко В.А. Проблемы накопления и анализа на ЭВМ данных социологических исследований. М.: Наука, 1986.
- Андреенков В.Г. Методологические проблемы и решения в современных международных сравнительных исследованиях. Глава 1. / в кн. Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование», под ред. А.В. Андреенковой, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
- Андреенкова А.В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках: методология, этапы развития, современное состояние // Мир России, № 3, 2011 <http://www.ecsocman.edu.ru/mirros/>
- Аржоманд С.А. Что произошло со «сравнительным» в сравнительной и исторической социологии // Социологические исследования, 2014, №1.
- Артановский С.Н. О сравнительно-историческом и структурном методах в этнографии // Методологические вопросы общественных наук. Л.: 1963.
- Арутюнян Ю.В. и Л.М. Дробищева. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии с. 102-112 // Социологические исследования, 2014, №7.
- Баранова В.Ю., Г. С. Ковалева, Н. Г. Кошеленко. Особенности проведения исследования PISA-2009 в России. http://sch1361.zdn.ru/Novosti/PISA_2012/01_razdel_1_pisa-2009_osobennosti_provedeniya.pdf
- Бартон В.И. Сравнение как средство познания. Минск: Изд-во БГУ, 1978.
- Башкирова Е., П.Райттила. Образ страны-соседа в Финляндии и СССР, М.: ИСИ АН СССР, 1989.
- Беляева Л.А. Россия и Европа: структура населения и социальное неравенство (часть 1 и 2) // Вестник ВЦИОМ, 2010, 3.
- Билан Ю.В. Социальное измерение внешней миграции: теория и практика (на примере Турции и Украины // Социологические исследования, 2014, №9.

- Боряз В.Н.** Молодежь. Методологические проблемы исследования. Л.: Наука, 1973.
- Валеева А.Ф.** Влияние урбанизации на языковое поведение жителей полиэтнического региона // Социологические исследования, 2002, №8.
- Варламова Н.В.** Сравнительное правоведение: современные методологические подходы // Общественные науки и современность, 2014, №2.
- Вольф Г.Ф., В.Е. Семенов.** Работа как ценность: (анализ результатов эмпирических исследований в разных странах) // Вестник Ленинградского Университета Экономика. Философия. Право, 1984, №11.
- Вопросы сравнительных международных социологических исследований / Ф.Р.Филиппов. М.: ИСИ АН СССР, 1981.
- Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. М., 1956
- Вэй Фэн, Н.Н. Покровская.** Организационная культура в России и Китае // Социологические исследования, 2007, №4.
- Гадея Ш., И.П. Попова.** Исследования профессиональных групп в России и Франции // Социологические исследования, 2014, №1.
- Гайдис В.** Время в социологических исследованиях: методологические и методические проблемы. Вильнюс, 1986.
- Гайдис В.А.** Сравнительный анализ различных вариантов вопросов для получения информации об образовании респондента/ в кн. Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г.Андреенкова, О.М.Масловой, 1988.
- Гарипов Я.З.** Языковое развитие полиэтнического региона // Социологические исследования, 2012, №4.
- Гельбрас В.Г.** Национальная идентификация в России и в Китае (Опыт сравнительного анализа) // ПОЛИС, 1997, №1.
- Гегер А.Э.** Сравнительные международные исследования ценностей: за и против универсальности // Материалы конференции «Продолжая Грушина». М.: ВЦИОМ, 2011.
- Головаха Є., А. Горбачик, Н. Паніна.** Україна та Європа: результати міжнародного порівняльного соціологічного дослідження. Киев: Інститут соціології НАН України, 2006 (на украинском языке).
- Голофаст В.Б.** Три проблемы методологии сравнения / Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.

- Гончарук С.И.* Сравнительный метод в изучении общественных явлений / в кн. Некоторые проблемы методологии научного исследования. М.: Международные отношения, 1968.
- Горшков М.К., Ф.Э. Шереги.* Сопоставительный анализ в изучении динамики общественного мнения // в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.
- Горячева Н.В.* Сравнение паттернов потребления спиртных напитков в России и северных странах Европы // Социология 4М, 18, 2004.
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра, под ред. Л.М. Дробижевой. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
- Данилович П., П. Штабински.* Верификация социально-демографических данных, полученных в формализованном интервью. Материалы советско-польской конференции по проблемам качества социологической информации. Варшава, 1978.
- Девятко И.Ф.* Диагностическая процедура в социологии. М.: Наука, 1993.
- Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Уральский Университет, 1998.
- Дилова С.И.* Сравнительный анализ факторов формирования отношения к труду // в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.
- Докторов Б.З.* Международные сравнительные исследования: особенности организации / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Докторов Б.З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
- Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
- Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

- Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееенкова, Ю.Н. Толстовой. М.: Наука, 1987.
- Елисеева И.И. Социальная статистика. М.: Финансы и статистика, 2001.
- Ермакова В.В. Некоторые методологические проблемы повторного исследования духовных интересов колхозников // Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1980. Вып.3.
- Ермакова В.В., В.В. Пацюрковский и Ф.Э. Шереги Повторные исследования в прикладной социологии // Социологические исследования, 1982, №1.
- Ермолаева Е.М. Язык респондента, язык анкеты // Социологические исследования, 1987, №1.
- Ермолаева Е.М. Проблемы выбора языка социологической анкеты в межнациональных сравнительных исследованиях / в кн. Проблемы сравнительных исследований в социологии, под ред. В.Г. Андрееенкова, О.М. Масловой, 1988.
- Журавлева М.О. Опыт использования методов факторного анализа для сопоставления уровней жизни в странах-членах СЭВ / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Задорин И.В. Евразийские мотивации // Стратегия Россия, 2008, №1.
- Задорин И.В. Интеграция в Евразии: социологическое измерение. М.: Институт экономических стратегий, 2008.
- Иваев К. Миграционные процессы в современном Кыргызстане // Социологические исследования, 2012, №10.
- Иванов В.В. К вопросу о содержании и развитии сравнительно-исторического метода / в кн. Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1967, вып.5.
- Иванов В.И., А.А. Стогний Проблемы накопления и анализа на ЭВМ данных социологических исследований. М.: Наука, 1986.
- Иванов С.В. Копанка 45 лет спустя: курсом социального расцвета и укрепления интернационального единства // Социологические исследования, 1982, №3.
- Иванова Т.А. К вопросу сравнительного исследования территориальных различий в жизненном уровне населения / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред.

- Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- История социологии в Западной Европе и США, под ред. Г. В. Осипова. М.: Норма, 2001.
- Карабчук Т.С., Т.Р. Пашинова и Н.Э. Соболева.* Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ? // Мир России, 2013, т. 22.
- Кенкманн П.О.* К классификации способов многократного исследования / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- Кенкманн П.О.* Лонгитюдные исследования: опыт и проблемы // Социологические исследования, 1985, №3.
- Кенкманн П.О.* О логике построения сравнительного исследования / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Кирдина С.Г.* Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии// Общественные науки и современность, 2014, №5.
- Клигер С.А., М.С. Косолапов, Ю.Н. Толстова.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978.
- Климов Г. А.* Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. Л., 1971.
- Ковалева Г.С., Н.Г. Кошеленко, К.А. Краснянская, Е.С. Смирнова.* Концептуальные подходы к оценке учебных достижений по математике и естествознанию в международном сравнительном исследовании TIMSS/ Москва, 2008.
- Ковалевский М.М.* Исторически-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории русского права. М.: 1880.
- Ковалевский М.М.* Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии / в кн. Сборник по общественным наукам. СПб, 1899, вып.1.
- Козлова Г.П.* Сводимость к государственной статистике как метод обеспечения сопоставимости социальных исследований / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 2.
- Кокин А.М.* К вопросу о коннотативном компоненте лексического значения слова / в кн. Типы языковых значений. Рязань, 1986.

- Кокрен У. Методы выборочного исследования, М.: Статистика, 1976.
- Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования, 1978, №3.
- Копалов В.И. Сравнительно-исторический метод в типологии социальных явлений / в кн. Типология социальных явлений. Свердловск: Уральский госуниверситет, 1982.
- Кораблева Г.Б. Становление подходов к социологии профессий в России // Социологические исследования, 2013, №1.
- Корлэтяну И.Г. К вопросу о значении социального фактора в развитии языка / в кн. Язык и общество. М.: Наука, 1968.
- Коровицына Н.В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социологические исследования, 2002, №5.
- Косолапов М.С. Методы анализа структурных сдвигов / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееenkova, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Кортаев А.В. Джордж Питер Мердок и школа кросс-культурных исследований // Бюллетень: Антропология, меньшинства, мультикультурализм, 2003.
- Кравченко С.А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013.
- Кравченко С.А. Социология, т.1. Классические теории. М.: Юрайт, 2014.
- Кревневич В.В. Социальные последствия автоматизации. М.: Наука, 1985.
- Крыштановский А.О. Использование архива социологических исследований для проведения вторичного и сравнительного анализа // в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееenkova, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Кязимов Н. Об использовании приема сравнения. Баку: Азеручпедгиз, 1964.
- Кязимов Н. Сравнение - основа познавательной деятельности. Баку: Азернешр, 1966.
- Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования, 2011, №9.
- Ларченко С.Г. Теоретико-методологические принципы программы исследования межкультурных взаимодействий / в кн. Методологические проблемы научно-исследовательских программ. Новосибирск: 1983.

- Лашук И.В.* Социокультурная дифференциация современного белорусского общества // Социологические исследования, 2013, №11.
- Леонтьев А.А.* Важнейшие проблемы сопоставления русского языка и языков Востока. Ташкент, 1972.
- Леч М., Г. Осипов и Ф. Харват.* Сближение рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции социалистических стран. (По результатам международного сравнительного исследования проведенного третьей проблемной комиссией многостороннего сотрудничества Академий Наук социалистических стран. Прага: Институт философии и социологии ЧСАИ, 1985, том 1-4.
- Лотман М.Ю.* Двойственная природа текста/ в кн. Текст и культура: общие и частные проблемы. М.: 1985.
- Магун В.С., М.Г. Руднев.* Базовые ценности россиян в европейском контексте (статья вторая) // Общественные науки и современность, 2010, № 4.
- Магун В.С., М.Г. Руднев.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // в кн. Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011, под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011, вып.10
- Магун В.С., М.Г.Руднев.* Сходства и отличия жизненных ценностей россиян и других европейцев: межстрановые и межиндивидуальные сравнения / в кн. Россия в Европе. По материалам международного сравнительного социологического проекта Европейское социальное исследование, под ред. А.В. Андреевской, Л.А.Беляевой. М.: Академия, 2009.
- Магун В.С.* Движение от традиционных семейных норм к современным: сравнение России и Франции // Вестник Института социологии, 2011, № 2.
- Макаев Э. А.* Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
- Малько А.В., А.Ю. Саломатин.* Сравнительное правоведение. М., 2010.
- Мальшева М.М.* Профессиональная работа женщин и демографическое поведение: опыт вторичного анализа международных сравнительных исследований // Социологические исследования, 1984, №2.
- Мансуров В.А.* Молодежь как объект исследования социологов // Социологические исследования, 1983, №1.
- Маркарян Э.С.* О значении сравнительного метода в культурно-историческом познании // Вопросы истории мировой культуры, №4, 1957.

Маркарян Э.С. Об основных принципах сравнительного изучения истории // Вопросы истории, 1966, №7.

Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван, 1969.

Марков Д.Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках // Вопросы истории, 1973, №10.

Масленников М.М. Методологическое значение сравнения в научном познании, Воронеж: Воронежский университет, 1968.

Маслова О.М. Методические проблемы сбора информации в повторном социологическом исследовании / в кн. Советская социология. М.: Наука, 1982, т.2.

Маслова О.М. Роль сравнительного анализа при обосновании методики социологического опроса / в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееenkова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.

Математические методы в социальных науках, под ред. П.Лазарсфельда и Н.Генри. Пер. с англ. под. ред. Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1973.

Математические методы в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееenkова, Ю.Н. Толстой. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

Матюнин И.И. Сравнительные и экспериментальные исследования / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееenkова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

Межевич М.Н., А.В. Дмитриев. СССР - США: социальное развитие в городах (опыт сравнительного анализа). Л.: Наука, 1981.

Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954

Мелконян Э.Л. Проблемы сравнительного метода в историческом значении. Ереван: Издательство Армянской СССР, 1981.

Мёрдок Дж.П. Социальная структура. М.: О.Г.И., 2003.

Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андрееenkова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееenkова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1, 2.

- Методы сбора информации в социологических исследованиях, под ред. В.Г.Андрееенкова, О.М.Масловой. М., Наука, 1990.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000.
- Миртов А.В. Лексические заимствования в русском языке в Средней Азии. Ташкент: Самарканд, 1941.
- Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования, 2004, №6.
- Мурадян Е.С., И.А. Титарь. Сравнительные международные исследования и Украина // Socioprostop: междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе, 2010, №1.
- Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации, под ред. Л.Дробижевой, Е.Головахи. Киев: Институт социологии НАН Украины, Институт социологии РАН, 2007.
- Недев Т.Н. Заметки о социологической активности в странах Восточной Европы и России // Социологические исследования, 2007, №7.
- Нерсесова Е.Х. К методологии сравнительных социологических исследований и к практике сравнения их результатов / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.
- Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М.: Наука, 1976.
- Нысанбаев А.Н., М.С. Шайкемелев. Методологические подходы к изучению этноидентичности в постсоветском гуманитарном дискурсе: казахстанский опыт // Социологические исследования, 2013, №9.
- Оберемко О.А. Идентификации с социально-структурными общностями в России и Польше / в кн. Россияне и поляки на рубеже веков, под ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой. СПб.: РХГИ, 2006.
- Образцова О., А. Чепуренко А. Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // Вопросы экономики, 2008, № 8.
- Осипов Г.В., Я. Щепаньский. Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970.
- Павлова А.В. Социальная значимость национальной белорусской культуры // Социологические исследования, 2012, №10.

- Папоян Г.В.* Опыт когортного анализа образа жизни // Социологические исследования, М., 1981, №4.
- Пастухов В.Б.* От государственности к государству: Европа и Россия // ПОЛИС, 1994, №2.
- Патрушев В.Д.* О методах сравнения данных об использовании бюджетов времени / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.
- Патрушев В.Д.* Свободное время работающих горожан России и США (сравнительный анализ) // Социологические исследования, 2004, №12.
- Патрушев В.Д.* Сравнение использования бюджета времени жителями России и Японии. М.: Институт социологии РАН, 1997.
- Патрушев В.Д.* Сравнительный анализ бюджетов времени рабочих в России, США и Финляндии // Социологические исследования, 2001, №4.
- Пацюрковский В.В.* Сопоставимость результатов сравнительных исследований / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982., раздел 1.
- Першиц А.И.* Проблема аксиологических сопоставлений в культуре // Советская этнография, 1982, №3.
- Петренко Е.С., Т.М. Ярошенко.* Социально-демографические показатели в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1979.
- Плотников С.Н.* Социология культуры - как объект сравнительного исследования / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- Пляйс Я.А.* Россия и Европа: зачем мы нужны друг другу (О преодолении цивилизационного разлома) // ПОЛИС, 2000, №6.
- Погосян Г.А.* Развитие социологии в Армении // Социологические исследования, 2014, №8.
- Подкорытов Г.А.* Историзм как метод научного познания. Л.: Издательство ЛГУ, 1967.
- Подкорытов Г.А.* Особенности применения сравнительно-исторического метода в языкознании. Основания сравнительно-исторического метода / в кн. Методологические вопросы общественных наук. Л.: ЛГУ, 1968.
- Полищук М.Я.* Некоторые вопросы сравнительного анализа уровня жизни по регионам страны на основе данных государственной статистики / в кн. Проблемы сравнительных

- исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- Прокофьева Л.М.* Домохозяйство и семья: особенности структуры населения России // *Sperg*, 6, 2007.
- Пруцкова Е.* Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях. // *Государство, религии и церковь в России и за рубежом*, 2012, №2(30) .
- Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976.
- Пхён Ки Кан.* «Элиты» России, Казахстана, Узбекистана. Сравнение и оценка // *Социологические исследования*, 2006, №1.
- Ростегаева Н.И.* Базы и банки данных // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*, №16, февраль 1996.
- Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование», под ред. А.В. Андреевковой, Л.А. Беляевой. М.: Academia, 2009.
- Рейзема Я.В.* Сравнительные исследования и социальные показатели: Информационный аспект / в кн. *Проблемы измерения и моделирования образа жизни*. М.: ИСИ АН СССР, 1978.
- Рогозин Д.М.* Как правильно задавать вопросы о социально-демографических характеристиках респондента // *Социальная реальность*, 2006, №9.
- Рогозин Д.М.* Когнитивный анализ опросного инструмента, М.: ФОМ, 2002.
- Роль языка в средствах массовой коммуникации, под ред. Ф.М. Березина. Серия: Теория и история языкознания. М.: 1986.
- Романова Г.И.* Опыт разработки и проведения сравнительных исследований взаимосвязи заболеваемости населения и загрязнения воздушного бассейна / в кн. *Проблемы сравнительных исследований*, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел II.
- Россияне и поляки на рубеже веков. Опыт сравнительного исследования социальных идентификаций (1998-2002 гг.), под ред. Е.Н. Даниловой, О. Оберемко, В.А. Ядова. СПб: РХГА, 2006.

- Рукавишников В.О. Проблемы использования математических моделей в сравнительных исследованиях / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
- Рукавишников В.О., Л.Халман и П.Эстер. Политические культуры и социальные изменения. М.: Совпадение, 1998.
- Рукавишников В.О., В.И. Паниотто и Н.Н.Чурилов. Опросы населения. М.: Наука, 1984.
- Рябушкин Т.В., Г.В. Осипов, В.Г. Андрееенков, Л.Г. Ионин, Г.Г. Квасов и Х.И. Момджян Советская социология. Динамика социальных процессов в СССР. М.: Наука, 1982, т.2.
- Рябушкин Т.В., В.М. Симчера Очерки международной статистики: Методология и организация. М.: Наука, 1981.
- Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования, 2014, №9.
- Саар Э.А. Лонгитюдное социологическое исследование. Таллинн, 1990 .
- Саганенко Г.И. Компоненты надежности социологического исследования и проблема сравнимости / в кн. Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных, под ред. В.Г. Андрееенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984
- Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.
- Саганенко Г.И. Сопоставление несопоставимого: обоснование сравнительного исследования на базе открытых вопросов // Социологические исследования, 1998, №3-4.
- Саганенко, Г.И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1981 .
- Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований, перевод с англ. А. А. Виницкой; Научный редактор перевода Д. М. Рогозин. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- Сваффорд М.С., М.С. Косолапов, П.М. Козырева. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы. // Мир России. Социология. Этнология. 1999, №3.
- Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Серов Н.К. Мы и время. Л.: Лениздат, 1980.

- Симон Г. Россия и Украина через десять лет после краха коммунистического режима: сходство и различия // ПОЛИС, 2000, №6.
- Симончук Е. Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения // Социология: теория, методы, маркетинг, 2010, № 4 .
- Симончук Е. Классовое действие: тенденции формирования социальных классов в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг, 2011, № 4.
- Симончук Е. Классификатор профессий ISCO-88: история разработки, концептуальные основания, модель операционализации, применение в социологических исследованиях // Социология: теория, методы, маркетинг, 2008, № 3 .
- Симончук Е.В. Классы в Украине в перспективе альтернативных классовых схем / в кн. Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін, под ред. В.Ворони, М.Шульги. Киев: Інститут соціології НАН України, 2007 .
- Симончук Е.В. Классовая структура Украины в сравнительной и временной перспективах // Социологический альманах, 5, 2014.
- Симончук Е. Классовые структуры в сравнительной перспективе // в кн. Украинское общество в европейском пространстве, под ред. Е. Головахи, С. Макеева. Киев: Інститут соціології НАН України, 2007.
- Симонян Р.Х. Страны Балтии: этносоциальные особенности и общие черты // СОЦИС, 2003, №1.
- Синелина Ю.Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман // Социологические исследования, 2013, №10.
- Советская социология. Динамика социальных процессов в СССР, под ред. Т.В.Рябушкина, Г.В.Осипова, В.Г.Андреенкова, Л.Г.Ионина, Г.Г.Квасова, Х.И.Момджяна. М.: Наука, 1982. т.2
- Социальные перемещения в Венгрии и в Польше. Сопоставительный анализ данных за 1972 и 1973 гг. Будапешт - Варшава, 1977.
- Спирулис И. и Э.В. Клопов. Развитие рабочего класса стран социалистического содружества. Будапешт: Інститут суспільствознавства при ЦК ВСРП, 1978.
- Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных, под ред. В.Г. Андреенкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

- Староверов В.И.* Динамизм социального облика колхозного села (Жопанка: развитие за полвека) / в кн. Советская социология. М.: Наука, 1982, том 2.
- Статистика в этнографии, под ред. В.В. Пименова. М., 1985.
- Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях, под ред. Г.В. Осипова, В.Г. Андреевкова, Г.Т. Журавлева, Ю.П. Коваленко. М.: Наука, 1979.
- Суслов И.П., М.И. Турава.* Методология статистических сравнений. М.: Статистика, 1980.
- Сусоколов А.А.* Проблемы использования материалов текущего учета населения при сравнительном изучении социально-этнических процессов / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел II.
- Сусоколов А.А., А.П. Новицкая.* Проблемы использования материалов текущего учета населения при сравнительном изучении социально-этнических процессов / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андреевкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Сухенко К.М., В.С. Васильева.* Об эмотивно-оценочном потенциале слова в разных языках. Теория и практика перевода. Киев, 13, 1986.
- Таршиц Е.Я.* О некоторых методических результатах сравнительного исследования в г.Таганроге / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андреевкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Татарова Г.Г.* Когерентность интеграционных процессов как условие повышения качества эмпирических исследований в России // Социологические исследования, 2014, №7.
- Теория предпринимательства в России. По материалам «Глобального мониторинга предпринимательства», под ред. Т.А. Алимова, А.Ю. Чепуренко, О.И. Образцова. М.: ГУ-ВШЭ, 2010.
- Тилле А.А., Г.В. Швеков.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. М.: Высшая школа, 1978.
- Тилкиджиев Н., Л. Димова,* ред. Благополучие и доверие: България в Европа? Сравнителен анализ по Европейското социално изследване (ESS). София, Болгария, 2010 (на болгарском языке).
- Тихонова Н.Е., Горюнова С.В.* Теоретико-методологические проблемы анализа среднего класса // SPERO, 8, 2008.

- Толстова Ю.Н.* Инвариантность относительно допустимых преобразований шкал как необходимое условие сравнимости результатов различных исследований / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.
- Толстова Ю. Н.* Измерение в социологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Толстова Ю.Н.* История методов исследования как отражение эволюции теоретической мысли в социологии // Социологические исследования, 2013, №8.
- Толстова Ю.Н., Н.Д. Воронина.* О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социологические исследования, 2012, №7.
- Тощенко Ж.Т.* Новые лики религии: фантом или реальность // Журналист, 2006, №12.
- Тощенко Ж.Т.* Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. М.: РГГУ, 1997.
- Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение М.: Academia, 1996
- Тощенко Ж.Т. и Н.В. Романовский.* О тенденциях развития социологии в современном мире // Социологические исследования, 2007, №6.
- Турейките Д.П.* Сравнительные исследования социальной активности трудящихся (на примере Литовской ССР) / в кн. Методологические и методические проблемы сравнительного анализа в социологических исследованиях, под ред. В.Г. Андрееенкова, О.М. Масловой. М.: ИСИ АН СССР, 1982, кн. 1.
- Туровский Р.Ф.* Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // ПОЛИС, 1999, №6.
- Урланис Б.Ц.* История одного поколения. М.: Мысль, 1968.
- Урланис Б.Ц.* Народонаселение. Исследование и публицистика. М.: Статистика, 1976.
- Усенин В.И. и В.В. Кравневич* Рабочий класс в условиях научно-технической революции: По итогам исследований на предприятиях СССР по международной программе / в кн. Автоматизация и промышленные рабочие. М.: Наука, 1979.
- Файнбург З.И.* Сопоставимость сравнительных исследований при расходящихся теоретических позициях / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андрееенкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.
- Файзиев М.М.* Использование классиками марксизма-ленинизма сравнительного метода при исследовании государственно-правовых явлений. СГП, 1973, №8.

- Файзиев М.М.** Ф.Энгельс о сравнительном методе исследования естественных и общественных наук // *Общественные науки в Узбекистане*, 1970, №1.
- Федоров И.В.** Причины пропуска ответов при анкетном опросе // *Социологические исследования*, 1982, №2.
- Филиппов Ф.Р.** Система образования и социальные перемещения. М., 1981.
- Филиппов Ф.Р.** Формирование пополнений социалистической интеллигенции (К итогам международного сравнительного исследования) // *Социологические исследования*, 1980, №2.
- Филиппов Ф.Р. и П.Э. Митев.** Молодежь и высшее образование в социалистических странах. М.: Наука, 1984.
- Фирсова Н.Ю.** «Сравнительная социология в количественной перспективе»: отчётная конференция Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ // *Экономическая социология*, 2012, т. 13 .
- Храмцов А.Ф.** Социальное государство. Практики формирования и функционирования в Европе и России // *Социологические исследования*, 2007, №1.
- Цуй Хун Ень.** Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: Лингвокультурологический аспект, диссертации ВАК 10.02.20, 2003.
- Цыба В.Т.** Интенсивно-экстенсивная концепция измерения как основа для сравнительного анализа социальных явлений / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел 1.
- Чепуренко А.Ю.** Развитие российского частного предпринимательства в межстрановом сопоставлении // *Вопросы экономики*, 2008. № 8.
- Чепуренко А.Ю.** Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // *Мир России*, 2008, № 2.
- Чех-Сомбати Л.** К вопросу о сопоставимости показателей в проекте международного исследования разводов // *Социологические исследования*, 1982, №4.
- Шайкемелев М.** Казахстанская идентичность, под ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт ФПР РК, 2013.
- Шаукенова З.К., А.Н. Нысанбаев и Г.С. Абдирайымова.** Реальность казахстанского общества: социологический проект // *Социологические исследования*, 2014, №8.
- Шауро Э.А.** Африканская молодежь. Перемены в общественном сознании. М.: Наука, 1985.

- Шауро Э.А.** Исследование ценностных ориентаций молодежи в странах Африки // Социологические исследования, 1985, №1.
- Швейцер А.Д.** Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике. М.: Высшая школа, 1971.
- Шидер Т.** Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках / в кн. Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977.
- Шляпентох В.Э.** Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.
- Шляпентох В.Э.** Равенство и справедливость в России и США // Социологические исследования, 1998, №3-4.
- Шкаратан О., Б. Ястребов.** Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика, 3, 2007.
- Шубкин В.Н.** Образование и жизненные пути молодежи (по материалам сравнительного международного социологического исследования) / в кн. Советская социология. М.: Наука, 1982, том 2.
- Шубкин В.Н.** Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность. М.: Наука, 1984.
- Щепанская Т.Б.** Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX — начало XXI в.). СПб: Наука, 2010.
- Эйгирдас А.** Сочетание диахронных методов в социологических исследованиях / в кн. Методологические и методические аспекты сравнительных социологических исследований, под ред. В.Г. Андреевкова, М.С. Косолапова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
- Эмпирические социологические исследования в СССР (1981-82). Каталог, под ред. Л.Н.Рыбаковой, М.Р.Тульчинского. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
- Ядов В. А.** Социологическое исследование: методология. программа, методы. Самара: Самарский Университет, 1995.
- Ядов В.А.** Методологическое обоснование повторных и сравнительных исследований // Социологические исследования, 1985, №1.
- Ядов В.А.** Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования, 2014, №7.
- Ядов В.А., Г.И. Саганенко.** Методологические проблемы оценки надежности сдвигов при повторных исследованиях (по материалам сравнительного отношения рабочих к труду

1962-1976 гг.) / в кн. Советская социология. М.: Наука, 1982. Т.2.

Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963.

Ярошенко Т.М. Возраст в социологических исследованиях // Социологические исследования, 1977, №1.

Ярошенко Т.М. Работник культурно-просветительных учреждений: сопоставительный анализ статистической информации / в кн. Проблемы сравнительных исследований, под. ред. Т.В.Рябушкина, В.Г.Андреевкова и др. М.: ИСИ АН СССР, 1982, раздел II.

ЛИТЕРАТУРА НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Acquadro C., B. Jambon, D. Ellis and P. Marquis. Language and Translation Issues / in *Quality of life and Pharmacoecconomics in Clinical trials*, ed. by B. Spilker. 2-nd edition. Philadelphia: Lippincott-Raven, 1996.

Alapuro R., E. Alestalo, E. Haavio-Mannila and R. Vayrynen (eds). Small states in a comparative perspective. Norwegian University Press, 1985.

Alba R., V. Nee. Remaking The American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Allardt E. Challenges for comparative social research// *Acta Sociologica*, 1990, 33.

Allardt E. Implications of within-nation variations and regional imbalances for cross-national research / in *Comparing Nations: The use of quantitative data in cross-national research*, ed. by R. Meritt and S. Rokkan. New Haven, CT: Yale University Press, 1966 .

Allerbeck K. Analysis and inference in cross-national survey research / in *Cross-National Comparative Survey: Theory and Practice*, ed. by A. Szalai, R. Petrella. Oxford: Pergamon Press, 1977.

Almasy E., A. Balandier and J. Delatte. Comparative survey analysis – an annotated bibliography 1967-73. Beverly Hills: Sage Professional Paper, 1976.

Almond G. Comparative Politics / in *The International Encyclopedia of Social Sciences*, ed. by D. Sills. New York: Free Press, 1968.

- Almond G.* The appeals of Communism. Princeton, 1954.
- Alwin D.F.* Information transmission in the survey interview: number of response categories and the reliability of attitude measurement / in Sociological methodology, ed. by P.V. Marsden. Cambridge: Blackwell, 1997.
- Alwin D.F., M. Braun M., J.A. Harkness and J. Scott* Measurement in multi-national surveys' / in Trends and Perspectives in Empirical Social Research, ed. by I. Borg and P.Ph. Mohler. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1994.
- Alwin D.F.* Information Transmission in the Survey Interview: Number of Response Categories and the Reliability of Attitude Measurement // Sociological Methodology, 1992
- Alwin D.F. and J.A. Krosnick* The reliability of survey attitude measurement: the influence of question and respondent attributes // Sociological methods and research, 1991, № 20.
- Anderson C. A.* Interpreting national contrasts in school achievement / in The IEA Six Subject Survey: An Empirical Study of Education in Twenty-One Countries. International Studies in Evaluation. Stockholm: Almqvist and Wiksel and N.Y.: Wiley, Vol.IX. Chapter 13, 1976 .
- Andorka R.* The use of time series in international comparison in Comparative Methodology/ in Theory and practice in international social research, ed. by E. Oyen. London: Sage, 1990.
- Andreenkov V., E. Chivian, J. Robinson, J. Tudge, N. Popov.* American and Soviet Teenagers' Concerns about Nuclear War and the Future // The New England Journal of Medicine, 1988, vol.319, N 7
- Andreenkova A.V.* Source Questionnaire and the Quality of Translation – example of Shared Languages translation into Russian in ESS, ISSP and WVS/ ESRA conference, Lyublyana, July 2013.
- Andreenkova A.V.* Translation into shared language in comparative surveys // 3MC Conference, Berlin, 25-28 June 2008.
- Andreenkova A.V.* Sportlights on telephone surveys in Russia/ in Telephone surveys in Europe, eds. by S.Hader, M.Hader, M.Kuhne. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlad, 2012.
- Andreski S.* The uses of comparative sociology. Berkeley, CA, 1963.
- Arias I., E. Rodriquez, J. Padilla, N. Gozalez and M.A. Rodriquez.* Translation to Spanish, Reproducibility, and Cross Cultural Adaptation of the Miller-Rahe Recent Life-Change Questionnaire // Arthritis Care and Research, 1999, №12.
- Armer A.* Methodological problems and possibilities in comparative research / in Comparative social research: methodological

- problems and strategies, ed. by M. Armer, A.D. Grimshaw. New York: Wiley, 1973.
- Asher H.B., B.M. Richardson and H. Weisberg.* Political Participation: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt/Main, N.Y.: Campus Verlag, 1984 .
- Aubert V., B.R. Fisher and S. Rokkan.* A comparative study of teachers' attitudes to international problems and policies: Preliminary review of relationships in interview data from seven western European countries // *Journal of Social Issues* Vol.10, 1954, N4 .
- Bachman J.G., P. M. O'Malley.* "Yeasaying, Nay-saying, and Going to Extremes: Black-White Differences in Response Styles // *Public Opinion Quarterly*, 48 (summer), 1984.
- Barnes S.H., M. Kaase.* Political Action: mass participation in five Western Democracies. Beverly Hills: Sage, 1979.
- Barnes S.H., J.Simon (eds.).* The Postcommunist Citizen. Budapest: Erasmus Foundation and the Institute for Political Science of the Hungarian Academy of Sciences, 1998.
- Bassnett-McGuire S.* Translation Studies. London: Methuen, 1980.
- Baumgartner H. and J.B. Steenkamp.* Response styles in marketing research: A cross-national investigation // *Journal of Marketing Research*, 2001, №38.
- Beck A.T.* Depression: Clinical, Experimental, and Theoretical Aspects. New York: Harper & Row, 1967.
- Beck A.T.* A systematic investigation of depression // *Comprehensive Psychiatry*, 2, 1961.
- Behr D., E. Scholz.* Questionnaire Translation in Cross-National Survey Research: on the Types and Value of Annotations // *Methoden, Daten, Analysen* Jg. 5, Heft 2, 2011.
- Bendix R.* Concepts and generalizations in comparative sociological studie // *American Sociological Review*, 1963, №28.
- Berrien F.K.* A super-ego for cross-cultural research // *International Journal of Psychology*, 1970, N.5.
- Berry J.W.* On cross-cultural comparability // *International Journal of Psychology*, 1969, N.4.
- Berting J.* A framework for the discussion of theoretical and methodological problems in the field of international comparative research in the social sciences // *Problems in International Comparative Research in the Social Sciences*. Oxford: Pergamon Press, 1979.
- Berting J.* Research Strategies in International Comparative and Cooperative Research: the Case of the Vienna Centre, Vienna Centre Occasional Papers, 1986.

- Berting J.* Why compare in international research? Theoretical and practical limitations of international research // International Comparative Research. Oxford: Pergamon press, 1982.
- Berting J., F. Geyer and R. Jurkovich.* Problems in International Comparative Research in the Social Sciences. Oxford: Pergamon Press, 1979.
- Berting J.* Research strategies in international comparative and cooperative research: the case of the Vienna Centre / in International cooperation in the Social Sciences: 25 years of Vienna Centre Experience, ed. by F.Charvat, W.Stamatou and Ch.Villain-Bandossi. Bratislava: Publishing House of the Technical Library, 1988.
- Birbili M.* Translating from one language to another // Social Research Update, 2000, №31.
- Blom A.G., M. Schröder.* Sample Composition 4 Years on: retention in SHARE Wave 3 / in Retrospective Data Collection in the survey of Health, Ageing and Retirement in Europe. SHARELIFE Methodology, ed. By M. Schröder. Mannheim: MEA, 2011.
- Blumer H.* Public opinion polling and public opinion polling / in Symbolic Interactionism. Perspective and Method, ed. by H.Blumer. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1979.
- Bollen K.A., B. Entwistle and A.S. Alderson.* Macrocomparative research methods // Annual review of sociology, 1993, №19.
- Börsch-Supan A., H. Karsten, H. Jürges and M. Schröder.* Longitudinal Data Collection in Continental Europe: Experiences from the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.
- Bradburn N.M., S. Sudman and B. Wansink.* Asking questions: the definitive guide to questionnaire design -for market research, political polls, and social and health questionnaires(revisedEd.). Jossey-Bass, USA: Wiley, 2004.
- Braun M.* The International Social Survey Programme (ISSP) / in Europe in Comparison, vol. 1 Social Statistic and Social Reporting in and for Europe, ed. by P. Flora, F. Kraus, H.-H. Noll and F. Rothenbacher, 1994.
- Braun M.* Errors in comparative survey research: an overview/ in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Viiver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Braun M., W. Müller.* National and transnational identities of intra-European migrants/ in Crossing borders, shifting bound-

- aries: national and transnational identities in Europe and beyond, ed. by F. Höllinger and M. Hadler. Frankfurt: Campus, 2012.
- Braun M., W. Müller.* Measurement of Education in Comparative Research // *Comparative Social Research*, 16, 1997.
- Braun M., P.Ph.Mohler.* Background variables/ in *Cross-Cultural Survey Methods*, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Braun M., R. Uher.* The ISSP and Its Approach to Background Variables / in *Advances in Cross-National Comparison: A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C.Wolf. New York: Kluwer Academic, 2003.
- Braun M., J.A. Harkness.* Text and Contact: Challenges to Comparability in Survey Questions / in *Methodological Aspects in Cross-National Research*, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Brauns H., S. Scherer and S.Steinmann.* The CASMIN Educational Classification in International Comparative Research / in *Advances in Cross-National Comparison: A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C.Wolf. New York: Kluwer Academic, 2003.
- Brauns H., S. Steinmann.* Educational Reform in France, West-Germany, the United Kingdom and Hungary. Updating the CASMIN educational Classification // *ZUMA Nachrichten*, 44(23), 1999.
- Brislin R.W., W.J. Lonner and R.M. Thorndike.* Cross-cultural research methods. N.Y.: Wiley, 1973.
- Brislin R.W.* Back-translation in cross-cultural research // *Journal of Cross-cultural psychology*, vol. 1, 1970, №.3 Sept.
- Brislin R.W.* The wording and translation of research instruments / in *Field methods in cross-cultural research*, ed. by W.J. Lonner, J.W. Berry. Newbury Park, CA: Sage, 1986.
- Broadfoot P., M. Osborn. M. Gilly, and A. Bucher.* Perceptions of Teaching: Primary School Teachers in England and France. Cassell, 1993.
- Brown K.* Linguistics Today. London: Fontana, 1984.
- Brown M.S.* Quantifying the Muslim population in Europe: conceptual and data issues // *International Journal of Social Research Methodology*, 2000, №3.
- Buchanan W. and H. Cantri.l* How nations see each other. Urbana, Il, 1953.
- Campbell D.T., D.W. Fiske.* Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // *Psychological Bulletin*, 56, 1959.

- Cantril H.* The Pattern of Human Concern. Source. New Jersey, USA: Rutgers University Press, 1965.
- Cavusgil S.T., A. Das.* Methodological Issues in Empirical Cross-Cultural Research: A Survey of the Management Literature and a Framework // *Management International Review*, 1997, №37 (1).
- Chambers R. and C. Skinner.* Analysis of Survey Data. Chichester: Wiley, 2003.
- Chen C., N.W. Stevenson.* Motivation and mathematics achievement: A comparative study of Asian-American, Caucasian-American, and East-Asian high school students // *Child Development*, 66, 1995.
- Chepurenko A. and O.Obraztsova.* Entrepreneurial Activity in Russia in Cross-National Comparison: Global Entrepreneurship Monitor 2006-2007 // *Proceedings of Academy of Innovation and Entrepreneurship*, ed. by G. Wu, J. Gao, X. Gao, W. Xie. Beijing: Tsinghua University, 2008.
- Cheung, G.W. and R.B. Rensvold.* Assessing extreme and acquiescence response sets in cross-cultural research using structural equations modeling // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2000, №31 .
- Church A.T., M.S. Katigbak, J.A.S. Reyes and S.R. Jensen.* Language and organization of Filipino Emotion concepts: comparing emotion concepts and dimensions across cultures. *Cognition and Emotion*, 1998, №12.
- Church A.T.* Personality Research in a Non-Western Culture: The Philippines // *Psychological Bulletin* 102(2), 1987.
- Clarke I.* Extreme response style in cross-cultural research: An empirical investigation // *Journal of Social Behavior and Personality*, 2000, №15.
- Cleland J., C. Scott (eds).* The World Fertility Survey: An Assessment. New York: Oxford University Press, 1987.
- Collier D.* The comparative method: two decades of change/ in *Comparative Political Dynamics: Global Research Perspectives*, ed. by D.A.Rustow and K.P.Erickson. New York: HarperCollins, 1991.
- Converse J. M., S. Presser.* Survey questions: Handcrafting the standardized questionnaire. Beverly Hills: Sage Publications, 1986.
- Cronin M.* Translation and Globalization. London, New York: Routledge, 2003.
- Davidov E., P. Schmidt, S.H. Schwartz.* Bringing values back in: The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // *Public Opinion Quarterly*, 72, 2008.

- De Jong, G. Martin, J.-B. E.M. Steenkamp, J.-P. Fox and H. Baumgartner.* Using item response theory to measure extreme response style in marketing research: A global investigation // *Journal of Marketing Research*, 2008, №45(1).
- Dean E., R. Caspar, G. McAvinchey, L. Reed and R. Quiroz.* Developing a low-cost technique for parallel cross-cultural instrument development/ in *Methodological Aspects in Cross-National Research*, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Deaton A.* Income, Aging, Health and Well-being Around the World: Evidence from the Gallup World Poll // *Journal of Economic Perspectives*, 2008, №22.
- DeMaio T.* Social desirability and survey measurement: a review / in *Surveying subjective phenomena*, ed. by C.F. Turner. New York: Russell Sage Foundation, 1984.
- Dept S., A.Ferrari and L.Wayrynen.* Developments in translation verification procedures in three multilingual assessment: a plea for an integrated translation and adaptation monitoring tool / in *Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts*, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.
- Desrosires A.* Three Studies on the History of Sampling Surveys: Norway, Russia-USSR, United States, 15 SC. in *CONTEXT* 377, 2002.
- Dessens J.A.G., W. Jansen, H.B.G. Ganzeboom and P.G.M. van der Heijden.* Pattern and Trends in Occupational Attainment in First Jobs in the Netherlands, 1930-1995: OLS Regression versus. Conditional Multinomial Logistic Regression // *Journal of the Royal Statistical Society*, 2003, 168, Part 1.
- Deutscher J.* Asking questions cross-culturally: Some problems of linguistic comparability / in *Institutions and the Person*, ed. by H.S. Becker, B. Geer, D. Riesman and R.S. Weiss. Chicago: Aldine, 1968.
- Diamantopoulos A., N.L. Reynolds and A. Simintiras.* The impact of response styles on the stability of cross-national comparisons // *Journal of Business Research*, 2006, №59(8).
- Diener E., R. Inglehart and L. Tay.* Theory and Validity of Life Satisfaction Scales // *Social Indicators Research*, 2013, t. 112.
- Diener E., D. Kahneman, W. Tov and R. Arora.* Income's Differential Influence on Judgments of Life Versus Affective Well-Being. *Assessing Well-Being*. Oxford: Springer, 2009.
- Dillman D.* Mail and Internet Surveys. The Tailored Design Method. New York: Wiley, 2000.

- Dodd S. C. and J. Nehnevasja.* Techniques for World Polls – a survey of journal Articles on cross-cultural polling. 1925-1955. Paris, 1956.
- Dogan M., A. Kazancigil (eds).* Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994.
- Douglas S.P., Craig C.S.* International Marketing Research. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1983.
- Doyle P., J. Lane, J. Theeuwes L. Zayatz.* Confidentiality, Disclosure, and Data Access: Theory and Practical Applications for Statistical Agencies. Amsterdam: North-Holland, 2001.
- Duetcher I.* Asking questions: Linguistic comparability /in Comparative Research Methods, ed. by D. Warwick and S. Osherston. Neglewoode Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.
- Eckstein H.* Case Study and Theory in Political Science / in Handbook of Political Science, ed. by F.I. Greenstein, N.W.Polsby. Reading Mass.: Addison-Wesley, 1975.
- Ercikan K.* Translation Effects in International Assessments // International Journal of Educational Research, 1998, №29.
- Erikson R., J.H. Goldthorpe.* The CASMIN Project and the American Dream // European Sociological Review, 1992, vol. 8, No. 3
- Erikson R., J. H. Goldthorpe, L. Portocarrero.* Intergenerational class mobility in three Western European societies - England, France and Sweden // British Journal of Sociology, 30, 1979.
- Erikson R., J.H. Goldthorpe.* The constant flux. A study of class mobility in industrial societies. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- European Commission. Key data on education in the European Union-2002 Luxembourg: Office for Official publications of the European Communities, 2002. http://www.eurydice.org/documents/cc/2002/cc2002_EN_home_page.pdf.
- Eurydice. 2003b. Structures of education, vocational training and adult education, systems in Europe. Spain 2003, information provided by Euridice Unit, Ministry of Education, Culture and Sport CIDE-Centro de Investigacion y Documentacion <http://www.eurydice.org> (28.01.2005).
- Janoski T., A.M. Hicks.* The comparative political economy of the welfare state. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994.
- Fabrykant M., R. Buhr R. and S. Hoffman.* The Measure of a Nation: Lithuanian Identity in the New Century // Journal of Baltic Studies, 2014, Vol.45, No.2.
- Fabrykant M., R. Buhr and R. Jasiuleviciene.* Theoretical Approaches to National Identity / in Lithuanian and Belarusian National Identity in the Context of European Integration. Vytautas Magnus University Press, 2013.

- Fisher K., J. Gershuny, A. Gauthier, A. and C. Victorino.* Exploring New Ground for Using the Multinational Time Use Study / Paper N.2000-28, ESRC Research Centre on Micro-Social Change.
- Foddy W.* Constructing questions for interviews and questionnaires. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1993.
- Form W.H.* Field problems in comparative research: The politics of distrust / in *Blue-Collar Stratification. Autoworkers in Four Countries* ed. by W.H.Form. Princeton: Princeton University Press, 1976.
- Forslin J., A.Sarapeta and W.Whitehill (eds).* Automation and Industrial workers. A fifteen nation study. Oxford: Pergamon Press, 1979, vol.1, part 1.
- Fowler F.J.Jr.* Survey Research Methods, 2nd edition. Newbury Park, CA: Sage, 1993.
- Frazer L., M. Lawly.* Questionnaire Design and Administration. NY: Wiley, 2000.
- Freed-Taylor M.* Ethical considerations in European cross-national research // *International Social Science Journal*, 142, 1994.
- Frey F.W., P. Stephenson, and K.A. Smith.* Survey Research on Comparative Social Change: a Bibliography. Cambridge, Ma.: MIT Press, 1969.
- Frey F.W.* Cross-cultural survey research in political science / in *The Methodology of Comparative Research*. New York: Free Press, 1970.
- Frick J.R., S.P. Jenkins, D.R. Lillard, O. Lipps and M.Woode.* The Cross-National Equivalent File (CNEF) and its Member Country Household Panel Studies / *Schmollers Jahrbuch*, 127, 2007.
- Friedman H.H., L.W. Friedman and B. Gluck.* The Effects of Scale-Checking Styles on Responses to a Semantic Differential Scale // *Journal of the Market Research Society*, 30(4), 1988.
- Gabler S., S. Hader and P. Lynn.* Design effects for multiple design samples // *Survey Methodology*, 2006, 32(1).
- Gallup.* World Poll Methodology. Technical Report. Washington, DC, 2009.
- Ganzeboom H.B.G.* On the cost of being crude: a comparison on detailed and course occupational coding in the ISSP 1987 data / in *Methodological Aspects in Cross-National Research*, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.

- Ganzeboom H.B.G. and D.J.Treiman.** Three Internationally standardized measures for comparative research on occupation status / in *Advances in Cross-National Comparison: A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C.Wolf. New York: Kluwer Academic, 2003.
- Ganzeboom H.B.G., D.J. Treiman.** Internationally comparable measures of occupation status for the 1988 International standard classification of occupations // *Social Science Research*, 1996, №25.
- Ganzeboom H.B.G., P. Nieuwbeerta.** Access to education in five Eastern European nations between 1940 and 1985. Results from a cross-national survey / in *Proceedings Work-shop transformation Processes in Eastern Europe*, ed. by H.B.G. Ganzeboom. The Hague: NWO/ESR, 1996.
- Glazer W.** The process of cross-national survey research // in *Cross-National Comparative Survey Research: Theory and Practice*. Oxford: Pergamon Press, 1977.
- Glock C.Y.** On the study of religious commitment // *Religious Education (Special Issues)*: 98-110, 1962.
- Granda P., C. Wolf and R. Hadorn.** Harmonizing Survey data/ in *Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts*, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.
- Grebenik E.** The World Fertility Survey and its 1980 Conference. International Statistical Institution, 1981.
- Greenfield P.M.** You cant take it with you: why ability assessments don't cross cultures // *American Psychologists*, 1997, №52.
- Grice H.P.** *Studies In The Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989.
- Goldthorpe J.H.** Current Issues in Comparative Macrosociology: A Debate on Methodological Issues // *Comparative Social Research*, vol. 16, 1997.
- Goldthorpe J.H.** *Social Mobility and the Class Structure in Modern Britain*. Oxford: Clarendon, 1980.
- Groves R.M.** *Survey Errors and Survey Costs*. New York: Wiley, 1989.
- Groves R. M, D.A. Dillman, J.L. Eltinge and R.J.A. Little (eds).** *Survey nonresponse*. New York: Wiley, 2002.
- Groves, R.M., F.J. Fowler, M.P. Couper, J.M. Lepkowski, E. Singer and R. Tourangeau.** *Survey methodology (second edition)*. Hoboken, NJ: Wiley, 2009.

- Grunert S.C., T.E. Muller.* Measuring values in International settings: are respondents thinking 'real' life or 'ideal life' // *Journal of International consumer Marketing*, 1996, №8.
- Hader S., P. Lynn.* How representative can a multi-nation survey be? / in *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*, ed. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald and G. Eva. London: Sage, 2007.
- Hader S., S.Gabler.* Sampling and Estimation/ in *Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts*, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.
- Harkness J., F.van de Vijver, P.Mohler. (eds.), 2010. *Survey Methods in Multinational, Multiregional and Multicultural Contexts*, John Wiley & Sons, Hoboken, NJ
- Hakim C.* Cross-national comparative research on the European community – the EC labor force survey in work // *Employment and Society*, 1991, vol.5, No.1.
- Hall J., V. Brown, G. Nicolaas and P. Lynn.* Extended field efforts to reduce the risk of non-response bias: Have the effects changed over time? Can weighting achieve the same effects? // *Bulletin of Sociological Methodology*, 2013, №117.
- Haller M., R. Jowell and T.W. Smith (eds).* *Charting the Globe: The International Social Survey Programme, 1984-2009.* London: Routledge, 2009.
- Halman L.* *The European Values Study: a third wave. Source Book of the 1999/2000 European values Study Surveys.* Tilburg: EVS, WORC, Tilburg University, 2001.
- Hambleton R. K.* *Translating Achievement Tests for Use in Cross-National Studies.* ERIC Report, ED 358128, 1993.
- Hantrais L., D.E. Ager.* The language barrier to effective cross-national research // *Doing Cross-National Research Cross-National Research Papers No.1.* Birmingham: Aston Modern Languages Club, 1985.
- Harrop M., Breslin S.* *Comparative Government and Politics: An Introduction*, 4th ed. Houndmills, Basingstoke, Hampshire and London: The Macmillan Press, 1998.
- Harkness J.A., F.J.R. Van de Vijver and T.P. Johnson.* Questionnaire design in comparative research / in *Cross-Cultural Survey Methods*, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Harkness, J.A., B.Pennell and A.Schoua-Glusberg.* Questionnaire translation and assessment / in *Methods for testing and evaluating survey questionnaires*, ed. by S. Presser, J.Rothgeb,

- M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New Jersey: Wiley, 2004.
- Harkness J.A., B. Edwards, S.E. Hansen, D. Miller and A. Villar. Designing questionnaires for Multipopulation research/ in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith. New York: Wiley, 2010.
- Harvey A.S., A. Szalai, D.H. Elliott, P.J. Stone and S.M. Clark. Time Budget Research. An ISSC Workbook in Comparative Analysis. Frankfurt, 1984.
- Harzing A.-W. Response styles in cross-national survey research: A 26 country study // International Journal of Cross-Cultural Management, 2006, №6(2).
- Hatim B., I. Mason. Discourse and the Translator. London: Longman, 1990.
- Hayashi E. Belief systems: the way of thinking, and sentiments of five nations. Behaviormetrica, 1992, №19.
- Heath A., J. Marin and T. Spreckelsen. Cross-national comparability of scales from the ISSP/ 3MC conference, Berlin, June 25-29, 2008.
- Hill P.C., R.W.Hood (eds). Measures of religiosity. Birmingham: Religious education press, 1999.
- Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P. The Classification of Education as a Sociological Background Variable/ in Advances in Cross-National Comparison: A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C.Wolf. New York: Kluwer Academic, 2003.
- Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P., U. Warner. How to measure education in cross-national comparison Hoeffmeyer-Zlotnik/Warner-Matrix of education as a new instrument/ in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P., U. Warner. How to survey education for cross-national comparisons: The Hoffmeyer-Zlotnik/Warner Matrix of Education // Metodološki zvezki, 4, 2007.
- Hoffmeyer-Zlotnik J.H.P., C. Wolf (eds.). Advances in Cross-National Comparison. A European Working Book for Demographic and Socio-Economic Variables. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers, 2004.
- Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks. CA: Sage, 2001.

- Holt R.T., J.E. Turner (eds.). *The Methodology of Comparative Research*. New York: The Free Press, 1970.
- Honig H. Positions, Power and Practice: Functionalist Approaches and Translation Quality Assessment. *Current Issues in Language and Society*, 4(1), 1997.
- Hui C. H., H.C. Triandis. Individualism-collectivism: A study of cross-cultural researchers // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 17, 1986.
- Hui C.H., H.C. Triandis. Effects of culture and response format on extreme response style // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1989, №20.
- Hui C.H., H.C. Triandis. Multistrategy approach to cross-cultural research: The case of locus of control // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1983, №14.
- Hymes D. Linguistic aspects of comparative political research // *The Methodology of Comparative Research*. New York: The Free Press, 1970.
- Inglehart R. Measuring culture and cultural change / in *Culture Matters II: Focus on Russia*, ed. by L. Harrison and E. Yasin. Lexington Books, 2014.
- Inglehart R., C. Welzel. What Insights can multi-county surveys provide about people and societies? // *Comparative Politics*, 2004.
- Inglehart R.F., E.D. Ponarin. Happiness and Democracy, 1972-2008 // *The Siberian Federal University Journal*, 2013, t. 8, №6.
- Inglehart R.F. Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*, 2008, 31 (1-2).
- Inkeles A. Fieldwork problems in comparative research on modernization / in *Essays on Modernization of Undeveloped Societies*. New York: Humanities Press, 1972, Vol.2.
- Inkeles A., M.Sasaki. *Comparing nations and cultures*. Prentice Hall, Engleweed Cliffs, NJ, 1996.
- Israel J., R. Rommetveit. Notes on the standardization of experimental manipulations and measurements in cross-national research // *Journal of Social Issues*, 1954, Vol.10, No.4.
- Jäckle A., P. Lynn. Respondent incentives in a multi-mode panel survey: cumulative effects on non-response and bias // *Survey Methodology*, 2008, №34(1).
- Jäckle A., C. Roberts, P. Lynn. Assessing the Effect of Data Collection Mode on Measurement // *ISER working papers*, February 2008.

- Jäckle A., P. Lynn, J. Sinibaldi and S. Tipping. The effect of interviewer experience, attitudes, personality and skills on respondent co-operation with face-to-face surveys // *Survey Research Methods*, 2013, №7(1).
- Jäckle A., C. Roberts and P. Lynn. Assessing the effect of data collection mode on measurement // *International Statistical Review*, 2010, №78(1).
- Jagodzinski W., K. Dobbelaere. Secularization and Church Religiosity/ in *The impact of Values*, ed. by van J.W. Deth and E.Scarbrough. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Javeline D. Response effects in polite cultures: a test of acquiescence in Kazakhstan // *Public Opinion Quarterly*, 1999, №63.
- Johnson T. Approaches to Equivalence in Cross-Cultural and Cross-National Surveys / *ZUMA Nachrichten Spezial: Cross-Cultural Survey Equivalence*, 1998.
- Johnson T., P. Kulesa, Y.I. Cho and S. Shavitt. The relation between culture and response styles: Evidence from 19 countries // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2005, №36.
- Johnson T.P., D. O'Rourke, N. Chavez, S. Sudman, R. Warnecke and L. Lacey. Social cognition and responses to survey questions among culturally diverse populations / in *Survey measurement and process quality*, ed. by L.E. Lyberg, P.P. Biemer, M. Collin, E.D. de Leeuw, C. Dippo, N. Schwarz. New York: Wiley, 1997.
- Johnson T.P., F.J.R. van de Vijver. Social desirability in cross-cultural research / in *Cross-Cultural Survey Methods*, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. NJ: Wiley, 2003.
- Jowell R. How comparative is comparative research? // *American Behavioral Scientist*, 1998, №42.
- Jowell R. The codification of statistical ethics // *Journal of Official Statistics* 2, 1986.
- Jowell R., L. Brook, and L. Dowds (eds.). *International Social Attitudes: The 10th BSA Report*. Aldershot: Dartmouth Publishing, 1993.
- Jowell R., A. Park. Questioning British Attitudes / *Understanding Change in Social Attitudes*, ed. by in B. Taylor, K. Thomson. Aldershot: Dartmouth, 1996.
- Kendall P., P. Lazarsfeld. Problems of survey analysis/ in *Continuities in social research: studies in the scope and the method of American Soldier*, ed. by R. Merton and P. Lazarsfeld. Glencoe: Free Press, 1950.
- Kerckhoff A.C., E.D. Ezell and J.S. Brown. Toward an Improved Measure of Educational Attainment in social Stratification Research // *Social Science Research* 31 (1), 2002.

- Khuegel J.R., D.S. Mason and B.Wegener.* Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States, ed. A. de Gruyter, 1995.
- Knopp J.C.* Assessing equivalence of indicators in cross-national survey research: some practical guidelines // International review of sport sociology, 1979, №14.
- Kobben A.* Cross-national studies as seen from the vantage point of cross-cultural studies / in Problems in International Comparative Research in the Social Sciences. Oxford: Pergamon Press, 1979.
- Kohn R., K.L. White (eds.).* Health care: An international study. Report of the World Health Organization/International Collaborating Study of Medical Care Utilization. London and New York: Oxford University Press, 1976.
- Kohn M.L.* Cross-national research as an analytic strategy / in Cross-national Research in Sociology, ed. by M.L. Kohn. London: Sage, 1989.
- Kolsrud K., K.K. Skjak.* Harmonizing background variables in the European Social Survey/ in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Korn E., B. Graubard.* Analysis of Health Surveys. Chichester: Wiley, 1999.
- Korner T., I. Meyer.* Harmonizing socio-demographic information in household surveys of official statistics / in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Kreuter F., S. Presser and R. Tourangeau.* Social desirability bias in CATI, IVR, and web surveys the effects of mode and question sensitivity // Public Opinion Quarterly, 2008, Vol. 72, No. 5.
- Krosnick J.A., D.F. Alwin.* An evaluation of a cognitive theory of response-order effects in survey measurement // Public Opinion Quarterly, 1987, №51.
- Krosnick J. A., L. R. Fabrigar.* The handbook of questionnaire design. New York: Oxford University Press, 2006.
- Krosnick J.A.* Survey Research // Annual Review of Psychology, 50, 1999.
- Lambert P.S.* Ethnicity and the comparative analysis of contemporary survey data / in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Lazarsfeld R. (eds).* The language of social research. Glencoe: Free Press, 1955.
- Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Second Printing. Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.

- Lijphart A.* The comparable cases strategy in comparative research // Comparative political studies, 1975, №8.
- Lijphart A.* Comparative Politics and the Comparative Method // American Political Science Review, 1971, №65.
- Lindridge A., S. Dibb.* Is “culture” a justifiable variable for market segmentation? A cross-cultural example // Journal of consumer behavior, 2003, vol.2.
- Lloyd C.* International comparisons in the field of ethnic relations / in Racism, Ethnicity and Politics in contemporary Europe, ed. by A.G. Hargreaves and J. Leaman. Aldershot: Elgar, 1995.
- Lohr S.* Sampling: Design and Analysis. Duxbury Press, 1999.
- Lonner W., J. Berry (eds.).* Field methods in cross-cultural research. Newbury Park, CA: Sage, 1986.
- Lynn P.* Developing quality standards for cross-national survey research: five approaches // International Journal of Social Research Methodology, 2003, №6(4).
- Lynn P., P. Clarke.* Separating refusal bias and non-contact bias: evidence from UK national surveys // Journal of the Royal Statistical Society Series D (The Statistician), 2002, №51(3).
- Lynn P., S. Gabler, S. Häder and S. Laaksonen.* Methods for achieving equivalence of samples in cross-national surveys // Journal of Official Statistics, 2007, №23(1).
- Lynn P., A. Jäckle and A.G. Blom.* Understanding Cross-National Differences in Unit Non-Response: The Role of Contact Data - Institute for Social and Economic Research (ISER), 2008.
- Lynn P., E. Sala.* The potential of a multi-mode data collection design to reduce non-response bias. The case of a survey of employers // Quality and Quantity, 2009, №43(1).
- Lynn P.* The impact of incentives on response rates to personal interview surveys: role and perceptions of interviewers: research note // International Journal of Public Opinion Research, 2001, 13, no.3.
- MacIsaac D.* Strategic Bombing in World War Two: The Story of the United States Strategic Bombing Survey. New York: Garland, 1976.
- MacIntosh R.* A confirmatory Factor Analysis of the Affect balance scale in 38 nations: a research note // Social Psychology Quarterly, 1998, №61.
- Magun V., M. Rudnev.* The Value Heterogeneity of the European Countries Population: Typology Based on R. Inglehart Indicators // The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions. 2012.

- Maïke M., F. J. R. van De Vijver, K. Srinivasan, C. Transler, P. Sukumar and K. Rao.* Adapting a cognitive test for a different culture: An illustration of qualitative procedures // *Psychology Science Quarterly*, 2008, Volume 50 (4).
- Manaster G.J., R.J. Havinghurst.* Cross-national research. Boston, 1972.
- Marin G., B.V. Marin.* Research with Hispanic Populations. Newbury Park, CA: Sage, 1991.
- Martin P.* A Good Mix? Mixed Mode Data Collection and Cross-national Surveys // *Research and Methods*, vol. 20 (1), 2011
- Mason D.S., J.R. Kluegel (eds.).* Marketing democracy: changing opinion about inequality and politics in East Central Europe. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000.
- McClelland D.C.* The Achieving Society. Princeton: D. van Nostrand Co, 1961.
- Meijer L.* Harmonization of socio-economic variables in EU statistics / in *Advances in cross-national comparison*, ed. by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and C.Wolf. New York: Kluwer Academic/ Plenum Publishers, 2003.
- Marsh R.M.* Comparative Sociology. A codification for cross-societal analysis. New York: Narcourt, Brace and World, 1967.
- McCarty J.A.* Current theory and research on cross-cultural factors in consumer behaviors // *Advances in consumer research*, 1989, vol.16.
- Melvin R.* Comparative Political analysis in Montesquieu and Tocqueville // *Comparative politics*, 1969, №1.
- Menold N., A.Andreenkova.* Measurement equivalence of item sets with agree-disagree rating scale format in European Social Survey / II International conference on the European Social Survey, Cyprus, 23-25 November 2012.
- Miller J., K.M. Slomczynski and R.J. Schoenberg.* Assessing comparability of measurement in cross-national research: authoritarian-conservatism in different sociocultural settings // *Social Psychology Quarterly*, 1981, №44 (3).
- Miller D.* Material culture and mass consumption. London: Basil Blackwell, 1987.
- Miller K.* Design and analysis of cognitive interviews for cross national testing // The second European survey Research Association conference, Prague, 2007.
- Miller K., R. Fitzgerald, R. Caspar, M. Dimov, M.Gray, D. Nunes, J.L. Padilla, P. Pruefer, N. Schoebi, A. Schoua-Glusberg, S. Widdop, S. Willson.* Design and analysis of cognitive interviews for cross-national testing/ 3MC Conference, Berlin, 25-28 June 2008.

- Mintu A.T., R.J. Calantone, and J. B. Gassenheimer.* Towards Improving Cross-Cultural Research: Extending Churchill's Research Paradigm // *Journal of International Consumer Marketing*, 1994, vol. 7 (2).
- Mochmann E., I.C. Oedegard, R. Mauer.* Inventory of national election studies in Europe 1945-1995. Edwin Ferger Verlag, Bergisch Gladbach, 1998.
- Mohler P.P., T.W. Smith, J.A. Harkness.* Respondents' ratings of expressions from response scales: A two-country, two-language investigation on equivalence and translation // in *Zuma-Nachrichten Spezial*, vol.3. Cross-Cultural Survey Equivalence, ed. by J.A. Harkness. Mannheim: Zuma, 1998.
- Mohler P., R. Uher.* Documenting Comparative surveys for secondary analysis // in *Cross-Cultural Survey Methods*, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Mokzycki E.* On the adequacy of comparative methodology. // *Problems in International Comparative Research in the Social Sciences*. Oxford: Pergamon Press, 1979.
- Moore B.* Social origins of dictatorship and democracy: Lord and peasant in the making of the modern world. Harmondsworth: Peregrine Books, 1969.
- Moshagen M., J. Musch.* Surveying Multiple sensitive attributes using an extension of the randomized-response technique // *International public opinion research*, 2012, vol.24, N.4.
- Nagi M.H.* Language variables in cross-cultural research // *International Social Journal*, 1977, XXIX.
- Narayan S., J.A. Krosnick.* Education moderates some response effects in attitude measurement // *Public Opinion Quarterly*, 60, 1996.
- Newby M., S. Amin, I. Diamond and R.T. Naved.* Survey experience among women in Bangladesh // *American Behavioral Scientists*, 1998, №42.
- Nieben M.* International Scientific Cooperation in Vienna Centre Projects: An Interpretation of Reported Experiences and Evaluations. Mimeo. Vienna: Vienna Centre Working Paper, 1980.
- Nieben M.* Qualitative aspects in cross-national comparative research and the problem of functional equivalence / *International Comparative Research. Problem of Theory, Methodology and Organization in Eastern and Western Europe*. Oxford: Pergamon Press, 1982.
- Nieben M., J. Peschar.* Comparative research on education 1975-1980. A review and appraisal // *Comparative Research on Education*. Budapest: Akademiai Kiado, 1981.

- Norris P., R.F. Inglehart.** Muslim Integration into Western Cultures: Between Origins and Destinations // *Political Studies*, 2012, t. 60.
- Norris P.** The globalization of comparative public opinion research / in *The Handbook of Comparative Politics*, ed. by N. Robinson and T. Landman. London: Sage, 2007.
- Oberski D., W.E. Saris, J.A.P. Hagenaars.** Why are there differences in measurement error across countries? / in *Measuring meaningful Data in Social Research*, ed. by G. Loosveldt, M. Swyngedouw and B. Cambré (eds.). Leuven, 2007.
- O'Muircheartaigh C.A., J.A. Krosnick and A. Helic.** Middle alternatives, acquiescence, and the quality of questionnaire data. Working paper series 01.3. University of Chicago, 2000.
- O'Shea R., C. Bryson and R. Jowell.** ESS. Comparative Attitudinal Research in Europe. European Social Survey Directorate, National Centre for Social Research, London, 2002.
- Oberski D., W.E. Saris and J.A.P. Hagenaars.** Why are there differences in measurement error across countries? / in *Measuring meaningful Data in Social Research* ed. by G. Loosveldt, M. Swyngedouw and B. Cambré. Leuven: Acco, 2007.
- Osgood C.E.** *Cross-Cultural Universals of Affective Meaning*. Chicago: University of Illinois Press, 1975.
- Osgood C.E., G.J. Suci, P.H. Tannenbaum.** *The measurement of meaning*. Urbana, USA: University of Illinois Press, 1957.
- Overing J.** Translation as a creative process: the power of the name / in *Comparative Anthropology* ed. by L. Holy. Oxford: Basil Blackwell, 1987.
- Oyen E.** *Comparative Methodology: Theory and Practice in International Social Research*. Sage Studies in International Sociology, vol.40. London: Sage, 1990.
- Oyen E.** The imperfection of comparisons in Comparative Methodology/ in *Theory and practice in international social research*, ed. by E. Oyen. London: Sage, 1990.
- Oyserman D., H.M. Coon, M. Kemmelmeier.** Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analysis // *Psychological Bulletin*, 128, 2002.
- Park A., R. Jowell.** Consistencies and Differences in a cross-national survey // *International Social Science Journal*, 17 (4), 1996.
- Peterson R.A.** *Constructing Effective Questionnaire*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.

- Peschar J.* Quantitative aspects in cross-national comparative research: problems and issues / in *International Comparative Research, Problems of Theory, Methodology and Organization in Eastern and Western Europe*. Oxford: Pergamon Press, 1982.
- Phillips H.P.* Problems of translation and meaning in field work / In *Human Organisation Research: Field Relations and Techniques* ed. by R. N. Adams and J. J. Preiss. Homewood, ILL: Dorsey Press Inc., 1960.
- Pollack S., H.H. Friedman, L. Presby L.* Two salient factors in the construction of rating scales: Strength and direction of anchoring adjectives // *International Conference of Measurement Errors in Surveys*. Tucson, Arizona, November 11-14, 1990.
- Poortinga Y.H.* Basic Problems in Cross-Cultural Psychology. Amsterdam: Swets and Zeitlinger, 1977.
- Portes A.* Perception of the U.S. sociologist and its impact on cross-national research // *Comparative Social Research. Methodological Problems and Strategies*. New York: Wiley, 1973.
- Presser S., J. Blair.* Survey pretesting: do different methods produce different results? // *Sociological Methodology*, 1994, №24.
- Presser S., J.M. Rothgeb, M.P. Couper, J.T. Lessler, E. Martin and E. Si Nger.* Methods for testing and evaluating survey questionnaires. Hoboken, NJ: Wiley, 2004.
- Przeworski A., H.Teune.* Establishing Equivalence in cross-national research // *Public Opinion Quarterly*, 30, 1966.
- Przeworski A., H. Teune.* The Logic of Comparative Social Inquiry. New York: Wiley, 1970.
- Ragin C.* New Direction in Comparative Research// in *Cross-national research in Sociology*, ed. by M.L.Kohn. Newbury Park, CA: Sage Publications, 1989.
- Ragin C.* The comparative method: moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Rattinger H.* The development and structure of West German public opinion on security issues since the late 1970s/ in *Debating National Security: The Public Dimension*, ed. by H. Rattinger, D. Munton. Frankfurt: Peter Lang Verlag, 1991.
- Redmond M.* Cultural and ethical challenges in cross-national research: reflections on a European Union study on Child and Youth Migration // *International Journal of Qualitative Methods*, 2003, №2 (4), Article 2.

- Revilla M.* Quality in Unimode and Mixed-Mode designs: A Multitrait-Multimethod approach // *Survey Research Methods*, vol.4, No.3, 2010.
- Robinson J., V.Andreenkov, V.Patrushev.* The Rhythm of Everyday Life: How Soviet and American Citizens Use Time. Westview Press, 1988.
- Robinson J., V. Andreenkov, N. Popov.* News Media Use and Adolescents' Information about Nuclear Issues: A Soviet-American Comparison // *Journal of Communication*, 1989, spring 39(2).
- Rokeach M.* The nature of human values. London: Collier-Macmillan, 1973.
- Rokkan S.* A quarter century of international social science: papers and reports on developments 1952-1977. Publications of the International Social Science Council, 1978, №19.
- Rokkan S.* Comparative cross-national research: II Bibliography // *International Social Science Bulletin*, 1955, Vol.VII.
- Rokkan S.* Cross-cultural, cross-societal and cross-national research // in *Main Trends of Research in the Social and Human Sciences. Part One: Social Sciences. Chapter X.* The Hague and Paris: Mouton, 1970.
- Rokkan S.* Cross-cultural, cross-societal, cross-national research // *Historical Social Research*, 1993, vol.18.
- Rokkan S.* Cross-national survey research: historical, analytical and substantive contexts / in *Comparative Survey Analysis*, eds. by S.Rokkan, S.Verba, J.Viet and E.Almasy. The Hague: Mouton, 1969.
- Rokkan S., H.C.J. Duijker.* Organizational aspects of cross-national social research // *Journal of Social Issues*, 1954, Vol.X, N.4.
- Rokkan S., S. Hoyer.* Comparative research in citizen participation in politics // *International social science journal*, 1962, №14.
- Rokkan S., J. Viet, S. Verba and E. Almasy.* *Comparative Survey Analysis.* The Hague and Paris: Mouton, 1969.
- Rose D., E. Harrison.* The European Socio-Economic Classification. A new social class schema for comparative European research // *European Societies*, 2007, 9.
- Ross C.E., J. Mirowsky.* Socially-desirable response and acquiescence in a cross-cultural survey of mental health // *Journal of Health and Social Behavior*, 1984, №25.
- Sadana R., C. D. Mathers, A. D. Lopez, C. J.L. Murray and K. Iburg.* Comparative Analyses of More Than 50 Household Surveys on Health Status // *EIP/GPE/EBD World Health Organization: GPE Discussion Paper Series No. 15 (15)*, 2001.

- Salciuviene L., V. Auruskeviciene, Z. Lydeka.* An Assessment of various approaches for cross-cultural consumer research // *Problems and Perspectives in Management*, 2005, 3.
- Samuel N.* Is there a distinct cross-national comparative sociology, method and methodology? / in *Doing cross-national research*, eds. by L. Hantrais, S. Mangen and M. O'Brien. Birmingham: Aston University, 1985.
- Sanders D.* Methodological Considerations in Comparative Cross-National Research // *International Social Science Journal*, 1994, №46 (December).
- Saris W.E.* Comparability across mode and country // in *Eurobarometer Measurement for opinions in Europe*, ed. by W.E. Saris, M. Kaase, ZUMA-Nachrichten Spezial, 2. Mannheim: ZUMA, 1997.
- Saris W.E.* The effects of measurement error in cross-cultural research // *ZUMA-Nachrichten Spezial No.3. Cross-cultural survey equivalence* ed. By J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 1998.
- Saris W., I. Gallhofer.* Can questions travel successfully? / in *Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey*, eds. by R. Jowell, C. Roberts, R. Fitzgerald and G. Eva. London: Sage, 2007.
- Saris W., M. Revilla, J.A. Krosnick and E.M. Shaeffer.* Comparing Questions with Agree/Disagree Response Options to Questions with Item-Specific Response Options // *Survey Research Methods*, 2010, №4(1).
- Saris W., W.w.d. Veld and I. Gallhofer.* Development and improvement of questionnaires using predictions of reliability and validity / in *Questionnaire development, evaluation and testing*, eds. by S. Presser, J. Rothgeb, M. Couper, J. Lessler, E. Martin and E. Singer. New York, Wiley, 2003.
- Saris W.E., J.A. Hagenaars.* Mode effects in the standard Eurobarometer questions / in *Eurobarometer. Measurement Instruments for Opinions in Europe*, ed. by W.E. Saris, M. Kaase, ZUMA-Nachrichten Spezial No.2, Mannheim, 1997.
- Saris W.E.* The effects of measurement error in cross-cultural research / in *Cross-cultural survey equivalence*, ed. by J.A. Harkness, ZUMA-Nachrichten Spezial 3, Mannheim, 1998.
- Saris W.E., Andreenkova A.V.* A study of the Socio-Economic Transitions in Russia: The RUSSET panel. The introductory chapter // *Special issue of Journal of Happiness*, eds. By W. Saris and A. Andreenkova. Netherlands, 2001.
- Saris W.E., R. Veenhaven, A.C. Scherpenzeel and B. Bunting.* A comparative study of satisfaction with life in Europe. Budapest: Eotvos University Press, 1996.

- Saris W.E., A. Munnich (eds).** The multitrait-multimethod approach to evaluate measurement instruments. Budapest: Eotvos University Press, 1996.
- Sarndal C.-E., B. Swensson and J. Wretman.** Model Assisted Survey Sampling. New York: Springer, 1992.
- Sasaki M.** Research design of cross-national attitude surveys. *Behaviormetrica*, 1995, №22 .
- Scherpenzeel A.C.** Meta analysis of a European Comparative study / in *The Multitrait-Multimethod Approach to evaluate measurement instruments*, eds. by W.E. Saris W.E., A. Munnich. Budapest: Eotvos University Press, 1995.
- Scherpenzeel A.C., W.E. Saris.** The validity and reliability of survey questions: a meta-analysis of MTMM studies // *Sociological methods and Research*, 1997, №25.
- Scheuch E.K.** The cross-cultural use of sample surveys: problems of comparability / in *Comparative research across cultures and nations*, ed. by S. Rokkan. Paris: Mouton, 1968.
- Scheuch E.K.** The Use of ISSP for Comparative Research / *ZUMA Nachrichten*, 47, Nov. 2000.
- Scheuch E.K.** The development of comparative research: towards causal explanations / in *Comparative Methodology. Theory and practice in international social research*, ed. by E. Oyen. London: Sage, 1990.
- Scheuch E.K.** Theoretical implications of comparative survey research: why the wheel of cross-cultural methodology keeps on being reinvented // *International Sociology*, 1989, №4.
- Schneider S.** Nominal comparability is not enough: (In-) equivalence of construct validity of cross-national measures of educational attainment in the European Social Survey // *Research in Social Stratification and Mobility Jg. 28*, 2010.
- Schneider S.** The international standard classification of education 2011 / In *Class and stratification analysis*, ed. by G.E. Birkelund, *Comparative Social Research 30*. Bingley: Emerald, 2013.
- Schneider S.L.** Confusing credentials: the cross-nationally comparable measurement of educational attainment: DPhil thesis. Oxford: University of Oxford, 2009.
- Schneider S.L. (ed.).** The International Standard Classification of Education: An Evaluation of Content and Criterion Validity for 15 European Countries. Mannheim: Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung, 2008.
- Scholz E.** Harmonization of survey data in the International Social Survey Programme (ISSP)/ in *Methodological Aspects in Cross-National Research*, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.

- Schröder M., D. Saßenroth, J. Körtner, M. Kroh, J. Schupp. Experimental Evidence of the Effect of Monetary Incentives on Cross-Sectional and Longitudinal Response: Experiences from the Socio-Economic Panel (SOEP), SOEP, 2013
- Schwarz J.L.N. and R.E. Nisbett. Culture, autobiographical memory and behavioral frequency reports: measurement issues in cross-cultural studies // Personality and social psychology bulletin, May 2000.
- Schwarz N. Cognitive research into survey measurement: its influence on survey methodology and cognitive theory / in Cognition and Survey Research eds. by M.G. Sirken, D.J. Merrmann, S. Schechter, N. Schwarz, J. Tanur, R. Tourangeau. New York: Wiley, 1999 .
- Schwarz N. Culture-sensitive context effects: a challenge for cross-cultural surveys / in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Sechrest L., T.L. Fay and S.M.Y. Zaidi. Problems of Translation in Cross-cultural research // Journal of Cross-Cultural Psychology, 1972, №3(1).
- Shaw D.S., I. Clarke. Culture, Consumption and Choice: Towards a Conceptual Relationship // Journal of Consumer Studies and Home Economics, 1998, 22, 3.
- Smelser N.J. Alexis de Tocqueville as comparative analyst/ in Comparative methods in sociology, ed. by I. Vallier. Berkley: University of California Press, 1971.
- Smelser N. Comparative Methods in the social sciences. Princeton, NJ: Prentice-Hall, 1976.
- Smith D.M., M. Blanc. Some comparative aspects of ethnicity and citizenship in the European Union / in Migration, Citizenship and Ethno-national identities in the European Union, ed. by M. Martiniello. Aldershot: Avebury, 1995.
- Smith P.B. Acquiescent response bias as an aspect of cultural communication style // Journal of Cross-Cultural Psychology, 35(1), 2004.
- Smith T.W. Developing comparable questions in cross-national surveys / in Cross-Cultural Survey Methods, ed. by J.A. Harkness, F.L. van de Vijver and P.P. Mohler. Hoboken NJ: Wiley, 2003.
- Smith T.W. Improving cross-national survey response by measuring the Intensity of response categories. GSS cross-national report No.78. Chicago: NORC, 1997.
- Smith T.W. Nonattitudes: a review and evaluations / in Surveying subjective phenomenon, eds. by C.F. Turner, E.Martin. New York: Russell Sage Foundation, 1984.

- Smith T.W.* Social Inequality in cross-national perspective. In; Attitudes to Inequality and the role of Government. Becker J.W., Davis J.A., Ester P., Mohler P.Ph. (eds). Rijswijk: Sociaal en Cultureel Planbureau, 1990.
- Smith T.* An analysis of missing income information on the General Social Survey / GSS Methodological report No.71. Chicago: NORC, 1991.
- Smith T.W.* The ups and downs of cross-national survey research. GSS cross-national report No.8. Chicago: NORC, 1988 .
- Smith T.W., Yang-Chih Fu.* The Globalization of Surveys. GSS Cross-national Report No. 34. Chicago: NORC, September, 2014.
- Snell-Hornby M.* Translation Studies. An Integrated Approach. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Sommer R., G. Unholzer, E. Wiegand.* Standards for Quality Assurance in market and social research. Frankfurt: ADM Arbeitskreis Deutscher Markt- und Sozialforschungsinstitutue, 1999.
- Sperber, D.* Intuitive and reflective beliefs // *Mind and Language*, 1997, 12(1)
- Sperber A.D., R.F. DeVellis and B. Boehlecke.* Cross Cultural Translation - Methodology and Validation// *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1994, №25 (December).
- Spielberger C.D., R.L.Gorsuch, and R.E. Lushene.* Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Polo Alto, CA: Consulting Psychology Press, 1970.
- Strack F., L. Martin.* Thinking, judging, and communicating: a process account of context effects in attitude surveys / in *Social Information processing and survey methodology*, eds. by H.J. Hippler, N. Schwarz, and S. Sudman. New York: Springer Verlag, 1987.
- Suchman E.* The comparative method in social research. Ithaca, NJ: Cornell University, 1955.
- Sudman S., N. Bradburn.* Asking Questions. San Francisco: Jossey Bass, 1982.
- Sudman S., N. Bradburn.* Response effects in surveys: a review and synthesis. Chicago: Aldine, 1974.
- Sudman S., N. Bradburn, N. Schwarz.* Thinking About Answers. The application of cognitive processes to Survey Methodology / Research Methods for the Social Sciences. NY: Wiley, 2010.
- Sudman S., N. Bradburn, N. Schwarz.* Thinking About Answers. The application of cognitive processes to Survey Methodology / in Research Methods for the Social Sciences. NY: Wiley series in Survey Methodology, 2006.

- Schuman H., S. Presser.* Questions and Answers in Attitude surveys. Experiments on question form, wording and context. Orlando: Academic Press, 1981.
- Schuman H., S. Presser.* Questions and Answers in Attitude Surveys: Experiments on Question Form, Wording, and Context. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1996.
- Swan M.* Practical English Usage. Oxford, New York, 1981.
- Szalai A., R. Petrella (eds.).* Cross-national comparative survey research. Oxford: Pergamon Press, 1977.
- Szalai A. (ed.).* The Use of Time. Daily Activities of Urban and Suburban Populations in Twelve Countries. Mouton, The Hague, Paris, 1972.
- Sztompka P.* Conceptual frameworks in Comparative Inquire: Divergent or Convergent? // International Sociology, 1988, №3 (3).
- Tan M.T., G-L. Tian and M-L. Tang.* Sample surveys with sensitive questions: a nonrandomized response approach // The American Statistician, 2009, №63 (1).
- Tanzer N.K.* Cross-cultural validity of Likert-type scales: perfect matching factor structures and still biased // European Journal of Psychology Assessment, 1995, №11.
- Tanzer N.K.* Developing Tests for use in multiple languages and cultures: a plea for simultaneous development / in Adapting educational and Psychological tests for cross-cultural assessment, eds. by R.K. Hambleton, P.F. Merenda P.F., C.D. Spielberger. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 2005.
- Tanzer N.K., G. Gittler and B.B. Ellis.* Cross-cultural validation of item complexity in a LLTM-calibrated spatial ability test // European Journal of Psychology Assessment, 1995, №11.
- Temple B.* Watch your tongue: issues in translation and cross-cultural research // Sociology, 1997, №31(3).
- Teune H.* Analysis and interpretation in cross-national survey research // Cross-National Comparative Survey Research: Theory and Practice. Oxford: Pergamon Press, 1977.
- Thomassen J. (ed.).* The European Voter. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Tortora R. D., R. Srinivasan, N. Esipova.* The Gallup World Poll / in Survey Methods in Multinational, Multiregional, and Multicultural Contexts, ed. by J.A. Harkness, B. Edwards, M. Braun, T. Johnson, L. Lyberg, P. Mohler, B-E. Pennell and T.W. Smith T.W. New York: Wiley, 2010.
- Tourangeau R., K. Rasinski.* Cognitive processes underlying context effects in attitude measurement // Psychological Bulletin, 1988, №103.

- Tourangeau R., L. Rips and K. Rasinski.* The psychology of survey response. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Tourangeau R., T. Yan.* Sensitive questions in surveys // Psychological Bulletin, 2007, №133 (5).
- Trappmann M., I. Krumpa, An Kirchner and B.Jann.* Item Sum: A new technique for asking quantitative sensitive questions // Journal of survey statistics and methodology, March 2014, vol.2, N.1.
- Triandis H.C.* The Analysis of Subjective Culture. New York: Wiley, 1972.
- Triandis H.C.* Approaches toward minimizing translation / in Translation: Application and Research, ed. by R.W. Brislin. New York: Gardner Press, 1976.
- Tos N., P. Ph. Mohler and B. Malnar (eds).* Modern Society and Values. A Comparative Analysis Based on ISSP Project. Ljubljana: FSS, University of Ljubljana; Mannheim: ZUMA, 1999.
- Tuene H.* Comparing countries: Lessons Learned / in Comparative Methodology. Theory and practice in international social research, ed. by E. Oyen. London: Sage, 1990.
- van de Vijver F.J.R.* Test adaptation/ translation methods / in Encyclopedia of psychological assessment, ed. by R. Fernández-Ballesteros. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2003.
- van de Vijver F.J.R., Y.H. Poortinga.* Conceptual and methodological issues in adapting tests / in Adapting educational and psychological tests for cross-cultural assessment, ed. by R. K. Hambleton, P. F. Merenda and C. D. Spielberger. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2005.
- van de Vijver F.J.R., N.K. Tanzer.* Bias and Equivalence in cross-cultural assessment: an overview // European Review of Applied Psychology, 1997, №41.
- van de Vijver F.J.R.* Principles of adaptation of intelligence tests to other cultures / in Culture and children's intelligence: cross-cultural analysis of the WISC-111, ed. by J. Georgas, L. Weiss., F. van de Vijver, D. Saklofske. Tokyo: Academic Press, 2003.
- van Deth, J.W.* Equivalence in comparative political research / in Comparative Politics. The problem of equivalence, ed. by van J.W. Deth. London, New York: Routledge, 1998.
- van Herk H.* Equivalence in a cross-national context: methodological and empirical issues in marketing research. Tilburg: Tilburg University Press, 2000.
- Verba S.* Cross National Survey Research: The Problem of Credibility / in Comparative methods in sociology, eds. by I. Valier, Berkeley: University of California Press, 1971.

- Verba S., N. Nie, and J. Kim.* Participation and Political Equality. New York: Cambridge University Press, 1980.
- Voss K., D.E. Stem Jr.* How do Market Research Scales Compare Across Languages // Australian Journal of Market Research, 1997, №5 (1).
- Walton J.* Reluctant rebels: Comparative studies of revolution and underdevelopment. New York: Columbia University Press, 1984.
- Welkenhuysen-Gybels J., J. Billiet, and B. Cambre.* Adjustment for acquiescence in the assessment of the construct equivalence of Likert-type score items // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2003, №34.
- Warnecke R.B., T.P. Johnson, N. Chavez, S. Sudman, D. O'Rourke, L. Lacey and J. Horm.* Improving question wording in surveys of culturally diverse populations. Annals of Epidemiology, 1997, №7.
- Warner R.S.* The methodology of Marx's comparative analysis of modes of production/ in Comparative methods in sociology, eds. by I. Vallier, Berkley: University of California Press, 1971.
- Warner U., J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik.* Measuring Income in comparative social survey research / in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.
- Warwick D.P., S. Osherson.* Comparative Analysis in the Social Sciences / in Comparative Research Methods: An Overview ed. by D. P. Warwick and S. Osherson. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973.
- Wechsler D.* Wechsler Pre-School and Primary Scale of Intelligence-Revised (WPPSI-R). San Antonia, TX: Psychological Corporation, 1989.
- Weijters B., N. Schillewaert and M. Geuens.* Assessing response styles across modes of data collection // Journal of the Academy of Marketing Science, 2008, №36(3).
- Wegener B. (ed.).* **Social Justice Beliefs in Transition: Eastern and Central Europe 1991-1996** // Special Issue of **Social Justice Research**, vol. 13, 2000.
- West B.T.; F. Kreuter and U. Jaenichen.* „Interviewer“ effects in face-to-face surveys a function of sampling, measurement error or nonresponse? // Journal of Official Statistics, 2013, vol. 29, No. 2.
- Whyte W.F., Braun R.R.* On Language and Culture / in Institutions and the Person, ed. by H.S. Becker, B. Geer, D. Riesman and R.S. Weiss. Chicago: Aldine, 1968.

Wolf C. Measuring Religious Affiliation and Religiosity in Europe/ in Methodological Aspects in Cross-National Research, edited by J.H.P. Hoffmeyer-Zlotnik and J.A. Harkness. Mannheim: ZUMA, 2005.

Wong N., A. Rindfleisch and J.E. Burroughs. Do reverse-worded items confound measures in cross-cultural consumer research? The case of the Material Values Scale // Journal of Consumer Research, 2003, №30.

World Commission on Environment and Development. Our Common Future. Geneva, 1987.

Young C.A. What we know about "I Don't Know: an Analysis of the relationship between Don't Know and Education / AAPOR Conference, St.-Petersburg Beach FL, May 1999.

Zarkovich S.S. Some problems of sample work in underdeveloped countries / in Social Research in Developing countries ed. by M. Bulmer. New York: Wiley, 1983.

Zeiditch M. Intelligible comparisons / in Comparative methods in sociology, ed. By I. Valler. Berkley: University of California Press, 1971.

Anna V. Andreenkova

**COMPARATIVE CROSS-NATIONAL SURVEYS
IN SOCIAL SCIENCES:
theory, methodology, practice.**

This book by Dr. Anna Andreenkova, a survey methodologist, the National Coordinator of the European Social Survey in Russia since the beginning of its activities in Russia in 2006, specializing in comparative surveys in the post-Soviet countries for more than 20 years in the Institute for Comparative Social Research (CESSI), presents the achievements, issues and limitations of the methodology of comparative cross-national social surveys. It starts from detailed analysis of why we need to compare countries and cultures, the reasons of fast and expanding growth of cross-country comparisons based on survey data. The author suggests a definition of comparative cross-country surveys, explores the concept of comparability of survey data and the classification of comparative surveys. The book provides a detailed history of comparative cross-national surveys, starting from its beginning in the late 1940s until large global and regional comparative time-series surveys of recent decades. Part 2 includes the history of comparative surveys in the USSR and post-Soviet countries. The chapters of the book cover some key components and stages of the comparative cross-country survey methodology – designing a questionnaire for comparative survey, translation of the survey tools into different languages and adaptation to different socio-cultural contexts, advanced methods for

testing and verifying translations, choice of languages for interviews in a multi-lingual environment, constructing comparable samples of population in different countries, administration of interviews, comparative measurement of contextual variables – education, profession, age etc. Most examples in the book have been drawn from the experience and data of comparative cross-country surveys in countries of the former Soviet Union, which will be of special interest to academic and broader audience in Russia and other post-Soviet countries.

CONTENTS

Preface. WHY COMPARE COUNTRIES AND CULTURES?	7
PART 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FRAMEWORK FOR COMPARATIVE SOCIAL RESEARCH	19
1.1 Comparison as a fundamental tool of social inquiry, comparative method in social sciences	19
<i>What and when can we compare?</i>	
<i>Limitations of the comparative method</i>	27
<i>Comparability and beyond</i>	33
1.2 Comparative social research – approaches to definition and understanding	41
1.3 Typology of comparative social surveys	52
PART 2. HISTORY AND PROGRESS OF COMPARATIVE CROSS-NATIONAL SURVEYS IN SOCIAL SCIENCES	77
2.1 The historical stages in the progress of comparative cross-national surveys and comparative survey methodology	77
<i>The factors stimulating the development of comparative cross-national surveys</i>	77
<i>Theoretical and methodological grounds of comparative research method</i>	83
<i>The 1940s – the beginning of the way</i>	87

<i>The 1950s – fast progress, the first key comparative projects</i>	91
<i>The 1960s – globalization of comparative research, the first comparative surveys involving countries of Eastern Europe and the USSR</i>	98
<i>The 1970s – institutionalization of comparative research, coordinating centers, social data archives</i>	104
<i>The 1980e – comparative cross-national time series surveys, comparisons across countries and time</i>	110
<i>The 1990s – methodology of comparative surveys as a special field of research, the growth of regional comparative surveys, inclusion of Eastern Europe and post-Soviet countries into comparative survey process</i>	116
<i>The 2000s – new quality standards, geographical expansion of comparative research projects</i>	129
2.2 Academic cross-national cross-time comparative surveys of recent decades	145
<i>The European and World Value Surveys – the EVS and the WVS</i>	145
<i>The International Social Survey Program – the ISSP</i> ..	148
<i>The European Social Survey – ESS</i> ..	151
<i>Some other European comparative time series projects</i>	163
2.3 Comparative social surveys in the USSR and post-Soviet countries	166

PART 3. MAIN CONCEPTS IN THE METHODOLOGY OF COMPARATIVE SOCIAL SURVEYS, SURVEY ERRORS AND BIASES	174
---	-----

3.1 Comparability as the key task and the main issue in comparative cross-national surveys	176
--	-----

3.2 The issue of equivalency in comparative surveys	180
3.3 Errors and biases in cross-national surveys	189
PART 4. EQUVALENCY OF MEASUREMENT	192
4.1 Questionnaire design for different countries and cultures	192
<i>The process of questionnaire design for comparative surveys in different countries and cultures .....</i>	<i>202</i>
<i>Major methods of questionnaire design .....</i>	<i>206</i>
<i>Specific issues of question wording for comparative surveys, source-questionnaire – standards and errors .....</i>	<i>214</i>
<i>From question wording to answer categories .....</i>	<i>221</i>
4.2 The translation of survey instruments into different languages	225
<i>The choice of language for interview – into what languages should questionnaire be translated and implemented? .....</i>	<i>225</i>
<i>Multilingualism in national surveys in Russia .....</i>	<i>243</i>
<i>The translation of survey instruments into different languages .....</i>	<i>245</i>
<i>Theoretical and methodological standards for the translation of survey instruments .....</i>	<i>248</i>
<i>Major methods for translations of survey instruments .....</i>	<i>251</i>
<i>Translation or adaptation? .....</i>	<i>253</i>
<i>Translation and the role of the translator .....</i>	<i>255</i>
<i>Organization of the translation process for comparative survey .....</i>	<i>260</i>
<i>Specific issues of the translation of survey instruments from English as a source language .....</i>	<i>261</i>
<i>The verification of the translation and the assessment of translation quality .....</i>	<i>267</i>

4.3 Pretesting of survey materials for the use in different countries	271
4.4 Measurement of social-demographic and contextual indicators	276
<i>Types of contextual information in surveys</i>	277
<i>Measurement of contextual variables</i>	279
<i>Issue of comparability of contextual variables</i>	283
<i>Age as contextual background variable in comparative surveys</i>	286
<i>Measurement of education in comparative multi-national surveys</i> ..	294
<i>Measurement of professional status</i>	316
<i>Comparative measurement of social position and social class</i>	335
<i>Household – size and composition</i>	344
<i>Nationality, ethnicity and citizenship</i>	348
<i>Religiosity and belonging to a religion</i>	352
4.5 The influence of question format and 'response styles' on comparative survey data .	357
<i>The communication process in survey interview</i>	357
<i>The use of numerical answer scales in different cultures</i>	362
<i>The impact of question format and type of answer categories on survey data</i>	369
<i>Culture as a context for interview</i>	371
<i>Sensitive questions in different cultures</i>	372
<i>«Response styles» - types and impact on measurement quality</i>	381
<i>The acquiescence effect in comparative surveys</i>	382
<i>Social-desirability effect</i>	390
<i>Missing answers</i> ..	391
<i>Extreme and middle-category answers in a comparative context</i>	394

Contents

PART 5. EQUVALENCY OF SAMPLES AND SAMPLING UNIVERSE	398
5.1 Definition of sampling universe as the source for sampling and for data inference	402
5.2 Sample design in comparative cross-national surveys	409
5.3 Sample implementation, the issue of nonresponse	418
5.4 Evaluation of sample quality and weighting procedures	429
PART 6. DATA COLLECTION, DATA PROCESSING AND DATA ARCHIVING	438
6.1 The methods for data collection in comparative surveys	438
6.2 Data processing, documentation and data presentation	440
6.3 The ethics of comparative cross-national surveys	444
6.4 Access to data of comparative surveys. Data archives	450
Afterword. What is next?	452
Bibliography	456

ОБ АВТОРЕ

Анна Владимировна Андреевкова – российский социолог, заместитель директора ЦЕССИ (Института сравнительных социальных исследований), ведущий исследователь в области методологии массовых опросов и сравнительных межстрановых исследований в постсоветском регионе. С ее участием и под ее руководством проводились и проводятся такие крупные международные социологические проекты как «Российская панель по изучению объективных и субъективных показателей качества и условий жизни» (RUSSET), «"Этничность, Национализм и Гражданственность в странах бывшего Советского Союза», «Жизненные ценности в постсоветской России». А.В. Андреевкова руководит проведением Европейского социального исследования (ESS) в России. Международное признание имеют ее работы в области создания инструментов для сравнительных межстрановых опросов, проблемы переводов, влиянии межкультурных особенностей на выбор типа и формы вопроса, а также особенностей разработки числовых шкал с вербальными значениями для использования в разных социо-культурных условиях. После окончания социологического факультета МГУ им.Ломоносова, А.В. Андреевкова проходила дальнейшее обучение и практику в Университете Амстердам (Нидерланды), Essex University (Великобритания), была

приглашенным исследователем и работала над своей кандидатской диссертацией в Nuffield College, Оксфорд (Великобритания), которую защитила в ИСПИ РАН по теме «Политическая стратификация современной России». Неоценимый опыт в области построения выборок для массовых опросов и разработки прогностических моделей для прогноза результатов выборов А.В. Андреевкова получила в ходе работы с одним из основателей и ведущих специалистов в области проведения экзит-полов в США Уорреном Митофски. Основная сфера научных интересов А.В. Андреевковой – методология сравнительных исследований, политическое и гражданское участие и политические ценности разных социальных групп, социальная структура и ее отдельные компоненты. Уникальная комбинация огромного практического опыта в области создания, проведения и анализа сравнительных межстрановых опросов в постсоветских странах и странах Восточной Европы, большой академический опыт и работа в многонациональных научных коллективах, а также данные многолетних экспериментальных методологических исследований в разных сравнительных опросах ЦЕССИ позволили создать данную книгу – одну из первых систематических работ по методологии сравнительных межстрановых опросов в России.

ИНСТИТУТ СРАВНИТЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) организован в марте 1989 года группой ученых Института социологии Академии Наук как независимая неправительственная исследовательская организация. **ЦЕССИ специализируется** на проведении

сравнительных межстрановых исследований на постсоветском пространстве;

национальных опросов населения по вероятностным выборкам;

сложных по дизайну и методологии социологических исследований, требующих высокой методологической точности.

ЦЕССИ является участником и исполнителем исследовательских работ в целом ряде крупнейших социологических межстрановых проектов в мире, имеет высокую репутацию в международном исследовательском сообществе. ЦЕССИ известен не только своими содержательными исследовательскими проектами, но и большими достижениями в области методологии массовых опросов и сравнительных исследований.

ЦЕССИ представляет собой новую, инновационную структуру организации научной работы. Это коллектив, которые ставит и выполняет задачи как фундаментального научного характера, полагаясь на самые современные достижения в области методологии опросов, так и эмпирического и практического характера, опираясь на академический опыт и методологические знания. В ЦЕССИ работают несколько десятков специалистов в разных областях социологических знаний в странах бывшего СССР – в области построения различного типа выборок, специалисты по организации полевых работ и сбора информации, статистической обработке и анализу социологических данных, в области методологии качественных исследований, специалисты по отдельным отраслям социологии, социальной психологии, политологии и экономике. Руководит ЦЕССИ со дня его основания ведущий российский методолог В.Г. Андреенков.

Среди исследовательских работ ЦЕССИ – Европейское социальное исследование (ESS), панельное исследование RUSSET совместно с Университетом Амстердам (Российская социально-экономическая панель), Ежегодные Мониторинги социально-политической ситуации в стране и качества жизни в России (с 1992 года по настоящее время), трендовое сравнительное исследование *Постсоветские тренды* в странах Закавказья, Средней Азии и европейской части постсоветского пространства (2002 – по настоящее время), сравнительные исследования *потребительского поведения*, репутации компаний, удовлетворенности потребителей в странах бывшего СССР, «Мониторинг глобальных проблем и корпоративной социальной ответственности» в рамках Всемирного исследования Globespan, целый ряд фундаментальных академических исследований (таких как «Социальная и политическая структура российского общества», «Молодежь и будущее» с Университетом Мэриленд, США; «Формирование политических партий на постсоветском пространстве» совместно с Университетом Айовы, США; «Исследование жизненных и религиозных ценностей российского общества» с Университетом Хельсинки, Финляндия; «Исследование современных форм организации науки, анализ ценностей, мотивации и профессиональной жизни успешных российских ученых», трендовое исследование «Законность, социальная справедливость и юридическая система» (опрос населения, а также других участников юридического процесса – юристов, адвокатов, преподавателей и представителей гражданского общества), исследования в области качества образования и запросов к образовательной системе со стороны работодателей и получателей образования, исследования в области социологии здоровья, работа с ведущими российскими академическими центрами и организациями.

Москва, ул. Бол. Дмитровка, д. 20/5

Тел.: 495/650-55-18; 629-15-06

Fax: 495/650-55-71

e-mail: cessi@cessi.ru

www.cessi.ru

109052, МОСКВА.

УЛ. ВЕРХ. ХУДОЖКА, Д. 39/47 – 132

Тел./факс: (095) 671-0095;

E-mail: nkchronograf@mail.ru

издательство **новый хронограф** <http://www.novhron.info>

**Издания
Нового Хронографа
можно приобрести в магазинах:**

в Москве:

- «Библио-Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924-46-80
Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959-20-94
«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея современного искусства), тел. (495) 925-81-66
«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629-6483, (495) 797-87-17
«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789-35-91
«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238-50-01
«У Кентавра» – РГГУ, ул. Чайнова, д.15, тел. (495) 250-65-46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) – ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126-94-18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21, тел. (499) 120-30-81
Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6, тел. (495) 650-60-31
Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. ¾, пд. 7Д, тел. (495) 628-64-42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15, тел. (495) 694-50-07
«Фаланстер» – М.Гнездиновский пер., д. 12/27, тел. (495)629-88-21

в Санкт-Петербурге:

- «Академкнига» – Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230-13-28
«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328-96-91
Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314-47-59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20; Масковский пр. 165, т. (812) 310-44-87
«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323-85-84
«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в файе филологического факультета СПбГУ), тел. (812) 328-95-11

Научное издание

Андрееенкова Анна Владимировна

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ
МЕЖСТРАНОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ**
Теория, методология, практика

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Иннокентий Гридин*

Корректор *Лидия Заславская*

Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*

Обложка *Антонина Байдина*

Налоговая льгота -

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2;

953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»

Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,

по вопросам реализации 8-985-427-9193

E-mail: nkhronograf@mail.ru

Информация об издательстве в Интернете:

<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 12. 12. 2014

Формат 70x100/16. Бумага офсетная №1

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 32,25

Тираж 500 экз. Заказ № 2387

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 11812854

Создательные моменты
в жизни исследователя
Цена: 599,00р. M

9 785948 812854

21 05 01 98

издательство **новый хронограф** <http://www.novhron.info>

